

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

Ф. М. Достоевскаго.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Дневникъ писателя

за 1877 г.

Бесплатное приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1895.

098280

Доволено цензурою. СПБ. 23 іюня 1895 г.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средня Подъяческая, д. № 1.

ЯНВАРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Три идеи.

Я начну мой новый годъ съ того самаго, на чемъ остановился въ прошломъ году. Последняя фраза въ декабрьскомъ „Дневникѣ“ моемъ была о томъ, „что почти всѣ наши русскія разъединенія и обособленія основались на однихъ лишь недоумѣнiяхъ, и даже прегрубѣйшихъ, въ которыхъ нѣтъ ничего существеннаго и непереходимаго“. Повторяю опять: всѣ споры и разъединенія наши произошли лишь отъ ошибокъ и отклоненiй ума, а не сердца, и вотъ въ этомъ-то опредѣленiи и заключается все существенное нашихъ разъединенiй. Существенное это довольно еще отрадно. Ошибки и недоумѣнiя ума исчезаютъ скорѣе и безслѣднѣе, чѣмъ ошибки сердца; излѣчиваются же не столько отъ споровъ и разъясненiй логическихъ, сколько неотразимою логикою событiй живой, дѣйствительной жизни, которыя весьма часто, сами въ себѣ, заключаютъ необходимый и правильный выводъ и указываютъ прямую дорогу, если и не вдругъ, не въ самую минуту ихъ появленiя, то во всякомъ случаѣ въ весьма быстрые сроки, иногда даже и не дожидаясь слѣдующихъ поколѣнiй. Не то съ ошибками сердца. Ошибка сердца есть вещь страшно важная: это есть уже зараженный духъ иногда даже во всей наци, несущiй съ собою весьма часто такую степень слѣпоты, которая не излѣчивается даже ни передъ какими фактами, сколько бы они ни указывали на прямую дорогу;

напротивъ, переработывающая эти факты на свой ладъ, ассимилирующая ихъ съ своимъ зараженнымъ духомъ, при чемъ происходитъ даже такъ, что скорѣе умреть вся нація, сознательно, т. е. даже понявъ слѣпоту свою, но не желая уже излѣчиваться. Пусть не смѣются надо мной заранѣе, что я считаю ошибки ума слишкомъ легкими и быстро изгладимыми. И ужъ смѣшнѣе всего было бы, даже кому бы то ни было, а не то что мнѣ, принять на себя въ этомъ случаѣ роль изглаживателя, твердо и спокойно увѣреннаго, что словами проймешь и перевернешь убѣжденія данной минуты въ обществѣ. Я это все сознаю. Тѣмъ не менѣе стыдиться своихъ убѣжденій нельзя, а теперь и не надо, и кто имѣетъ сказать слово, тотъ пусть говорить, не боясь, что его не послушаютъ, не боясь даже и того, что надъ нимъ насмѣются и что онъ не произведетъ никакого впечатлѣнія на умъ своихъ современниковъ. Въ этомъ смыслѣ „Дневникъ писателя“ никогда не сойдетъ съ своей дороги, никогда не станетъ уступать духу вѣка, силѣ властвующихъ и господствующихъ влiяній, если сочтеть ихъ несправедливыми, не будетъ подлаживаться, льстить и хитрить. Послѣ цѣлаго года нашего изданія намъ кажется уже позволительно это высказать. Вѣдь мы очень хорошо и вполне сознательно понимали и въ прошломъ году, что многимъ изъ того, о чемъ писали мы съ жаромъ и убѣжденiемъ, мы въ сущности вредили только себѣ, и что гораздо болѣе получили бы, напротивъ, выгоды, если бы съ такимъ же жаромъ попадали въ другой унисонъ.

Повторяемъ: намъ кажется, что теперь надо какъ можно откровеннѣе и прямѣй *всѣмъ* высказываться, не стыдясъ наивной обнаженности иной мысли. Дѣйствительно насъ, т. е. всю Россiю, ожидаютъ, можетъ быть, чрезвычайныя и огромныя событiя. „Могутъ вдругъ наступить великiе факты и застать наши интеллигентныя силы врасплохъ и тогда не будетъ ли поздно?“—какъ говорилъ я, заканчивая мой декабрьскiй „Дневникъ“. Говоря это, я не одни политическiя событiя разумѣлъ въ этомъ „ближайшемъ будущемъ“, хотя и они не могутъ не поражать теперь вниманiе даже самыхъ скудныхъ и самыхъ „жидовствующихъ“ умовъ, которымъ ни до чего кромѣ себя дѣла нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, что ожидаетъ мiръ не только въ остальную четверть вѣка, но даже (кто знаетъ это?) въ нынѣшнемъ, можетъ быть, году? Въ Европѣ не спокойно,

и въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя. Но не временное ли, минутное ли это безпокойство? Совсѣмъ нѣтъ: видно подошли сроки ужъ чему-то вѣковѣчному, тысячелѣтнему, тому, что приготовлялось въ мiрѣ съ самаго начала его цивилизаціи. Три идеи встаютъ передъ мiромъ и, кажется, формулируются уже окончательно. Съ одной стороны,—съ краю Европы—идея католическая, осужденная, ждущая въ великихъ мукахъ и недоумѣнiяхъ: быть ей или не быть, жить ей еще или пришелъ ей конецъ. Я не про религію католическую одну говорю, а про всю *идею католическую*, про участь націй, сложившихся подъ этой идеей въ продолженіе тысячелѣтiя, проникнутыхъ ею насквозь. Въ этомъ смыслѣ, Франція, напимѣръ, есть какъ бы полнѣйшее воплощеніе католической идеи въ продолженіе вѣковъ, глава этой идеи, унаслѣдованной, конечно, еще отъ римлянъ и въ ихъ духѣ. Эта Франція, даже и потерявшая теперь, *почти вся*, всякую религію (иезуиты и атеисты тутъ все равно, все одно), закрывавшая не разъ свои церкви и даже подвергавшая однажды баллотировкѣ собранія самого Бога, эта Франція, развившая изъ идей 89 года свой особенный французскій социализмъ, т. е. успокоеніе и устройство человѣческаго общества уже безъ Христа и внѣ Христа, какъ хотѣло да не сумѣло устроить его во Христѣ католичество,—эта самая Франція и въ революціонерахъ конвента, и въ атеистахъ своихъ, и въ социалистахъ своихъ, и въ теперешнихъ комунарахъ своихъ,—все еще въ высшей степени есть и продолжаетъ быть націей католической вполне и всецѣло, вся зараженная католическимъ духомъ и буквой его, провозглашающая устами самыхъ отъявленныхъ атеистовъ своихъ: *Liberté, Egalité, Fraternité—ou la mort*, т. е. точь-въ-точь какъ бы провозгласилъ это самъ папа, если бы только принужденъ былъ провозгласить и формулировать *liberté, égalité, fraternité* католическую—его слогомъ, его духомъ, настоящимъ слогомъ и духомъ папы среднихъ вѣковъ. Самый теперешній социализмъ французскій,—повидимому горячій и роковой протестъ противъ идеи католической всѣхъ измученныхъ и задушенныхъ ею людей и націй, желающихъ во что бы то ни стало жить и продолжать жить уже безъ католичества и безъ боговъ его,—самый этотъ протестъ, начавшійся фактически съ конца прошлаго столѣтiя (но въ сущности гораздо раньше), есть не что иное, какъ лишь вѣрнѣйшее и неуклонное продол-

женіе католической идеи, самое полное и окончательное завершение ея, роковое ея послѣдствіе, выработавшееся вѣками! Ибо социализмъ французскій есть не что иное, какъ *насильственное* единеніе человѣка — идея еще отъ древняго Рима идущая, и потомъ всецѣло въ католичество сохранившаяся. Такимъ образомъ идея освобожденія духа человѣческаго отъ католичества облеклась тутъ именно въ самыя тѣсныя формы католическія, заимствованныя въ самомъ сердцѣ духа его, въ буквѣ его, въ матеріализмъ его, въ деспотизмъ его, въ нравственности его.

Съ другой стороны, возстаетъ старый протестантизмъ, протестующій противъ Рима вотъ уже девятнадцать вѣковъ, противъ Рима и идеи его, древней языческой и обновленной католической, противъ міровой его мысли владѣть человѣкомъ на всей землѣ, и нравственно и матеріально, противъ цивилизаціи его, — протестующій еще со временъ Арминія и Тевтобургскихъ лѣсовъ. Это — германецъ, вѣрящій слѣпо, что въ немъ лишь обновленіе человѣчества, а не въ цивилизаціи католической. Во всю исторію свою онъ только и грезилъ, только и жаждалъ объединенія своего для провозглашенія своей гордой идеи, — сильно формулировавшейся и объединившейся еще въ Лютерову ересь; а теперь, съ разгромомъ Франціи, передовой главнѣйшей и христіаннѣйшей католической націи, пять лѣтъ назадъ, — германецъ увѣренъ уже въ своемъ торжествѣ всецѣло и въ томъ, что никто не можетъ стать вмѣсто него въ главѣ міра и его возрожденія. Вѣрять онъ этому гордо и неуклонно; вѣрять, что выше германскаго духа и слова нѣтъ иного въ мірѣ и что Германія лишь одна можетъ изречь его. Ему смѣшно даже предположить, что есть хоть что-нибудь въ мірѣ, даже въ зародышѣ только, что могло бы заключать въ себѣ хоть что-нибудь такое, чего бы не могла заключать въ себѣ предназначенная къ руководству міра Германія. Между тѣмъ очень не лишнее было бы замѣтить, хотя бы только въ скобкахъ, что во всѣ девятнадцать вѣковъ своего существованія Германія, только и дѣлавшая, что протестовавшая, сама своего *новаго слова* совсѣмъ еще не произнесла, а жила лишь все время однимъ отрицаніемъ и протестомъ противъ врага своего, такъ что, наприимѣръ, весьма и весьма можетъ случиться такое странное обстоятельство, что когда Германія уже одержитъ побѣду окончательно и разрушитъ то, противъ чего девятнадцать вѣковъ про-

тестовала, то вдругъ и ей придется умереть духовно самой, вслѣдъ за врагомъ своимъ, ибо не для чего будетъ ей жить, *не будетъ противъ чего протестовать*. Пусть это покажѣтся моя химера, но зато Лютеровъ протестантизмъ уже фактъ: вѣра эта есть протестующая и лишь *отрицательная*, и чуть исчезнетъ съ земли католичество, исчезнетъ за нимъ вслѣдъ и протестантство навѣрно, потому что не противъ чего будетъ протестовать, обратится въ прямой атеизмъ и тѣмъ кончится. Но это положимъ пока еще моя химера. Идею славянскую германецъ презираетъ такъ же, какъ и католическую, съ тою только разницею, что послѣднюю онъ всегда цѣнилъ какъ сильнаго и могущественнаго врага, а славянскую идею не только ни во что не цѣнилъ, но и не признавалъ ее даже вовсе до самой послѣдней минуты. Но съ недавнихъ поръ онъ уже начинаетъ коситься на славянъ весьма подозрительно. Хоть ему и до сихъ поръ смѣшно предположить, что у нихъ могутъ быть тоже хоть какія-нибудь цѣль и идея, какая-то тамъ надежда тоже „сказать что-то міру“, но, однакоже, съ самаго разгрома Франціи мнительныя подозрѣнія его усилились, а прошлогоднія и текущія событія ужъ, конечно, не могли облегчить его недовѣрчивости. Теперь положеніе Германіи нѣсколько хлопотливое: во всякомъ случаѣ и прежде всякихъ восточныхъ идей ей надо кончить свое дѣло на Западѣ. Кто станетъ отрицать, что Франція, недобитая Франція, не беспокоитъ и не беспокоила германца во всѣ эти пять лѣтъ послѣ своего погрома именно тѣмъ, что онъ не добилъ ее. Въ семьдесятъ пятомъ году это безпокойство достигло въ Берлинѣ чрезвычайнаго даже предѣла, и Германія навѣрно ринулась бы, пока есть еще время, добивать исконнаго своего врага, но помѣшали нѣкоторые чрезвычайно сильныя обстоятельства. Теперь же, въ этомъ году, сомнѣнія нѣтъ, что Франція, усиливающаяся матеріально съ каждымъ годомъ, еще страшнѣе пугаетъ Германію, чѣмъ два года назадъ. Германія знаетъ, что врагъ не умретъ безъ борьбы, мало того, когда почувствуетъ, что оправился совершенно, то самъ задастъ битву, такъ что черезъ три года, черезъ пять лѣтъ, можетъ-быть, будетъ уже очень поздно для Германіи. И вотъ, въ виду того, что Востокъ Европы такъ всецѣло проникнутъ своей собственной, вдругъ возставшей, идеей, и что у него слишкомъ много теперь дѣла и у себя самого—въ виду того весьма и весьма мо-

жетъ случиться, что Германія, почувствовавъ свои руки на время развязанными, бросится на западнаго врага окончательно, на страшный кошмаръ ее мучающій и — все это даже можетъ случиться въ слишкомъ и слишкомъ недалекомъ будущемъ. Вообще же можно такъ сказать, что если на Востокъ дѣла натянуты, тяжелы, то чуть ли Германія не въ худшемъ еще положеніи. И чуть ли у ней еще не болѣе опасеній и всякихъ страховъ въ виду, несмотря на весь ея непомѣрно гордый тонъ, — и это по крайней мѣрѣ намъ можно взять въ особенное вниманіе.

А между тѣмъ на Востокъ дѣйствительно загорѣлась и засіяла небывалымъ и неслыханнымъ еще свѣтомъ третья міровая идея—идея славянская, идея нарождающаяся, — можетъ-быть, третья грядущая возможность разрѣшенія судебъ человѣческихъ и Европы. Всѣмъ ясно теперь, что съ разрѣшеніемъ восточнаго вопроса вдвинется въ человечество новый элементъ, новая стихія, которая лежала до сихъ поръ пассивно и косно, и которая, во всякомъ случаѣ и наименѣе говоря, не можетъ не повліять на міровыя судьбы чрезвычайно сильно и рѣшительно. Что это за идея, что несетъ съ собою единеніе славянъ?—все это еще слишкомъ неопредѣленно, но что дѣйствительно что-то должно быть внесено и сказано новое, — въ этомъ почти уже никто не сомнѣвается. И всѣ эти три огромныя міровыя идеи сошлись, въ развязкѣ своей, почти въ одно время. Все это ужъ, конечно, не капризы, не война за какое-нибудь наслѣдство или изъ-за пререканій какихъ-нибудь двухъ высокыхъ дамъ, какъ въ прошломъ столѣтіи. Тутъ нѣчто всеобщее и окончательное, и хотъ вовсе не рѣшающее *остъ* судьбы человѣческія, но безъ сомнѣнія несущее съ собою начало конца всей прежней исторіи европейскаго человечества, — начало разрѣшенія дальнѣйшихъ судебъ его, которыя въ рукахъ Божиихъ и въ которыхъ человѣкъ почти ничего угадать не можетъ, хотя и можетъ предчувствовать.

Теперь вопросъ невольно представляющійся всякому мыслящему человѣку: могутъ ли такія событія остановиться въ своемъ теченіи? Могутъ ли идеи такого размѣра подчиниться мелкимъ, жидовствующимъ, третьестепеннымъ соображеніямъ? Можно ли отдалить ихъ разрѣшеніе и полезно это или нѣтъ, наконецъ? Мудрость, безъ сомнѣнія, должна хранить и ограждать націи и служить человѣколюбію и человечеству, но иныя идеи имѣютъ

свою косную, могучую и всеувлекающую силу. Оторвав-
шуюся и падающую вершину скалы не удержишь рукой.
У насъ, русскихъ, есть, конечно, двѣ страшныя силы,
стѣпящія всѣхъ остальныхъ во всемъ мірѣ, — это всецѣ-
лостъ и духовная нераздѣльность миллионовъ народа на-
шего и тѣснѣйшее единеніе его съ монархомъ. Послѣд-
нее, конечно, неоспоримо, но идею народную не только
не понимаютъ, но и не хотятъ совсѣмъ понять „ободняв-
шіе Петры наши“.

II.

Миражи, штунда и редстоиксты.

Но одни ли „европействующіе“ и „ободнявшіе Петры“
не хотятъ понять? Есть и другіе, гораздо злокачествен-
нѣе. „Петры“ признаютъ, по крайней мѣрѣ, наше народ-
ное движеніе въ этомъ году въ пользу славянъ, а тѣ
нѣтъ. Петры даже хвалятъ это движеніе, по-своему, ко-
нечно, хотя многое имъ въ немъ не нравится, но тѣ са-
мое движеніе отрицаютъ вопреки свидѣтельству всей Рос-
си: „не было, дескать, ничего да и только! Мало того
что не было, но и не могло-де быть“. „Народъ, дескать,
нигдѣ не кричалъ и не заявлялъ, что войны хочеть“. Да
народъ нашъ никогда и не кричитъ, и не заявляетъ,
народъ нашъ разумень и тихъ, а къ тому же вовсе не
хочеть войны, вовсе даже, а лишь сочувствуетъ своимъ
угнетеннымъ братьямъ за вѣру Христову отъ всей души
и отъ горячаго сердца, но ужъ коли надо будетъ, коли
раздастся великое слово Царя, то весь пойдетъ, всей
своей стомилліонной массой, и сдѣлаетъ все, что можетъ
сдѣлать этакая стомилліонная масса, одушевленная однимъ
порывомъ и въ согласіи, какъ одинъ человекъ. Такъ что
этакую силу единенія, въ виду таинственнаго будущаго
близкихъ судебъ всей Европы, нельзя не цѣнить и нельзя
не созерцать передъ собою въ минуты нѣкоторыхъ не-
вольныхъ соображеній и гаданій нашихъ. Да и Богъ
съ ней съ войной; кто войны хочеть, хотя, въ скобкахъ
говоря, пролитая кровь „за великое дѣло любви“ много
значить, многое очистить и омыть можетъ, многое можетъ
вновь оживить и многое, доселѣ приниженное и опако-
щенное въ душахъ нашихъ, вновь вознести.

Но это лишь „слова и мысли“. Я всего только гово-
рилъ, что есть историческія событія, увлекающія все за
собою и отъ которыхъ не избавишься ни волей, ни хит-

ростью, точно такъ же какъ не запретишь морскому приливу остановиться и возвратиться вспять. Но все же обиденъ этотъ торжествующій теперь, послѣ лѣтнихъ восторговъ, цинизмъ, обидна эта радость цинизма, радость чему-то гадкому, будто бы восторжествовавшему надъ восторгомъ людей, обидны эти торжествующія рѣчи людей, не то что ужъ презирающихъ, но чуть ли не совсѣмъ отрицающихъ даже весь народъ нашъ, и признающихъ въ немъ, кажется, попрежнему, всего лишь одну косную массу и рабочія руки, точь-въ-точь какъ признавали это два вѣка сряду до великаго дня девятнадцатаго февраля.

„Стану я подражать этому народу? Какая это у него идея, гдѣ вы ее отыскали?“ — вотъ что слышишь теперь почти поминутно. Это невѣріе въ духовную силу народа есть, конечно, невѣріе и во всю Россію. Безъ сомнѣнія, замѣшалось тутъ чрезвычайно много всякихъ и разнообразныхъ причинъ, руководящихъ отрицателями, но вѣрите ли — въ нихъ много и искренняго! А главное и прежде всего — совершенное незнаніе Россіи. Ну, можно ли представить себѣ, что иной изъ нихъ почти радъ нашей штундѣ, радъ для народа, для выгоды и для блага его: „все же это нѣсколько выше прежнихъ народныхъ понятій, все же это можетъ хоть нѣсколько облагородить народъ“. И не думайте, чтобъ это были только рѣдкія и единичныя разсужденія. Кстати, что такое эта несчастная штунда? Нѣсколько русскихъ рабочихъ у нѣмецкихъ колонистовъ поняли, что нѣмцы живутъ богаче русскихъ и что это оттого, что порядокъ у нихъ другой. Случившіеся тутъ пасторы разъяснили, что лучшіе эти порядки оттого, что вѣра другая. Вотъ и соединились кучки русскихъ темныхъ людей, стали слушать какъ толкуютъ Евангеліе, стали сами читать и толковать и — произошло то, что всегда происходило въ такихъ случаяхъ. Несутъ сосудъ съ драгоценною жидкостью, всѣ падаютъ ницъ, всѣ цѣлуютъ и обожаютъ сосудъ, заключающій эту драгоценную живящую всѣхъ влагу, и вотъ вдругъ встаютъ люди и начинаютъ кричать: „слѣпцы! чего вы сосудъ цѣлуете: дорога лишь живительная влага въ немъ заключающаяся, дорого содержимое, а не содержащее, а вы цѣлуете стекло, простое стекло, обожаете сосудъ и стеклу приписываете всю святость, такъ что забываете про драгоценное его содержимое! Идолопоклонники! Бросьте сосудъ, разбейте его, обожайте лишь живящую влагу, а не стекло!“ И вотъ

разбивается сосудъ и живящая влага, драгоценное содержимое, разливается по землѣ и исчезаетъ въ землѣ, разумѣется. Сосудъ разбили и влагу потеряли. Но пока еще влага не ушла вся въ землю, подымается суматоха: чтобы что-нибудь спасти, что уцѣлѣло въ разбитыхъ черепакахъ, начинаютъ кричать, что надо скорѣе новый сосудъ, начинаютъ спорить, какъ и изъ чего его сдѣлать. Споръ начинаютъ уже *съ самаго начала*; и тотчасъ же, съ самыхъ первыхъ двухъ словъ споръ уходитъ въ букву. Этой буквѣ они готовы поклониться еще больше, чѣмъ прежней, только бы поскорѣе добыть новый сосудъ; но споръ ожесточается, люди распадаются на враждебныя между собою кучки и каждая кучка уноситъ для себя по нѣскольку кашель остающейся драгоценной влаги въ своихъ особенныхъ разнокалиберныхъ, отовсюду набранныхъ чашкахъ и уже не сообщается впредь съ другими кучками. Каждая своею чашкой хочетъ спастись и въ каждой отдѣльной кучкѣ начинаются опять новые споры. Идолопоклонство усиливается во столько разъ, на сколько черепковъ разбился сосудъ. Исторія вѣчная, старая-престарая, начавшаяся гораздо раньше Мартына Ивановича Лютера, но по неизмѣннымъ историческимъ законамъ почти точь-въ-точь та же исторія и въ нашей штундѣ: извѣстно, что они уже распадаются, спорять о буквахъ, толкуютъ Евангеліе всякъ на свой страхъ и на свою совѣсть, и, главное, *съ самаго начала*, — бѣдный, несчастный, темный народъ! При этомъ столько чистосердечія, столько добрыхъ начинаній, столько желанія выдержать даже хоть мѹки и при всемъ томъ однако—столько самой безпомощной глупости, столько маленькаго педантскаго лицемѣрія, самолюбія, усладительной гордости въ новомъ чинѣ „святыхъ“, даже плутовства и крючкотворства, а главное—все „съ самаго начала“, съ самаго т.-е. сотворенія міра, съ того, что такое есть человѣкъ и что такое женщина, что хорошо и что дурно, и даже: есть ли Богъ или нѣтъ его? И какъ вы думаете: именно то, что они такъ безпомощны и такъ принуждены начинать съ начала, именно это-то и нравится многимъ и особенно нѣкоторымъ: „своимъ де умомъ начнутъ жить, стало-быть, непременно договорятся до чего-нибудь“. Вотъ разсужденіе! Такъ что добытое вѣками драгоценное достояніе, которое надо бы разъяснить этому темному народу въ его великомъ истинномъ смыслѣ, а не бросать въ землю, какъ ненужную

старую ветошь прежнихъ вѣковъ, въ сущности пропало для него окончательно. Развитие, свѣтъ, прогрессъ отдаляются опять для него на много назадъ, ибо наступить теперь для него уединенность, обособленность и закрытость раскольниковъ, а вмѣсто ожидаемыхъ „разумныхъ“ новыхъ идей, воздвигнутся лишь старые, древнѣйшіе, всѣмъ извѣстные и поганѣйшіе идолы,—и попробуйте-ка ихъ теперь сокрушить! А впрочемъ бояться штунды совсѣмъ нечего, хотя жалѣть ее очень можно. Эта штунда не имѣетъ никакого будущаго, широко не раздвинется, скоро остановится и навѣрно сольется съ которой-нибудь изъ темныхъ сектъ народа русскаго, съ какой-нибудь хлыстовщиной,—этой древнѣйшей сектой всего, кажется, міра, имѣющей безспорно свой смыслъ и хранящей его въ двухъ древнѣйшихъ атрибутахъ: верченіи и пророчествѣ. Вѣдь и тамплиеровъ судили за верченіе и пророчество, и квакеры вертятся и пророчествуютъ, и Пиеія въ древности вертѣлась и пророчествовала, и у Татаринной вертѣлись и пророчествовали, и редстокисты наши весьма, можетъ-быть, кончатъ тѣмъ, что будутъ вертѣться, а пророчествуютъ они ужъ, кажется, и теперь. Да не обижаются редстокисты сравненіемъ. Кстати, многіе смѣются совпаденію появленія обѣихъ сектъ у насъ въ одно время: штунды въ черномъ народѣ и редстокистовъ въ самомъ изящномъ обществѣ нашемъ. Между тѣмъ тутъ много и не смѣшного. Чтò же до совпаденія въ появленіи двухъ нашихъ новыхъ сектъ,—то ужъ, безъ сомнѣнія, онѣ вышли изъ одного и того же невѣжества, то-есть изъ совершеннаго незнанія своей религіи.

III.

Өома Даниловъ, замученный русскій герой.

Въ прошломъ году, весною, было перепечатано во всѣхъ газетахъ извѣстіе, явившееся въ *Русскомъ Инвалидѣ* о мученической смерти унтеръ-офицера 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, Өомы Данилова, захваченнаго въ плѣнъ кипчаками и варварски умерщвленнаго ими послѣ многочисленныхъ и утонченнѣйшихъ истязаній, 21 ноября 1875 года, въ Маргеланѣ, за то, что не хотѣлъ перейти къ нимъ въ службу и въ магометанство. Самъ ханъ обѣщаль ему помилованіе, награду и честь, если согласится отречься отъ Христа. Даниловъ отвѣчалъ, что измѣнить онъ кресту не можетъ и, какъ царскій подданный, хотя

и въ плѣну, долженъ исполнить къ Царю и христіанству свою обязанность. Мучители, замучивъ его до смерти, удивились силѣ его духа и назвали его батыремъ, т.-е. по-русски богатыремъ. Тогда это извѣстіе, хотя и сообщенное всѣми газетами, прошло какъ-то безъ особеннаго разговора въ обществѣ, да и газеты, сообщивъ его въ видѣ обыкновеннаго газетнаго entrefilet, не сочли нужнымъ *особенно* распространиться о немъ. Однимъ словомъ, съ Ѳомой Даниловымъ „было тихо“, какъ говорятъ на биржѣ. Потомъ, какъ извѣстно, наступило славянское движеніе, явились Черняевъ, сербы, Кирѣевъ, пожертвованія, добровольцы, и объ Ѳомѣ замученномъ позабыли совсѣмъ (т.-е. въ газетахъ), и вотъ недавно только получились къ прежнему извѣстію дополнительныя подробности. Сообщаютъ опять, что самарскій губернаторъ навелъ справки о семействѣ Данилова, происходившаго изъ крестьянъ села Кирсановки, Самарской губерніи, Бугурусланскаго уѣзда, и оказалось, что у него остались въ живыхъ жена Ефросинья 27 лѣтъ и дочь Улита шести лѣтъ, находившіяся въ бѣдственномъ положеніи. Имъ помогли по благородному почину самарскаго губернатора, обратившагося къ нѣкоторымъ людямъ съ просьбою помочь вдовѣ и дочери замученнаго русскаго героя и къ самарскому губернскому земскому собранію съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли оно помѣстить дочь Данилова стипендіаткой въ одно изъ учебныхъ заведеній. Затѣмъ собрали 1,320 рублей и изъ нихъ шестьсотъ отложили дочери до совершеннолѣтія, а остальную сумму выдали самой вдовѣ на руки, а дочь Данилова приняли въ учебное заведеніе. Кромѣ того, начальникъ Главнаго Штаба увѣдомилъ губернатора о всемилостивѣйше назначенной вдовѣ Данилова пожизненной пенсіи изъ Государственнаго Казначейства, по сто двадцати рублей въ годъ. Затѣмъ,—затѣмъ дѣло, вѣроятно, опять будетъ забыто въ виду текущихъ тревогъ, политическихъ опасеній, огромныхъ вопросовъ, ждущихъ разрѣшенія, краховъ и пр., и пр.

О, я вовсе не хочу сказать, что наше общество отнеслось къ этому поразительному поступку равнодушно, какъ къ нестоящему вниманія. Фактъ лишь тотъ, что немного говорили или, лучше, почти никто не говорилъ объ этомъ *особенно*. Впрочемъ, можетъ-быть, и говорили гдѣ-нибудь про себя, у купцовъ, у духовныхъ, напримѣръ, но не въ обществѣ, не въ интеллигенціи нашей. Въ народѣ, конечно,

эта великая смерть не забудется: этотъ герой принялъ муки за Христа и есть великій русскій; народъ это дѣлать и не забудетъ, да и никогда онъ такихъ дѣлъ не забываетъ. И вотъ я какъ будто уже слышу нѣкоторые столь извѣстные мнѣ голоса: „Сила-то конечно сила, и мы признаемъ это, но вѣдь все же—темная, проявившаяся слишкомъ ужъ, такъ сказать, въ допотопныхъ, оказавшихся формахъ, а потому—что же намъ *особенно*-то говорить? Не нашего это міра; другое бы дѣло сила, проявившаяся интеллигентно, сознательно. Есть, дескать, и другіе страдальцы и другія силы, есть и идеи безмѣрно высшія—идея общечеловѣчности, напимѣръ“...

Несмотря на эти разумные и интеллигентные голоса, мнѣ все же кажется позволительнымъ и вполне извинительнымъ сказать нѣчто *особенное* и объ Даниловѣ; мало того, я даже думаю, что и самая интеллигенція наша вовсе бы себя не столь унизила, если бъ отнеслась къ этому факту повнимательнѣе. Меня, напимѣръ, прежде всего удивляетъ, что не обнаружилось никакого удивленія, именно удивленія. Я не про народъ говорю: тамъ удивленія и не надо, въ немъ удивленія и не будетъ; поступокъ Оомы ему не можетъ казаться необыкновеннымъ, уже по одной великой вѣрѣ народа въ себя и въ душу свою. Онъ отзовется на этотъ подвигъ лишь великимъ чувствомъ и великимъ умилениемъ. Но случись подобный фактъ въ Европѣ, т.-е. подобный фактъ проявленія великаго духа у англичанъ, у французовъ, у нѣмцевъ, и они навѣрно прокричали бы о немъ на весь міръ. Нѣтъ, послушайте, господа, знаете ли какъ мнѣ представляется этотъ темный безвѣстный Туркестанскаго баталіона солдатъ? Да вѣдь это такъ сказать—эмблема Россіи, всей Россіи, всей нашей народной Россіи, подлинный образъ ея, вотъ той самой Россіи, въ которой циники и премудрые наши отрицаютъ теперь великій духъ и всякую возможность подъема и проявленія великой мысли и великаго чувства. Послушайте, вѣдь вы все же не эти циники, вы всего только люди интеллигентно-европействующіе, т.-е. въ сущности предобрѣйшіе: вѣдь не отрицаете же и вы, что лѣтомъ народъ нашъ проявилъ мѣстами чрезвычайную силу духа: люди покидали свои дома и дѣтей и шли умирать за вѣру, за угнетенныхъ, Богъ знаетъ куда и Богъ знаетъ съ какими средствами, точь-въ-точь какъ первые крестоносцы девять столѣтій тому назадъ въ Европѣ,—тѣ самые крестоносцы,

которыхъ появленіе вновь, Грановскій, напримѣръ, считалъ бы чуть ли не смѣшнымъ и обиднымъ „въ нашъ вѣкъ положительныхъ задачъ, прогресса“ и проч., и проч. Пусть это лѣтнее движеніе наше по-вашему было слѣпое и даже какъ бы не разумное, такъ сказать „крестоносное“, но вѣдь твердое же и великодушное, въ этомъ нельзя не сознаться, если чуть-чуть пошире посмотрѣть. Просыпалась великая идея, вознесшая, можетъ-быть, сотни тысячъ и милліоновъ душъ разомъ надъ косностью, цинизмомъ, развратомъ и безобразіемъ, въ которыхъ купались до того эти души. Вѣдь вы знаете, народъ нашъ считаютъ до сихъ поръ хоть и добродушнымъ и даже очень умственно-способнымъ, но все же темной стихійной массой, безъ сознанія, преданной поголовно порокамъ и предрасудкамъ, и почти сплошь безобразникомъ. Но видите ли, я осмѣлюсь высказать одну даже, такъ сказать, аксіому, а именно: чтобъ судить о нравственной силѣ народа и о томъ, къ чему онъ способенъ въ будущемъ, надо брать въ соображеніе не ту степень безобразія, до котораго онъ временно, и даже хотя бы и въ большинствѣ своемъ можетъ унизиться, а надо брать въ соображеніе лишь ту высоту духа, на которую онъ можетъ подняться, когда придетъ тому срокъ. Ибо безобразіе есть несчастье временное, всегда почти зависящее отъ обстоятельствъ предшествовавшихъ и переходящихъ, отъ рабства, отъ вѣкового гнета, отъ закрубѣлости, а даръ великодушія есть даръ вѣчный, стихійный, даръ, родившійся вмѣстѣ съ народомъ и тѣмъ болѣе чтимый, если и въ продолженіе вѣковъ рабства, тяготы и нищеты онъ все-таки уцѣлѣетъ, неповрежденный, въ сердцѣ этого народа.

Ома Даниловъ съ виду можетъ быть однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и непримѣтныхъ экземпляровъ народа русскаго, непримѣтныхъ какъ самъ народъ русскій. (О, онъ для многихъ еще совсѣмъ непримѣтенъ!). Можетъ быть, въ свое время не прочь былъ погулять, выпить, можетъ быть, даже не очень молился, хотя, конечно, Бога всегда помнилъ. И вотъ вдругъ велятъ ему перемѣнить вѣру, а не то—мученическая смерть. При этомъ надо вспомнить, что такое бываютъ эти муки, эти азіатскія муки! Предъ нимъ самъ ханъ, который обѣщаетъ ему свою милость, и Даниловъ отлично понимаетъ, что отказъ его непремѣнно раздражитъ хана, раздражитъ и самолюбіе кипчаковъ тѣмъ, „что смѣетъ, дескать, хри-

стіанская собака такъ презирать исламъ“. Но, несмотря на все, что его ожидаетъ, этотъ непримѣтный русскій человѣкъ принимаетъ жесточайшія муки и умираетъ, удививъ истязателей. Знаете что, господа, вѣдь изъ насъ никто бы этого не сдѣлалъ. Пострадать на виду иногда даже и красиво, но вѣдь тутъ дѣло произошло въ совершенной безвѣстности, въ глухомъ углу; никто-то не смотрѣлъ на него; да и самъ Оома не могъ думать, и навѣрно не предполагалъ, что его подвигъ огласится по всей землѣ Русской. Я думаю, что иные великомученики, даже и первыхъ вѣковъ христіанскихъ, отчасти все же были утѣшены и облегчены, принимая свои муки, тѣмъ убѣжденіемъ, что смерть ихъ послужитъ примѣромъ для робкихъ и колеблющихся и еще большихъ привлечетъ къ Христу. Для Оомы даже и этого великаго утѣшенія быть не могло: кто узнаетъ, онъ былъ одинъ среди мучителей. Былъ онъ еще молодъ, тамъ гдѣ-то у него молодая жена и дочь, никогда-то онъ ихъ теперь не увидитъ, но пусть: „гдѣ бы я ни былъ, противъ совѣсти моей не поступлю и мученія приму“,—подлинно ужъ правда для правды, а не для красоты! И никакой кривды, никакого софизма съ совѣстью: „Приму-де исламъ для виду, соблазна не сдѣлаю, никто вѣдь не увидитъ, потомъ отмолюсь, жизнь велика, въ церковь пожертвую, добрыхъ дѣлъ надѣлаю“. Ничего этого не было, честность изумительная, первоначальная, стихійная. Нѣтъ, господа, врядъ ли мы такъ поступили бы!

Но то мы, а для народа нашего, повторяю, подвигъ Данилова, можетъ быть, даже и не удивителенъ. Въ томъ-то и дѣло, что тутъ именно—какъ бы портретъ, какъ бы все цѣлое изображеніе народа русскаго, тѣмъ-то все это и дорого для меня, и для васъ, разумѣется. Именно народъ нашъ любитъ точно такъ же правду для правды, а не для красоты. И пусть онъ грубъ, и безобразенъ, и грѣшенъ, и непримѣтенъ, но приди его срокъ и начнись дѣло всеобщей всенародной правды, и васъ изумитъ та степень свободы духа, которую проявитъ онъ передъ гнетомъ матеріализма, страстей, денежной и имущественной похоти, и даже передъ страхомъ самой жесточайшей мученической смерти. И все это онъ сдѣлаетъ и проявитъ просто, твердо, не требуя ни награды, ни похвалы, собою не красуясь: „Во что вѣрую, то и исповѣдую“. Тутъ даже самые ожесточенные спорщики насчетъ

„ретроградства“ идеаловъ народныхъ не могутъ имѣть никакого слова, ибо дѣло вовсе уже не въ томъ: ретрограденъ идеаль или нѣтъ? А лишь въ особенности проявленія величайшей воли ради подвига великодушія. (Эту смѣшную идейку о „ретроградствѣ“ идеаловъ я ввелъ здѣсь ради полного безпристрастія).

Знаете, господа, надо ставить дѣло прямо: я прямо полагаю, что намъ вовсе и нечему учить такой народъ. Это софизмъ, разумѣется, но онъ иногда приходитъ на умъ. О, конечно, мы образованнѣе его, но чему мы, однако, научимъ его—вотъ бѣда! Я, разумѣется, не про ремесла говорю, не про технику, не про математическія знанія,—этому и нѣмцы завѣзжіе по найму научать, если мы не научимъ, нѣтъ, а мы-то чему? Мы вѣдь русскіе, братья этому народу, а, стало-быть, обязаны *просвѣтить* его. Нравственное-то, высшее-то что ему передадимъ, что разъяснимъ и чѣмъ освѣтимъ эти „темныя“ души? Просвѣщеніе народа, это, господа, наше право и наша обязанность,—право это въ высшемъ христіанскомъ смыслѣ: кто знаетъ доброе, кто знаетъ истинное слово жизни, тотъ долженъ, обязанъ сообщить его незнающему, блуждающему во тьмѣ брату своему, такъ по Евангелію. Ну, и что же мы сообщимъ блуждающему, чего бы онъ самъ не зналъ лучше нашего? Прежде всего, конечно, „что ученіе полезно и что надо учиться“, такъ ли? Но народъ еще прежде нашего сказалъ, что „ученье—свѣтъ, неученье—тьма“. Уничтоженію предразсудковъ, на примѣръ, низверженію идоловъ? Но вѣдь въ насъ самихъ такая бездна предразсудковъ, а идоловъ мы столько себѣ поставили, что народъ прямо скажетъ намъ: „Врачу—исцѣлился самъ“. (А идоловъ нашихъ онъ отлично умѣетъ уже разглядывать!) Что же, самоуваженію, собственному достоинству? Но народъ нашъ, весь, въ цѣломъ своемъ, гораздо болѣе нашего уважаетъ себя, гораздо глубже нашего чтитъ и понимаетъ свое достоинство. Въ самомъ дѣлѣ, мы самолюбивы ужасно, но вѣдь мы совсѣмъ не уважаемъ себя, и собственного достоинства въ насъ вовсе нѣтъ никакого и даже ни въ чемъ. Ну, намъ ли, на примѣръ, научить народъ уваженію къ чужимъ убѣжденіямъ? Народъ нашъ доказалъ еще съ Петра Великаго—уваженіе къ чужимъ убѣжденіямъ, а мы и между собою не прощаемъ другъ другу ни малѣйшаго отклоненія въ убѣжденіяхъ нашихъ, и чуть-чуть несогласныхъ съ нами счи-

таемъ уже прямо за подлецовъ, забывая, что кто такъ легко склоненъ терять уваженіе къ другимъ, тотъ прежде всего не уважаетъ себя. Ну, намъ ли учить народъ вѣрѣ въ себя самого и въ свои силы? У народа есть Оомы Даниловы и ихъ тысячи, а мы совсѣмъ и не вѣримъ въ русскія силы, да и невѣріе это считаемъ за высшее просвѣщеніе и чуть не за доблесть. Ну, чему же, наконецъ, мы научить можемъ? Мы гнушаемся, до злобы почти, всѣмъ тѣмъ, что любятъ и чтить народъ нашъ и къ чему рвется его сердце. Ну, какіе же мы пародолубцы? Возразятъ, что тѣмъ больше, стало быть, любимъ народъ, коли гнушаемся его невѣжествомъ, желая ему лучшаго. О, нѣтъ, господа, совсѣмъ нѣтъ: если бъ мы вправду и на дѣлѣ любили народъ, а не въ статейкахъ и книжкахъ, то мы бы поближе подошли къ нему и озаботились бы изучить то, чтó теперь совсѣмъ наобумъ, по европейскимъ шаблонамъ, желаемъ въ немъ истребить: тогда, можетъ, и сами научились бы столь многому, чего и представить теперь даже не можемъ.

Есть у насъ, впрочемъ, одно утѣшеніе, одна великая наша гордость передъ народомъ нашимъ, а потому-то мы такъ и презираемъ его: это то, что онъ націоналенъ и стоитъ на томъ изо всей силы, а мы—общечеловѣческихъ убѣжденій, да и цѣль свою поставили въ общечеловѣчности, а, стало быть, безмѣрно надъ нимъ возвысились. Ну, вотъ въ этомъ и весь раздоръ нашъ, весь и разрывъ съ народомъ, и я прямо провозглашаю: уладь мы этотъ пунктъ, найди мы точку примиренія, и разомъ кончилась бы вся наша рознь съ народомъ. А вѣдь этотъ пунктъ есть, вѣдь его найти чрезвычайно легко. Рѣшительно повторяю, что самыя даже радикальныя несогласія наши въ сущности одинъ лишь миражъ.

Но чтó же это за пунктъ примиренія?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Примирительная мечта внѣ науки.

И прежде всего выставляю самое спорное и самое щекотливое положеніе и съ него начинаю:

„Всякій великій народъ вѣрится и долженъ вѣрится, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ-то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что жи-

веть онъ на то, чтобъ стоять во главѣ народовъ, приобщить ихъ всѣхъ къ себѣ воедино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли всѣмъ имъ предназначенной“.

Я утверждаю, что такъ было со всѣми великими націями міра, древнѣйшими и новѣйшими, что только эта лишь вѣра и возвышала ихъ до возможности, каждую, имѣть, въ свои сроки, огромное міровое вліяніе на судьбы человѣчества. Такъ безспорно было съ древнимъ Римомъ, такъ потомъ было съ Римомъ въ католическое время его существованія. Когда католическую идею его унаслѣдовала Франція, то то же самое случилось и съ Франціей и, въ продолженіе почти двухъ вѣковъ, Франція, вплоть до самаго недавняго погрома и унынія своего, все время и безспорно—считала себя во главѣ міра, по крайней мѣрѣ, нравственно, а временами и политически, предводительницей хода его и указательницей его будущаго. Но о томъ же мечтала всегда и Германія, выставившая противъ міровой католической идеи и ея авторитета знаменемъ своимъ протестантизмъ и безконечную свободу совѣсти и изслѣдованія. Повторяю, то же бываетъ и со всѣми великими націями, *болѣе или менѣе*, въ зенитѣ развитія ихъ. Мнѣ скажутъ, что все это невѣрно, что это ошибка, и укажутъ, на примѣръ, на собственное *сознаніе* этихъ же самыхъ народовъ, на сознаніе ихъ ученыхъ и мыслителей, писавшихъ именно о совокупномъ значеніи европейскихъ націй, участвовавшихъ купно въ созданіи и завершеніи европейской цивилизаціи, и я, разумѣется, отрицать такого сознанія не буду. Но не говоря уже о томъ, что такіе окончательные выводы сознанія и вообще составляютъ какъ бы уже конецъ живой жизни народовъ, укажу хотя бы лишь на то, что самые то эти мыслители и сознатели, какъ бы тамъ ни писали о міровой гармоніи націй, все же, въ то же самое время, и чаще всего, непосредственнымъ, живымъ и искреннимъ чувствомъ *продолжали вѣровать*, точь-въ-точь какъ и массы народа ихъ, что въ этомъ хорѣ націй, составляющихъ міровую гармонію и выработанную уже сообща цивилизацію,—они (т.-е. французы, на примѣръ) и есть голова всего единенія, самые передовые, тѣ самые, которымъ предназначено вести, а тѣ только слѣдуютъ за ними. Что они, положимъ, если и позаимствуютъ у тѣхъ народовъ что-нибудь, то все же немножко; но зато тѣ народы, напротивъ, возьмутъ у

нихъ все, все главнѣйшее, и только ихъ духомъ и ихъ идеей жить могутъ, да и не могутъ иначе сдѣлать, какъ сопричаститься ихъ духу въ концѣ концовъ и слиться съ нимъ рано или поздно. Вотъ и въ теперешней Франціи, уже унылой и раздробленной духовно, есть и теперь еще одна изъ такихъ идей, представляющая новый, но по нашему совершенно естественный фазисъ ея же прежней міровой католической идеи и развитіе ея, и чуть не половина французовъ вѣрять и теперь, что въ ней-то и кроется спасеніе, не только ихъ, но и міра,—это именно ихъ французскій социализмъ. Идея эта, т.-е. ихній социализмъ, конечно, ложная и отчаянная, по не въ качествѣ ея теперь дѣло, а въ томъ, что она теперь существуетъ, живетъ живой жизнью, и что въ исповѣдующихъ ее нѣтъ сомнѣнія и унынія, какъ въ остальной огромной части Франціи. Съ другой стороны, взгляните на каждого почти англичанина, высшаго или низшаго типа, лорда или работника, ученаго или необразованнаго, и вы убѣдитесь, что каждый англичанинъ прежде всего старается быть англичаниномъ, сохранить въ видѣ англичанина во всѣхъ фазисахъ своей жизни, частной и общественной, политической и общечеловѣческой, и даже любить чело-вѣчество старается не иначе, какъ въ видѣ англичанина. Мнѣ скажутъ, что если бъ даже и такъ, если бъ и было все это, какъ я утверждаю, то все-таки такое самообо-льщеніе и самомнѣніе было бы даже унижительно для тѣхъ великихъ народовъ, умалило бы значеніе ихъ эгоизмомъ, нелѣпымъ шовинизмомъ, и не то чтобы придало имъ жиз-ненной силы, а, напротивъ, повредило бы и растлило бы ихъ жизнь въ самомъ началѣ. Скажутъ, что подобныя, безумныя и гордыя идеи достойны не подражанія, а, на-противъ, искорененія свѣтомъ разума, уничтожающаго предразсудки. Положимъ, что съ одной стороны это очень правда; но все же тутъ надо непремѣнно посмотрѣть и съ другой стороны и тогда выйдетъ не только не унизи-тельно, а даже совсѣмъ напротивъ. Чтò въ томъ, что не жившій еще юноша мечтаетъ про себя современемъ стать героемъ? Повѣрьте, что такія, пожалуй, гордыя и занос-чивыя мечты могутъ быть гораздо живительнѣе и полез-нѣе этому юношѣ, чѣмъ иное благоразуміе того отрока, который уже въ шестнадцать лѣтъ вѣрять премудрому правилу, что „счастье лучше богатства“. Повѣрьте, что жизнь этого юноши даже послѣ прожитыхъ уже бѣдствій

и неудачь, въ цѣломъ, будетъ все-таки краше, чѣмъ успокосная жизнь мудраго товарища дѣтства его, хотя бы тому всю жизнь суждено было сидѣть на бархатѣ. Такая вѣра въ себя не безнравственна и вовсе не пошлое самохвальство. Такъ точно и въ народахъ: пусть есть народы благоразумные, честные и умѣренные, спокойные, безъ всякихъ порывовъ, торговцы и кораблестроители, живущіе богато и съ чрезвычайною опрятностью; ну и Богъ съ ними, все же далеко они не пойдутъ; это непременно выйдетъ средина, которая ничѣмъ не сослужитъ человѣчеству: этой энергіи въ нихъ нѣтъ, великаго самомнѣнія этого въ нихъ нѣтъ, трехъ этихъ шевелящихся китовъ подъ ними нѣтъ, на которыхъ стоятъ всѣ великіе народы. Вѣра въ то, что хочешь и можешь сказать послѣднее слово міру, что обновишь, наконецъ, его избыткомъ живой силы своей, вѣра въ святость своихъ идеаловъ, вѣра въ силу своей любви и жажды служенія человѣчеству,—нѣтъ, такая вѣра есть залогъ самой высшей жизни націй и только ею они и принесутъ всю ту пользу человѣчеству, которую предназначено имъ принести, всю ту часть жизненной силы своей и органической идеи своей, которую предназначено имъ самой природой, при созданіи ихъ, удѣлить въ наслѣдство грядущему человѣчеству. Только сильная такой вѣрой нація и имѣетъ право на высшую жизнь. Древній легендарный рыцарь вѣрилъ, что предъ нимъ падутъ всѣ препятствія, всѣ призраки и чудовища, и что онъ побѣдитъ все и всѣхъ, и всего достигнетъ, если только вѣрно сохранить свой обѣтъ „справедливости, цѣломудрія и нищеты“. Вы скажете, что все это легенды и пѣсни, которымъ можетъ вѣрить одинъ Донъ-Кихоть, и что совсѣмъ не таковы законы дѣйствительной жизни націй. Ну, такъ я васъ, господа, нарочно поймаю и уличу, что и вы такіе же Донъ-Кихоты, что у васъ самихъ есть такая же идея, которой вы вѣрите и черезъ которую хотите обновить человѣчество!

Въ самомъ дѣлѣ, чему вы вѣрите? Вы вѣрите (да и я съ вами) въ общечеловѣчность, т.-е. въ то, что падутъ когда-нибудь, передъ свѣтомъ разума и сознанія, естественныя преграды и предразсудки, раздѣляющія до сихъ поръ свободное общеніе націй эгоизмомъ національныхъ требованій, и что тогда только народы заживутъ однимъ духомъ и ладомъ какъ братья, разумно и любовно стремясь къ общей гармоніи. Что-жь, господа, что можетъ

быть выше и святѣ этой вѣры вашей? И главное вѣдь то, что вѣры этой вы нигдѣ въ мірѣ болѣе не найдете, ни у какого, напимѣрь, народа въ Европѣ, гдѣ личности націй чрезвычайно рѣзко очерчены, гдѣ если есть эта вѣра, то не иначе какъ на степени какого-нибудь еще умозрительнаго только сознанія, положимъ, пылкаго и пламеннаго, но все же не болѣе какъ кабинетнаго. А у васъ, господа, то-есть не то что у васъ, а у насъ, у насъ всѣхъ, русскихъ, — эта вѣра есть вѣра всеобщая, живая, главнѣйшая; всѣ у насъ этому вѣрятъ, и сознательно и просто, и въ интеллигентномъ мірѣ и живымъ чутьемъ въ простомъ народѣ, которому и религія его повелѣваетъ этому самому вѣрить. Да, господа, вы думали, что вы только одни „общечеловѣки“ изъ всей интеллигенціи русской, а остальные только славянофилы да націоналисты? Такъ вотъ нѣтъ же: славянофилы-то и націоналисты вѣрятъ точъ-въ-точъ тому же самому, какъ и вы, да еще крѣпче вашего!

Возьму только однихъ славянофиловъ: вѣдь что провозглашали они устами своихъ передовыхъ дѣятелей, основателей и представителей своего ученія? Они прямо, въ ясныхъ и точныхъ выводахъ, заявляли, что Россія, вкупѣ со славянствомъ и во главѣ его, скажетъ величайшее слово всему міру, которое тотъ когда-либо слышалъ, и что это слово именно будетъ завѣтомъ общечеловѣческаго единенія, и уже не въ духѣ личнаго эгоизма, которымъ люди и націи, искусственно и неестественно единятся теперь въ своей цивилизаціи, изъ борьбы за существованіе, положительной наукой опредѣляя свободному духу нравственные границы, въ то же время роя другъ другу ямы, пронося другъ на друга ложь, хулу и клевету. Идеаломъ славянофиловъ было единеніе въ духѣ истинной широкой любви, безъ лжи и матеріализма, и на основаніи личнаго великодушнаго примѣра, который предназначено дать собою русскому народу во главѣ свободнаго всеславянскаго единенія Европѣ. Вы скажете мнѣ, что вы вовсе не тому вѣрите, что все это кабинетныя умозрѣнія. Но дѣло тутъ вовсе не въ вопросѣ: какъ кто вѣруетъ, а въ томъ, что всѣ у насъ, несмотря на всю разногласицу, все же сходятся и сводятся къ этой одной окончательной общей мысли общечеловѣческаго единенія. Это фактъ не подлежащій сомнѣнію и самъ въ себѣ удивительный, потому что, на степеняхъ такой живой и главнѣйшей потребности,

этого чувства нѣтъ еще нигдѣ, ни въ одномъ народѣ. Но если такъ, то вотъ и у насъ, стало-быть, у насъ всѣхъ, есть твердая и опредѣленная національная идея: именно *національная*. Слѣдовательно, если національная идея русская есть, въ концѣ концовъ, лишь всемірное общечеловѣческое единеніе, то значить вся наша выгода въ томъ, чтобы всѣмъ, прекративъ всѣ раздоры до времени, стать поскорѣ русскими и національными. Все спасеніе наше лишь въ томъ, чтобы не спорить заранѣе о томъ, какъ осуществится эта идея и въ какой формѣ, въ вашей или въ нашей, а въ томъ, чтобы изъ кабинета всѣмъ вмѣстѣ перейти прямо къ дѣлу.

Но вотъ тутъ-то и пунктъ.

II.

Мы въ Европѣ лишь стрюціе.

Вѣдь вы какъ переходили къ дѣлу? Вы вѣдь давно начали, очень давно, но что, однако, вы сдѣлали для общечеловѣчности, т.-е. для торжества вашей идеи? Вы начали съ безцѣльнаго скитальчества по Европѣ при алчномъ желаніи переродиться въ европейцевъ, хотя бы по виду только. Цѣлое восемнадцатое столѣтіе мы только и дѣлали, что пока лишь видъ перенимали. Мы нагоняли на себя европейскіе вкусы, мы даже ѣли всякую пакость, стараясь не морщиться: „вотъ, дескать, какой я англичанинъ, ничего безъ кайенскаго перцу ѣсть не могу“. Вы думаете, я издѣваюсь? Ничуть. Я слишкомъ понимаю, что иначе и нельзя было начать. Еще до Петра, при московскихъ еще царяхъ и патріархахъ одинъ тогдашній молодой московскій франтъ, изъ передовыхъ, надѣлъ французскій костюмъ и къ боку прицѣпилъ европейскую шпагу. Мы именно должны были начать съ презрѣнія къ своему и къ своимъ, и если пробыли цѣлые два вѣка на этой точкѣ, не двигаясь ни взадъ, ни впередъ, то, вѣроятно, таковъ ужъ былъ нашъ срокъ отъ природы. Правда, мы и двигались: презрѣніе къ своему и къ своимъ все болѣе и болѣе возрастало, особенно, когда мы посерьезнѣе начали понимать Европу. Въ Европѣ насъ, впрочемъ, никогда не смущали рѣзкія разъединенія національностей и рѣзко опредѣлившіеся типы народныхъ характеровъ. Мы съ того и начали, что прямо „сняли всѣ противоположности“ и получили общечеловѣческій типъ „европейца“ — т.-е. съ самаго начала подмѣтили *общее*, всѣхъ ихъ свя-

зующее,— это очень характерно. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, поумнѣвъ еще болѣе, мы прямо ухватились за цивилизацію и тотчасъ же увѣрвали, слѣпо и преданно, что въ ней-то и заключается то „всеобщее“, которому предназначено соединять человѣчество воедино. Даже европейцы удивлялись, глядя на насъ, на чужихъ и пришельцевъ, это восторженной вѣрѣ нашей, тѣмъ болѣе, что сами они, увы, стали ужъ и тогда помаленьку терять эту вѣру въ себя. Мы съ восторгомъ встрѣтили пришествіе Руссо и Вольтера, мы съ путешествующимъ Карамзинымъ умиленно радовались созванію „Національныхъ штатовъ“ въ 89 году, и если мы и приходили потомъ въ отчаяніе, въ концѣ первой четверти уже нынѣшняго вѣка, вмѣстѣ съ передовыми европейцами надъ ихъ погибшими мечтами и разбитыми идеалами, то вѣры нашей все-таки не потеряли и даже самихъ европейцевъ утѣшали. Даже самые „бѣлые“ изъ русскихъ у себя въ отечествѣ становились въ Европѣ тотчасъ же красными—чрезвычайно характерная тоже черта. Затѣмъ, въ половинѣ текущаго столѣтія, нѣкоторые изъ насъ удостоились приобщиться къ французскому социализму и приняли его, безъ малѣйшихъ колебаній, за конечное разрѣшеніе всечеловѣческаго единенія, то-есть за достиженіе всей увлекавшей насъ доселѣ мечты нашей. Такимъ образомъ, за достиженіе цѣли мы приняли то, что составляло верхъ эгоизма, верхъ безчеловѣчія, верхъ экономической безтолковщины и безурядицы, верхъ клеветы на природу человѣческую, верхъ уничтоженія всякой свободы людей, но это насъ не смущало нисколько. Напротивъ, видя грустное недоумѣніе иныхъ глубокихъ европейскихъ мыслителей, мы съ совершенною развязностью немедленно обозвали ихъ подлецами и тушицами. Мы вполне повѣрили, да и теперь еще вѣримъ, что положительная наука вполне способна опредѣлить нравственныя границы между личностями единицъ и націй (какъ будто наука,—если бъ и могла это она сдѣлать,—можетъ открыть эти тайны раньше *завершенія опыта*, т. е. раньше *завершенія всѣхъ судебъ* человѣка на землѣ). Наши помѣщики продавали своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и ѣхали въ Парижъ издавать социальныя журналы, а наши Рудины умирали на баррикадахъ. Тѣмъ временемъ мы до того уже оторвались отъ своей земли русской, что уже утратили всякое понятіе о томъ, до какой степени такое ученіе рознится съ душой народа

русскаго. Впрочемъ, русскій народный характеръ мы не только считали ни во что, но и не признавали въ народѣ никакого характера. Мы забыли и думать о немъ, и съ полнымъ деспотическимъ спокойствіемъ были убѣждены (не ставя и вопроса), что народъ нашъ тотчасъ приметъ все, что мы ему укажемъ, т.-е. въ сущности прикажемъ. На этотъ счетъ у насъ всегда ходило нѣсколько смѣшнѣйшихъ анекдотовъ о народѣ. Наши общечеловѣки пребыли къ своему народу вполне помѣщиками, и даже послѣ крестьянской реформы.

И чего же мы достигли? Результатовъ странныхъ: главное, всѣ на насъ въ Европѣ смотрятъ съ насмѣшкой, а на лучшихъ и безспорно умныхъ русскихъ въ Европѣ смотрятъ съ высокоумнымъ снисхожденіемъ. Не спасала ихъ отъ этого высокоумнаго снисхожденія даже и самая эмиграція изъ Россіи, т. е. уже политическая эмиграція и полнѣйшее отъ Россіи отреченіе. Не хотѣли европейцы насъ почестъ за своихъ ни за что, ни за какія жертвы и ни въ какомъ случаѣ. *Grattez, дескать, le russe et vous verrez le tartare*, и такъ и доселѣ. Мы у нихъ въ половицу вошли. И чѣмъ больше мы имъ въ угоду презирали нашу національность, тѣмъ болѣе они презирали насъ самихъ. Мы вилили предъ ними, мы подобострастно исповѣдывали имъ наши „европейскіе“ взгляды и убѣжденія, а они свысока насъ не слушали и обыкновенно прибавляли съ учтливой усмѣшкой, какъ бы желая поскорѣе отвязаться, что мы это все у нихъ „не такъ поняли“. Они именно удивлялись тому, какъ это мы, будучи такими татарами (*les tartares*), никакъ не можемъ стать русскими; мы же никогда не могли растолковать имъ, что хотимъ быть не русскими, а общечеловѣками. Правда, въ послѣднее время они что-то даже поняли. Они поняли, что мы чего-то хотимъ, чего-то имъ страшнаго и опаснаго; поняли, что насъ много, восемьдесятъ милліоновъ, что мы знаемъ и понимаемъ всѣ европейскія идеи, а что они нашихъ русскихъ идей не знаютъ, а если и узнаютъ, то не поймутъ; что мы говоримъ на всѣхъ языкахъ, а что они говорятъ лишь на однихъ своихъ,—ну, и многое еще они стали смекать и подозрѣвать. Кончилось тѣмъ, что они прямо обозвали насъ врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизаціи. Вотъ какъ они поняли нашу страстную цѣль стать общечеловѣками!

А между тѣмъ намъ отъ Европы никакъ нельзя отказаться. Европа намъ второе отечество,—я первый страстно исповѣдую это и всегда исповѣдывалъ. Европа намъ почти такъ же *всѣмъ* дорога, какъ Россія; въ ней все Афетово племя, а наша идея—объединеніе всѣхъ націй этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама. Какъ же быть?

Стать русскими во-первыхъ и прежде всего. Если общечеловѣчность есть идея національная русская, то прежде всего надо каждому стать русскимъ, т. е. самимъ собой, и тогда съ перваго шагу все измѣнится. Стать русскимъ значитъ перестать презирать народъ свой. И какъ только европеецъ увидитъ, что мы начали уважать народъ нашъ и національность нашу, такъ тотчасъ же начнетъ и онъ насъ самихъ уважать. И дѣйствительно, чѣмъ сильнѣе и самостоятельнѣе развились бы мы въ національномъ духѣ нашемъ, тѣмъ сильнѣе и ближе отозвались бы европейской душѣ, и, породнившись съ нею, стали бы тотчасъ ей понятнѣе. Тогда не отвертывались бы отъ насъ высокомерно, а выслушивали бы насъ. Мы и на видъ тогда станемъ совсѣмъ другіе. Ставъ самими собой, мы получимъ наконецъ обликъ человѣческой, а не обезьяній. Мы получимъ видъ свободнаго существа, а не раба, не лакея, не Потугина; насъ сочтутъ тогда за людей, а не за международную обшмыгу, не за стрюцкихъ европеизма, либерализма и социализма. Мы и говорить будемъ съ ними умнѣе теперешняго, потому что въ народѣ нашемъ и въ духѣ его отыщемъ новыя слова, которыя ужъ непременно станутъ европейцамъ понятнѣе. Да и сами мы поймемъ тогда, что многое изъ того, чтò мы презирали въ народѣ нашемъ,— есть не тьма, а именно свѣтъ, не глупость, а именно умъ, а, понявъ это, мы непременно произнесемъ въ Европѣ такое слово, котораго тамъ еще не слыхали. Мы убѣдимся тогда, что настоящее социальное слово несетъ въ себѣ никто иной, какъ народъ нашъ, что въ идеѣ его, въ духѣ его заключается живая потребность всеединенія человѣческаго, всеединенія уже съ полнымъ уваженіемъ къ національнымъ личностямъ и къ сохраненію ихъ, къ сохраненію полной свободы людей и съ указаніемъ въ чемъ именно эта свобода и заключается,—единеніе любви, *гарантированное* уже дѣломъ, живымъ примѣромъ, потребностью на дѣлѣ истиннаго братства, а не гильотиной, не милліонами отрубленныхъ головъ.

А впрочемъ, неужели и впрямь я хотѣлъ кого убѣдить. Это была шутка. Но — слабъ человѣкъ: авось прочтетъ кто-нибудь изъ подростковъ, изъ юнаго поколѣнія...

III.

Русская сатира. „Новь“. „Послѣднія пѣсни“. Старыя воспоминанія.

Занимался я въ этотъ мѣсяцъ и литературой, то-есть беллетристикой, „изящной литературой“, и кое-что прочелъ съ увлеченіемъ. Кстати, недавно прочелъ я одно иностранное мнѣніе о русской сатирѣ, т.-е. о современной нашей сатирѣ, теперешней. Оно высказано было во Франціи. Замѣчательнень тутъ одинъ выводъ, — забылъ подлинныя слова, но вотъ смыслъ: „Русская сатира какъ бы боится хорошаго поступка въ русскомъ обществѣ. Встрѣтивъ подобный поступокъ, она приходитъ въ безпокойство и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не прищетъ гдѣ-нибудь, въ подкладкѣ этого поступка, подлеца. Тутъ она тотчасъ обрадуется и закричитъ: „Это вовсе не хорошій поступокъ, радоваться совсѣмъ нечему, видите сами, тутъ тоже подлецъ сидитъ!“

Справедливо ли это мнѣніе? Не вѣрю, чтобъ было справедливо. Знаю только, что сатира у насъ имѣетъ блестящихъ представителей и въ большемъ ходу. Публика очень любитъ сатиру и, однако, мое убѣжденіе, по крайней мѣрѣ, что та же самая публика несравненно больше любить положительную красоту, алчетъ и жаждетъ ея. Графъ Левъ Толстой, безъ сомнѣнія, любимѣйшій писатель русской публики всѣхъ отгѣнковъ.

Сатира наша, какъ ни блестяща она, дѣйствительно страдаетъ нѣкоторою неопредѣленностью—вотъ что развѣ можно про нее сказать. Положительно нельзя иногда представить въ цѣломъ, общемъ: что именно хочется сказать нашей сатирѣ? Такъ и кажется, что у ней у самой нѣтъ никакой подкладки, но можетъ ли это быть? Чему она сама-то вѣритъ, во имя чего обличаетъ, — это какъ будто тонетъ во мракѣ неизвѣстности. Нельзя никакъ узнать, что сама она считаетъ хорошимъ.

И вотъ надъ вопросомъ этимъ странно задумываешься.

Прочелъ „Новь“ Тургенева и жду второй части. Кстати: вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я пишу, и во всѣ эти тридцать лѣтъ мнѣ постоянно и много разъ приходило въ голову одно забавное наблюденіе. Всѣ наши критики

(а я слѣжу за литературой чуть не сорокъ лѣтъ), и умершіе и теперешніе, всѣ, однимъ словомъ, которыхъ я только запомню, чуть лишь начинали, теперь или бывало, какой-нибудь отчетъ о текущей русской литературѣ чуть-чуть поторжественнѣе (прежде, на примѣръ, бывали въ журналахъ годовые январскіе отчеты за весь истекшій годъ),—то всегда употребляли, болѣе или менѣе, но съ великою любовью, все одну и ту же фразу: „Въ наше время, когда литература въ такомъ упадкѣ“, „въ наше время, когда русская литература въ такомъ застоѣ“, „въ наше литературное безвременіе“, „странствуя въ пустыняхъ русской словесности“, и т. д., и т. д. На тысячу ладовъ одна и та же мысль. А въ сущности въ эти сорокъ лѣтъ явились послѣднія произведенія Пушкина, начался и кончился Гоголь, былъ Лермонтовъ, явились Островскій, Тургеневъ, Гончаровъ и еще человекъ десять, по крайней мѣрѣ, преталантливыхъ беллетристовъ. И это только въ одной беллетристичѣ! Положительно можно сказать, что почти никогда и ни въ какой литературѣ, въ такой короткій срокъ не явилось такъ много талантливыхъ писателей, какъ у насъ, и такъ сряду, безъ промежутковъ. А между тѣмъ я даже и теперь, чуть не въ прошломъ мѣсяцѣ, читалъ опять о застоѣ русской литературы и о „пустыняхъ русской словесности“. Впрочемъ, это только забавное наблюденіе мое; да и вещь-то совершенно невинная и неимѣющая никакого значенія. А такъ, усмѣхнуться можно.

Объ „Нови“ я, разумѣется, ничего не скажу; всѣ ждутъ второй части. Да и не мнѣ говорить. Художественное достоинство созданій Тургенева вѣкъ сомнѣнія. Замѣчу лишь одно: на 92 страницѣ романа (см. *Вѣстникъ Европы*) сверху страницы есть 15 или 20 строкъ, и въ этихъ строкахъ какъ бы концентрировалась, по-моему, вся мысль произведенія, какъ бы выразился весь взглядъ автора на свой предметъ. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ совершенно ошибоченъ и я съ нимъ глубоко несогласенъ. Это нѣсколько словъ, сказанныхъ авторомъ по поводу одного лица романа, Соломина.

Прочелъ я „Послѣднія пѣсни“ Некрасова въ январской книгѣ *Отечественныхъ Записокъ*. Страстные пѣсни и недосказанные слова, какъ всегда у Некрасова, но какіе мучительные стоны больного! Нашъ поэтъ очень боленъ и—онъ самъ говорилъ мнѣ—видитъ ясно свое по-

ложеіе. Но мнѣ не вѣрится... Это крѣпкій и воспримчивый организмъ. Онъ страдаетъ ужасно (у него какая-то язва въ кишкахъ, болѣзнь, которую и опредѣлить трудно), но я не вѣрю, что онъ не вынесетъ до весны, а весной на воды за границу, въ другой климатъ, поскорѣе, и онъ поправится, я въ этомъ убѣжденъ. Странно бываетъ съ людьми; мы въ жизнь нашу рѣдко видались, бывали между нами и недоумѣнія, но у насъ былъ одинъ такой случай въ жизни, что я никогда не могъ забыть о немъ. Это именно наша первая встрѣча другъ съ другомъ въ жизни. И что жъ, недавно я зашелъ къ Некрасову и онъ, больной, измученный, съ перваго слова началъ съ того, что помнитъ о тѣхъ дняхъ. Тогда (это тридцать лѣтъ тому!) произошло что-то такое молодое, свѣжее, хорошее,—изъ того что остается навсегда въ сердцѣ участвовавшихъ. Намъ тогда было по двадцати съ немногимъ лѣтъ. Я жилъ въ Петербургѣ, уже годъ какъ вышелъ въ отставку изъ инженеровъ, самъ не зная зачѣмъ, съ самыми неясными и неопредѣленными цѣлями. Былъ май мѣсяць сорокъ пятаго года. Въ началѣ зимы я началъ вдругъ „Бѣдныхъ людей“, мою первую повѣсть, до тѣхъ поръ ничего еще не писавши. Кончивъ повѣсть, я не зналъ какъ съ ней быть и кому отдать. Литературныхъ знакомствъ я не имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григоровича, но тотъ и самъ еще ничего тогда не написалъ, кромѣ одной маленькой статейки „Петербургскіе шарманщики“ въ одинъ сборникъ. Кажется, онъ тогда собирался уѣхать на лѣто къ себѣ въ деревню, а пока жилъ нѣкоторое время у Некрасова. Зайдя ко мнѣ, онъ сказалъ: „принесите рукопись“ (самъ онъ еще не читалъ ее): „Некрасовъ хочетъ къ будущему году сборникъ издать, я ему покажу“. Я снесъ, видѣлъ Некрасова минутку, мы подали другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что пришелъ со своимъ сочиненіемъ и поскорѣй ушелъ, не сказавъ съ Некрасовымъ почти ни слова. Я мало думалъ объ успѣхѣ, а этой партіи *Отечественныхъ Записокъ*, какъ говорили тогда, я боялся. Вѣлинскаго я читалъ уже нѣсколько лѣтъ съ увлеченіемъ, но онъ мнѣ казался грознымъ и страшнымъ и — „осмѣетъ онъ моихъ „Бѣдныхъ людей!“—думалось мнѣ иногда. Но лишь иногда: писалъ я ихъ со страстью, почти со слезами — „неужто все это, всѣ эти минуты, которыя я пережилъ съ перомъ въ рукахъ надъ этой повѣстью,—все это ложь, миражъ, невѣр-

ное чувство? Но думалъ я такъ, разумѣется, только минутами и мнительность немедленно возвращалась. Вечеромъ того же дня, какъ я отдалъ рукопись, я пошелъ куда-то далеко къ одному изъ прежнихъ товарищей; мы всю ночь проговорили съ нимъ о „Мертвыхъ душахъ“ и читали ихъ, въ который разъ не помню. Тогда это бывало между молодежью; сойдутся двое или трое: „а не почитать ли намъ, господа, Гоголя!“—салятся и читаютъ, и, пожалуй, всю ночь. Тогда между молодежью весьма и весьма многіе какъ бы чѣмъ-то были проникнуты и какъ бы чего-то ожидали. Воротился я домой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую какъ днемъ петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у окна. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня, въ совершенномъ восторгѣ, и оба чуть сами не плачутъ. Они накануне вечеромъ воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать, на пробу: „съ десяти страницъ видно будетъ“. Но прочтя десять страницъ, рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не отрываясь, просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь, когда одинъ уставалъ. „Читаетъ онъ про смерть студента — передавалъ мнѣ потомъ уже наединѣ Григоровичъ, — и вдругъ я вижу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ за гробомъ бѣжить, у Некрасова голосъ прерывается, разъ и другой, и вдругъ не выдержалъ, стукнулъ ладонью по рукописи: „Ахъ, чтобъ его!“ Это про васъ-то и такъ мы всю ночь“. Когда они кончили (семь печатныхъ листовъ!), то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ немедленно: „Что жъ такое, что спитъ, мы разбудимъ его, это выше сна!“ Потомъ, приглядѣвшись къ характеру Некрасова, я часто удивлялся той минутѣ: характеръ его замкнутый, почти мнительный, осторожный, мало сообщительный. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ всегда казался, такъ что та минута нашей первой встрѣчи была воистину проявленіемъ самаго глубокаго чувства. Они пробыли у меня тогда съ полчаса, въ полчаса мы Богъ знаетъ сколько переговарили, съ полслова понимая другъ друга, съ восклицаніями, торопясь: говорили и о поэзіи, и о правдѣ, и о „тогдашнемъ положеніи“, разумѣется, и о Гоголѣ, цитую изъ „Ревизора“ и изъ „Мертвыхъ Душъ“, но главное, о Бѣлинскомъ. „Я ему сегодня же снесу вашу повѣсть и вы уви-

дите, — да вѣдь человѣкъ-то, человѣкъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь, увидите, какая это душа!“ — восторженно говорилъ Некрасовъ, тряся меня за плечи обѣими руками. „Ну, теперь спите, спите, мы уходимъ, а завтра къ намъ!“ Точно я могъ заснуть послѣ нихъ! Какой восторгъ, какой успѣхъ, а главное — чувство было дорого, помню ясно: „У иного успѣхъ, ну, хвалить, встрѣчаютъ, поздравляютъ, а вѣдь эти прибѣжали со слезами, въ четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ахъ, хорошо!“ Вотъ что я думалъ, какой тутъ сонъ!

Некрасовъ снесъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ же день. Онъ благоговѣлъ передъ Бѣлинскимъ и, кажется, всѣхъ больше любилъ его за всю свою жизнь. Тогда еще Некрасовъ ничего еще не написалъ такого размѣра, какъ удалось ему вскорѣ, черезъ годъ потомъ. Некрасовъ очутился въ Петербургѣ, сколько мнѣ извѣстно, лѣтъ шестнадцати, совершенно одинъ. Писалъ онъ тоже чуть не съ 16-ти лѣтъ. О знакомствѣ его съ Бѣлинскимъ я мало знаю, но Бѣлинскій его угадалъ съ самаго начала и, можетъ-быть, сильно повліялъ на настроеніе его поэзіи. Несмотря на всю тогдашнюю молодость Некрасова и на разницу лѣтъ ихъ, между ними навѣрно ужъ и тогда бывали такія минуты и уже сказаны были такія слова, которыя вліяютъ навѣкъ и связываютъ неразрывно. „Новый Гоголь явился!“ закричалъ Некрасовъ, входя къ нему съ „Бѣдными людьми“. — „У васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ“, строго замѣтилъ ему Бѣлинскій, но рукопись взялъ. Когда Некрасовъ опять зашелъ къ нему вечеромъ, то Бѣлинскій встрѣтилъ его „просто въ волненіи“: Приведите, приведите его скорѣе!

И вотъ (это, стало-быть, уже на третій день) меня привели къ нему. Помню, что на первый взглядъ меня очень поразила его наружность, его носъ, его лобъ; я представлялъ его себѣ почему-то совсѣмъ другимъ, — „этого ужаснаго, этого страшнаго критика“. Онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно важно и сдержанно. „Что жъ, оно такъ и надо“, подумалъ я, но не прошло, кажется, и минуты, какъ все преобразилось: важность была не лица, не великаго критика, встрѣчающаго двадцати-двухъ-лѣтняго начинающаго писателя, а, такъ сказать, изъ уваженія его къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ хотѣлъ мнѣ излить какъ можно скорѣе, къ тѣмъ важнымъ словамъ, которыя чрезвычайно торопился мнѣ сказать. Онъ заговорилъ пламенно, съ горя-

щими глазами: „Да вы понимаете ль сами-то, повторилъ онъ мнѣ нѣскольکو разъ и вскрикивая по своему обыкновению, — что это вы такое написали!“ Онъ вскрикивалъ всегда, когда говорилъ въ сильномъ чувствѣ. „Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали? Не можетъ быть, чтобы вы въ ваши двадцать лѣтъ ужъ это понимали. Да вѣдь это вашъ несчастный чиновникъ—вѣдь онъ до того заслужился и до того довелъ себя уже самъ, что даже и несчастнымъ-то себя не смѣетъ почестъ отъ приниженности и почти за вольнодумство считаетъ малѣйшую жалобу, даже права на несчастье за собой не смѣетъ признать и, когда добрый человекъ, его генераль, даетъ ему эти сто рублей—онъ раздробленъ, уничтоженъ отъ изумленія, что такого какъ онъ могъ пожалѣть „Ихъ Превосходительство“, не его превосходительство, а „ихъ превосходительство“, какъ онъ у васъ выражается! А эта оторвавшаяся пуговица, эта минута цѣлованія генеральской ручки, — да вѣдь тутъ ужъ не сожалѣніе къ этому несчастному, а ужасъ, ужасъ! Въ этой благодарности-то его ужасъ! Это трагедія! Вы до самой сути дѣла дотронулись, самое главное разомъ указали. Мы публицисты и критики только разсуждаемъ, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художникъ, одною чертой, разомъ въ образѣ выставляете самую суть, чтобы оцунать можно было рукой, чтобы самому неразсуждающему читателю стало вдругъ все понятно! Вотъ тайна художественности, вотъ правда въ искусствѣ! Вотъ служеніе художника истинѣ! Вамъ правда открыта и возвѣщена какъ художнику, досталась какъ даръ, цѣните же вашъ даръ и оставайтесь вѣрнымъ и будете великимъ писателемъ!“

Все это онъ тогда говорилъ мнѣ. Все это онъ говорилъ потомъ обо мнѣ и многимъ другимъ, еще живымъ теперь и могущимъ засвидѣтельствовать. Я вышелъ отъ него въ упоеніи. Я остановился на углу его дома, смотрѣлъ на небо, на свѣтлый день, на проходившихъ людей и весь, всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, переломъ навѣки, что началось что-то совсѣмъ новое, но такое, чего я и не предполагалъ тогда даже въ самыхъ страстныхъ мечтахъ моихъ. (А я былъ тогда страшный мечтатель). „И неужели вправду я такъ великъ“, стыдливо думалъ я

про себя въ какомъ-то робкомъ восторгѣ. О, не смѣйтесь, никогда потомъ я не думалъ, что я великъ, но тогда—развѣ можно было это вынести! „О, я буду достойнымъ этихъ похвалъ, и какіе люди, какіе люди! Вотъ гдѣ люди! Я заслужу, постараюсь стать такимъ же прекраснымъ, какъ они, пребуду „вѣренъ!“ О, какъ я легкомысленъ, и если бъ Бѣлинскій только узналъ, какія во мнѣ есть дрянныя, постыдныя вещи! А все говорятъ, что эти литераторы горды, самолюбивы. Впрочемъ, этихъ людей только и есть въ Россіи, они „одни, но у нихъ однихъ истина, а истина, добро, правда всегда побѣждаютъ и торжествуютъ надъ порокомъ и зломъ, мы побѣдимъ; о, къ нимъ, съ ними!“

Я это все думалъ, я припоминаю ту минуту въ самой полной ясности. И никогда потомъ я не могъ забыть ее. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я въ каторгѣ, вспоминая ее, укрѣплялся духомъ. Теперь еще вспоминаю ее каждый разъ съ восторгомъ. И вотъ, тридцать лѣтъ спустя, я припомнилъ всю эту минуту опять, недавно, и будто вновь ее пережилъ, сидя у постели больного Некрасова. Я ему не напоминалъ подробно, я напомнилъ только, что были эти тогдашнія наши минуты и увидалъ, что онъ помнитъ о нихъ и самъ. Я и зналъ, что помнитъ. Когда я воротился изъ каторги, онъ указалъ мнѣ на одно свое стихотвореніе въ книгѣ его: „Это я объ васъ тогда написалъ“, сказалъ онъ мнѣ. А прожили мы всю жизнь врознь. На страдальческой своей постели онъ вспоминаетъ теперь отжившихъ друзей:

Пѣсни вѣщія ихъ не довѣты,
Пали жертвою злобы, измѣнь—
Въ цвѣтѣхъ лѣтъ; на меня ихъ портреты
Укоризненно смотрятъ со стѣнъ.

Тяжелое здѣсь слово это: *укоризненно*. Пребыли ли мы „вѣрны“, пребыли ли? Всякъ пусть рѣшаетъ на свой судъ и совѣсть. Но прочтите эти страдальческія пѣсни сами, и пусть вновь оживетъ нашъ любимый и страстный поэтъ! Страстный къ страданью поэтъ!..

IV.

Именинникъ.

Помните ли вы „Дѣтство и отрочество“ графа Толстого? Тамъ есть одинъ мальчикъ, герой всей поэмы. Но это не простой мальчикъ, не какъ другія дѣти, не какъ

братъ его Володя. Ему всего какихъ-нибудь лѣтъ двѣнадцать, а въ голову и въ сердце его уже заходятъ мысли и чувства не такія, какъ у его сверстниковъ. Мечтамъ и чувствамъ своимъ онъ уже отдается страстно и уже знаетъ, что ихъ лучше хранить ему про себя. Обнаруживать ихъ уже мѣшаетъ ему стыдливое цѣломудріе и высшая гордость. Онъ завидуетъ брату и считаетъ его несравненно выше себя, особенно по ловкости и по красотѣ лица, а между тѣмъ онъ втайнѣ предчувствуетъ, что братъ гораздо ниже его во всѣхъ отношеніяхъ, но онъ гонитъ свою мысль и считаетъ ее низостью. Онъ смотритъ на себя въ зеркало слишкомъ часто и рѣшаетъ, что онъ уродливо не хорошъ собою. У него мелькаютъ мечты, что его никто не любитъ, что его презираютъ... Однимъ словомъ, это мальчикъ довольно необыкновенный, а между тѣмъ именно принадлежащій къ этому типу семейства средне-высшаго дворянскаго круга, поэтомъ и историкомъ котораго былъ, по завѣту Пушкина, вполне и всецѣло, графъ Левъ Толстой. И вотъ въ ихъ домѣ, въ большомъ семейномъ московскомъ домѣ собираются гости; именинница сестра; съѣзжаются съ большими и дѣти, тоже мальчики и дѣвочки. Начались игры, танцы; нашъ герой мѣшковать, танцуетъ хуже всѣхъ, хочетъ отличиться остроуміемъ, но ему не удается,—а тутъ какъ разъ столько хорошенькихъ дѣвочекъ и—вѣчная мысль его, вѣчное подзрѣніе, что онъ хуже всѣхъ. Въ отчаяніи онъ рѣшается на все, чтобъ всѣхъ поразить. При всѣхъ дѣвочкахъ и при всѣхъ этихъ гордыхъ, старшихъ мальчикахъ, считавшихъ его ни во что, онъ вдругъ, внѣ себя, съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ бросаются въ раскрывшуюся подъ ногами бездну, выставляетъ гувернеру языкъ и ударяетъ его изо всѣхъ силъ кулакомъ! „Теперь всѣ узнали, каковъ онъ, онъ показалъ себя!“ Его позорно тащутъ и запираютъ въ чуланъ. Чувствуя себя погибшимъ, и уже навѣки, мальчикъ пачинаетъ мечтать: вотъ онъ бѣжалъ изъ дому, вотъ онъ поступаетъ въ армію, на сраженіи онъ убиваетъ множество турокъ и падаетъ отъ ранъ. Побѣда! гдѣ нашъ спаситель, кричатъ всѣ, цѣлуютъ и обнимаютъ его. Вотъ онъ уже въ Москвѣ, онъ идетъ по Тверскому бульвару съ подвязанной рукой, его встрѣчаетъ Государь... И вдругъ мысль, что дверь отворится и войдетъ гувернеръ съ розгами, разсѣваетъ эти мечты, какъ пыль. Начинаются другія. Онъ вдругъ выдумываетъ причину, по-

чему его „всѣ такъ не любятъ: вѣроятно, онъ подкидывъ и отъ него это скрываютъ...“ Вихрь разрастается: вотъ онъ умираетъ, входятъ въ чуланъ и находятъ его трупъ: „Бѣдный мальчикъ!“ его всѣ жалѣютъ.—„Онъ добрый мальчикъ! Это вы его погубили, говоритъ отецъ гувернеру“... и вотъ слезы душатъ мечтателя... Вся эта исторія кончается болѣзнью ребенка, лихорадкой, бредомъ. Чрезвычайно серьезный психологическій этюдъ надъ дѣтской душой, удивительно написанный.

Я нарочно припомнилъ этотъ этюдъ въ такой подробности. Я получилъ письмо изъ К-ва, въ которомъ мнѣ описываютъ смерть одного ребенка, тоже двѣнадцатилѣтняго мальчика, и—и очень можетъ быть, что тутъ нѣчто похожее. Впрочемъ, выпишу мѣстами письмо, не измѣняя въ выписываемомъ ни слова. *Сюжетъ* любоньтень.

8-го ноября, послѣ обѣда, разнеслась по городу вѣсть, что случилось *самоубійство*, — повѣсился 12—13-лѣтній *отрокъ*, воспитанникъ прогимназии. Обстоятельства дѣла таковы. — Классный наставникъ, по предмету котораго не зналъ въ этотъ день урока погибшій мальчикъ, наказалъ его тѣмъ, что оставилъ въ заведеніи до 5 часовъ вечера. Походилъ, походилъ ученикъ, отвязалъ отъ попавшагося на глаза блока бичевку, привязалъ ее къ гвоздю, на которомъ обыкновенно виситъ такъ-называемая золотая или красная доска, для чего-то въ этотъ день вынесенная, и удавился. Сторожъ, мывшій въ сосѣднихъ комнатахъ полы, увидалъ несчастнаго, побѣжалъ къ инспектору; прибѣжалъ инспекторъ, сняли съ петли самоубійцу, но возвратить его къ жизни не могли. Гдѣ причина самоубійства? Мальчикъ буйства и звѣрства не проявлялъ, учился вообще хорошо, только у своего класснаго наставника въ послѣднее время получилъ нѣсколько неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, за что и былъ наказываемъ... Говорятъ, и отецъ мальчика, человекъ очень строгій, и самъ онъ былъ въ этотъ день именинникомъ. Быть можетъ, съ дѣтскимъ восторгомъ мечталъ молодой именинникъ о томъ, какъ его встрѣтятъ дома — мать, отецъ, братишки и сестренки... И вотъ сиди одинъ-одинешенець голодный въ пустомъ домѣ и раздумывай о страшномъ гнѣвѣ отца, который придется встрѣтить, объ униженіи, стыдѣ, а быть можетъ и наказаніи, которое предстоить перенести. О возможности покончить самому съ собою онъ зналъ (да и кто изъ дѣтей нашего времени не знаетъ этого). Страшно жаль погибшаго, жаль инспектора, человека и педагога прекраснѣйшаго, котораго воспитанники обожаютъ, страшно за школу, которая въ стѣнахъ своихъ видитъ подобныя явленія. Чтò почувствовали товарищи погибшаго и другія дѣти, обучающіяся тамъ, между которыми въ приготовительныхъ классахъ есть совершенныя крошки, когда они узнали о случившемся? Не слишкомъ ли сильна такая наука? Не слишкомъ ли много придается значенія—двойкамъ, единицамъ, золотымъ и краснымъ доскамъ, на гвоздяхъ отъ которыхъ вѣшаются воспитанники? Не слишкомъ ли много формализма и сухой безсердечности вносится у насъ въ дѣло воспитанія?

Конечно, страшно жаль бѣднаго маленькаго именинника, но я не стану распространяться о вѣроятныхъ причинахъ этого горестнаго случая, и въ особенности на тему „о двойкахъ, о баллахъ, объ излишней строгости“ и проч. Все это и прежде было и обходилось безъ самоубійствъ, и причина очевидно не тутъ. Эпизодъ изъ „Отрочества“ графа Толстого я взялъ изъ сходства обоихъ случаевъ, но есть и огромная разница. Безъ сомнѣнія, именинникъ Мипа убилъ себя не отъ злости и не отъ страху только. Оба чувства эти—и злость, и болѣзненная трусливость—слишкомъ просты и скорѣе всего нашли бы *исходъ сами въ себя*. Впрочемъ, дѣйствительно могъ повліять и страхъ наказанія, особенно при болѣзненной мнительности, но все же чувство могло быть и при этомъ гораздо сложнѣе, и опять-таки очень можетъ быть, что происходило нѣчто въ родѣ того, что описалъ графъ Толстой, т. е. подавленные, еще не созпательные дѣтскіе вопросы, сильное ощущение какой-то гнетущей несправедливости, мнительное раннее и страдальческое ощущение собственной ничтожности, болѣзненно развившійся вопросъ: „Почему меня такъ *все* не любятъ“, страстное желаніе заставить жалѣть о себѣ, т. е. то же, что страстное желаніе любви отъ *нихъ всѣхъ*—и множество, множество другихъ усложненій и оттѣнковъ. Дѣло въ томъ, что тѣ или другіе изъ этихъ оттѣнковъ непременно были, но—есть и черты какой-то новой дѣйствительности, совсѣмъ другой уже, чѣмъ какая была въ успокоенномъ и твердо, издавна сложившемся московскомъ помѣщичьемъ семействѣ средне-высшаго круга, *историкомъ* котораго явился у насъ графъ Левъ Толстой, и какъ разъ, кажется, въ ту пору, когда для прежняго русскаго дворянскаго строя, утверждавшагося на прежнихъ помѣщичьихъ основаніяхъ, пришелъ какой-то новый, еще неизвѣстный, но радикальный переломъ, по крайней мѣрѣ, огромное перерожденіе въ новыя и еще грядущія, почти совсѣмъ неизвѣстныя формы. Есть тутъ, въ этомъ случаѣ, съ именинникомъ одна особенная черта уже совершенно нашего времени. Мальчикъ графа Толстого могъ мечтать, съ болѣзненными слезами разслабленнаго умиленія въ душѣ, о томъ, какъ *они* войдутъ и найдутъ его мертвымъ и начнутъ любить его, жалѣть и себя винить. Онъ даже могъ мечтать и о самоубійствѣ, но лишь *мечтать*: строгій строй исторически сложившагося дворянскаго семейства отозвался бы и въ дѣвѣнадцатилѣт-

немъ ребенкѣ и не довелъ бы его мечту до дѣла, а тутъ—
помечталъ да и съдѣлалъ. Я, впрочемъ, замѣчая это, не
объ одной только теперешней эпидеміи самоубійствъ го-
ворю. Чувствуется, что тутъ что-то не то, что огромная
часть русскаго строя жизни осталась вовсе безъ наблю-
денія и безъ *историка*. По крайней мѣрѣ ясно, что жизнь
средне-высшаго нашего дворянскаго круга, столь ярко
описанная нашими беллетристами, есть уже слишкомъ
ничтожный и обособленный уголокъ русской жизни. Кто жъ
будетъ *историкомъ* остальныхъ уголковъ, кажется страшно
многочисленныхъ? И если въ этомъ хаосѣ, въ которомъ
давно уже, но теперь особенно, пребываетъ обществен-
ная жизнь и нельзя отыскать еще нормальнаго закона и
руководящей нити даже, можетъ быть, и Шекспировскихъ
размѣровъ художнику, то, по крайней мѣрѣ, кто же освѣ-
титъ хотя бы часть этого хаоса, и хотя бы и не мечта-
я о руководящей нити? Главное, какъ будто всѣмъ еще во-
все не до того, что это какъ бы еще рано для самыхъ
великихъ нашихъ художниковъ. У насъ есть безспорно
жизнь разлагающаяся и семейство, стало быть, разла-
гающееся. Но есть, необходимое, и жизнь вновь склады-
вающаяся, на новыхъ уже началахъ. Кто ихъ подмѣтилъ
и кто ихъ укажетъ? Кто хоть чуть-чуть можетъ опредѣ-
лить и выразить законы и этого разложенія и новаго со-
зиданія? Или еще рано? Но и старое-то, прежнее-то все
ли было отмѣчено?

ФЕВРАЛЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1.

Самозванные пророки и хромые бочары, продолжающіе дѣлать луну въ Гороховой. Одинъ изъ неизвѣстнѣйшихъ русскихъ великихъ людей.

Восточный вопросъ попрежнему у всѣхъ передъ глазами. Какъ ни старались мы забыть его и развлечь себя всѣмъ, что было подъ рукой,—масленицей, „Новью“, крахами, червонными валетами,—какъ ни нагоняли мы на себя цинизмъ, увѣряя всѣхъ, и себя прежде всѣхъ, что „ничего ровно не было, что все выдуманно и поддѣлано“, какъ ни прятали мы голову въ подушку, какъ маленькіи дѣти, чтобъ только не видѣть грознаго привидѣнія,—а привидѣніе все-таки передъ нами, никуда не ушло, стоитъ и грозитъ какъ и прежде. Всякій—и злобствующій циникъ, и искренній гражданинъ, и безмятежно развлекающійся гуляка, и просто лѣнновецъ,—всякій чувствуетъ и помнитъ, что есть это нѣчто,—нѣчто отнюдь еще не рѣшенное и не поконченное, а вмѣстѣ съ тѣмъ неотложное и необходимое, нѣчто, что непременно позоветъ насъ и потребуетъ, рано ли, поздно ли, къ развязкѣ, и что тутъ непременно—

«Надо что-нибудь да сдѣлать,

«Надо чѣмъ-нибудь да кончить,

И ужъ это по меньшей мѣрѣ, если что-нибудь сдѣлать или чѣмъ-нибудь кончить, а что всего бы лучше, если бы кончить получше. А между тѣмъ время идетъ да идетъ,

на дворѣ весна и—что-то дастъ намъ весна? Иные кричатъ, что ушло уже время; это Богъ знаетъ; для хорошаго дѣла всегда есть время. Да, не выработается ли что-нибудь хоть къ веснѣ, не скажется ли что-нибудь окончательно, то-есть хоть бы на годъ? Вѣдь въ восточномъ вопросѣ теперь въ Европѣ дальше какъ на годъ никто и не разсчитываетъ, тѣмъ болѣе, что и сама Турція врядъ ли годъ простоить. Но дѣло не въ ней, а въ томъ, что послѣ нея останется. Эти окончательныя рѣшенія на годъ Европѣ, можетъ быть, и выгодны; ну, а другимъ не очень; и что-то будетъ съ другими, особенно съ тѣми другими, тамъ за Дунаемъ? Но объ нихъ думаетъ лишь русскій народъ.

Да, думаетъ, и, воля ваша, какъ ни отрицали мы изо всѣхъ силъ всю зиму наше лѣтнее движеніе, но, по-моему, оно продолжалось и во всю зиму, точно такъ же, какъ и лѣтомъ, по всей Россіи, неуклонно и вѣрно, но уже спокойно и съ надеждой на рѣшеніе Царя. И ужъ, конечно, продолжаться будетъ до самаго конца, несмотря на пророковъ нашихъ, умѣвшихъ разглядѣть (и именно въ это лѣто) въ лицѣ Россіи лишь спящее гадкое пьяное существо, протянувшееся отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, съ колоссальнымъ штофомъ въ рукахъ. По-моему, если и не видятъ эти пророки наши, чѣмъ живетъ Россія, такъ тѣмъ даже и лучше: не будутъ вмѣшиваться и не будутъ мѣшать, а и вмѣшаются, такъ не туда попадутъ, а мимо. Видите ли: тутъ дѣло въ томъ, что нашъ европеизмъ и „просвѣщенный“ европейскій нашъ взглядъ на Россію—то все та же еще луна, которую дѣлаетъ все тотъ же самый заѣзжій хромой бочаръ въ Гороховой, что и прежде дѣлалъ, и все такъ же прескверно дѣлаетъ, что и доказываетъ поминутно; вотъ онъ и на-дняхъ доказалъ; впредь же будетъ дѣлать еще сквернѣе,—ну, и пусть его: нѣмецъ, да еще хромой, надобно имѣть состраданіе.

Да и какое дѣло Россіи до такихъ пророковъ? Теперь и не почешемся, прежнее время прошло.

Въ газетахъ упоминалось какъ-то, что въ Москву въ эту зиму привезли изъ славянскихъ земель не одну партію бѣдныхъ маленькихъ дѣтей изъ разрушенныхъ войною семействъ, совершенныхъ сиротъ. Ихъ размѣщаютъ по разнымъ рукамъ и заведеніямъ. Хорошо кабы это все не прерывалось и организовалось, наконецъ, по всей Рос-

сіи въ самомъ обширномъ размѣрѣ: что же, вѣдь это только благодѣяніе; а дѣтокъ этихъ надо беречь, вѣдь это все *будущіе* славяне. Кстати, я нѣсколько разъ спрашивалъ себя: чѣмъ такъ-таки прокормились эти нѣсколько сотъ тысячъ ртовъ изъ болгаръ, босняковъ, герцеговинцевъ и прочихъ, бѣжавшихъ отъ своихъ мучителей, послѣ избіенія и разоренія, въ Сербію, Черногорію, Австрію и куда пошло. Соображал, сколько нужно денегъ, чтобъ ихъ прокормить, и зная, что ни у сербовъ, ни у черногорцевъ нѣтъ такихъ денегъ, да и самимъ теперь ѣсть почти нечего, не понимаешь, чѣмъ эти сотни тысячъ могли прокормиться съ маленькими своими дѣтьми и во что въ зиму одѣть себя и дѣтей. Говорятъ, недавно въ Москву привезли еще „партію дѣтокъ“, отъ трехъ до тринадцати лѣтъ, и которыхъ приняла къ себѣ Покровская община сестеръ милосердія. Рассказываютъ, что этихъ маленькихъ сербскихъ дѣвочекъ покровскія сестры милосердія помѣстили вмѣстѣ съ прибывшими прежде болгарками, и что за ними надзираетъ одна изъ сестеръ, знающая по-сербски, такъ что дѣти рады и дѣтямъ весело. Дѣтямъ, конечно, хорошо и тепло, но я слышалъ недавно отъ одного воротившагося изъ Москвы пріятеля прехарактерный анекдотъ про этихъ самыхъ малютокъ: сербскія дѣвочки сидятъ-де въ одномъ углу, а болгарки въ другомъ, и не хотятъ ни играть, ни говорить другъ съ дружкой, а когда спрашиваютъ сербокъ, отчего онѣ не хотятъ играть съ болгарками, то тѣ отвѣчаютъ: „мы имъ дали оружіе, чтобъ они шли съ нами вмѣстѣ на турокъ, а они оружіе спрятали и не пошли на турокъ“. Это очень, по-моему, любопытно. Если восьми—девятилѣтнія малютки говорятъ такимъ языкомъ, то значитъ переняли отъ отцовъ, и если такія слова отцовъ переходятъ уже къ дѣтямъ, то значитъ между балканскими славянами несомнѣнная и страшная рознь. Да, вѣчная рознь между славянами! Они запоминаютъ ее въ своихъ преданіяхъ и сохраняютъ въ пѣсняхъ, и безъ единящаго огромнаго своего центра Россіи—не бывать славянскому согласію, да и не сохраниться безъ Россіи славянамъ, исчезнуть славянамъ съ лица земли вовсе,—какъ бы тамъ ни мечтали люди сербской интеллигенціи, или тамъ разныя цивилизованныя по-европейски чехи... Много у нихъ еще мечтателей. Да почти все еще мечтатели.

Помните ли вы у Пушкина, въ „Пѣсняхъ западныхъ

славянъ“, „пѣсню о битвѣ у Зеницы Великой“? Тамъ возставшіе собрались съ Радивоемъ въ походъ на турокъ.

А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На бекрень надѣли свои шапки
И сказали: «Возьмите насъ съ собою»...

Беглербей съ своими босняками
Противъ насъ пришелъ изъ Баяндукъ,
Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы Великой,—
Разбѣжались измѣнники далматы!

Кстати, я спросилъ: „Помните ли вы въ пѣсняхъ западныхъ славянъ“ и т. д., и я впередъ за всѣхъ отвѣчаю, что никто не помнитъ ни „пѣсни о битвѣ у Зеницы Великой“, ни даже и самихъ „Пѣсенъ западныхъ славянъ“ Пушкина. Ну, кромѣ специалистовъ какихъ-нибудь, словесниковъ, али старыхъ-старыхъ какихъ-нибудь стари-ковъ. Пусть я гнусно ошибаюсь, но все же я въ этомъ твердо увѣренъ. А между тѣмъ знаете ли, господа, что „Пѣсни западныхъ славянъ“ это—шедѣвръ изъ шедѣвровъ Пушкина, между шедѣврами его шедѣвръ, не говоря уже о пророческомъ и политическомъ значеніи этихъ стиховъ, еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ появившихся. Фактъ тогдашняго появленія у насъ этихъ пѣсенъ важенъ:— Это предчувствіе славянъ русскими, это пророчество русскихъ славянамъ о будущемъ братствѣ и единеніи. Ни въ одной критикѣ, однакоже, я никогда не читалъ про эти „сочиненія Пушкина“, что они его шедѣвры. Считали ихъ такъ себѣ, а между тѣмъ они именно шедѣвры и все, что есть высшаго по значенію. По-моему, Пушкина мы еще и не начинали узнавать; это гений, опередившій русское сознание еще слишкомъ надолго.—Это былъ уже русскій, настоящій русскій, самъ, силою своего гения, передѣлавшійся въ рускаго, а мы и теперь все еще у хромого бочара учимся. Это былъ одинъ изъ первыхъ русскихъ, ощутившій въ себѣ рускаго человѣка всецѣло, вызвавшій его въ себѣ и показавшій на себѣ, какъ долженъ глядѣть русскій человѣкъ,—и на народъ свой, и на семью русскую, и на Европу, и на хромого бочара, и на братьевъ славянъ. Гуманнѣе, выше и трезвѣе взгляда нѣтъ и не было еще у насъ ни у кого изъ русскихъ. Но я объ этомъ распространяться пока не стану,

а про „Пѣсни“ лишь скажу, что, какъ всё́мъ извѣстно, онѣ взяты у Пушкина съ французскаго, изъ книжки Мериме *la Gouzla*, книжки, сочиненной Мериме, по его собственному признанію, наобумъ, не выѣзжая изъ Парижа. Этотъ преталантливый французскій писатель, впоследствии *senateur* и чуть не родственникъ Наполеона III, теперь уже умершій, въ этой *Gouzla* изобразилъ, подъ видомъ славянъ, конечно, лишь французовъ, да еще и французовъ-то парижанъ; иначе они и не умѣютъ: для настоящаго француза кромѣ Парижа ничего на свѣтѣ не существуетъ. Пушкинъ, прочтя книжку и пославъ объ ней автору въ Парижъ запросъ, сочинилъ по ней свои пѣсни, т.-е. изъ французовъ, изображенныхъ Мериме, возстановилъ славянъ, и—ужь, конечно, теперь это „Пѣсни западныхъ славянъ“, настоящихъ славянъ, славянъ даже породнившихся уже съ русскими. Конечно, этихъ пѣсенъ нѣтъ въ Сербіи, поются у нихъ другія, но это все равно: Пушкинскія пѣсни—это пѣсни всеславянскія народныя, вылившіяся изъ славянскаго сердца, въ духѣ, въ образѣ славянъ, въ смыслѣ ихъ, въ обычаѣ и въ исторіи ихъ. Я бы тѣмъ высокообразованнымъ сербамъ, изъ которыхъ многіе столь недовѣрчиво смотрѣли нынѣшнимъ лѣтомъ на русскихъ, показалъ бы, напримѣръ, пѣсню Пушкина о „Георгіи Черномъ“, или эту „Пѣсню о битвѣ при Зеницѣ Великой“. Это два шедевра изъ этихъ пѣсенъ, брильянты первой величины въ поэзій Пушкина,—(и непременно потому-то они совершенно невѣдомы въ нашихъ школахъ не только ученикамъ, но весьма вѣроятно и учителямъ, которые съ удивленіемъ услышатъ теперь въ первый разъ, что это такіе шедевры, а не „Кавказскій Плѣнникъ“ и не „Цыгане“). А между тѣмъ, хоть бы въ прошломъ году-то, по крайней мѣрѣ, пустить эти пѣсни въ ходъ въ нашихъ школахъ. Впрочемъ, судя по ходу дѣлъ, врядъ ли сербы скоро узнаютъ этого извѣстнѣйшаго изъ всѣхъ великихъ русскихъ людей,—такъ, я думаю, можно опредѣлить нашего великаго Пушкина, про котораго у насъ тысячи и десятки тысячъ изъ нашей интеллигенціи до сихъ поръ не знаютъ, что это былъ такихъ великихъ размѣровъ поэтъ и русскій человекъ, и которому до сихъ поръ не могли мы еще собрать денегъ на памятникъ,—черта эта войдетъ въ нашу исторію. А сербы, прочтя эти „пѣсни“, конечно, увидали бы, какъ думаемъ мы объ ихъ свободѣ, чтимъ мы ее или нѣтъ, радуемся ли

ей или нѣтъ, и хотимъ или нѣтъ захватить ихъ въ свою власть и лишить ихъ этой свободы. Впрочемъ, довольно о поэзи. И пусть не улыбаются надо мной свысока: „вотъ, дескать, объ какихъ мелочахъ заговорилъ“. Это не мелочь; о Пушкинѣ еще много и долго у насъ говорить надо.

II.

Доморощенные великаны и приниженный сынъ „кучи“. Анекдотъ о содранной со спины кожѣ. Высшіе интересы цивилизации „и да будутъ они прокляты, если ихъ надо покупать такую цѣной!“

Сербская скупщина, собравшись въ прошломъ мѣсяцѣ въ Бѣлградѣ на одно мгновеніе (на полтора часа, какъ писали въ газетахъ), чтобъ только рѣшить: „Заключить миръ или нѣтъ?“—скупщина эта, какъ слышно, высказала вовсе не такое слишкомъ ужъ поспѣшно миролюбивое настроеніе, какого отъ нея ждали, принимая въ соображеніе обстоятельства. Говорятъ, и на миръ-то согласились вслѣдствіе какой-то передержки, министерской какой-то интриги. Во всякомъ случаѣ, если чуть-чуть правда, что скупщина не струсилась продолженія войны, то, взявъ въ соображеніе ихъ отчаянное положеніе, невольно спросишь себя: „Что жъ это у насъ такъ кричали о трусости сербовъ?“ Я получалъ изъ Сербіи письма и говорилъ съ пріѣзжавшими оттуда, и особенно запомнилъ одно письмо отъ одного юнаго русскаго, который тамъ и остался, и который пишетъ о сербахъ съ восторгомъ и съ негодованіемъ на то, что въ Россіи находятся-де люди, думающіе про нихъ, что они трусы и эгоисты. Восторженный русскій эмигрантъ даже извипяетъ членовредительство сербскихъ солдатъ у Черняева и Новоселова: это, видите ли, они до того нѣжный сердцемъ народъ, до того любить свою „кучу“, гдѣ каждый оставилъ жену, дѣтей, или мать, сестеръ, невѣсту, братьевъ, коня и собаку, что бросаютъ все, уродуютъ себя, отстрѣливаютъ себѣ пальцы, чтобы не годиться къ службѣ и поскорѣй воротиться въ свое милое гнѣздо! Представьте себѣ, я эту нѣжность сердца понимаю, и ужъ, конечно, въ такомъ случаѣ это слишкомъ нѣжный сердцемъ народъ, хотя—хотя это въ то же время довольно туповатыя дѣти своей отчизны, такъ что сами не понимаютъ, чего у нихъ сердце хочетъ. По нѣжности сердца своего сербскій обитатель „кучи“

похожъ очень, по-моему, на тѣхъ дѣтей, которыхъ очень можетъ быть вы запомнили еще съ дѣтства: вдругъ изъ семьи, или изъ разрушеннаго разбрѣдшагося вдругъ семейства, попадаютъ они въ школу. Доселѣ мальчикъ жилъ только дома, и ничего, кромѣ своего дома, не зналъ, и вдругъ—сто человѣкъ товарищей, чужія лица, шумъ, гамъ, совсѣмъ все другое, чѣмъ дома,—Боже, какая мука! Дома ему, пожалуй, было холодно и голодно, но зато его любили, а хоть и не любили, то все-таки тамъ было *дома*, онъ былъ одинъ у себя и съ собой, а здѣсь—ни одного-то слова ласки отъ начальства, строгости отъ учителей, такія мудренныя науки, такіе длинные коридоры и такіе безчеловѣчные сорванцы, обидчики и насмѣшники, безжалостные его товарищи: „точно у нихъ сердца нѣтъ, точно у нихъ не было ни отца, ни матери!“ Ему говорили до сихъ поръ, что лгать и обижать страшно и позорно, а вотъ они здѣсь всѣ лгутъ, обманываютъ, обижаютъ, да еще смѣются надъ его ужасомъ. Вотъ они за что-то не влюбились его, за то, что онъ плачетъ о своемъ гнѣздѣ, „классъ мараешь“. Вотъ они принимаютъ его колотить безъ пощады, всѣмъ классомъ, все время, и даже такъ, безъ злобы, для развлеченія. Я замѣчу про себя, что такихъ несчастныхъ дѣтей я довольно встрѣчалъ въ моемъ дѣтствѣ въ разныхъ школахъ,—и какія преступленія совершаются иногда въ этомъ родѣ въ нашихъ воспитательныхъ заведеніяхъ, всѣхъ разрядовъ и наименованій,—именно преступленія! Попробуй мальчикъ сдуру пожаловаться, и его убьютъ чуть не до смерти (да и до смерти убьютъ); школьники бьютъ безъ жалости и безъ осторожности. Они задразнять его фискаломъ на цѣлые годы, говорить съ нимъ не захотятъ, а сдѣлаютъ изъ него парію,—и что за безсердечность, какое безжалостное равнодушіе при этомъ въ начальствѣ! Я не помню въ моемъ дѣтствѣ ни одного педагога, и не думаю, чтобъ и теперь было много: все лишь чиновники, получающіе жалованье. А между тѣмъ, вотъ эти-то дѣти, которыя, поступая въ школу, тоскуютъ по семьѣ и родимомъ гнѣздѣ,—вотъ именно изъ такихъ-то и выходятъ потомъ всего чаще люди замѣчательные, со способностями и съ дарованіями. А тѣ, которыя, взятыя изъ семьи, быстро уживаются въ какомъ угодно новомъ порядкѣ, въ одинъ мигъ ко всему привыкаютъ, которыя ни о чемъ никогда не тоскуютъ и даже сразу становятся во

главѣ другихъ,—эти всего чаще выходятъ лишь бездарностью, или просто дурными людьми, пролазы и интриганы еще съ восьмилѣтняго возраста. Разумѣется, я сужу слишкомъ вообще, но все-таки по-моему тотъ плохой ребенокъ, который, поступая въ школу, не тоскуетъ про себя по своей семьѣ, развѣ что семьи у него вовсе не было, или была слишкомъ плохая.

Съ такимъ страдающимъ, въ первые дни своей школы, мальчикомъ, я еще лѣтомъ, читая о нихъ, сравнивалъ невольно сербскаго новобранца-членовредителя, — иначе какъ тѣмъ же самымъ чувствомъ и объяснить не могъ его несчастнаго, неразсуждающаго, животнога почти желанія бросить ружье и бѣжать скорѣй домой. Разница лишь въ томъ, что при этомъ желаніи объявлялась и невѣроятная, феноменальная какъ бы тупость. Онъ какъ бы отмахивался отъ всякаго соображенія о томъ, что если всѣ какъ онъ разбѣгутся, то и землю защищать будетъ некому, а, стало-быть, придуть турки когда-нибудь и къ нимъ въ „кучу“, и разорять эту дорогую, возлюбленную его „кучу“, и зарѣжутъ и мать его, и невѣсту, и сестру его, и коня и собаку ихъ. Дѣйствительно, слишкомъ во многихъ, можетъ быть, сербскихъ сердцахъ это страданіе по родному гнѣзду своему не возвысилось до страданія по родинѣ, что представило собою именно странный феноменъ. Правда, теперь, когда ужъ кончилась у нихъ война и заключенъ миръ, можно замѣтить и то, что и сердца высшей сербской интеллигенціи далеко не всегда возвышались до страданія по родинѣ, но, однако, по другой причинѣ, чѣмъ сердца низшія. Сверху это объясняется у нихъ слишкомъ сильнымъ, можетъ быть, политическимъ честолюбіемъ. Такъ, что изъ-за „высшихъ“ интересовъ родины этимъ высшимъ сердцамъ было даже почти и не время заниматься интересами низшими, народными, столь обыденными. Но о низшемъ сербѣ, мнѣ кажется, все-таки можно сдѣлать одно, довольно любопытное замѣчаніе. Нельзя же объяснить его членовредительство и побѣги съ поля битвы лишь одною нѣжностью сердца и тупостью соображенія. Мнѣ кажется, что, дезертируя домой, онъ въ состояніи былъ очень понять, что дѣлаетъ худо и, очень можетъ быть, что не хвалилъ себя первый самъ, но въ то же время никогда и не полагалъ, что родина его останется безъ защиты и безъ прикрытія, если онъ убѣжитъ: „О, останутся герои, Ки-

рѣвы, останется Черняевъ, русскіе, да и свои строгіе сербскіе начальники, а онъ—что такое онъ? Незамѣтная пылинка, такъ, дрянъ и больше ничего; онъ уйдетъ и никто его не хватится“... По-моему, именно это чувство и было въ немъ, и это очень любопытно и рисуетъ народъ: сверху бахвалы, цивилизованные европейцы, мечтающіе завоевать всѣхъ славянъ въ одну Сербію, интригующіе даже противъ Россіи, словомъ, настоящіе цивилизованные европейцы, Хорватовичи и Мариновичи, т.-е. все равно какъ бы Мольтке и Бисмарки. Съ другой стороны, рядомъ съ этими великанами—приниженный сынъ кучи, и именно приниженный четырьмя вѣками рабства: отъ вѣковой этой приниженности онъ и считаетъ себя ни во что, за пылинку: „Останутся, дескать, великаны, а меня и не примѣтятъ. Я такой маленькій, а они такіе строгіе господа...“ Гдѣ-то я читалъ, что иные изъ этихъ строгихъ господъ, такъ-таки сразу, завидѣвъ инога низшаго серба, собиравшагося бѣжать изъ-подъ ружья, прямо отстрѣливали ему голову револьверомъ,—„вотъ, дескать, какими тоже могли бы мы быть желѣзными князьями!“ Они свой низшій народъ третируютъ тамъ, кажется, нѣсколько свысока.

Вообще эти высшіе славяне, „со столь славною будущностью“ — во всякомъ случаѣ чрезвычайно любопытный народъ въ политическомъ, гражданскомъ, историческомъ и во всевозможныхъ отношеніяхъ.

Теперь, когда уже Черняевъ оттуда выѣхалъ, а добровольцевъ выслали, у нихъ, т.-е. отъ ихъ военныхъ людей слышалась одна военная мысль, о которой мы прежде, лѣтомъ, не слыхивали. Именно, утверждаютъ они, что ихъ сербъ и вовсе не способенъ служить въ регулярномъ войскѣ и дѣйствовать въ чистомъ полѣ, а что народная сербская война—это „малая война“, т.-е. партизанская, война шайками, въ лѣсахъ, въ тѣснинахъ, за камнями, за скалами. Что же, и это очень можетъ быть; но такъ какъ миръ у нихъ уже заключенъ, то врядъ ли это можно теперь провѣрить. По крайней мѣрѣ, они останутся съ этимъ военнымъ убѣжденіемъ, ну, и то утѣшеніе въ несчастіи. Долго ли протянется этотъ миръ? Но чтобъ сказать прощальное слово объ этой сербской войнѣ, въ которой мы, русскіе, чуть не всѣ до одинаго такъ участвовали нашимъ сердцемъ, то мнѣ кажется, что сербы разстанутся съ нами и съ помощью нашею еще съ боль-

шею недовѣрчивостію, чѣмъ съ какою встрѣчали насъ въ началѣ войны. Заключить можно тоже, что недовѣрчивость эта къ намъ будетъ въ нихъ идти увеличиваясь все время, пока они будутъ умственно расти и развиваться сами; стало-быть, очень долго, и что намъ, стало-быть, прежде всего надо не обращать никакого вниманія на ихъ недовѣрчивость и дѣлать свое дѣло какъ сами знаемъ. Намъ въ восточномъ вопросѣ необходимо имѣть въ виду неустанно одну истину: что славянская главная задача не въ томъ только, чтобъ освободиться отъ своихъ мучителей, а и въ томъ, чтобъ освобожденіе это совершить, хотъ и съ помощью русскихъ (нельзя же иначе, и — если бъ только они могли обойтись безъ русскихъ!), но, по крайней мѣрѣ, оставаясь какъ можно меньше обязанными русскимъ.

Между этими привезенными въ Москву славянскими дѣтьми есть, говорятъ, — рассказывалъ мнѣ все тотъ же воротившійся изъ Москвы пріятель, — одинъ ребенокъ, дѣвочка лѣтъ восьми, или девяти, которая часто падаетъ въ обморокъ и за которою особенно ухаживаютъ. Падаетъ она въ обморокъ отъ воспоминанія: она сама, своими глазами, видѣла нынѣшнимъ лѣтомъ какъ съ отца ея сдирали черкесы кожу и — содрали всю. Это воспоминаніе при ней неотступно и, вѣроятнѣе всего, останется навсегда, можетъ-быть, съ годами въ смягченномъ видѣ, хотя, впрочемъ, не знаю, можетъ ли тутъ быть смягченный видъ. О, цивилизація! О, Европа, которая столь страдаетъ въ своихъ интересахъ, если серьезно запретить туркамъ сдирать кожу съ отцовъ въ глазахъ ихъ дѣтей! Эти, столь высшіе интересы европейской цивилизаціи, конечно, — торговля, мореплаваніе, рынки, фабрики, — что же можетъ быть выше въ глазахъ Европы? Это такіе интересы, до которыхъ и дотронуться даже не позволяется не только пальцемъ, но даже мыслью, но — но „да будутъ они прокляты, эти интересы европейской цивилизаціи!“ Это восклицаніе не мое, это воскликнули *Москов. Вѣдомости*, и я за честь считаю присоединиться къ этому восклицанію; да, да будутъ прокляты эти интересы цивилизаціи, и даже самая цивилизація, если, для сохраненія ея, необходимо сдирать съ людей кожу. Но, однакоже, это фактъ: для сохраненія ея необходимо сдирать съ людей кожу!

III.

О сдираніи кожъ вообще, разныя aberracіи въ частности. Ненависть къ авторитету при лакействѣ мысли.

„Съ людей? Съ какихъ людей? Съ крошечной только части людей, гдѣ-то тамъ въ уголкѣ, съ турецкой райи, о которой никто бы и не услышалъ ничего, если бъ не прокричали русскіе. Зато огромная остальная часть организма жива, здорова и благоденствуетъ, торгуетъ и фабрикуетъ!“

Этотъ анекдотъ о маленькой болгаркѣ, падающей въ обморокъ, мнѣ рассказали утромъ, и въ тотъ же день мнѣ случилось проходить по Невскому проспекту. Тамъ, въ четвертомъ часу, матери и няньки водили дѣтей и невольная мысль вдругъ вѣско легла мнѣ на душу: „Цивилизація!“ — думалъ я, — „кто же смѣетъ сказать противъ цивилизаціи? Нѣтъ, цивилизаціи что-нибудь да значить: не увидать, по крайней мѣрѣ, эти дѣти наши, мирно гуляющія здѣсь на Невскомъ проспектѣ, какъ съ отцовъ ихъ сдирать будутъ кожу, а матери ихъ какъ будутъ скидывать на воздухъ этихъ дѣтей и ловить ихъ на штыкъ, какъ было въ Болгаріи. По крайней мѣрѣ, хоть это-то приобрѣтеніе наше да останется за цивилизаціей! И пусть это только въ Европѣ, т.-е. въ одномъ уголкѣ земного шара, и въ уголкѣ довольно маломъ сравнительно съ поверхностью планеты (мысль страшная!), но все же это есть, существуетъ, хоть въ уголкѣ да существуетъ, положимъ, дорогою цѣной, сдираніемъ кожъ съ родныхъ нашихъ братьевъ гдѣ-то тамъ на краю, но зато у насъ-то, по крайней мѣрѣ, существуетъ. Подумать только, что прежде, да и недавно еще нигдѣ этого не было въ твердомъ видѣ, даже и въ Европѣ, и что если есть это теперь у насъ въ Европѣ, то вѣдь въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ существуетъ планета. Нѣтъ, все же это уже достигнуто и, можетъ-быть, назадъ уже никогда не воротится, — соображеніе чрезвычайно важное, невольно въ душу направляющееся, вовсе не такое маленькое, на которое не стоило бы обращать вниманія, тѣмъ болѣе, что міръ—міръ все-таки попрежнему загадка, несмотря на цивилизацію и ея приобрѣтенія. Богъ знаетъ, чѣмъ чревать еще міръ и что можетъ дальше случиться, даже и въ ближайшемъ будущемъ.“

И вотъ, только лишь я хотѣлъ воскликнуть про себя

въ восторгѣ: „да здравствуетъ цивилизація!“—какъ вдругъ во всемъ усомнился: „Да достигнуто ли даже это-то, даже для этихъ Невскаго-то проспекта дѣтей? Ужъ не миражъ ли полно и здѣсь, и только глаза отводятъ?“

Знаете, господа, я остановился на томъ, что миражъ, или, помягче, почти что миражъ, и если не сдирають здѣсь на Невскомъ кожу съ отцовъ въ глазахъ ихъ дѣтей, то развѣ только случайно, такъ сказать „по независимымъ отъ публики обстоятельствамъ“, ну, и, разумѣется, потому еще, что городовые стоятъ. О, я спѣшу оговориться: я вовсе не аллегорію какую-нибудь подвожу, не на страданія какого-нибудь пролетарія въ нашъ вѣкъ намекаю, не на родителя какого-нибудь, который говоритъ своему семилѣтнему сыну: „Вотъ тебѣ мой завѣтъ: украдешь пять рублей—прокляну, украдешь сто тысячъ—благодарю“. О, нѣтъ, слова мои я разумѣю буквально. Я разумѣю буквально сдираніе кожъ, вотъ то самое, которое происходило лѣтомъ въ Болгаріи и которымъ, оказывается, такъ любятъ заниматься побѣдоносные турки. И вотъ про это-то сдираніе я и утверждаю, что если его нѣтъ на Невскомъ, то развѣ „случайно, по независимымъ отъ насъ обстоятельствамъ“ и, главное, потому, что пока еще запрещено, а что за нами, можетъ-быть, дѣло бы и не стало, несмотря на всю нашу цивилизацію.

По-моему, если ужъ все говорить, такъ просто бояться какого-то обычая, какого-то принятаго на вѣру правила, почти что предрасудка; но если бъ чуть-чуть „доказалъ“ кто-нибудь изъ людей „компетентныхъ“, что содрать иногда съ одной спины кожу выйдетъ даже и для общаго дѣла полезно, и что если оно и отвратительно, то все же „цѣль оправдываетъ средства“,—если бъ заговорилъ кто-нибудь въ этомъ смыслѣ, компетентнымъ слогомъ и при компетентныхъ обстоятельствахъ, то, повѣрьте, тотчасъ же явились бы исполнители, да еще изъ самыхъ веселыхъ. О, пусть, пусть это смѣшнѣйшій мой парадоксъ! Я первый подписываюсь подъ этимъ опредѣленіемъ обѣими руками, но тѣмъ не менѣе увѣряю васъ, что это точь-въ-точь такъ бы и было. Цивилизація есть, и законы ея есть, и вѣра въ нихъ даже есть, но — явись лишь новая мода, и тотчасъ же множество людей измѣнилось бы. Конечно, не всѣ, но зато осталась бы такая малая кучка, что даже мы съ вами, читатель, удивились бы, и даже еще неизвѣстно, гдѣ бы мы сами-то очутились: между сдираемыми

или сдирателями? Мнѣ, разумѣется, закричать въ глаза, что все это дребедень и что никогда такой моды не можетъ быть, и что этого-то, по крайней мѣрѣ, уже достигла цивилизація. Господа, какое легковѣріе съ вашей стороны! Вы смѣтаетесь? Ну, а во Франціи (чтобъ не заглядывать куда поближе) въ 93-мъ году, развѣ не утвердилась эта самая мода сдиранія кожи, да еще подъ видомъ самыхъ священнѣйшихъ принциповъ цивилизаціи, и это послѣ-то Руссо и Вольтера! Вы скажете, что все это было вовсе не то и очень давно, но замѣйте, что я прибѣгаю къ исторіи единственно, можетъ-быть, чтобъ не заговорить о текущемъ! Повѣрьте, что самая полная абберация и въ умахъ, и въ сердцахъ всегда у людей возможна, а у насъ, и именно въ наше время, не только возможна, но и неминуема, судя по ходу вещей. Посмотрите, много ли согласныхъ въ томъ, что хорошо, что дурно. И это не то, что въ какихъ-нибудь тамъ „истинахъ“, а въ самомъ первомъ встрѣчномъ вопросѣ. И съ какой быстротой происходятъ у насъ перемѣны и вольтфасы? Что такое въ Москвѣ червонные валеты? Мнѣ кажется, это всего лишь та часть той фракціи русскаго дворянства, которая не вынесла крестьянской реформы. Пусть они сами и не помѣщики, но они дѣти помѣщиковъ. Послѣ крестьянской реформы они щелкнули себя по галстуку и засвистали. Да тутъ и не одна крестьянская реформа была причиною, просто „новыхъ идей“ не вынесли: „Если-де все, чему насъ учили, были предрасудки, то зачѣмъ же за ними слѣдовать? Коли *ничего* нѣтъ, значитъ можно *все* дѣлать,— вотъ идеал! Замѣйте—идея до невѣроятности распространенная, девять десятыхъ изъ послѣдователей новыхъ идей ее исповѣдуютъ, другими словами девять десятыхъ прогрессистовъ и не умѣютъ у насъ иначе понимать новыхъ идей. У насъ Дарвинъ, напимѣрь, немедленно обращается въ карманнаго ворюшку, — вотъ что такое червонный валетъ. О, конечно, у человѣчества чрезвычайно много накоплено вѣками выжитыхъ правилъ гуманности, изъ которыхъ инья слывуть за незыблемыя. Но я хочу лишь сказать только, что, несмотря на всѣ эти правила, принципы, религіи, цивилизаціи, въ человѣчествѣ спасается ими всегда только самая незамѣтная кучка, — правда, такая, за которой и остается побѣда, но лишь въ концѣ концовъ, а въ злобѣ дня,

въ текущемъ ходѣ исторіи люди остаются какъ бы все тѣ же навсегда, то-есть въ огромномъ большинствѣ своемъ не имѣютъ никакого чуть-чуть даже прочнаго понятія ни о чувствѣ долга, ни о чувствѣ чести, и явись чуть-чуть лишь новая мода, и тотчасъ же побѣжали бы всѣ нагишомъ, да еще съ удовольствіемъ. Правила есть, да люди-то къ правиламъ не приготовлены вовсе. Скажутъ: да и не надо готовиться, надо только правила эти отыскать! Такъ ли, и удержатся ли долго правила, какія бы тамъ ни были, коли такъ хочется побѣжать нагишомъ?

По-моему одно: осмыслить и прочувствовать можно даже и вѣрно и разомъ, но сдѣлаться человѣкомъ нельзя разомъ, а надо выдѣлаться въ человѣка. Тутъ дисциплина. Вотъ эту-то неустанную дисциплину надъ собой и отвергають иные наши современные мыслители: „слишкомъ-де много ужъ было деспотизму, надо свободы“, а свобода эта ведетъ огромное большинство лишь къ лакейству передъ чужой мыслью, ибо страхъ какъ любить человѣкъ все то, что подается ему готовымъ. Мало того: мыслители провозглашаютъ общіе законы, т. е. такія правила, что всѣ вдругъ сдѣлаются счастливыми, безо всякой выдѣлки, только бы эти правила наступили. Да если бъ этотъ идеаль и возможенъ былъ, то съ *недодѣланными* людьми не осуществились бы никакія правила, даже самыя очевидныя. Вотъ въ этой-то неустанной дисциплинѣ и непрерывной работѣ самому надъ собой и могъ бы проявиться нашъ гражданинъ. Съ этой-то великодушной работы надъ собой и начинать надо, чтобъ поднять потомъ нашу „Новь“, а то незачѣмъ выйдетъ и подымать ее.

Да? Но что хорошо и что дурно — вотъ вѣдь чего, главное, мы не знаемъ? Всякое чутье въ этомъ смыслѣ потеряли. Всѣ прежніе авторитеты разбили и наставили новыхъ, а въ новые авторитеты, чуть кто изъ насъ поумнѣе, тотъ и не вѣруеть, а кто посмѣлѣе духомъ, тотъ изъ гражданина въ червоннаго валета обращается. Мало того, ей-Богу начнетъ сдирать со спинъ кожу, да еще провозгласитъ, что это полезно для общаго дѣла, а, стало быть, свято. Кажется, въ какомъ же смыслѣ приступить къ работѣ-то надъ собой, если не знаешь что хорошо, что худо?

IV.

Меттернихи и Донъ-Кихоты.

Но чтобъ не говорить отвлеченно, обратимся къ данной

темъ. Вотъ мы дѣйствительно не сдираемъ кожъ, мало того, даже не любимъ этого (только одинъ Богъ знаетъ: любитель часто прячется, любитель мало извѣстенъ, до времени стыдится, „боится предразсудка“), но если и не любимъ у себя и *никогда не дѣлаемъ*, то должны вѣдь ненавидѣть и въ другихъ. Мало того, что ненавидѣть, должны просто не дать сдирать кожъ никому, такъ-таки взять и не дать. А между тѣмъ такъ ли на дѣлѣ? Самые негодующіе изъ насъ вовсе не такъ негодуютъ, какъ бы слѣдовало. Я даже не про однихъ славянъ говорю. Если мы ужъ такъ сострадаемъ, такъ и поступать должны бы въ размѣрѣ нашего состраданія, а не въ размѣрѣ десяти цѣлковыхъ пожертвованія. Мнѣ скажутъ, что вѣдь нельзя же отдать все. Я съ этимъ согласенъ, хотя и не знаю почему. Почему же бы и не все? Въ томъ-то и дѣло, что тутъ рѣшительно ничего не понимаешь даже въ собственной природѣ. А тутъ вдругъ, съ огромнымъ авторитетомъ, возникаетъ вопросъ объ „*интересахъ цивилизаціи*“!

Вопросъ ставится прямо, ясно, научно и цинически откровенно. „Интересы цивилизаціи — это производство, это богатство, это спокойствіе нужное капиталу.“ Нужно огромное, непрерывное и прогрессивное производство по уменьшенной цѣнѣ, въ видахъ страшнаго наращенія пролетаріевъ. Доставляя заработокъ пролетарію, доставляемъ ему и предметы потребленія по уменьшенной цѣнѣ. Чѣмъ спокойнѣе въ Европѣ, тѣмъ болѣе по уменьшенной цѣнѣ. Стало быть, именно нужно въ Европѣ спокойствіе. Шумъ войны прогонитъ производство. Капиталъ трусливъ, онъ заботится войны и спрячется. Если ограничить право турокъ сдирать со спинъ райи кожу, то надобно затѣять войну, а затѣй войну — сейчасъ выступить впередъ Россія, — значить можетъ наступить такое усложненіе войны, при которомъ война обниметъ весь свѣтъ; тогда прощай производство и пролетарій пойдетъ на улицу. А пролетарій опасенъ на улицѣ. Въ рѣчахъ палатамъ уже упоминается прямо и откровенно, вслухъ на весь міръ, что пролетарій опасенъ, что съ пролетаріемъ не спокойно, что пролетарій внимаетъ социализму. „Нѣтъ, ужъ лучше пусть гдѣ-то тамъ въ глуши сдираютъ кожу. Неприкосновенность турецкихъ правъ должна быть незыблема. Надо потушить восточный вопросъ и дать сдирать кожу. Да и что такое эти кожи?“

Стоять ли двѣ, три какихъ-нибудь кожицы спокойствія всей Европы, ну двадцать, ну тридцать тысячъ кожъ,— не все ли равно? Захотимъ, такъ и не услышимъ вовсе, стодить уши зажать“...

Вотъ мнѣніе Европы (рѣшеніе, можетъ быть); вотъ— *интересы цивилизаціи*, и—да будутъ они опять-таки прокляты! И тѣмъ болѣе прокляты, что аберація умовъ (а русскихъ преимущественно)— предстоить несомнѣнная. Ставится прямо вопросъ: что лучше—многимъ ли десяткамъ милліоновъ работниковъ идти на улицу, или единицамъ милліоновъ райи пострадать отъ турокъ! Выставляютъ числа, пугаютъ цифрами. Кромѣ того, выступаютъ политики, мудрые учителя: есть, дескать, такое правило, такое ученіе, такая аксіома, которая гласитъ, что нравственность одного человѣка, гражданина, единицы — это одно, а нравственность государства — другое. А, стало быть, то, что считается для одной единицы, для одного лица — подлостью, то относительно всего государства можетъ получить видъ величайшей премудрости!

Это ученіе очень распространено и давнишнее, но—да будетъ и оно проклято! Главное, пусть не пугаютъ насъ цифрами. Пусть тамъ въ Европѣ какъ угодно, а у насъ пусть будетъ другое. Лучше вѣрить тому, что счастье нельзя купить злодѣйствомъ, чѣмъ чувствовать себя счастливымъ, зная, что допущено злодѣйство. Россія никогда не умѣла производить настоящихъ своихъ собственныхъ Меттерниховъ и Биконфильдовъ, напротивъ, все время своей европейской жизни она жила не для себя, а для чужихъ, именно для „общечеловѣческихъ интересовъ“. И дѣйствительно, бывали случаи въ эти двѣсти лѣтъ, что она, можетъ быть, и старалась, кой-когда, подражать Европѣ, и заводила и у себя Меттерниховъ, но какъ-то всегда обозначалось въ концѣ концовъ, что русскій Меттернихъ оказывался вдругъ Донъ-Кихотомъ и тѣмъ ужасно дивилъ Европу. Надъ Донъ-Кихотомъ, разумеется, смѣялись; но теперь кажется уже восполнились сроки и Донъ-Кихоть началъ уже не смѣшить, а пугать. Дѣло въ томъ, что онъ несомнѣнно осмыслилъ свое положеніе въ Европѣ и не пойдетъ уже сражаться съ мельницами. Но зато онъ остался вѣрнымъ рыцаремъ, а это-то всего для нихъ и ужаснѣе. Въ самомъ дѣлѣ: въ Европѣ кричатъ о „русскихъ захватахъ, о русскомъ коварствѣ“, но единственно лишь, чтобы напугать свою толпу, когда надо, а сами

крикуны отнюдь тому не вѣрятъ, да и никогда не вѣрили. Напротивъ, ихъ смущаетъ теперь и страшить, въ образѣ Россіи, скорѣе нѣчто правдивое, нѣчто слишкомъ ужъ безкорыстное, честное, гнушающееся и захватомъ и взяткой. Они предчувствуютъ, что подкупить ее невозможно и никакой политической выгодой не завлечь ее въ корыстное или насильственное дѣло. Развѣ обманомъ,—но Донъ-Кихоть, хоть и великій рыцарь, а вѣдь и онъ бываетъ иногда ужасно хитеръ, такъ что вѣдь и не дастъ себя обмануть. Англія, Франція, Австрія,—да есть ли тамъ хоть одна такая нація, съ которой нельзя было бы соединиться при удобномъ случаѣ изъ политической выгоды съ насильственной корыстною цѣлью: стоитъ лишь не пропустить ту минуту, въ которую подкупаемая нація всего дороже можетъ продать себя. Одну Россію ничѣмъ не прельстишь на неправый союзъ, никакой цѣной. А такъ какъ Россія въ то же время страшно сильна и организмъ ея очевидно растетъ и мужаетъ не по днямъ, а по часамъ, что отлично хорошо понимаютъ и видятъ въ Европѣ (хотя подчасъ и кричатъ, что колоссъ расшатанъ),—то какъ же имъ не бояться?

Кстати, этотъ взглядъ на неподкупность внѣшней политики Россіи, и на вѣчное служеніе ея общечеловѣческимъ интересамъ даже въ ущербъ себѣ, оправдывается исторіею и на это слишкомъ надо бы обратить вниманіе. Въ этомъ наша собственность сравнительно со всей Европой. Мало того, этотъ взглядъ на характеръ Россіи такъ мало распространенъ, что и у насъ врядъ ли многіе ему повѣрятъ. Разумѣется, *ошибки* русской политики при этомъ не должны быть поставлены въ счетъ, потому что дѣло идетъ теперь лишь о духѣ и нравственномъ характерѣ нашей политики, а не объ удачахъ ея въ прошедшемъ и давнопрошедшемъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствительно бывали въ старину вѣтряныя мельницы, но, повторяю, кажется, ихъ время совсѣмъ прошло.

Нѣтъ, серьезно: чтó въ томъ благосостояніи, которое достигается цѣною неправды и сдиранія кожъ? Чтó правда для человѣка какъ лица, то пусть остается правдой и для всей націи. Да, конечно, можно проиграть временно, обѣднѣть на время, лишиться рынковъ, уменьшить производство, возвысить дороговизну. Но пусть зато останется нравственно здоровъ организмъ націи — и нація несомнѣнно болѣе выиграетъ, даже и матеріально. Замѣтимъ,

что Европа безспорно дошла до того, что ей всего дороже выгода текущая, выгода настоящей минуты, и даже чего бы она ни стоила, потому что и живутъ они тамъ всего только день за днемъ, одной только настоящей минутой, и сами не знаютъ, что съ ними станетъ завтра; мы же, Россія, мы все еще вѣримъ въ нѣчто неизблемое, у насъ созидающееся, а слѣдственно ищемъ выгодъ постоянныхъ и существенныхъ. А потому мы, и какъ политическій организмъ, всегда вѣрили въ нравственность вѣчную, а не условную на нѣсколько дней. Повѣрьте, что Донъ-Кихоть свои выгоды тоже знаетъ и рассчитать умѣетъ: онъ знаетъ, что выиграетъ въ своемъ достоинствѣ и въ сознаніи этого достоинства, если попрежнему останется рыцаремъ; кромѣ того, убѣжденъ, что на этомъ пути не утратитъ искренности въ стремленіи къ добру и къ правдѣ, и что такое сознаніе укрѣпитъ его на дальнѣйшемъ поприщѣ. Онъ увѣренъ, наконецъ, что такая политика есть, кромѣ того, и лучшая школа для націи. Надо, чтобъ червонный валетъ не смѣлъ сказать мнѣ въ глаза: „вѣдь и у васъ все условно, вѣдь и у васъ все на выгоды“. Надо, чтобъ и юноша-энтузіастъ возлюбилъ свою націю, а не шелъ бы искать правды и идеала на сторонѣ и внѣ общества. И онъ кончитъ тѣмъ, что возлюбитъ свою націю, когда время тяжелой, страшно тяжелой нашей школы пройдетъ. Правда какъ солнце, ее не спрячешь: назначеніе Россіи станеть, наконецъ, ясно самымъ кривымъ умамъ, и у насъ, и въ Европѣ. У насъ почему теперь возможны такія aberrаціи умовъ какъ нигдѣ? Потому, что полторавѣковымъ порядкомъ вся интеллигенція наша только и дѣлала, что отвыкала отъ Россіи, и кончила тѣмъ, что разнакомилась съ ней окончательно и сносилась съ нею только черезъ канцелярію. Съ реформами нынѣшняго царствованія начался новый вѣкъ. Дѣло пошло и остановиться не можетъ.

А Европа прочла осенній манифестъ Русскаго Императора и его запомнила,—не для одной текущей минуты запомнила, а надолго, и на будущія текуція минуты. Обнажимъ если надо мечъ во имя угнетенныхъ и несчастныхъ, хотя даже и въ ущербъ текущей собственной выгоды. Но въ то же время да укрѣпится въ насъ еще прежде вѣра, что въ томъ-то и есть настоящее назначеніе Россіи, сила и правда ея, и что жертва собою за угнетенныхъ и брошенныхъ всѣми въ Европѣ во имя интересовъ

цивилизациі, есть настоящее служеніе настоящимъ и истиннымъ интересамъ цивилизациі.

Нѣтъ, надо чтобъ и въ политическихъ организамахъ была признаваема та же правда, та самая Христова правда, какъ и для каждаго вѣрующаго. Хоть гдѣ-нибудь да должна же сохраняться эта правда, хоть какая-нибудь изъ націй да должна же свѣтить. Иначе что же будетъ: все затемнится, замѣшается и потонетъ въ цинизмъ. Иначе не сдержите нравственности отдѣльныхъ гражданъ, а въ такомъ случаѣ какъ же будетъ жить цѣлый организмъ народа? Надобенъ авторитетъ, надобно солнце, чтобъ освѣщало. Солнце показалось на Востокаѣ, и для человѣчества съ Востока начинается новый день. Когда просіяетъ солнце совсѣмъ, тогда и поймутъ, что такое настоящіе „интересы цивилизациі“. А то выставится знамя съ надписью на немъ: „Après nous le déluge“ (Послѣ насъ хсть потопъ!). Неужели столь славная „цивилизациі“ доведетъ европейскаго чело-вѣка до такого девиза, да тѣмъ съ нимъ и покончитъ? Къ тому идетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Одинъ изъ главнѣйшихъ современныхъ вопросовъ.

Мои читатели, можетъ быть, уже замѣтили, что я, вотъ уже слишкомъ годъ издавая свой „Дневникъ Писателя“, стараюсь какъ можно меньше говорить о текущихъ явленіяхъ русской словесности, а если и позволяю себѣ кой-когда слово и на эту тему, то развѣ лишь въ восторженно-хвалебномъ тонѣ. А между тѣмъ, въ этомъ добровольномъ воздержаніи моемъ—какая неправда! Я—писатель, и пишу „Дневникъ Писателя“,—да я, можетъ быть, болѣе чѣмъ кто-нибудь интересовался за весь этотъ годъ тѣмъ, что появлялось въ литературѣ: какъ же скрывать, можетъ быть, самыя сильныя впечатлѣнія? „Самъ, дескать, литераторъ-беллетристъ, а, стало-быть, всякое сужденіе твое о беллетристической литературѣ, кромѣ безусловной похвалы, почтется пристрастнымъ; развѣ говорить лишь о давно прошедшихъ явленіяхъ“ — вотъ соображеніе, меня останавливавшее.

И все же я рискну на этотъ разъ нарушить это соображеніе. Правда, въ чисто беллетристическомъ и критиче-

скомъ смыслѣ я и не буду говорить ни о чемъ, а развѣ лишь, въ случаѣ нужды, „но поводу“. Поводъ вышелъ и теперь. Дѣло въ томъ, что мѣсяць назадъ я попалъ на одну до того серьезную и характерную въ текущей литературѣ вещь, что прочелъ ее даже съ удивленіемъ, потому что давно уже ни на что подобное въ такихъ размѣрахъ не разсчитывалъ въ беллетристикѣ. У писателя—художника въ высшей степени, беллетриста по преимуществу, я прочелъ три-четыре страницы настоящей „злости дня“,— все, что есть важнѣйшаго въ нашихъ русскихъ текущихъ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ, и какъ бы собранное въ одну точку. И главное,—со всѣмъ характернѣйшимъ оттѣнкомъ настоящей нашей минуты, именно такъ, какъ ставится у насъ этотъ вопросъ въ данный моментъ, ставится и оставляется неразрѣшеннымъ... Я говорю про нѣсколько страницъ въ „Аннѣ Карениной“ графа Льва Толстого, въ январскомъ № *Русскаго Вѣстника*.

Собственно обо всемъ этомъ романѣ скажу лишь полслова, и то лишь въ видѣ самаго необходимаго предисловія. Началъ я читать его, какъ и всѣ мы, очень давно. Сначала мнѣ очень понравилось; потомъ, хотъ и продолжали нравиться подробности, такъ что не могъ оторваться отъ нихъ, но въ цѣломъ стало нравиться менѣе. Все казалось мнѣ, что я это гдѣ-то уже читалъ, и именно въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“ того же графа Толстого и въ „Войнѣ и Мирѣ“ его же, и что тамъ даже свѣжѣе было. Все та же исторія барскаго русскаго семейства, хотя, конечно, сюжетъ не тотъ. Лица, какъ Вронскій, напимѣръ (одинъ изъ героевъ романа), которыя и говорить не могутъ между собою иначе, какъ объ лошадахъ, и даже не въ состояніи найти объ чемъ говорить, кромѣ какъ объ лошадахъ—были, конечно, любопытны, чтобъ знать ихъ типъ, но очень однообразны и сословны. Казалось, напимѣръ, что любовь этого „жеребца въ мундирѣ“, какъ назвалъ его одинъ мой пріятель, могла быть изложена развѣ лишь въ ироническомъ тонѣ. Но когда авторъ сталъ вводить меня во внутренній міръ своего героя серьезно, а не иронически, то мнѣ казалось это даже скучнымъ. И вотъ вдругъ всѣ предубѣжденія мои были разбиты. Явилась сцена смерти героини (потомъ она опять выздоровѣла)—и я понялъ всю существенную часть цѣлей автора. Въ самомъ центрѣ этой мелкой и наглой жизни появилась великая и вѣковѣчная жизненная правда,

и разомъ все озарила. Эти мелкіе, ничтожныя и лживыя люди стали вдругъ истинными и правдивыми людьми, достойными имени человѣческаго,—естественною силою природнаго закона, закона смерти человѣческой. Вся скорлупа ихъ исчезла и явилась одна ихъ истина. Послѣдніе выросли въ первыхъ, а первые (Вронскій) вдругъ стали послѣдними, потеряли весь ореоль и унизились; но, унизившись, стали безмѣрно лучше, достойнѣе и истиннѣе, чѣмъ когда были первыми и высокими. Ненависть и ложь заговорили словами прощенія и любви. вмѣсто тупыхъ свѣтскихъ понятій явилось лишь человѣколюбіе. Всѣ простили и оправдали другъ друга. Сословность и исключительность вдругъ исчезли и стали невысказанными, и эти люди изъ бумажки стали похожи на настоящихъ людей! Виноватыхъ не оказалось: всѣ обвинили себя безусловно и тѣмъ тотчасъ же себя оправдали. Читатель почувствовалъ, что есть правда жизненная, самая реальная и самая неминуемая, въ которую и надо вѣрить, и что вся наша жизнь и всѣ наши волненія, какъ самыя мелкія и позорныя, такъ равно и тѣ, которыя мы считаемъ часто за самыя высшія,—все это чаще всего лишь самая мелкая фантастическая суета, которая падаетъ и исчезаетъ передъ моментомъ жизненной правды, даже и не защищаясь. Главное было въ томъ указаніи, что моментъ этотъ есть въ самомъ дѣлѣ, хотя и рѣдко является во всей своей озаряющей полнотѣ, а въ иной жизни такъ и никогда даже. Моментъ этотъ былъ отысканъ и намъ указанъ поэтомъ во всей своей страшной правдѣ. Поэтъ доказалъ, что правда эта существуетъ въ самомъ дѣлѣ, не на вѣру, не въ идеалѣ только, а неминуемо и необходимо и во-очію. Кажется, именно это-то и хотѣлъ доказать намъ поэтъ, начиная свою поэму. Русскому читателю объ этой вѣковѣчной правдѣ слишкомъ надо было напомнить: многіе стали у насъ объ ней забывать. Этимъ напоминаніемъ авторъ сдѣлалъ хорошій поступокъ, не говоря уже о томъ, что выполнилъ его какъ необыкновенной высоты художникъ.

Затѣмъ опять потянулся романъ, и вотъ, къ нѣкоторому удивленію моему, я встрѣтилъ въ шестой части романа сцену, отвѣчающую настоящей „зlobѣ дня“ и, главное, явившуюся не намѣренно, не тенденціозно, а именно изъ самой художественной сущности романа. Тѣмъ не менѣе, повторяю это, для меня это было неожиданно и

нѣсколько меня удивило: такой „злобы дня“ я все-таки не ожидалъ. Я почему-то не думалъ, что авторъ рѣшится довести своихъ героевъ въ ихъ развитіи до такихъ „столповъ“. Правда, въ столпахъ-то этихъ, въ этихъ крайностяхъ вывода и весь смыслъ дѣйствительности, а безъ того романъ имѣлъ бы видъ даже неопредѣленный, далеко не соотвѣтствующій ни текущимъ, ни существеннымъ интересамъ русскимъ: былъ бы нарисованъ какой-то уголокъ жизни, съ намѣреннымъ игнорированіемъ самага главнаго и самага тревожнаго въ этой же жизни. Впрочемъ я, кажется, пускаюсь рѣшительно въ критику, а это не мое дѣло. Я только хотѣлъ указать на одну сцену. Больше ничего, какъ обозначились два лица съ той именно стороны, съ которой они наиболѣе для насъ теперь могутъ быть характерны, и тѣмъ самымъ, тотъ типъ людей, къ которому принадлежатъ эти два лица, поставленъ авторомъ на самую любопытнѣйшую точку въ нашихъ глазахъ въ ихъ современномъ социальномъ значеніи.

Оба они дворяне, родовые дворяне и коренные помѣщики, оба взяты послѣ крестьянской реформы. Оба были „крѣпостными помѣщиками“ и теперь вопросъ: что остается отъ этихъ дворянъ, въ смыслѣ дворянскомъ, послѣ крестьянской реформы? Такъ какъ типъ этихъ двухъ помѣщиковъ чрезвычайно общъ и распространенъ, то вопросъ отчасти и разрѣшенъ авторомъ. Одинъ изъ нихъ, Стива Облонскій, эгоистъ, тонкій эпикуреецъ, житель Москвы и членъ Англійскаго клуба. На этихъ людей обыкновенно смотрятъ какъ на невинныхъ и милыхъ жуировъ, приятныхъ эгоистовъ, никому не мѣшающихъ, остроумныхъ, живущихъ въ свое удовольствіе. У этихъ людей бываетъ часто и многочисленное семейство; съ женой и дѣтьми они ласковы, но мало объ нихъ думаютъ. Очень любятъ легкихъ женщинъ, разряда, конечно, приличнаго. Образованы они мало, но любятъ изящное, искусства, и любятъ вести разговоръ обо всемъ. Съ крестьянской реформы этотъ дворянинъ тотчасъ же понялъ въ чемъ дѣло: онъ сосчиталъ и сообразилъ, что у него все-таки еще что-нибудь да остается, а, стало быть, мѣняться не зачѣмъ и—*Après moi le déluge* (послѣ меня хоть потопъ). Объ судьбѣ жены и дѣтей онъ не заботится думать. Остатками состоянія и связями онъ избавленъ отъ судьбы червоннаго валета; но если бъ состояніе его рушилось и нельзя

бы было получать даромъ жалованія, то, можетъ быть, онъ и сталъ бы валетомъ, разумѣется, употребивъ всѣ усилія ума, нерѣдко очень острога, чтобъ стать валетомъ какъ можно приличнѣйшимъ и великосвѣтскимъ. Въ старину, конечно, для уплаты карточного долга или любовницѣ, ему случалось отдавать людей въ солдаты; но такія воспоминанія никогда не смущали его, да и забылъ онъ ихъ вовсе. Хоть онъ и аристократъ, но дворянство свое онъ всегда считалъ ни во чтѣ, а по устраненіи крѣпостныхъ отношеній—такъ даже исчезнувшимъ; для него изъ людей остались лишь *человѣкъ въ случаѣ*, затѣмъ чиновникъ съ извѣстнаго чина, а затѣмъ богачъ. Желѣзнодорожникъ и банкиръ стали силою и онъ немедленно съ ними затѣялъ сношенія и дружбу. Да и разговоръ начался съ упрека ему, Левинымъ, родственникомъ его и помѣщикомъ (но уже совершенно обратнаго типа и живущимъ въ своемъ помѣстьѣ), за то, что онъ ѣздитъ къ желѣзнодорожникамъ, на ихъ обѣды и праздники, къ людямъ двусмысленнымъ, по убѣжденію Левина, вреднымъ. Облонскій опровергаетъ его съ ѣдкостью. Да вообще между ними, съ тѣхъ поръ какъ они породнились, установились довольно ѣдкія отношенія. Притомъ въ нашъ вѣкъ негодяй, опровергающій благороднаго, всегда сильнѣе, ибо имѣетъ видъ достоинства, почерпаемаго въ здоровомъ смыслѣ, а благородный, походя на идеалиста, имѣетъ видъ шута. Разговоръ происходитъ на охотѣ, въ лѣтнюю ночь. Охотники на ночлегѣ, въ крестьянской ригѣ, и ночуютъ на сѣнѣ. Облонскій доказываетъ, что презрѣніе къ желѣзнодорожникамъ, къ ихъ интригамъ, къ ихъ скорой наживѣ, вымаливанью концессій, перепродажамъ — не имѣетъ слысла, что это такіе же люди, дѣйствуютъ трудомъ и умомъ, какъ и всѣ, а въ результатѣ — даютъ дорогу.

— Но всякое приобрѣтеніе, не соответственное положенному труду—не честно, говоритъ Левинъ.

— Да кто жъ опредѣлитъ соответствіе? продолжаетъ Облонскій... Ты не опредѣлилъ черты между честнымъ и безчестнымъ трудомъ. То, что я получаю жалованья больше чѣмъ мой столоначальникъ, хотя онъ лучше меня знаетъ дѣло—это безчестно?

— Я не знаю.

— Ну, такъ я тебѣ скажу: то, что ты получаешь за свой трудъ въ хозяйствѣ лишнихъ, положимъ, пять тысячъ, а этотъ мужикъ, какъ бы онъ ни трудился, не получить больше пятидесяти рублей, точно такъ же безчестно, какъ то, что я получаю больше столоначальника...

.....

— Нѣтъ, позволь, продолжаетъ Левинъ.— Ты говоришь, что несправедливо, что я получу пять тысячъ, а мужикъ пятьдесятъ рублей: это правда. Это несправедливо, и я чувствую это, но...

— Да, ты чувствуешь, но ты не отдаешь ему своего имѣнья, скажь Степанъ Аркадьевичъ, какъ будто нарочно задиравшій Левина.

— Я не отдаю, потому что никто этого отъ меня не требуетъ и если бъ я хотѣлъ, то мнѣ нельзя отдать... и некому.

— Отдай этому мужику, онъ не откажется.

— Да, но какъ же я отдамъ ему? Поѣду съ нимъ и совершу купчую?

— Я не знаю, но если ты убѣжденъ, что ты не имѣешь права..

— Я вовсе не убѣжденъ. Я, напротивъ, чувствую, что не имѣю права отдать, что у меня есть обязанности и къ землѣ, и къ семьѣ.

— Нѣтъ, позволь; но если ты считаешь, что это неравенство несправедливо, то почему же ты не дѣйствуешь такъ...

— Я и дѣйствую, только отрицательно, въ томъ смыслѣ, что я не буду стараться увеличить ту разницу положенія, которая существуетъ между мною и имъ.

— Нѣтъ, ужъ извини меня, это парадоксъ. . . . .

Такъ-то, мой другъ. Надо одно изъ двухъ: или признавать, что настоящее устройство общества справедливо, тогда отстаивать свои права, или признаваться, что пользуешься несправедливыми преимуществами, какъ я и дѣлаю, и пользоваться ими съ удовольствіемъ.

— Нѣтъ, если бъ это было несправедливо, ты бы не могъ пользоваться этими благами съ удовольствіемъ, *по крайней мѣрѣ я не могъ бы, мнѣ главное надо чувствовать, что я не виноватъ.*

II.

„Злоба дня“.

Вотъ разговоръ. И ужъ согласитесь, что это „злоба дня“, даже все, что есть неизлѣбнѣйшаго въ нашей злобѣ дня. И сколько самыхъ характерныхъ, чисто русскихъ чертъ! Во-первыхъ, лѣтъ сорокъ назадъ всѣ эти мысли и въ Европѣ-то едва начинались, многимъ ли и тамъ были извѣстны Сень-Симонъ и Фурье—первоначальные „идеальные“ толковники этихъ идей, а у насъ,—у насъ знали тогда о начинавшемся этомъ новомъ движеніи на Западѣ Европы лишь полсотни людей въ цѣлой Россіи. И вдругъ теперь толкуютъ объ этихъ „вопросахъ“ помѣщики на охотѣ, на ночлегѣ въ крестьянской ригѣ, и толкуютъ характернѣйшимъ и компетентнѣйшимъ образомъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, отрицательная сторона вопроса уже рѣшена и подписана ими безповоротно. Правда, это помѣщики высшаго свѣта, говорятъ въ Англійскомъ клубѣ, читаютъ газеты, слѣдятъ за процессами и изъ газетъ, и изъ другихъ источниковъ; тѣмъ не менѣе ужъ одинъ фактъ, что такая идеальнѣйшая дребедень признается мой на-

сущной темой для разговора у людей далеко не изъ профессоровъ и не специалистовъ, а просто свѣтскихъ, Облонскихъ и Левиныхъ,—эта черта, говорю я, одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей настоящаго русскаго положенія умовъ. Вторая характернѣйшая черта въ этомъ разговорѣ, отмѣченная художникомъ авторомъ, это та, что рѣшаетъ насчетъ справедливости этихъ новыхъ идей такой человѣкъ, который за нихъ, т. е. за счастье пролетарія, бѣдняка, не дастъ самъ ни гроша, напротивъ, при случаѣ самъ оберетъ его какъ липку. Но съ легкимъ сердцемъ и съ веселостью каламбуриста онъ разомъ подписываетъ крахъ всей исторіи человѣчества и объявляетъ настоящій строй его верхомъ абсурда. „Я, дескать, съ этимъ совершенно согласенъ“. Замѣтите, что вотъ эти-то Стивы всегда со всѣмъ этимъ первые согласны. Одной чертой онъ осудилъ весь христіанскій порядокъ, личность, семейство,—о, это ему ничего не стоитъ. Замѣтите тоже, что у насъ нѣтъ науки, но эти господа, съ полнымъ безстыдствомъ сознавая, что у нихъ нѣтъ науки, и что они начали говорить объ этомъ всего лишь вчера, и съ чужого голоса, рѣшаютъ, однакоже, такого размѣра вопросы безъ всякаго колебанія. Но тутъ третья характернѣйшая черта: этотъ господинъ прямо говоритъ: „Надо одно изъ двухъ, или признавать, что настоящее устройство общества справедливо, тогда отстаивать свои права, или признаваться, что пользуемся несправедливыми преимуществами, какъ я и дѣлаю, и пользуюсь ими съ удовольствіемъ“. Т. е. въ сущности онъ, подписавъ приговоръ всей Россіи и осудивъ ее, равно какъ своей семьѣ, будущности дѣтей своихъ, прямо объявляетъ, что это до него не касается: „Я, дескать, сознаю, что я подлець, но останусь подлецомъ въ свое удовольствіе. *Après moi le déluge*“. Это потому онъ такъ спокоенъ, что у него еще есть состояніе, но случись, что онъ его потеряетъ — почему же ему не стать валетомъ,—самая прямая дорога. И такъ, вотъ этотъ гражданинъ, вотъ этотъ семьянинъ, вотъ этотъ русскій человѣкъ—какая характернѣйшая чисто русская черта! Вы скажете, что онъ все-таки исключеніе. Какое исключеніе и можетъ ли это быть? Припомните, сколько цинизма увидали мы въ эти послѣднія двадцать лѣтъ, какую легкость оборотовъ и переворотовъ, какое отсутствіе всякихъ коренныхъ убѣжденій и какую быстроту усвоенія первыхъ встрѣчныхъ, съ тѣмъ, конечно, чтобъ

завтра же ихъ опять продать за два гроша. Никакого нравственнаго фонда, кромѣ *après moi le déluge* (послѣ меня потопъ).

Но всего любопытнѣе то, что рядомъ съ этимъ, многочисленнѣйшимъ и владычествующимъ типомъ, стоитъ другой,—типъ русскаго дворянина и помѣщика и уже обратно-противоположный тому,—все что есть противоположнаго. Это Левинъ, но Левиныхъ въ Россіи—тъма, почти столько же, сколько и Облонскихъ. Я не про лицо его говорю, не про фигуру, которую создалъ ему въ романѣ художникъ, я говорю лишь про одну черту его сути, по зато самую существенную, и утверждаю, что черта эта до удивленія страшно распространена у насъ, т. е. среди нашего цинизма и калмыцкаго отношенія къ дѣлу. Черта эта съ нѣкотораго времени заявляетъ себя поминутно; люди этой черты судорожно, почти болѣзненно стремятся получить отвѣты на свои вопросы, они твердо надѣются, страстно вѣруютъ, хотя и ничего почти еще разрѣшить не умѣютъ. Черта эта выражается совершенно въ отвѣтѣ Левина Стивѣ.

„Нѣтъ, если бы это было несправедливо, ты бы не могъ пользоваться этими благами съ удовольствіемъ, *по крайней мѣрѣ, я не могъ бы, мнѣ главное надо чувствовать, что я не виноватъ*“.

И онъ въ самомъ дѣлѣ не успокоится, пока не разрѣшитъ: виноватъ или не виноватъ? И знаете ли, до какой степени не успокоится? Онъ дойдетъ до послѣднихъ столповъ, и если надо, если только надо, если только онъ докажетъ себѣ, что это надо, то, въ противоположность Стивѣ, который говоритъ: „хоть и негодяемъ да продолжаю жить въ свое удовольствіе“ — онъ обратится въ „Власа“, въ „Власа“ Некрасова, который роздалъ свое имѣніе въ припадкѣ великаго умиленія и страха

И собирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.

И если не на построеніе храма пойдетъ собирать, то сдѣлаетъ что-нибудь въ этихъ же размѣрахъ и съ такою же ревностью. Замѣтте, опять повторяю и спѣшу повторить, черту: это множество, чрезвычайное современное множество этихъ новыхъ людей, этого новаго корня русскихъ людей, которымъ *нужна правда*, одна правда безъ условной лжи, и которые, чтобъ достигнуть этой правды, отдадутъ все рѣшительно. Эти люди тоже объявились въ по-

слѣднія двадцать лѣтъ и объявляются все больше и больше, хотя ихъ и прежде, и всегда, и до Петра еще можно было предчувствовать. Это наступающая будущая Россія честныхъ людей, которымъ нужна лишь одна правда. О, въ нихъ большая и нетерпимость: по неопытности они отвергаютъ всякія условія, всякія разъясненія даже. Но я только то хочу заявить изо всей силы, что ихъ влечетъ истинное чувство. Характернѣйшая черта еще въ томъ, что они ужасно не спѣлись и пока принадлежатъ ко всевозможнымъ разрядамъ и убѣжденіямъ: тутъ и аристократы и пролетаріи, и духовные и невѣрующіе, и богачи и бѣдные, и ученые и неучи, и старики и дѣвочки, и славянофилы и западники. Разладъ въ убѣжденіяхъ непомѣрный, но стремленіе къ честности и правдѣ неколебимое и перушимое, и за слово истины всякій изъ нихъ отдастъ жизнь свою и всѣ свои преимущества, говорю—обратится въ Власа. Закричатъ, пожалуй, что это дикая фантазія, что нѣтъ у насъ столько честности и *исканія честности*. Я именно провозглашаю, что есть, рядомъ съ страшнымъ развратомъ, что я вижу и предчувствую этихъ грядущихъ людей, которымъ принадлежитъ будущность Россіи, что ихъ нельзя уже не видать, и что художникъ, сопоставившій этого отжившаго циника Стиву съ своимъ новымъ человѣкомъ Левинымъ, какъ бы сопоставилъ это отпѣтое, развратное, страшно многочисленное, но уже покончившее съ собой собственнымъ приговоромъ общество русское съ обществомъ новой правды, которое не можетъ вынести въ сердцѣ своемъ убѣжденія, что оно виновато, и отдастъ все, чтобъ очистить сердце свое отъ вины своей. Замѣчательно тутъ то, что дѣйствительно наше общество дѣлится почти что только на эти два разряда, — до того они обширны и до того они всепѣло обнимаютъ собою русскую жизнь,—разумѣется, если откинуть массу совершенно лѣнливыхъ, бездарныхъ и равнодушныхъ. Но самая характернѣйшая, самая русская черта этой „Злобы дня“, указанной авторомъ, состоитъ въ томъ, что его новый человѣкъ, его Левинъ *не умѣетъ* рѣшить смутившій его вопросъ. То-есть онъ уже и рѣшилъ его *почти*, въ сердцѣ своемъ, и не въ свою пользу, *подозрѣвая*, что онъ *виноватъ*, но что-то твердое, прямое и реальное возстаетъ изъ всей природы и удерживаетъ его пока отъ послѣдняго приговора. Напротивъ, Стива, которому все равно, виноватъ онъ или нѣтъ,—рѣшаетъ безъ малѣй-

шаго колебанія, это ему даже на руку: „коли все нелѣпо и ничего святаго не существуетъ, стало быть, можно все дѣлать, а съ меня еще времени хватить, не сейчасъ вѣдь придетъ страшный судъ“. Любопытно еще то, что именно самая слабая сторона вопроса и смутила Левина, и поставила его втупикъ, и это чисто по-русски, и совершенно вѣрно отмѣчено авторомъ: все дѣло въ томъ, что всѣ эти мысли и вопросы у насъ въ Россіи — одна лишь теорія, всѣ къ намъ занесенные съ чужого строя и съ чужого порядка вещей, изъ Европы, гдѣ они имѣютъ давно уже свою историческую и практическую сторону. Что жъ дѣлать: оба наши дворянина—европейцы, и отъ европейскаго авторитета освободиться имъ не легко, надо и тутъ отдать дань Европѣ. И вотъ Левинъ, русское сердце, смѣшиваетъ чисто русское и единственно возможное рѣшеніе вопроса съ европейской его постановкой. Онъ смѣшиваетъ христіанское рѣшеніе съ историческимъ „правомъ“. Представимъ, для ясности, себѣ такую картинку:

Стоитъ Левинъ, стоитъ задумавшись послѣ ночного разговора своего на охотѣ со Стивой и мучительно, какъ честная душа, желаетъ разрѣшить смутившій, и уже прежде, стало быть, смущавшій его вопросъ.

— Да, думаетъ онъ, полурѣшая,—да, если по-настоящему, то за что мы, какъ сказалъ давеча Весловскій, „вѣдимъ, пьемъ, охотимся, ничего не дѣлаемъ, а бѣдный вѣчно, вѣчно въ трудѣ? Да, Стива правъ, я *долженъ* раздѣлить мое имѣніе бѣднымъ и пойти работать на нихъ.

Стоитъ подлѣ Левина „бѣдный“ и говорить:

— Да, ты дѣйствительно *долженъ* и обязанъ отдать свое имѣніе намъ, бѣднымъ, и пойти работать на насъ.

Левинъ выйдетъ совершенно правъ, а „бѣдный“ совершенно неправъ, разумѣется, рѣшая дѣло, такъ сказать, въ высшемъ смыслѣ. Но въ томъ-то и вся разница постановки вопроса. Ибо нравственное рѣшеніе его пельзя смѣшивать съ историческимъ; не то—безысходная путаница, которая и теперь продолжается, особенно въ теоретическихъ русскихъ головахъ—и въ головахъ негодаевъ Стивъ и въ головахъ чистыхъ сердцемъ Левиныхъ. Въ Европѣ жизнь и практика уже поставили вопросъ—хоть и абсурдно въ идеаль его исхода, но все же реально въ его текущемъ ходѣ, и уже не смѣшивая двухъ разнородныхъ взглядовъ, нравственнаго и историческаго, по крайней

мѣрѣ, по возможности. Разъясимъ нашу мысль еще, хоть двумя словами.

III.

Злоба дня въ Европѣ.

Въ Европѣ былъ феодализмъ и были рыцари. Но въ тысячу слишкомъ лѣтъ усилилась буржуазія и наконецъ задала повсемѣстно битву, разбила и согнала рыцарей и—стала сама на ихъ мѣсто. Исполнилась въ лицахъ поговорка: „Otes toi de là que je m'y mette“ (убирайся, а я на твое мѣсто). Но ставъ на мѣсто своихъ прежнихъ господъ и завладѣвъ собственностью, буржуазія совершенно обошла народъ, пролетарія, и, не признавъ его за брата, обратила его въ рабочую силу, для своего благосостоянія, изъ-за куска хлѣба. Нашъ русскій Стива рѣшаетъ про себя, что онъ неправъ, но сознательно хочетъ оставаться негодяемъ, потому что ему жирно и хорошо; заграничный Стива съ нашимъ несогласенъ и признаетъ себя совершенно правымъ, и ужъ конечно, онъ въ этомъ по-своему логичнѣе, ибо, по его мнѣнью, тутъ вовсе и нѣтъ никакого *права*, а есть только *исторія*, историческій ходъ вещей. Онъ сталъ на мѣсто рыцаря, потому что побѣдилъ рыцаря силой, и онъ отлично хорошо понимаетъ, что пролетарій, бывшій во время борьбы его съ рыцаремъ еще ничтожнымъ и слабымъ, очень можетъ усилиться и даже усиливается съ каждымъ днемъ. Онъ отлично предчувствуетъ, что когда тотъ совсѣмъ усилится, то скovyрнетъ его съ мѣста, какъ онъ когда-то рыцаря, и точь въ точь такъ же скажетъ ему: „убирайся, а я на твое мѣсто“. Гдѣ же тутъ право, тутъ одна исторія. О, онъ бы готовъ былъ на компромиссъ, какъ-нибудь поладить съ врагомъ, и даже пробоваль. Но такъ какъ онъ отлично догадался, да и на опытѣ знаетъ, что врагъ ни за что не расположенъ мириться, дѣлиться не хочетъ, а хочетъ *всею*; кромѣ того: что если онъ и уступить что, то только себя ослабитъ—то и рѣшилъ не уступать ничего и—готовиться къ битвѣ. Положеніе это, можетъ быть, безнадежно, но по свойству человѣческой природы укрѣпляться духомъ передъ борьбою,—онъ не отчаивается, напротивъ, укрѣпляется на бой все болѣе и болѣе, пускаетъ всѣ средства въ ходъ, изо всей силы, пока сила есть; ослабляетъ противника и пока только это и дѣлаетъ.

Вотъ на какой точкѣ это дѣло теперь въ Европѣ.

Правда, прежде, недавно даже была и тамъ *нравственная* постановка вопроса, были фурьеристы и кабетисты, были споры, споры и дебаты объ разныхъ весьма тонкихъ вещахъ. Но теперь предводители пролетарія все это до времени устранили. Они прямо ходятъ задать битву, организуютъ армію, собираютъ ее въ ассоціаціи, устраиваютъ кассы, и увѣрепы въ побѣдѣ: „А тамъ, послѣ побѣды, все само собою устроится практически, хотя очень можетъ быть, что послѣ рѣкъ пролитой крови“. Буржуа понимаетъ, что предводители пролетаріевъ прельщаютъ ихъ просто грабежомъ, и что въ такомъ случаѣ нравственную сторону дѣла и ставить не стоитъ. И, однако, между и теперешними даже предводителями случаются такіе коноводы, которые проповѣдуютъ и нравственное право бѣдныхъ. Высшіе предводители допускаютъ этихъ коноводовъ собственно для красоты, чтобъ скрасить дѣло, придать ему видъ высшей справедливости. Изъ этихъ „нравственныхъ“ коноводовъ есть много интригановъ, но много и пламенно вѣрующихъ. Они прямо объявляютъ, что для себя ничего не хотятъ, а работаютъ лишь для человѣчества, хотятъ добиться новаго строя вещей для счастья человѣчества. Но тутъ ихъ ждетъ буржуа на довольно твердой почвѣ и имъ прямо ставить на видъ, что они хотятъ заставить его стать братомъ пролетарію и подѣлать съ нимъ имѣніе—палкой и кровью. Несмотря на то, что это довольно похоже на правду, коноводы отвѣчаютъ имъ, что они вовсе не считаютъ ихъ, буржуазію, способными стать братьями народу, а потому-то и идутъ на нихъ просто силой, изъ братства ихъ исключаютъ вовсе: „братство-де образуется потомъ, изъ пролетаріевъ, а вы—вы сто милліоновъ обреченныхъ къ истребленію головъ, и только. Съ вами покончено, для счастья человѣчества“. Другіе изъ коноводовъ прямо уже говорятъ, что братства никакого имъ и не надо, что христіанство бредни и что будущее человѣчество устроится на основаніяхъ научныхъ. Все это, конечно, не можетъ поколебать и убѣдить буржуа. Онъ понимаетъ и возражаетъ, что это общество, на основаніяхъ научныхъ, чистая фантазія, что они представили себѣ человѣка совсѣмъ инымъ, чѣмъ устроила его природа. Что человѣку трудно и невозможно отказаться отъ безусловнаго права собственности, отъ семейства и отъ свободы; что отъ будущаго своего человѣка они слишкомъ много требуютъ пожертвованій, какъ отъ личности;

что устроить такъ человѣка можно только страшнымъ насиліемъ и поставивъ надъ нимъ страшное шпіонство и непрерывный контроль самой деспотической власти. Въ заключеніе они вызываютъ указать ту силу, которая бы смогла соединить будущаго человѣка въ согласное общество, а не въ насильственное. На это коноводы выставляютъ пользу и необходимость, которую сознаетъ самъ человѣкъ, и что самъ онъ, чтобы спасти себя отъ разрушенія и смерти, согласится добровольно сдѣлать всѣ требуемыя уступки. Имъ возражаютъ, что польза и самосохраненіе никогда одни не въ силахъ породить полного и согласнаго единенія, что никакая польза не замѣнитъ своеволія и правъ личности, что эти силы и мотивы слишкомъ слабы и что все это, стало-быть, попрежнему гадательно. Что если бъ они дѣйствовали только нравственной стороною дѣла, то пролетарій и слушать бы ихъ не сталъ, а если идетъ за ними теперь и организуется въ битву, то единственно потому, что прельщенъ обѣщаннымъ грабежомъ и взволнованъ перспективою разрушенія и битвы. А стало-быть, въ концѣ концовъ, нравственную сторону вопроса надобно совсѣмъ устранить, потому что она не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, а надо просто готовиться къ бою.

Вотъ европейская постановка дѣла. И та и другая сторона страшно неправы, и та и другая погибнуть во грѣхахъ своихъ. Повторяемъ, всего тяжелѣе для насъ русскихъ то, что у насъ даже Левины надъ этими же самыми вопросами задумываются, тогда какъ единственно возможное разрѣшеніе вопроса, и именно русское, и не только для русскихъ, но и для всего человѣчества, — есть постановка вопроса нравственная, то-есть христіанская. Въ Европѣ она не мыслима, хотя и тамъ, рано ли, поздно ли, послѣ рѣкъ крови и ста милліоновъ головъ, должны же будутъ признать ее, ибо въ ней только одной и исходъ.

IV.

Русское рѣшеніе вопроса.

Если вы почувствовали, что вамъ тяжело „ѣсть, пить, ничего не дѣлать и ѣздить на охоту“ и если вы дѣйствительно это почувствовали и дѣйствительно такъ вамъ жаль „обѣдныхъ“, которыхъ такъ много, то отдайте имъ свое имѣніе, если хотите, пожертвуйте на общую пользу

и идите работать на всѣхъ и „получите сокровище на небеси, тамъ, гдѣ не копятъ и не посягаютъ“. Пойдите, какъ Власъ, у котораго

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла.

И если не хотите собирать, какъ Власъ, на храмъ Божій, то заботьтесь о просвѣщеніи души этого бѣдняка, свѣтите ему, учите его. Если бъ и всѣ роздали, какъ вы, свое имѣніе „бѣднымъ“, то раздѣленные на всѣхъ, всѣ богатства богатыхъ міра сего были бы лишь каплей въ морѣ. А потому надобно заботиться больше о свѣтѣ, о наукѣ и о усиленіи любви. Тогда богатство будетъ расти въ самомъ дѣлѣ, и богатство настоящее, потому что оно не въ золотыхъ платяхъ заключается, а въ радости общаго соединенія и въ твердой надеждѣ каждаго на всеобщую помощь въ несчастіи ему и дѣтямъ его. И не говорите, что вы лишь слабая единица, и что если вы одинъ раздадите имѣніе и пойдете служить, то ничего этимъ не сдѣлаете и не поправите. Напротивъ, если даже только нѣсколько будетъ такихъ, какъ вы, такъ и тогда двинется дѣло. Да въ сущности и не надо даже раздавать *непрерывно* имѣнія,—ибо всякая *непрерывность* тутъ, въ дѣлѣ любви, похожа будетъ на мундиръ, на рубрику, на букву. Убѣжденіе, что исполнилъ букву, ведетъ только къ гордости, къ формалистикѣ и къ лѣности. Надо дѣлать только то, что велитъ сердце: велитъ отдать имѣніе — отдайте, велитъ идти работать на всѣхъ—идите, но и тутъ не дѣлайте такъ, какъ иные мечтатели, которые прямо берутся за тачку: „дескать, я не баринъ, я хочу работать какъ мужикъ“. Тачка опять-таки мундиръ.

Напротивъ, если чувствуете, что будете полезны всѣмъ какъ ученый, идите въ университетъ и оставьте себѣ на то средства. Не раздача имѣнія обязательна и не надѣванье зипуна: все это лишь буква и формальность; обязательна и важна лишь *рѣшимость ваша дѣлать все ради дѣятельной любви*, все, что возможно вамъ, что сами искренно признаете для себя возможнымъ. Всѣ же эти старанія „опроститься“—лишь одно только переряживание, невѣжливое даже къ народу и васъ унижающее. Вы слишкомъ „сложны“, чтобъ „опроститься“, да и образованіе ваше не позволитъ вамъ стать мужикомъ. Лучше мужика вознесите до вашей „осложненности“. Будьте только искренни и простодушны; это лучше всякаго „опрощенія“.

Но пуще всего не запугивайте себя сами, не говорите: „одинъ въ полѣ не воинъ“ и пр. Всякій, кто искренно захотѣлъ истины, тотъ уже страшно силенъ. Не подражайте тоже нѣкоторымъ фразерамъ, которые говорятъ поминутно, чтобы ихъ слышали: „Не дають ничего дѣлать, связываютъ руки, вселяють въ душу отчаяніе и разочарованіе!“ и пр., и пр. Все это фразеры и герои поэмъ дурного тона, рисующіеся собою лѣнтяи. Кто хочетъ приносить пользу, тотъ и съ буквально связанными руками можетъ сдѣлать бездну добра. Истинный дѣлатель, вступивъ на путь, сразу увидитъ передъ собою столько дѣла, что не станетъ жаловаться, что ему не дають дѣлать, а непременно отыщетъ и успѣетъ хоть что-нибудь сдѣлать. Всѣ настоящіе дѣлатели про это знаютъ. У насъ одно изученіе Россіи сколько времени возьметъ, потому что вѣдь у насъ лишь рѣдчайшій человекъ знаетъ нашу Россію. Жалобы на разочарованіе совершенно глупы: радость на воздвигающееся зданіе должна утолить всякую душу и всякую жажду, хотя бы вы только по песчинкѣ приносили пока на зданіе. Одна награда вамъ—любовь, если заслужите ее. Положимъ, вамъ не надо награды, но вѣдь вы дѣлаете дѣло любви, а, стало-быть, нельзя же вамъ не домогаться любви. Но пусть никто и не скажетъ вамъ, что вы и безъ любви должны были сдѣлать все это, изъ собственной, такъ сказать, пользы и что иначе васъ бы заставили силой. Нѣтъ, у насъ въ Россіи надо пасаждать другія убѣжденія, и особенно относительно понятій о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Въ нынѣшнемъ образѣ міра полагають свободу въ разнузданности, тогда какъ настоящая свобода—лишь въ одолѣніи себя и воли своей, такъ чтобы подъ конецъ достигнуть такого нравственнаго состоянія, чтобы всегда, во всякій моментъ, быть самому себѣ настоящимъ хозяиномъ. А разнузданность желаній ведетъ лишь къ рабству вашему. Вотъ почему чуть-чуть не весь нынѣшній міръ полагаетъ свободу въ денежномъ обезпеченіи и въ законахъ, гарантирующихъ денежное обезпеченіе. „Есть деньги, стало-быть, могу дѣлать все, что угодно; есть деньги—стало-быть, не погибну и не пойду просить помощи, а не просить ни у кого помощи есть высшая свобода“. А между тѣмъ это въ сущности не свобода, а опять-таки рабство, рабство отъ денегъ. Напротивъ, самая высшая свобода — не копить и не обезпечивать себя деньгами, а „раздѣлать всѣмъ что имѣешь и

пойти всѣмъ служить“. Если способенъ на то человѣкъ, если способенъ одолѣть себя до такой степени—то онъ ли послѣ того не свободенъ? Это уже высочайшее проявленіе воли! Затѣмъ, что такое въ нынѣшнемъ образованномъ мірѣ равенство? Ревнивое наблюденіе другъ за другомъ, чванство и зависть: „Онъ уменъ, онъ Шекспиръ, онъ тщеславится своимъ талантомъ; унижить его, истребить его“. Между тѣмъ настоящее равенство говоритъ: „Какое мнѣ дѣло, что ты талантливѣе меня, умнѣе меня, красивѣе меня? Напротивъ, я этому радуюсь, потому что люблю тебя. Но хоть я и ничтожнѣе тебя, но, какъ человѣкъ, я уважаю себя, и ты знаешь это, и самъ уважаешь меня, а твоимъ уваженіемъ я счастливъ. Если ты, по твоимъ способностямъ, приносишь въ сто разъ больше пользы мнѣ и всѣмъ, чѣмъ я тебѣ, то я за это благословляю тебя, дивлюсь тебѣ и благодарю тебя, и вовсе не ставлю моего удивленія къ тебѣ себѣ въ стыдъ; напротивъ, счастливъ тѣмъ, что тебѣ благодаренъ, и если работаю на тебя и на всѣхъ, по мѣрѣ моихъ слабыхъ способностей, то вовсе не для того, чтобы сквитаться съ тобой, а потому, что люблю васъ всѣхъ“.

Если такъ будутъ говорить всѣ люди, то ужъ, конечно, они станутъ и братьями, не изъ одной только экономической пользы, а отъ полноты радостной жизни, отъ полноты любви.

Скажутъ, что это фантазія, что это „русское рѣшеніе вопроса“—есть „Царство Небесное“ и возможно развѣ лишь въ Царствѣ Небесномъ. Да, Стивы очень разсердились бы, если бъ наступило Царство Небесное. Но надобно взять уже то одно, что въ этой фантазіи „русскаго рѣшенія вопроса“ несравненно менѣе фантастическаго и несравненно болѣе вѣроятнаго, чѣмъ въ европейскомъ рѣшеніи. Такихъ людей, т.-е. „Власовъ“ мы уже видѣли и видимъ у насъ во всѣхъ сословіяхъ, и даже довольно часто; тамошняго же „будущаго человѣка“ мы еще нигдѣ не видѣли и самъ онъ обѣщаль придти перейдя лишь рѣки крови. Вы скажете, что единицы и десятки ничему не помогутъ, а надобно добиться извѣстныхъ всеобщихъ порядковъ и принциповъ. Но если бъ даже и существовали такіе порядки и принципы, чтобы безошибочно устроить общество, и если бъ даже и можно было ихъ добиться прежде практики, такъ, а priori, изъ однихъ мечтаній сердца и „научныхъ“ цифръ, взятыхъ притомъ изъ преж-

ного строя общества, — то съ неготовыми, съ невыдѣланными къ тому людьми никакія правила не удержатся и не осуществятся, а, напротивъ, станутъ лишь въ тягость. Я же безгранично вѣрую въ нашихъ будущихъ и уже начинающихся людей, вотъ о которыхъ я уже говорилъ выше, что они пока еще не снѣлись, что они страшно какъ разбиты на кучки и лагеря въ своихъ убѣжденіяхъ, но зато всѣ ищутъ правды прежде всего, и если бъ только узнали гдѣ она, то для достиженія ея готовы пожертвовать всѣмъ, и даже жизнью. Повѣрьте, что если они вступятъ на путь истинный, найдутъ его, наконецъ, то увлекутъ за собою и всѣхъ, и не насиліемъ, а свободно. Вотъ что уже могутъ сдѣлать единицы на первый случай. И вотъ тотъ плугъ, которымъ можно поднять нашу „Новь“. Прежде, чѣмъ проповѣдывать людямъ: „какъ имъ быть“ — покажите это на себѣ. Исполните на себѣ сами и всѣ за вами пойдутъ. Что тутъ утопическаго, что тутъ невозможнаго — не понимаю! Правда, мы очень развратны, очень малодушны, а потому не вѣримъ и смѣемся. Но теперь почти не въ насъ и дѣло, а въ грядущихъ. Народъ чистъ сердцемъ, но ему нужно образованіе. Но чистые сердцемъ поднимаются и въ нашей средѣ — и вотъ что самое важное! Вотъ этому надо повѣрить прежде всего, это надобно умѣть разглядѣть. А чистымъ сердцемъ одинъ совѣтъ: самообладаніе и самоодолѣніе прежде всякаго перваго шага. Исполни самъ на себѣ прежде, чѣмъ другихъ заставлять, — вотъ въ чемъ вся тайна перваго шага.

МАРТЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Еще разъ о томъ, что Константинополь, рано ли, поздно ли, а долженъ быть нашъ.

Прошлаго года, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ іюнскомъ № моего „Дневника“, я сказалъ, что Константинополь „рано ли, поздно ли, долженъ быть нашъ“. Тогда было горячее и славное время: подымалась духомъ и сердцемъ вся Россія и народъ шель „добровольно“ послужить Христу и православію противъ невѣрныхъ, за нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови славянъ. Я хоть и назвалъ тогдашнюю статью мою „утопическимъ пониманіемъ исторіи“, — но самъ я твердо вѣрилъ въ свои слова и не считалъ ихъ утопией, да и теперь готовъ подтвердить ихъ буквально. Вотъ, чтѣ я написалъ тогда о Константинополѣ:

„Да, Золотой Рогъ и Константинополь,—все это будетъ наше... И, во-первыхъ, это случится само собою, именно потому, что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то дѣйствительно время уже близко, всѣ къ тому признаки, это выходъ естественный, это, такъ сказать, слово самой природы. Если не случилось этого раньше, то именно потому, что не созрѣло еще время“.

Затѣмъ я тогда разъяснилъ мою мысль, почему не созрѣло, да и не могло созрѣть прежде время. Если бъ Петру Великому (писалъ я) и пришла тогда мысль,

«вмѣсто основанія Петербурга захватить Константинополь, то, мнѣ кажется, онъ, по нѣкоторомъ размысленіи, оставилъ бы эту мысль

тогда же, если бы даже и имѣлъ настолько силы, чтобы сокрушить султана, именно потому, что тогда дѣло это было несвоевременное и могло бы принести даже гибель Россіи.

«Ужъ когда въ чухонскомъ Петербургѣ мы не избѣгли вліянія сосѣднихъ нѣмцевъ, хотя и бывшихъ полезными, но зато и весьма парализовавшихъ русское развитіе прежде, чѣмъ выдѣлилась его настоящая дорога, то какъ въ Константинополь, огромномъ и своеобразномъ, съ остатками могущественной и древнѣйшей цивилизаціи, могли бы мы избѣжать вліянія грековъ, людей несравненно болѣе тонкихъ, чѣмъ грубые нѣмцы, людей, имѣющихъ несравненно болѣе общихъ точекъ соприкосновенія съ нами, чѣмъ совершенно непохожіе на насъ нѣмцы, людей многочисленныхъ и царедворныхъ, которые тотчасъ же бы окружили тронъ и прежде русскихъ стали бы и учены, и образованы, которые и Петра самого очаровали бы въ его слабой струнѣ ужъ однимъ своимъ знаніемъ и умѣніемъ въ мореходствѣ, а не только его ближайшихъ преемниковъ. Однимъ словомъ, они овладѣли бы Россіей политически, они стащили бы ее немедленно на какую-нибудь новую Азіатскую дорогу, на какую-нибудь замкнутость и ужъ, конечно, этого не вынесла бы тогдашняя Россія. Ея русская сила и ея національность были бы остановлены въ своемъ ходѣ. Мощный великоруссъ остался бы въ отдаленіи на своемъ мрачномъ сѣвномъ Сѣверѣ, служа не болѣе какъ матеріаломъ для обновленнаго Царьграда и, можетъ-быть, подъ конецъ, совсѣмъ не призналъ бы нужнымъ идти за нимъ. Югъ же Россіи весь бы подпалъ захвату грековъ. Даже, можетъ-быть, совершилось бы распаденіе самого Православія на два міра: на обновленный Царьградскій и старый русскій... Однимъ словомъ, дѣло было въ высшей степени несвоевременное. Теперь же совсѣмъ иное».

Теперь (писалъ я); теперь Россія уже могла бы завладѣть Константинополемъ и не переноса въ него свою столицу, чего тогда, при Петрѣ, и даже долго послѣ него, было бы нельзя миновать. Теперь Царьградъ могъ бы быть нашимъ и не какъ столица Россіи, но (прибавлялъ я) и не какъ столица всеславянства, какъ мечтаютъ нѣкоторые:

«Всеславянство безъ Россіи истощится тамъ въ борьбѣ съ греками, если бы даже и могло составить изъ своихъ частей какое-нибудь политическое цѣлое. Настѣдывать же Константинополь однимъ грекамъ теперь уже совсѣмъ невозможно: нельзя отдать имъ такую важную точку земного шара, слишкомъ ужъ было бы имъ не по мѣркѣ».

Но во имя чего же, во имя какого *нравственнаго* права могла бы искать Россія Константинополя? Опираясь на какія высшія цѣли могла бы требовать его отъ Европы?

«А вотъ именно (писалъ я)—какъ предводительница Православія, какъ покровительница и охранительница его,—роль предназначенная ей еще съ Ивана III, поставившаго въ знакъ ея и царьградскаго двуглаваго орла выше древняго герба Россіи, но обозначающаяся уже несомнѣнно послѣ Петра Великаго, когда Россія сознала въ себѣ силу исполнить свое назначеніе, а фактически уже и стала дѣйствительной и единственной покровительницей и православія, и народовъ

его исповѣдующихъ. Вотъ эта причина, вотъ это *празо* на древній Царьградъ и было бы понятно и не обидно даже самымъ ревнивымъ къ своей независимости славянамъ, или даже самимъ грекамъ. Да и тѣмъ самымъ обозначилась бы и настоящая сущность тѣхъ политическихъ отношеній, которыя и должны неминуемо наступить у Россіи ко всѣмъ прочимъ православнымъ народностямъ, — славянамъ ли, грекамъ ли, все равно. Она — покровительница ихъ и даже можетъ быть предводительница, но не владычица; мать ихъ, а не госпожа. Если даже и государыня ихъ, когда-нибудь, то лишь по собственному ихъ провозглашенію, съ сохраненіемъ всего того, чѣмъ сами они опредѣлили бы независимость и личность свою».

Всѣ эти соображенія само собою представлялись мною въ іюньской прошлогодней статьѣ отнюдь не какъ подлежащія немедленному исполненію, а лишь какъ долженствующія несомнѣнно исполниться, когда придетъ къ тому историческое время и восполнятся сроки, близость и отдаленность которыхъ, хотя невозможно предсказать, но все же можно предчувствовать. Съ тѣхъ поръ прошло девять мѣсяцевъ. Про эти девять мѣсяцевъ вспоминать, я думаю, нечего: всѣмъ намъ извѣстно это восторженное время, въ началѣ полное надеждъ, а потомъ странное и тревожное и которое до сихъ поръ еще не заключилось ничѣмъ, такъ что одинъ Богъ знаетъ — (я думаю, такъ лишь можно выразиться) — чѣмъ оно разрѣшится: обнимимъ ли мы мечъ или дѣло еще разъ оттянется какимъ-нибудь компромиссомъ въ долгій ящикъ. Но что бы ни случилось, мнѣ какъ разъ почему-то именно теперь захотѣлось высказать нѣсколько дополнительныхъ и пояснительныхъ словъ къ моимъ іюньскимъ мечтамъ о судьбѣ Царьграда. Что въ тамъ теперь ни случилось — миръ ли, вновь ли уступки со стороны Россіи, но рано ли, поздно ли, а Царьградъ будетъ нашъ, — вотъ что хочется мнѣ опять подтвердить, но уже съ нѣкоторой новой точки зрѣнія.

Да, онъ долженъ быть нашъ не съ одной точки зрѣнія знаменитаго порта, пролива, „средоточія вселенной“, „пула земли“; не съ точки зрѣнія давно признанной необходимости такому огромному великану какъ Россія выйти, наконецъ, изъ запертой своей комнаты, въ которой онъ доросъ до потолка, на просторъ,дохнуть вольнымъ воздухомъ морей и океановъ. Я хочу поставить на видъ лишь одно соображеніе, тоже самой первой важности, по которому Константинополь не можетъ миновать Россіи. Это соображеніе я потому преимущественно передъ другими выставляю на видъ, что, какъ мнѣ кажется, такой точки зрѣнія никто теперь не беретъ въ расчетъ, или, по край-

ней мѣрѣ, давно позабыли брать въ расчетъ, а она-то, пожалуй, что и изъ самыхъ важныхъ.

II.

Русскій народъ слишкомъ доросъ до здраваго понятія о восточномъ вопросѣ съ своей точки зрѣнія.

Хоть и дико сказать, но четырехвѣковой гнетъ турокъ на Востокъ съ одной стороны былъ даже полезенъ тамъ христіанству и православію, — отрицательно, конечно, но, однакоже, способствуя его укрѣпленію, а, главное, его единенію, его единству, точно такъ же, какъ двухвѣковая татарщина способствовала нѣкогда укрѣпленію Церкви и у насъ въ Россіи. Придавленное и измученное христіанское населеніе Востока увидало во Христѣ и въ вѣрѣ въ него единое свое утѣшеніе; а въ Церкви — единственный и послѣдній остатокъ своей національной личности и особенноти. Это была послѣдняя единая надежда, послѣдняя доска, оставшаяся отъ разбитаго корабля; ибо Церковь все-таки сохранила эти населенія какъ національность, а вѣра во Христа препятствовала имъ, т.-е. хотя части изъ нихъ, слиться съ побѣдителями воедино, забывъ свой родъ и свою прежнюю исторію. Все это чувствовали и хорошо понимали сами угнетенные народы и единились около креста тѣснѣе. Съ другой стороны, съ самаго покоренія Константинополя, весь огромный христіанскій Востокъ невольно и вдругъ обратилъ свой молящій взглядъ на далекую Россію, только что вышедшую тогда изъ своего татарскаго рабства, и какъ бы предугадалъ въ ней будущее ея могущество, свой будущій всеединящій центръ себѣ во спасеніе. Россія же немедленно и не колеблясь приняла знамя Востока и поставила Царьградскаго двуглаваго орла выше своего древняго герба и тѣмъ какъ бы приняла обязательство передъ всѣмъ православіемъ: хранить его и всѣ народы его исповѣдующіе отъ конечной гибели. Въ то же время и весь русскій народъ совершенно подтвердилъ новое назначеніе Россіи и Царя своего въ грядущихъ судьбахъ всего восточнаго міра. Съ тѣхъ поръ главное, излюбленное наименованье Царя своего народъ твердо и неуклонно поставилъ и до сихъ поръ видитъ въ словѣ: „православный“, „Царь Православный“. Назвавъ такъ Царя своего, онъ какъ бы призналъ въ наименованіи этомъ и назначеніе его, — назначеніе охранителя, единителя, а когда прогремить вѣлвіе Божіе, — и

освободителя православія и всего христіанства, его исповѣдующаго, отъ мусульманскаго варварства и западнаго еретичества. Два вѣка назадъ, и особенно начиная съ Петра Великаго, вѣрованія и надежды народовъ Востока начали сбываться уже на дѣлѣ: мечъ Россіи уже нѣсколько разъ сіялъ на Востокъ въ защиту его. Само собою, что и народы Востока не могли не видѣть въ Царѣ Россіи не только освободителя, но и будущаго Царя своего. Но въ эти два вѣка явилось и у нихъ европейское просвѣщеніе, европейское вліяніе. Высшая просвѣщенная часть народа, интеллигенція его, какъ у насъ, такъ и на Востокѣ, мало-по-малу стала къ идеѣ православія равнодушнѣе, стала даже отрицать, что въ этой идеѣ заключается обновленіе и воскресеніе въ новую великую жизнь, какъ для Востока, такъ и для Россіи. Въ Россіи, напри- мѣръ, въ огромной части ея образованнаго сословія, перестали и даже какъ бы отучились видѣть въ этой идеѣ главное назначеніе Россіи, завѣтъ будущаго и жизненную силу ея; въ противоположность тому стали находить все это въ новыхъ указаніяхъ. Въ Церкви, по западному, многіе стали видѣть лишь мертвенный формализмъ, особность, обрядность, а съ конца прошлаго вѣка такъ даже предразсудокъ и ханжество: о духѣ, объ идеѣ, о живой силѣ было забыто. Явились идеи экономическія характера западнаго, явились новыя ученія политическія, явилась новая нравственность, стремившаяся поправить прежнюю и стать выше ея. Явилась, наконецъ, наука, не могшая не внести безвѣрія въ прежнія идеи... Въ народахъ же Востока стали пробуждаться, кромѣ того, и главнѣйшимъ образомъ, идеи національныя: явилась вдругъ боязнь, освобождаясь отъ турецкаго ига, подпасть подъ иго Россіи. Зато въ простомъ, многомилліонномъ народѣ нашемъ и въ царяхъ его, идея освобожденія Востока и Церкви Христовой не умирала никогда. Движеніе, охватившее народъ русскій прошлымъ лѣтомъ, доказало, что народъ не забылъ ничего изъ своихъ древнихъ надеждъ и вѣрованій, и даже удивило огромную часть нашей интеллигенціи, до того, что та прямо не повѣрила этому движенію, отнеслась къ нему скептически и насмѣшливо стала всѣхъ увѣрять, и себя прежде всѣхъ, что движеніе это выдуманно и поддѣлано неблаговидными людьми, желавшими выдвинуться впередъ на красивое мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, кто бы могъ, въ наше время, въ нашей интеллигенціи, кромѣ небольшой

отдѣлившейся отъ общаго хора части ея, допустить, что народъ нашъ въ состояніи *сознательно* понимать свое политическое, социальное и нравственное назначеніе? Какъ можно было имъ допустить, чтобъ эта грубая, черная масса, недавно еще крѣпостная, а теперь опившаяся водкой, знала бы и была увѣрена, что назначеніе ея — служеніе Христу, а Царя ея — храненіе Христовой вѣры и освобожденіе православія. „Пусть эта масса всегда называла себя не иначе какъ христіанствомъ (крестьянствомъ), но вѣдь она все-таки не имѣетъ понятій ни о религіи, ни о Христѣ даже, она самыхъ обыкновенныхъ молитвъ не знаетъ“. Вотъ, что говорятъ обыкновенно про народъ нашъ. Кто говоритъ это? Вы думаете—нѣмецкій пасторъ, обработавшій у насъ штунду, или заѣзжій европеецъ, корреспондентъ политической газеты, или образованный какой-нибудь высшій еврей изъ тѣхъ, что не вѣруютъ въ Бога и которыхъ вдругъ у насъ такъ много теперь расплодилось, или, наконецъ, кто-нибудь изъ тѣхъ поселившихся за границей русскихъ, воображающихъ Россію и народъ ея лишь въ образѣ пьяной бабы, со штофомъ въ рукахъ? О нѣтъ, такъ думаетъ огромная часть нашего русскаго, и самаго лучшаго, общества; а и не подозрѣваютъ они, что хоть народъ нашъ и не знаетъ молитвъ, по сущности христіанства, но духъ и правда его, сохранились и укрѣпились въ немъ такъ, какъ, можетъ быть, ни въ одномъ изъ народовъ міра сего, несмотря даже на пороки его. Впрочемъ, атеистъ, или равнодушный въ дѣлѣ вѣры русскій европеецъ и не понимаетъ вѣры иначе, какъ въ видѣ формалистики и ханжества. Въ народѣ же они не видятъ ничего подобнаго ханжеству, а потому и заключаютъ, что опъ въ вѣрѣ ничего не смыслить, молится когда ему надо — доскѣ, а въ сущности равнодушенъ и духъ его убитъ формалистикою. Духа христіанскаго они въ немъ не примѣтили вовсе, можетъ быть, и потому еще, что сами этотъ духъ давно уже потеряли, да и не знаютъ, гдѣ онъ находится, гдѣ оцъ вѣетъ. Этотъ „развратный“ и темный народъ нашъ любитъ, однакоже, смиреннаго и юродиваго: во всѣхъ преданіяхъ и сказаніяхъ своихъ опъ ссхраняетъ вѣру, что слабый и приниженный несправедливо и напрасно Христа ради терпящій, будетъ вознесенъ превыше знатныхъ и сильныхъ, когда раздастся судъ и велѣніе Божіе. Народъ нашъ любитъ тоже рассказывать и всеславное и великое житіе своего великаго, цѣ-

ломудреннаго и смиреннаго христіанскаго богатыря Ильи-Муромца, подвижника за правду, освободителя бѣдныхъ и слабыхъ, смиреннаго и непровозносящагося, вѣрнаго и сердцемъ чистаго. И имѣя, чтя и любя такого богатыря, — народу ли нашему не вѣровать и въ торжество приниженныхъ теперь народовъ и братьевъ нашихъ на Востокѣ? Народъ нашъ чтить память своихъ великихъ и смиренныхъ отшельниковъ и подвижниковъ, любитъ рассказывать исторіи великихъ христіанскихъ мучениковъ своимъ дѣтямъ. Эти исторіи онъ знаетъ и заучилъ, и я самъ ихъ впервые отъ народа услышалъ, рассказанныя съ проникновеніемъ и благоговѣніемъ и оставшіяся у меня на сердцѣ. Кромѣ того, народъ ежедневно и самъ выдѣляетъ изъ себя великихъ кающихся „Власовъ“, идущихъ съ умиленіемъ, раздавъ все имѣніе свое, на смиренный и великій подвигъ правды, работы и нищеты... Но, впрочемъ, о народѣ русскомъ потомъ; когда-нибудь добьется же онъ того, что начнутъ понимать и его и, по крайней мѣрѣ, принимать его во вниманіе. Поймутъ, что онъ что-нибудь да значить. Поймутъ, наконецъ, и то важное обстоятельство, что ни разу еще въ великіе или даже въ чуть-чуть важные моменты исторіи русской, безъ него не обходилось, что Россіи *народна*, что Россія не Австрія, что въ каждый значительный моментъ нашей исторической жизни дѣло всегда рѣшалось народнымъ духомъ и взглядомъ, царями народа въ высшемъ единеніи съ нимъ. Это чрезвычайно важное историческое обстоятельство обыкновенно у насъ пропускается почти безъ вниманія нашей интеллигенціей, и вспоминается всегда какъ-то вдругъ, когда грянетъ историческій срокъ. Но я отвлекся, я заговорилъ о Константинополѣ...

III.

Самыя подходящія въ настоящее время мысли.

Восточная Церковь, ея предстоятели, вселенскій патриархъ, во всѣ эти четыре вѣка порабощенія ихъ Церкви, жили съ Россіей и между собою мирно — въ дѣлѣ вѣры, то-есть: большихъ смуть, ересей, расколовъ не было, не до того было. Но вотъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, и особенно въ послѣднее двадцатилѣтіе, послѣ великой восточной войны, какъ бы потянуло у нихъ тлѣннымъ запахомъ разлагающагося трупа: предчувствіе смерти и разложенія „большого человѣка“ и гибели его царства стало ощущеніемъ глав-

нымъ, насущнымъ. О, конечно, освободить можетъ окончательно все-таки лишь одна Россія, та самая Россія, которая и теперь, и въ настоящую минуту всеобщихъ разговоровъ о Востоку все-таки лишь одна разговариваетъ за нихъ въ Европѣ, тогда какъ всѣ остальные народы и царства просвѣщеннаго европейскаго міра были бы, конечно, рады, чтобы ихъ всѣхъ, этихъ угнетенныхъ народовъ Востока, хотя бы и вовсе на свѣтъ не было. Но, увы, чуть ли не вся интеллигенція восточной райи, хоть и зоветъ Россію на помощь, но боится ея, можетъ-быть, и столько же, сколько и турокъ: „Хоть и освободить насъ Россія отъ турокъ, но поглотитъ насъ, какъ и „больной человѣкъ“, и не дастъ развиваться нашимъ національностямъ“ — вотъ ихъ неподвижная идея, отравляющая всѣ ихъ надежды! А сверхъ того у нихъ и теперь уже все сильнѣй разгораются и между собою національныя соперничества; начались они чуть лишь просіялъ для нихъ первый лучъ образованія. Столь недавняя у нихъ греко-болгарская церковная распря, подъ видомъ церковной, была, конечно, лишь національною, а для будущаго какъ бы нѣкимъ пророчествомъ. Вселенскій патріархъ, порицая ослушаніе болгаръ и отлучая ихъ и самовольно избраннаго ими экзарха отъ Церкви, выставялъ на видъ, что въ дѣлѣ вѣры нельзя жертвовать уставами Церкви и послушаніемъ церковнымъ „новому и пагубному принципу національности“. Между тѣмъ, самъ же онъ, будучи грекомъ и произнося это отлученіе болгарамъ, безъ сомнѣнія служилъ тому же самому принципу національности, но только въ пользу грековъ противъ славянъ. Однимъ словомъ, можно даже съ вѣроятностью предсказать, что умри „больной человѣкъ“ и у нихъ у всѣхъ тотчасъ же начнутся между собою смятенія и распри на первый случай именно характера церковнаго, и которыя нанесутъ несомнѣнный вредъ даже и самой Россіи; нанесутъ даже и въ томъ случаѣ, если бъ та совершенно устранилась или была устранена обстоятельствами отъ участія въ рѣшеніи восточнаго вопроса. Мало того, смуты эти, можетъ быть, отзовутся даже еще тяжелѣе для Россіи, если она устранивъ себя отъ дѣятельнаго и первенствующаго участія въ судьбахъ Востока. А тутъ вдругъ кричать—(и не только въ Европѣ, но и у насъ многіе высшіе политическіе наши умы)—что случись умереть туркамъ, какъ государству, то Константинополь долженъ возродиться не

иначе какъ городомъ „международнымъ“, то-есть какимъ-то срединнымъ, общимъ, вольнымъ, чтобы не было изъза него споровъ. Ошибочнѣе мысли нельзя было и придумать.

И во-первыхъ уже по тому одному, что таковой великолѣпной точкѣ земного шара просто не дадутъ стать международной, т.-е. ничьей; непремѣнно и сейчасъ же явятся хоть бы англичане со своимъ флотомъ, въ качествѣ друзей, и именно охранять и оберегать эту самую „международность“, а въ сущности, чтобы овладѣть Константинополемъ въ свою пользу. А ужъ гдѣ они поселятся, оттуда ихъ трудно выжить, народъ цѣпкій. Мало того: греки, славяне и мусульмане Царьграда призовутъ ихъ сами, ухватятся за нихъ обѣими руками и не выпустятъ ихъ отъ себя, а причина тому—все та же Россія: „защитятъ, дескать, они насъ отъ Россіи, нашей освободительницы“. И добро бы они не видѣли и не понимали, что такое для нихъ англичане, да и вообще вся Европа? О, они и *теперь* знаютъ лучше всѣхъ, что англичанамъ (да и никому въ Европѣ, кромѣ Россіи) до ихъ счастья, то-есть до счастья всей христіанской райи, пѣтъ ровно никакого дѣла. Вся эта райя знаетъ отлично, что если бъ возможно было повторить болгарскіе лѣтніе ужасы (а это, кажется, очень возможно) какъ-нибудь пслышно и втихомолку, то въ Европѣ англичане первые пожелали бы повторенія этихъ убійствъ хоть разъ десять—и не изъ кровожадности, вовсе нѣтъ: тамъ народы гуманные и просвѣщенные,— а потому, что такія убійства, повторенныя десять разъ, истребили бы окончательно райю, истребили бы до того, что уже некому было бы на Балканскомъ полуостровѣ дѣлать противъ турокъ возстанія,— а въ этомъ-то и вся главная суть: остались бы одни милые турки и турецкія бумаги повисились бы разомъ на всѣхъ европейскихъ биржахъ, а Россіи, „съ ея честолюбіемъ и завоевательными планами“, пришлось бы откочевать поглубже во свояси, за неимѣніемъ кого защищать. Райя слишкомъ хорошо знаетъ, что только этихъ чувствъ она и можетъ ожидать теперь отъ Европы. Но совсѣмъ другое дѣло явилось бы мигомъ на свѣтѣ, если бъ какимъ-нибудь образомъ, самъ собою или отъ меча Россіи, умеръ бы наконецъ „больной человекъ“. Тотчасъ же вся Европа возгорѣлась бы къ обновленнымъ народамъ нѣжнѣйшею любовью и тотчасъ же бросилась бы „спасать ихъ отъ Рос-

сіп“. Надо думать, что идею о „международности“ Европа первая и внесетъ въ ихъ новое устройство. Европа пойметъ, что надъ трупомъ „больного человѣка“ у освобожденныхъ народовъ немедленно возгорится смута, распря и соперничество, а ей это и на руку: предложъ вмѣшательства, главное, предложъ возбудить ихъ противъ Россіи, которая навѣрно не захочетъ имъ дать ссориться изъ-за наслѣдства больного человѣка. И не будетъ такой клеветы, которую бы не пустила въ ходъ противъ насъ Европа. „Изъ-за русскихъ-то мы вамъ и противъ турокъ не помогали“, скажутъ имъ тогда англичане. Увы, народы Востока и теперь это понимаютъ отлично, и знаютъ, что „Англія никогда не приметъ участія въ ихъ освобожденіи и никогда не дастъ на это своего согласія, если бъ оно считалось нужнымъ, потому что она ненавидитъ этихъ христіанъ за ихъ духовную связь съ Россіей. Англіи нужно, чтобъ восточные христіане возненавидѣли насъ всюю силою той ненависти, какую она сама питаетъ къ намъ“... (*Московскія Вѣдомости*, № 63). Вотъ что знаютъ и покаиваются заминаютъ про себя эти народы и вотъ что они ужъ и теперь, конечно, поставили на будущій счетъ Россіи. А мы-то думаемъ, что они насъ обожаютъ.

Въ международномъ городѣ, мимо покровителей англичанъ, все-таки будутъ хозяевами греки—исконные хозяева города. Надо думать, что греки смотрятъ на славянъ еще съ большимъ презрѣніемъ, чѣмъ нѣмцы. Но такъ какъ славяне будутъ и страшны для грековъ, то презрѣніе смѣнится ожесточеніемъ. Воевать между собою, объявлять другъ другу войну, они, конечно, не смогутъ, потому что ихъ все же не допустятъ до того покровители, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ серьезномъ. Ну, вотъ именно за невозможностью открытой и откровенной драки, у нихъ и пойдутъ всякія другія распри и прежде всего примутъ характеръ церковныхъ смуть. Съ того и начинается, потому что это всего сподручнѣе; и вотъ это я и хотѣлъ указать.

Я потому такъ говорю, что ужъ программа была дана: болгаре и Константинополь. Съ этой точки греки сильны и они понимаютъ это. А между тѣмъ ничего страшнѣе въ грядущемъ не можетъ быть для всего Востока, а вмѣстѣ и для Россіи, какъ еще разъ подобная церковная распря, которая, увы, такъ возможна, устранись хоть на мигъ Россія со своимъ покровительствомъ и со строгимъ

надъ ними надзоромъ. Хотя это и всего только будущее, и даже лишь гаданія, но непростительно было бы выпустить это изъ виду, даже хотя бы только какъ гаданіе. Въ самомъ дѣлѣ, неужели ужъ и намъ желать продолженія владычества турокъ и здоровья „больному человѣку“? Неужели и намъ дойти до того? Неужели не ясно, что умри этотъ больной человѣкъ, а, главное, отстранись Россія хоть на половину отъ окончательнаго и первенствующаго вліянія на судьбы Востока, сдѣлай она эту уступку Европѣ, и — болѣе чѣмъ вѣроятно, что на Балканскомъ полуостровѣ пошатнется церковное единеніе столькихъ вѣковъ, а, можетъ-быть, и еще далѣе на Востокѣ. Даже такъ можно сказать: будутъ эти распри или нѣтъ, но умри больной человѣкъ, то весьма вѣроятно, что, можетъ-быть, дѣло не обойдется, *во всякомъ случаѣ*, безъ великаго церковнаго собора, для уложенія дѣлъ вновь возрождающейся Церкви. Почему бы это не предвидѣть заранѣе? Въ эти четыре вѣка гоненій и гнета предстоятели Восточной Церкви всегда слушались совѣтовъ Россіи; по освободись они завтра отъ турецкаго гнета и окажи имъ къ тому же покровительство Европа, — они тотчасъ же заявятъ себя въ другихъ отношеніяхъ къ Россіи. Предстоятели Восточной Церкви, то-есть главные греки, чуть лишь Россія взяла бы сторону славянъ, тотчасъ же, можетъ-быть, пожелали бы ей заявить, что въ ней и въ совѣтахъ ея они болѣе совсѣмъ не нуждаются. Именно потому поспѣшатъ заявить, что четыре вѣка смотрѣли на нее сложа въ мольбѣ руки. А положеніе Россіи будетъ почти всѣхъ труднѣе. Тѣ же болгаре тотчасъ же закричатъ, что въ Константинополѣ воцарился новый восточный папа и — кто знаетъ, можетъ-быть, правы будутъ. Международнѣй Константинополѣ дѣйствительно можетъ послужить, хоть на время, подножіемъ новаго папы. Тогда Россіи стать за грековъ будетъ значить потерять славянъ, а стать за славянъ, въ этой будущей и столь вѣроятной между ними распрѣ, значить нажать и себѣ, можетъ-быть, пренепріятныя и пресерьезныя церковныя хлопоты. Ясно, что все это можетъ быть избѣгнуто лишь заблаговременно стойкостью Россіи въ восточномъ вопросѣ и неуклоннымъ слѣдованіемъ все тѣмъ же великимъ преданіямъ нашей древней вѣковой русской политики. Никакой Европѣ не должны мы уступать ничего въ этомъ дѣлѣ ни для какихъ соображеній, потому что дѣло это наша жизнь и смерть.

Константинополь долженъ быть нашъ, рано ли, поздно ли, хотя бы именно во избѣжаніе тяжелыхъ и непріятныхъ церковныхъ смуть, которыя столь легко могутъ возродиться между молодыми и не жившими народами Востока и которымъ примѣръ уже былъ въ спорѣ болгаръ и вселенскаго патріарха, весьма плохо окончившемся. Разъ мы завладѣемъ Константинополемъ и ничего этого не можетъ произойти. Народы Запада, столь ревниво слѣдящіе за каждымъ шагомъ Россіи, еще не знаютъ и не подозрѣваютъ въ настоящую минуту всѣхъ этихъ новыхъ, еще мечтательныхъ, но слишкомъ возможныхъ будущихъ комбинацій. Если бъ и узнали ихъ теперь, то не поняли бы ихъ и не придали бы имъ особенной важности. За то слишкомъ поймутъ и придадутъ важности потомъ, когда будетъ уже поздно. Русскій народъ, понимающій восточный вопросъ не иначе какъ въ освобожденіи всего православнаго христіанства и въ великомъ будущемъ единеніи Церкви, если увидитъ, напротивъ, новыя смуты и новый разладъ, то будетъ слишкомъ потрясенъ и, можетъ быть, глубоко отзовется и на немъ, и на всемъ бытъ его всякій новый исходъ дѣла, особенно, если оно въ концѣ концовъ получитъ характеръ церковный по преимуществу. Вотъ по этому одному мы ни за что и никакъ не можемъ оставлять, или ослаблять степень нашего вѣкового участія въ этомъ великомъ вопросѣ. Не одинъ только великолѣпный портъ, не одна только дорога въ моря и океаны связываютъ Россію столь тѣсно съ рѣшеніемъ судьбы рокового вопроса, и даже не объединеніе и возрожденіе славянъ... Задача наша глубже, безмѣрно глубже. Мы, Россія, дѣйствительно необходимы и неминучемы и для всего восточнаго христіанства, и для всей судьбы будущаго православія на землѣ, для единенія его. Такъ всегда понимали это нашъ народъ и государи его... Однимъ словомъ, этотъ страшный восточный вопросъ—это чуть не вся судьба наша въ будущемъ. Въ немъ заключаются какъ бы всѣ наши задачи и, главное, единственный выходъ нашъ въ полноту исторіи. Въ немъ и окончательное столкновеніе наше съ Европой, и окончательное единеніе съ нею, но уже на новыхъ, могучихъ, плодотворныхъ началахъ. О, гдѣ понять теперь Европѣ всю ту роковую жизненную важность для насъ самихъ въ рѣшеніи этого вопроса! Однимъ словомъ, чѣмъ бы ни кончились теперешнія, столь необходимыя, можетъ быть, дипломатическія соглашенія и переговоры въ Европѣ, но

рано ли, поздно ли, а *Константинополь долженъ быть нашъ*, и хотя бы лишь въ будущемъ только столѣтіи! Это намъ русскимъ надо всегда имѣть въ виду, всѣмъ неуклонно. Вотъ что мнѣ хотѣлось заявить, особенно въ настоящій европейскій моментъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

„Еврейскій вопросъ“.

О, не думайте, что я дѣйствительно затѣваю поднять „еврейскій вопросъ“! Я написалъ это заглавіе въ шутку. Поднять такой величины вопросъ, какъ положеніе еврея въ Россіи, и о положеніи Россіи, имѣющей въ числѣ сыновъ своихъ три милліона евреевъ—я не въ силахъ. Вопросъ этотъ не въ моихъ размѣрахъ. Но нѣкоторое сужденіе мое я все же могу имѣть, и вотъ выходитъ, что сужденіемъ моимъ нѣкоторые изъ евреевъ стали вдругъ интересоваться. Съ нѣкотораго времени я сталъ получать отъ нихъ письма, и они серьезно и съ горечью упрекаютъ меня за то, что я на нихъ нападаю, „что я ненавижу жида“, ненавижу не за пороки его, „не какъ эксплуататора“, а именно, какъ племя, т. е. въ родѣ того, что: „Иуда, дескать, Христа продалъ“. Пишутъ это „образованные“ евреи, т.-е. изъ такихъ, которые (я замѣтилъ это, но отнюдь не обобщаю мою замѣтку, оговариваюсь заранее), — которые всегда какъ бы постараются дать вамъ знать, что они, при своемъ образованіи, давно уже не раздѣляютъ „предразсудковъ“ своей націи, своихъ религиозныхъ обрядовъ не исполняютъ, какъ прочіе мелкіе евреи, считаютъ это ниже своего просвѣщенія, да и въ Бога, дескать, не вѣруемъ. Замѣчу въ скобкахъ и кстати, что всѣмъ этимъ господамъ „изъ высшихъ евреевъ“, которые такъ стоятъ за свою націю, слишкомъ даже грѣшно забывать своего сорокавѣковаго Іегову и отступаться отъ него. И это далеко не изъ одного только чувства національности грѣшно, а изъ другихъ, весьма высокаго размѣра причинъ. Да и странное дѣло: еврей безъ Бога какъ-то немислимъ; еврея безъ Бога и представить нельзя. Но тема эта изъ обширныхъ, мы ее пока оставимъ. Всего удивительнѣе мнѣ то: какъ это и откуда я попалъ въ ненавистники еврея, какъ народа, какъ націи? Какъ эксплуататора и за нѣкоторые пороки мнѣ осуждать еврея отча-

сти дозволяется самими же этими господами, но—но лишь на словах: на дѣлѣ трудно найти что-нибудь раздражительнѣе и щепетильнѣе образованнаго еврея, и обидчивѣе его, какъ еврея? Но опять-таки: когда и чѣмъ задвиль я ненависть къ еврею, какъ къ народу? Такъ какъ въ сердцѣ моемъ этой ненависти не было никогда, и тѣ изъ евреевъ, которые знакомы со мной и были въ сношеніяхъ со мной, это знаютъ, то я, съ самаго начала и прежде всякаго слова, съ себя это обвиненіе снимаю, разъ навсегда, съ тѣмъ, чтобъ ужъ потомъ объ этомъ и не упоминать особенно. Ужъ не потому ли обвиняютъ меня въ „ненависти“, что я называю иногда еврея „жидомъ“? Но, во-первыхъ, я не думалъ, чтобъ это было такъ обидно, а во-вторыхъ, слово „жидъ“, сколько помню, я упоминалъ всегда для обозначенія извѣстной идеи: „жидъ, жидовщина, жидовское царство“ и проч. Тутъ обозначалось извѣстное понятіе, направленіе, характеристика вѣка. Можно спорить объ этой идеѣ, не соглашаться съ нею, но не обижаться словомъ. Выпишу одно мѣсто изъ письма одного, весьма образованнаго еврея, написавшаго мнѣ длинное и прекрасное, во многихъ отношеніяхъ, письмо, весьма меня заинтересовавшее. Это одно изъ самыхъ характерныхъ обвиненій меня въ ненависти къ еврею какъ къ народу. Само собою разумѣется, что имя г. NN, мнѣ писавшаго это письмо, останется подъ самымъ строгимъ анонимомъ.

... но я намѣренъ затронуть одинъ предметъ, который я рѣшительно не могу себѣ объяснить. Это ваша ненависть къ «жиду», которая проявляется почти въ каждомъ выпускѣ вашего «Дневника».

Я бы хотѣлъ знать, почему вы возстаете противъ жида, а не противъ эксплуататора вообще, я не меньше вашего терпѣть не могу предразсудковъ моей націи,—я не мало отъ нихъ страдалъ,—но никогда не согласусь, что въ крови этой націи живетъ безсовѣстная эксплуатація.

Неужели *вы* не можете подняться до основного закона всякой социальной жизни, что *всѣ* безъ исключенія граждане одного государства, если они только несутъ на себѣ всѣ повинности, необходимыя для существованія государства, должны пользоваться *всѣми* правами и выгодами его существованія и что для отступниковъ отъ закона, для вредныхъ членовъ общества должна существовать одна и та же мѣра взысканія, общая для всѣхъ?.. Почему же всѣ евреи должны быть ограничены въ правахъ и почему для нихъ должны существовать спеціальныя карательныя законы? Чѣмъ эксплуатація чужестранцевъ (евреи вѣдь все-таки русскіе подданные): вѣмцевъ, англичанъ, грековъ, которыхъ въ Россіи такая пропасть, лучше жидовской эксплуатаціи? Чѣмъ русскій православный кулакъ, міроѣдъ, цѣловальникъ, кровопійца, которыхъ такъ много расплодилось во *всей* Россіи,

лучше таковыхъ изъ жидовъ, которые все-таки дѣйствуютъ въ ограниченномъ кругу. Чѣмъ такой-то лучше такого-то.

(Здѣсь почтенный корреспондентъ сопоставляетъ нѣсколько извѣстныхъ русскихъ кулаковъ съ еврейскими въ томъ смыслѣ, что русскіе не уступятъ. Но что же это доказываетъ? Вѣдь мы нашими кулаками не хвалимся, не выставляемъ ихъ какъ примѣры подражанія и, напротивъ, въ высшей степени соглашаемся, что тѣ и другіе не хороши).

Такихъ вопросовъ я бы могъ вамъ задавать тысячами.

Между тѣмъ вы, говоря о «жидѣ», включаете въ это понятіе всю страшно нищую массу трехмилліоннаго еврейскаго населенія въ Россіи, изъ которыхъ два милліона 900,000, по крайней мѣрѣ, ведутъ отчаянную борьбу за жалкое существованіе, нравственно чище не только другихъ народностей, но и обоготворяемаго вами русскаго народа. Въ это названіе вы заключаете и ту почтенную цифру евреевъ, получившихъ высшее образованіе, отличающихся на всѣхъ поприщахъ государственной жизни, берите хоть

(Тутъ опять нѣсколько именъ, которыхъ я, кромѣ Гольдштейнова, считаю не въ правѣ напечатать, потому что нѣкоторымъ изъ нихъ, можетъ-быть, неприятно будетъ прочесть, что они происходятъ изъ евреевъ).

Гольдштейна (геройски умершаго въ Сербіи за славянскую идею) и работающихъ на пользу общества и человѣчества? Ваша ненависть къ «жиду» простирается даже на Дизраэли, который, вѣроятно, самъ не знаетъ, что его предки были когда-то испанскими евреями, и который ужъ, конечно, не руководитъ англійской консервативной политикой съ точки зрѣнія «жида» (?)..

Нѣтъ, къ сожалѣнію, вы не знаете ни еврейскаго народа, ни его жизни, ни его духа, ни его сорокавѣковой исторіи, наконецъ. Къ сожалѣнію потому, что вы, во всякомъ случаѣ, человѣкъ искренній, абсолютно честный, а наносите бессознательно вредъ громадной массѣ нищенствующаго народа, — сильные же «жиды», принимая сильныхъ міра сего въ своихъ салонахъ, конечно, не боятся ни печати, ни даже безсильнаго гнѣва эксплуатируемыхъ. Но довольно объ этомъ предметѣ! Врядъ ли я васъ убѣжду въ моемъ взглядѣ, — но мнѣ крайне желательно было бы, чтобы вы убѣдили меня.

Вотъ этотъ отрывокъ. Прежде, чѣмъ отвѣчу что-нибудь (ибо не хочу нести на себѣ такое тяжелое обвиненіе) — обращаю вниманіе на ярость нападенія и на степень обидчивости. Положительно у меня, во весь годъ изданія „Дневника“, не было такихъ размѣровъ статьи противъ „жида“, которая бы могла вызвать такой силы нападеніе. Во-вторыхъ, нельзя не замѣтить, что почтенный корреспондентъ, коснувшись въ этихъ немногихъ строкахъ своихъ и до русскаго народа, не утерпѣлъ и не выдержалъ, и отнесся къ бѣдному русскому народу нѣсколько слишкомъ ужъ свысока. Правда, въ Россіи и отъ рус-

скихъ-то не осталось ни одного не проплеванного мѣста (словечко Щедрина), а еврею тѣмъ „простительнѣе“. Но во всякомъ случаѣ ожесточеніе это свидѣтельствуеетъ ярко о томъ, какъ сами евреи смотрятъ на русскихъ. Писаль это дѣйствительно человѣкъ образованный и талантливый (не думаю только, чтобъ безъ предразсудковъ); чего же ждать, послѣ того, отъ необразованнаго еврея, которыхъ такъ много, какихъ чувствъ къ русскому? Я не въ обвиненіе это говорю; все это естественно: я только хочу указать, что въ мотивахъ нашего разъединенія съ евреями виновенъ, можетъ-быть, и не одинъ русскій народъ, и что скопились эти мотивы, конечно, съ обѣихъ сторонъ, и еще неизвѣстно, на какой сторонѣ въ большей степени. Отмѣтивъ это, выскажу нѣсколько словъ въ мое оправданіе и вообще какъ я смотрю на это дѣло. И хоть вопросъ этотъ, повторяю, мнѣ и не по силамъ, но что же нибудь вѣдь и я могу выразить.

II.

Pro и contra.

Положимъ, очень трудно узнать сорокавѣковую исторію такого народа, какъ евреи; но на первый случай я ужъ то одно знаю, что навѣрно нѣтъ въ цѣломъ мірѣ другого народа, который бы столько жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждымъ шагомъ и словомъ своимъ, на свое приниженіе, на свое страданіе, на свое мученичество. Подумаешь, не они царятъ въ Европѣ, не они управляютъ тамъ биржами хотя бы только, а, стало быть, политикой, внутренними дѣлами, нравственностью государствъ. Пусть благородный Гольдштейнъ умираетъ за славянскую идею. Но все-таки, не будь такъ сильна еврейская идея въ мірѣ, и, можетъ быть, тотъ же самый „славянской“ (прошлогодній) вопросъ давно бы уже рѣшенъ былъ въ пользу славянъ, а не турокъ. Я готовъ повѣрить, что лордъ Биконсфильдъ самъ, можетъ быть, забылъ о своемъ происхожденіи, когда-то, отъ испанскихъ жидовъ (навѣрно, однако, не забылъ); но что онъ „руководилъ англійской консервативной политикой“ за послѣдній годъ *отчасти* съ точки зрѣнія жида, въ этомъ, по-моему, нельзя сомнѣваться. „Отчасти-то“ ужъ нельзя не допустить.

Но пусть все это, съ моей стороны, голословіе, легкій тонъ и легкія слова. Уступаю. Но все-таки не могу вполне

повѣрить крикамъ евреевъ, что ужь такъ они забиты, замучены и принижены. На мой взглядъ, русскій мужикъ, да и вообще русскій простолюдинъ, несетъ тягостей чуть ли не больше еврея. Мой корреспондентъ пишетъ мнѣ въ другомъ уже письмѣ:

„Прежде всего *необходимо* предоставить имъ (евреямъ) всѣ гражданскія права (подумайте, что они лишены до сихъ поръ самаго коренного права: свободнаго выбора мѣстожителства, изъ чего вытекаетъ множество страшныхъ стѣсненій для всей еврейской массы), какъ и всѣмъ другимъ чужимъ народностямъ въ Россіи, а потомъ уже требовать отъ нихъ исполненія своихъ обязанностей къ государству и къ коренному населенію“.

Но подумайте и вы, г. корреспондентъ, который сами пишете мнѣ, въ томъ же письмѣ, на другой страницѣ, что вы „не въ примѣръ больше любите и жалѣете трудящуюся массу русскаго народа, чѣмъ еврейскую“—(что уже слишкомъ для еврея сильно сказано)—подумайте только о томъ, что когда еврей „терпѣлъ въ свободномъ выборѣ мѣстожителства, тогда двадцать три милліона „русской трудящейся массы“ терпѣли отъ крѣпостнаго состоянія, что ужь, конечно, было потяжелѣе „выбора мѣстожителства“. И что же, пожалѣли ихъ тогда евреи? Не думаю: въ Западной окраинѣ Россіи и на Югѣ вамъ на это отвѣтятъ обстоятельно. Нѣтъ, они и тогда точно такъ же кричали о правахъ, которыхъ не имѣлъ самъ русскій народъ, кричали и жалобились, что они забиты и мученики, и что когда имъ дадутъ больше правъ, „тогда и спрашивайте съ насъ исполненія обязанностей къ государству и коренному населенію“. Но вотъ пришелъ Освободитель и освободилъ коренной народъ, и что же, кто первый бросился на него, какъ на жертву, кто воспользовался его пороками преимущественно, кто оплелъ его вѣковѣчнымъ золотымъ своимъ промысломъ, кто тотчасъ же замѣстилъ, гдѣ только могъ и поспѣлъ, упраздненныхъ помѣщиковъ, съ тою разницею, что помѣщики хоть и сильно эксплуатировали людей, но все же старались не разорять своихъ крестьянъ, пожалуй, для себя же, чтобъ не истощить рабочей силы, а еврею до истощенія русской силы дѣла нѣтъ, взял свое и ушелъ. Я знаю, что евреи, прочтя это, тотчасъ же закричатъ, что это не правда, что это клевета, что я лгу, что я потому вѣрю всѣмъ этимъ глупостямъ, что „не знаю сорокавѣковой исторіи“ этихъ

чистыхъ ангеловъ, которые несравненно „нравственно чище не только другихъ народностей, но и обоготворяемаго мною русскаго народа“ (по словамъ корреспондента, см. выше). Но пусть, пусть они нравственно чище всѣхъ народовъ въ мірѣ, а русскаго ужъ разумѣется, а между тѣмъ я только что прочелъ въ мартовской книжкѣ *Вѣстника Европы* извѣстіе о томъ, что евреи въ Америкѣ, въ Южныхъ Штатахъ, уже набросились всей массой на многомилліонную массу освобожденныхъ негровъ и уже прибрали ее къ рукамъ по-своему, извѣстнымъ и вѣковѣчнымъ своимъ „золотымъ промысломъ“ и пользуясь неопытностью и пороками эксплуатируемаго племени. Представьте же себѣ, когда я прочелъ это, мнѣ тотчасъ же вспомнилось, что мнѣ еще пять лѣтъ тому приходило это самое на умъ, именно то, что вотъ вѣдь негры отъ рабовладѣльцевъ теперь освобождены, а вѣдь имъ не уцѣлѣть, потому что на эту свѣжую жертвочку какъ разъ набросятся евреи, которыхъ столь много на свѣтѣ. Подумалъ я это и, увѣряю васъ, нѣсколько разъ потомъ въ этотъ срокъ мнѣ вспадало на мысль: „да что же тамъ ничего объ евреяхъ не слышно, что въ газетахъ не пишутъ, вѣдь эти негры евреямъ кладъ, неужели пропустятъ?“ И вотъ дождался, написали въ газетахъ, прочелъ. А дней десять тому назадъ прочелъ въ *Новомъ Времени* (№ 371) корреспонденцію изъ Ковно, прехарактернѣйшую: „дескать, до того набросились тамъ евреи на мѣстное литовское населеніе, что чуть не сгубили всѣхъ водкой, и только ксендзы спасли бѣдныхъ опившихся, угрожая имъ муками ада и устраивая между ними общества трезвости.“ Просвѣщенный корреспондентъ, правда, сильно краснѣетъ за свое населеніе, до сихъ поръ вѣрующее въ ксендзовъ и въ муки ада, но онъ сообщаетъ при этомъ, что поднялись вслѣдъ за ксендзами и просвѣщенные мѣстные экономисты, начали устраивать сельскіе банки, именно чтобы спасти народъ отъ процентщика-еврея, и сельскіе рынки, чтобы можно было „бѣдной трудящейся массѣ“ получать предметы первой потребности по настоящей цѣнѣ, а не по той, которую назначаетъ еврей. Ну, вотъ я это все прочелъ и знаю, что мнѣ въ одинъ мигъ закричать, что все это ничего не доказываетъ, что это отъ того, что евреи сами угнетены, сами бѣдны, и что все это лишь „борьба за существованіе“, что только глупецъ разобрать этого не можетъ, и не будь евреи такъ сами бѣдны, а,

напротивъ, разбогатѣй они, то мигомъ показали бы себя съ самой гуманной стороны, такъ что міръ бы весь удивили. Но вѣдь, конечно, всѣ эти негры и литовцы еще бѣднѣе евреевъ, выжимающихъ изъ нихъ соки, а вѣдь тѣ (прочтите-ка корреспонденцію) гнушаются такой торговлей, на которую такъ падаютъ еврей; во-вторыхъ, не трудно быть гуманнымъ и нравственнымъ, (когда самому жирно и весело, а чуть „борьба за существованіе“, такъ и не подходитъ ко мнѣ близко. Не совсѣмъ ужъ это, по моему, такая ангельская черта. А въ-третьихъ, вѣдь и я, конечно, не выставляю эти два извѣстія изъ *Вѣстника Европы* и *Новаго Времени* за такіе ужъ капитальные и всерѣшающіе факты. Если начать писать исторію этого всемірнаго племени, то можно тотчасъ же найти сто тысячъ такихъ же и еще крупнѣйшихъ фактовъ; такъ что одинъ или два факта лишнихъ ничего особеннаго не прибавятъ, но вѣдь чтò при этомъ любопытно: любопытно то, что чуть лишь вамъ—въ спорѣ ли, или просто въ минуту собственнаго раздумья,—чуть лишь вамъ понадобится справка о евреѣ и дѣлахъ его,—то не ходите въ бібліотеки для чтенія, не ройтесь въ старыхъ книгахъ или въ собственныхъ старыхъ отмѣткахъ, не трудитесь, не ищите, не напрягайтесь, а не сходя съ мѣста, не подымаясь даже со стула, протяните лишь руку къ какой хотите первой, лежащей подлѣ васъ газетѣ, и поищите на второй или на третьей страницѣ: непременно найдете что-нибудь о евреяхъ и непременно то, чтò васъ интересуетъ, непременно самое характернѣйшее и непременно одно и то же—т. е. все одни и тѣ же подвиги? Такъ вѣдь это, согласитесь сами, что-нибудь да значитъ, что-нибудь да указываетъ, что-нибудь открываетъ же вамъ, хотя бы вы были круглый невѣжда въ сорокавѣковой исторіи этого племени. Разумѣется, мнѣ отвѣтить, что всѣ обуреваемы ненавистью, а потому всѣ лгутъ. Конечно, очень можетъ случиться, что всѣ до одинаго лгутъ, но въ такомъ случаѣ рождается тотчасъ другой вопросъ: если всѣ до одинаго лгутъ и обуреваемы такою ненавистью, то съ чего-нибудь да взялась же эта ненависть, вѣдь что-нибудь значитъ же эта всеобщая ненависть, „вѣдь что-нибудь значитъ же слово *всѣ!*“ какъ восклицалъ нѣкогда Бѣлинскій.

„Свободный выборъ мѣстожителства!“ Но развѣ русскій „коренной“ человекъ ужъ такъ совершенно свобо-

день въ выборѣ мѣстожительства? Развѣ не продолжаютъ и до сихъ поръ еще прежнія, еще отъ крѣпостныхъ временъ оставшіяся и нежелаемая стѣсненія въ полной свободѣ выбора мѣстожительства и для русскаго простолюдина, на которыя давно обращаетъ вниманіе правительство? А что до евреевъ, то всѣмъ видно, что права ихъ въ выборѣ мѣстожительства весьма и весьма расширились въ послѣднія двадцать лѣтъ. По крайней мѣрѣ, они явились по Россіи въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде ихъ не видывали. Но евреи все жалуются на ненависть и стѣсненія. Пусть я не твердѣ въ познаніи еврейскаго быта, но одно-то я уже знаю навѣрно и буду спорить со всѣми, именно: что нѣтъ въ нашемъ простонародьи предвзятой, апріорной, тупой, религіозной какой-нибудь ненависти къ еврею, въ родѣ: „Иуда, дескать, Христа продалъ“. Если и услышишь это отъ ребятишекъ или отъ пьяныхъ, то весь народъ нашъ смотритъ на еврея, повторяю это, безъ всякой предвзятой ненависти. Я пятьдесятъ лѣтъ видѣлъ это. Мнѣ даже случалось жить съ народомъ, въ массѣ народа, въ однѣхъ казармахъ, спать на однѣхъ нарахъ. Тамъ было нѣсколько евреевъ — и никто не презиралъ ихъ, никто не исключалъ ихъ, не гналъ ихъ. Когда они молились (а евреи молятся съ крикомъ, надѣвая особое платье), то никто не находилъ этого страннымъ, не мѣшалъ имъ и не смѣялся надъ ними, чего, впрочемъ, именно падо бы было ждать отъ такого грубаго, по нашимъ понятіямъ, народа, какъ русскіе; напротивъ, смотря на нихъ говорили: „это у нихъ такая вѣра, это они такъ молятся“ и проходили мимо съ спокойствіемъ и почти одобреніемъ. И что же, вотъ эти-то евреи чуждались во многомъ русскихъ, не хотѣли ѣсть съ ними, смотрѣли чуть не свысока (и это гдѣ же?—въ острогѣ!) и вообще выражали гадливость и брезгливость къ русскому, къ „коренному“ народу. То же самое и въ солдатскихъ казармахъ, и вездѣ по всей Россіи: навѣдайтесь, спросите, обижаютъ ли въ казармахъ еврея какъ еврея, какъ *жида*, за вѣру, за обычай? Нигдѣ не обижаютъ, и такъ во всемъ народѣ. Напротивъ, увѣряю васъ, что и въ казармахъ, и вездѣ, русскій простолюдинъ слишкомъ видитъ и понимаетъ (да и не скрываютъ того сами евреи), что еврей съ нимъ ѣсть не захочетъ, брезгаетъ имъ, стонитъ и ограждается отъ него сколько можетъ, и что

же,—вмѣсто того, чтобъ обижаться на это, русскій простолудинъ спокойно и ясно говоритъ: „это у него вѣра такая, это онъ по вѣрѣ своей не ѣсть и сторонится“ (т.-е. не потому, что золь) и, сознавъ эту высшую причину, отъ всей души извиняетъ еврея. А между тѣмъ, мнѣ иногда входила въ голову фантазія: ну, что, если бѣ это не евреевъ было въ Россіи три милліона, а русскихъ; а евреевъ было бы 80 милліоновъ—ну, во что обратились бы у нихъ русскіе и какъ бы они ихъ третировали? Дали бы они имъ сравняться съ собою въ правахъ? Дали бы имъ молиться среди нихъ свободно? Не обратили ли бы прямо въ рабовъ? Хуже того: не содрали ли бы кожу совсѣмъ? Не избили бы до тла, до окончательнаго истребленія, какъ дѣлывали они съ чужими народностями въ старину, въ древнюю свою исторію? Нѣтъ-съ, увѣряю васъ, что въ русскомъ народѣ нѣтъ предвзятой ненависти къ еврею, а есть, можетъ быть, несимпатія къ нему, особенно по мѣстамъ, и даже, можетъ быть, очень сильная. О, безъ этого нельзя, это есть, но происходитъ это вовсе не отъ того, что онъ еврей, не изъ племенной, не изъ религіозной какой-нибудь ненависти, а происходитъ это отъ иныхъ причинъ, въ которыхъ виноватъ уже не коренной народъ, а самъ еврей.

III.

Status in statu. Сорокъ вѣковъ бытія.

Ненависть, да еще отъ предразсудковъ—вотъ въ чемъ обвиняютъ евреи коренное населеніе. Но если ужъ зашла рѣчь о предразсудкахъ, то какъ вы думаете: еврей менѣе питаетъ предразсудковъ къ русскому, чѣмъ русскій къ еврею? Не побольше ли? Вотъ я вамъ представилъ примѣры того, какъ относится русское простолудье къ еврею; а у меня передъ глазами письма евреевъ, да не изъ простонародья, а образованныхъ евреевъ, и—сколько ненависти въ этихъ письмахъ къ „коренному населенію“! А, главное,—пишутъ, да и не примѣчаютъ этого сами.

Видите ли, чтобъ существовать сорокъ вѣковъ на землѣ, т.-е. во весь почти историческій періодъ человѣчества, да еще въ такомъ плотномъ и нерушимомъ единеніи; чтобы терять столько разъ свою территорію, свою политическую независимость, законы, почти даже вѣру,—терять и всякій разъ опять соединяться, опять возрождаться *въ прежней идее*, хоть и въ другомъ видѣ, опять создавать себѣ

и законы, и почти вѣру—нѣтъ, такой живучій народъ, такой необыкновенно сильный и энергическій народъ, такой непримѣрный въ мѣрѣ народъ, не могъ существовать безъ status in statu, который онъ сохранялъ всегда и вездѣ во время самыхъ страшныхъ, тысячелѣтнихъ рассѣяній и гоненій своихъ. Говоря про status in statu, я вовсе не обвиненіе какое-нибудь хочу возвести. Но въ чемъ, однако, заключается этотъ status in statu, въ чемъ вѣковѣчно-неизмѣнная идея его, и въ чемъ суть этой идеи?

Излагать это было бы долго, да и невозможно въ коротенькой статьѣ, да и невозможно еще и по той даже причинѣ, что не настали еще *всѣ времена и сроки*, несмотря на протекшіе сорокъ вѣковъ, и окончательное слово человечества объ этомъ великомъ племени еще впереди. Но не вникая въ суть и въ глубину предмета, можно изобразить хотя нѣкоторые признаки этого status in statu, по крайней мѣрѣ, хоть наружно. Признаки эти: отчужденность и отчуждимость на степени религіознаго догмата, неслиянность, вѣра въ то, что существуетъ въ мѣрѣ лишь одна народная личность—еврей, а другія хоть есть, но все равно надо считать, что какъ бы ихъ и не существовало. „Выйди изъ народовъ и составь свою особь, и знай, что съ сихъ поръ ты *единъ у Бога*, остальныхъ истреби, или въ рабовъ обрати, или эксплуатируй. Вѣрь въ побѣду надъ всѣмъ міромъ, вѣрь, что все покорится тебѣ. Строго всѣмъ гнушайся, и ни съ кѣмъ въ быту своемъ не сообщайся. И даже когда лишишься земли своей, политической личности своей, даже когда рассѣянъ будешь по лицу всей земли, между всѣми народами—все равно,—вѣрь всему тому, что тебѣ обѣщано, разъ навсегда, вѣрь тому, что все сбудется, а пока живи, гнушайся, единись и эксплуатируй, и—ожидай, ожидай“... Вотъ суть идеи этого status in statu, а затѣмъ, конечно, есть внутренніе, а, можетъ быть, и таинственные законы, ограждающіе эту идею.

Вы говорите, господа образованные евреи и оппоненты, что ужъ это-то все вздоръ и что „если и есть status in statu (т.-е. былъ, а теперь-де остались самые слабые слѣды), то единственно лишь гоненія привели къ нему, гоненія породили его, религіозныя, съ среднихъ вѣковъ и раньше, и явился этотъ status in statu единственно лишь изъ чувства самосохраненія. Если же и продолжается, особенно въ Россіи, то потому, что еврей еще не

сравненъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ". Но вотъ что мнѣ кажется: если бъ онъ былъ и сравненъ въ правахъ, то ни за что не отказался бы отъ своего *status in statu*. Мало того: приписывать *status in statu* однимъ лишь гоненіямъ и чувству самосохраненія—недостаточно. Да и не хватило бы упорства въ самосохраненіи на сорокъ вѣковъ, надоѣло бы и сохранять себя такой срокъ. И сильнѣйшія цивилизаціи въ мірѣ не достигали и до половины сорока вѣковъ и теряли политическую силу и племенной обликъ. Тутъ не одно самосохраненіе стоитъ главной причиной, а нѣкая идея, движущая и влекущая, нѣчто такое, міровое и глубокое, о чемъ, можетъ быть, человѣчество еще не въ силахъ произнести своего послѣдняго слова, какъ сказалъ я выше. Что религіозный-то характеръ тутъ есть по преимуществу—это-то уже несомнѣнно. Что свой Промыслитель, подъ именемъ прежняго первоначальнаго Іеговы, съ своимъ идеаломъ и съ своимъ обѣтомъ продолжаетъ вести свой народъ къ цѣли твердой—это-то уже ясно. Да и нельзя, повторяю я, даже и представить себѣ еврея безъ Бога, мало того, не вѣрю я даже и въ образованныхъ евреевъ безбожниковъ: всѣ они одной сути и еще Богъ знаетъ чего ждетъ міръ отъ евреевъ образованныхъ! Еще въ дѣтствѣ моемъ я читалъ и слышалъ про евреевъ легенду о томъ, что они-де и теперь неуклонно ждуть Мессію, всѣ, какъ самый низшій жидъ, такъ и самый высшій и ученый изъ нихъ, философъ и кабалистъ-раввинъ, что они вѣрятъ всѣ, что Мессія соберетъ ихъ опять въ Іерусалимѣ и низложитъ всѣ народы мечемъ своимъ къ ихъ подножію; что потому-то-де евреи, по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ своемъ, предпочитаютъ лишь одну профессію,—торгъ золотомъ, и много что обработку его, и это все будто бы для того, что когда явится Мессія, то чтобъ не имѣть новаго отечества, не быть прикрѣпленнымъ къ землѣ иноземцевъ, обладая ею, а имѣть все съ собою лишь въ золотѣ и драгоценностяхъ, чтобъ удобнѣе ихъ унести когда

Загорить, заблестить лучъ денницы,
И кимваль, и тимпанъ, и цѣвницы,
И сребро, и добро, и святыню,
Повесемъ въ старый Домъ, въ Палестину.

Все это, повторяю, слышалъ я какъ легенду, но я вѣрю, что суть дѣла существуетъ непремѣнно, особенно

въ цѣлой массѣ евреевъ, въ видѣ инстинктивно-неудержимаго влеченія. Но чтобъ сохранялась такая суть дѣла, ужъ, конечно, необходимо, чтобъ сохранялся самый строгій *status in statu*. Онъ и сохраняется. Стало быть, не одно лишь гоненіе было и есть ему причиною, а другая *идея*...

Если же существуетъ вправду такой особый, внутренній, строгій строй у евреевъ, связующій ихъ въ нѣчто цѣльное и особое, то вѣдь почти еще можно задуматься надъ вопросомъ о совершенномъ сравненіи во всемъ ихъ *правъ* съ правами коренного населенія. Само собою, все, что требуетъ гуманность и справедливость, все, что требуетъ человѣчность и христіанскій законъ—все это должно быть сдѣлано для евреевъ. Но если они, во всеоружіи своего строя и своей особенности, своего племенного и религіознаго отъединенія, во всеоружіи своихъ правилъ и принциповъ, совершенно противоположныхъ той идеѣ, слѣдующей которой, доселѣ, по крайней мѣрѣ, развивался весь европейскій міръ, потребуютъ совершеннаго уравненія *всевозможныхъ* правъ съ кореннымъ населеніемъ, то — не получаютъ ли они уже тогда нѣчто большее, нѣчто лишнее, нѣчто верховное противъ самаго коренного даже населенія? Тутъ, конечно, укажутъ на другихъ инородцевъ: „что вотъ, дескать, сравнены или почти сравнены въ правахъ, а евреи имѣютъ правъ меньше всѣхъ инородцевъ, и это-де потому, что боятся насъ, евреевъ, что мы-де будто бы вреднѣе всѣхъ инородцевъ. А между тѣмъ, чѣмъ вреденъ еврей? Если и есть дурныя качества въ еврейскомъ народѣ, то единственно потому, что самъ русскій народъ таковыми способствуетъ, по русскому собственному невѣжеству своему, по необразованности своей, по неспособности своей къ самостоятельности, по малому экономическому развитію своему. Русскій-де народъ самъ требуетъ посредника, руководителя, экономическаго опекуна въ дѣлахъ, кредитора, самъ зоветъ его, самъ отдается ему. Посмотрите, напротивъ, въ Европѣ: тамъ народы сильные и самостоятельные духомъ, съ сильнымъ національнымъ развитіемъ, съ привычкою давнишней къ труду и съ умѣніемъ труда, и вотъ тамъ не боятся дать всѣ права еврею! Слышно ли что-нибудь во Франціи о вредѣ отъ *status in statu* тамошнихъ евреевъ?“

Разсужденіе, повидимому, сильное, но, однакоже, прежде

всего тут мерещится одна замѣтка въ скобкахъ, а именно: „Стало-быть, еврейству тамъ и хорошо, гдѣ народъ еще невѣжественъ, или несвободенъ, или мало развитъ экономически—тутъ-то, стало быть, ему и лафа!“ И вмѣсто того, чтобъ, напротивъ, вліяніемъ своимъ поднять уровень образованія, усилить знаніе, породить экономическую способность въ коренномъ населеніи, вмѣсто того еврей, гдѣ ни поселялся, тамъ еще пуще унижалъ и развращалъ народъ, тамъ еще больше приникало челоуѣчество, еще больше падалъ уровень образованія, еще отвратительнѣе распространялась безвыходная, безчелоуѣчная бѣдность, а съ нею и отчаяніе. Въ окраинахъ нашихъ спросите коренное населеніе, что двигаетъ евреевъ и что двигало ихъ столько вѣковъ? Получите единогласный отвѣтъ: *безжалостность*; „двигали имъ столько вѣковъ одна лишь къ намъ безжалостность и одна только жажда напитаться нашимъ потомъ и кровью“. И дѣйствительно, вся дѣятельность евреевъ въ этихъ нашихъ окраинахъ заключалась лишь въ постановкѣ коренного населенія сколь возможно въ безвыходную отъ себя зависимость, *пользуясь мстными законами*. О, тутъ они всегда находили возможность пользоваться *правами и законами*. Они всегда умѣли водить дружбу съ тѣми, отъ которыхъ зависѣлъ народъ и ужъ не имъ бы роптать хоть тутъ-то на *малыя свои права сравнительно съ кореннымъ населеніемъ*. Довольно они ихъ получали у насъ, этихъ правъ, надъ кореннымъ населеніемъ. Что становилось, въ десятилѣтія и столѣтія, съ русскимъ народомъ тамъ, гдѣ поселялись еврей—о томъ свидѣтельствуеетъ исторія нашихъ русскихъ окраинъ. И что же? Укажите на какое-нибудь другое племя изъ русскихъ инородцевъ, которое бы, по ужасному вліянію своему, могло бы равняться въ этомъ смыслѣ съ евреемъ? Не найдете такого; въ этомъ смыслѣ еврей сохраняютъ всю свою оригинальность передъ другими русскими инородцами, а причина тому, конечно, этотъ status in statu его, духъ котораго дышитъ именно этой безжалостностью ко всему, что не есть еврей, къ этому неуваженію ко всякому народу и племени и ко всякому челоуѣческому существу, кто не есть еврей. И что въ томъ за оправданіе, что вотъ на Западѣ Европы не дали одолѣть себя народы, и что, стало быть, русскій народъ самъ виноватъ? Потому что русскій народъ въ окраинахъ Россіи оказался слабѣе европейскихъ народовъ (и един-

ственно вслѣдствіе жестокихъ вѣковыхъ политическихъ своихъ обстоятельствъ), потому только и задавить его окончательно эксплуатаціей, а не помочь ему?

Если же и указываютъ на Европу, на Францію, напри- мѣръ, то врядъ ли и тамъ такъ безвреденъ былъ status in statu. Конечно, христіанство и идея его тамъ пали и падаютъ не по винѣ еврея, а по своей винѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не указать и въ Европѣ на сильное тор- жество еврейства, замѣнившаго многія прежнія идеи своими. О, конечно, человѣкъ всегда и во всѣ времена боготворилъ матеріализмъ и наклоненъ былъ видѣть и понимать свободу лишь въ обезпеченіи себя накопленными изо всѣхъ силъ и запасенными всѣми средствами день- гами. Но никогда эти стремленія не возводились такъ откровенно и такъ поучительно въ высшій принципъ, какъ въ нашемъ девятнадцатомъ вѣкѣ. „Всякъ за себя и только за себя и всякое общеніе между людьми един- ственно для себя“, — вотъ нравственный принципъ боль- шинства теперешнихъ людей *), и даже не дурныхъ людей, а, напротивъ, трудящихся; не убивающихъ, не ворующихъ. А безжалостность къ низшимъ массамъ, а паденіе братства, а эксплуатація богатаго бѣднымъ, — о, конечно, все это было и прежде и всегда, но — по не возводилось же на степень высшей правды и науки, но осуждалось же христіанствомъ, а теперь, напротивъ, воз- водится въ добродѣтель. Стало-быть, не даромъ же все- таки царятъ тамъ повсемѣстно евреи на биржахъ, не даромъ они движутъ капиталами, не даромъ же они властители кредита и не даромъ, повторю это, они же властители и всей международной политики, и что будетъ дальше — конечно и самимъ евреямъ: близится ихъ царство, полное ихъ царство! Наступаетъ вполне тор- жество идей, передъ которыми никнуть чувства человѣ- колюбія, жажда правды, чувства христіанскія, національ- ныя и даже народной гордости европейскихъ народовъ. Наступаетъ, напротивъ, матеріализмъ, слѣпая, плотоядная жажда *личнаго* матеріальнаго обезпеченія, жажда личнаго накопленія денегъ всѣми средствами — вотъ все, что при- знано за высшую цѣль, за разумное, за свободу, вмѣсто христіанской идеи спасенія лишь посредствомъ тѣснѣй-

*) Основная идея буржуазіи, замѣстившей собою въ концѣ прошлаго столѣтія прежній міровой строй, и ставшая главной идеей всего ны- нѣшняго столѣтія во всемъ европейскомъ мірѣ.

шаго нравственнаго и братскаго единенія людей. Засмѣются и скажутъ, что это тамъ вовсе не отъ евреевъ. Конечно, не отъ однихъ евреевъ, но если евреи окончательно восторжествовали и процвѣли въ Европѣ именно тогда, когда тамъ восторжествовали эти новыя начала даже до степени возведенія ихъ въ нравственный принципъ, то нельзя не заключить, что и евреи приложили тутъ своего вліянія. Наши оппоненты указываютъ, что евреи, напротивъ, бѣдны, повсемѣстно даже бѣдны, а въ Россіи особенно, что только самая верхушка евреевъ богата, банкиры и цари биржъ, а изъ остальныхъ евреевъ чуть ли не девять десятыхъ ихъ — буквально нищія, мечутся изъ-за куска хлѣба, предлагаютъ куртажъ, ищутъ гдѣ бы урвать копейку на хлѣбъ. Да, это, кажется, правда, но что же это обозначаетъ? Не значить ли это именно, что въ самомъ трудѣ евреевъ (т. е. огромнаго большинства ихъ, по крайней мѣрѣ), въ самой эксплуатаціи ихъ заключается нѣчто неправильное, ненормальное, пѣчто неестественное, несущее само въ себѣ свою кару. Еврей предлагаетъ посредничество, торгуетъ чужимъ трудомъ. Капиталъ есть накопленный трудъ; еврей любитъ торговать чужимъ трудомъ! Но все же это пока ничего не измѣняетъ: зато верхушка евреевъ воцаряется надъ человѣчествомъ все сильнѣе и тверже и стремится дать міру свой обликъ и свою суть. Евреи все кричатъ, что есть же и между ними хорошіе люди. О, Боже! да развѣ въ этомъ дѣло? Да и вовсе мы не о хорошихъ или дурныхъ людяхъ теперь говоримъ. И развѣ между тѣми нѣтъ тоже хорошихъ людей? Развѣ покойный парижскій Джемсъ Ротшильдъ былъ дурной человѣкъ? Мы говоримъ о цѣломъ и объ идеѣ его, мы говоримъ о *жидовствѣ* и объ *идеѣ жидовской*, охватывающей весь міръ, вмѣсто „неудавшагося“ христіанства...

IV.

Но да здравствуетъ братство!

Но что же я говорю и зачѣмъ? Или я врагъ евреевъ? Неужели правда, какъ пишетъ мнѣ одна, безо всякаго для меня сомнѣнія (что уже видно по письму ея и по искреннимъ, горячимъ чувствамъ письма этого) благороднѣйшая и образованная еврейская дѣвушка, — неужели и я, по словамъ ея, врагъ этого „несчастнаго“ племени, на которое я „при всякомъ удобномъ случаѣ будто бы такъ

жестоко нападаю“. „Ваше презрѣніе къ жидовскому племени, которое „ни о чемъ кромѣ себя не думаетъ“ и т. д., и т. д., очевидно“. — Нѣтъ, противъ этой очевидности я возстану, да и самый фактъ оспариваю. Напротивъ, я именно говорю и пишу, что „все, что требуетъ гуманность и справедливость, все, что требуетъ человѣчность и христіанскій законъ — все это должно быть сдѣлано для евреевъ“. Я написалъ эти слова выше, но теперь я еще прибавлю къ нимъ, что, несмотря на всѣ соображенія, уже мною выставленныя, я окончательно стою, однакоже, за совершенное расширеніе правъ евреевъ въ формальномъ закоподательствѣ и, если возможно только, и за полнѣйшее равенство правъ съ кореннымъ населеніемъ (NB. хотя, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ, они имѣютъ уже и теперь больше правъ, или, лучше сказать, *возможности ими пользоваться*, чѣмъ само коренное населеніе). Конечно, мнѣ приходитъ тутъ же на умъ, напимѣръ, такая фантазія: Ну, что если пошатнется какимъ-нибудь образомъ и отъ чего-нибудь наша сельская община, ограждающая нашего бѣднаго коренника-мужика отъ столькихъ золь, — ну, что если тутъ же, къ этому освобожденному мужику, столь неопытному, столь не умѣющему сдержатъ себя отъ соблазна и котораго именно опекала доселѣ община, — нахлынетъ всѣмъ кагаломъ еврей — да, что тутъ: тутъ мигомъ конецъ его: все имущество его, вся сила его перейдетъ на завтра же во власть еврея и наступитъ такая пора, съ которой не только не могла бы сравняться пора крѣпостничества, но даже татарщина.

Но несмотря на всѣ „фантазіи“ и на все, что я написалъ выше, я все-таки стою за полное и окончательное уравненіе правъ — потому что это Христовъ законъ, потому что это христіанскій принципъ. Но если такъ, то для чего же я исписалъ столько страницъ, и что хотѣлъ выразить, если такъ *противорѣчу* себѣ? А вотъ именно то, что я не противорѣчу себѣ и что съ русской, съ коренной стороны нѣтъ и не вижу препятствій въ расширеніи еврейскихъ правъ, но утверждаю зато, что препятствія эти, — лежатъ со стороны евреевъ несравненно больше, чѣмъ со стороны русскихъ, и что если до сихъ поръ не создается того, чего желалъ бы всѣмъ сердцемъ, то русскій чловѣкъ въ этомъ виновенъ несравненно менѣе, чѣмъ самъ еврей. Подобно тому, какъ я выставлялъ еврея простолу-

дина, который не хотѣлъ сообщаться и ѣсть съ русскими, а тѣ не только не сердились и не мстили ему за это, а, напротивъ, разомъ осмыслили и извинили его, говоря: „это онъ потому, что у него вѣра такая“—подобно тому, т.-е. этому еврею-простолюдину, мы и въ интеллигентномъ еврей видимъ весьма часто такое же безмѣрное и высокомѣрное предубѣжденіе противъ русскаго. О, они кричатъ, что они любятъ русскій народъ; одинъ такъ даже писалъ мнѣ, что онъ именно скорбитъ о томъ, что русскій народъ не имѣетъ религіи и ничего не понимаетъ въ своемъ христіанствѣ. Это уже слишкомъ сильно сказано для еврея и рождается лишь вопросъ: понимаетъ ли что въ христіанствѣ самъ-то этотъ высокообразованный еврей? Но самомнѣніе и высокомѣріе есть одно изъ очень тяжелыхъ для насъ, русскихъ, свойствъ еврейскаго характера. Кто изъ насъ, русскихъ или еврей, болѣе способенъ понимать другъ друга? Клянусь, я оправдаю скорѣе русскаго: у русскаго, по крайней мѣрѣ, нѣтъ (положительно нѣтъ!) религіозной ненависти къ еврею. А остальныхъ предубѣждений гдѣ, у кого больше? Вонъ евреи кричатъ, что они были столько вѣковъ угнетены и гонимы, угнетены и гонимы и теперь, и что это, по крайней мѣрѣ, надобно взять въ расчетъ русскому при сужденіи о еврейскомъ характерѣ. Хорошо, мы и беремъ въ расчетъ и доказать это можемъ: въ интеллигентномъ словѣ русскаго народа не разъ уже раздавались голоса за евреевъ. Ну, а евреи: брали ли и берутъ ли они въ расчетъ, жалуясь и обвиняя русскихъ, столько вѣковъ угнетеній и гоненій, которыя перенесъ самъ русскій народъ? Неужто можно утверждать, что народъ вытерпѣлъ меньше бѣдъ и золь „въ свою исторію“, чѣмъ евреи гдѣ бы то ни было? И неужто можно утверждать, что не еврей, весьма часто, соединялся съ его гонителями, бралъ у нихъ на откупъ русскій народъ и самъ обращался въ его гонителя? Вѣдь это все было же, существовало, вѣдь это исторія, историческій фактъ, но мы нигдѣ не слышали, чтобъ еврейскій народъ въ этомъ раскаивался, а русскій народъ онъ все-таки обвиняетъ за то, что тотъ мало любитъ его.

„Но буди! буди!“ Да будетъ полное и духовное единеніе племенъ и никакой разницы правъ! А для этого я прежде всего умоляю моихъ оппонентовъ и корреспондентовъ евреювъ быть, напротивъ, къ намъ, русскимъ, снисходительнѣе и справедливѣе. Если высокомѣріе ихъ,

если всегдашняя „скорбная брезгливость“ евреевъ къ русскому племени есть только предубѣжденіе, „историческій наростъ“, а не кроется въ какихъ-нибудь гораздо больше глубокихъ тайнахъ его закона и строя, — то да разсѣется все это скорѣе и да сойдемся мы единымъ духомъ, въ полномъ братствѣ, на взаимную помощь и на великое дѣло служенія землѣ нашей, государству и отечеству нашему! Да смягчатся взаимныя обвиненія, да исчезнетъ всегдашняя экзальтація этихъ обвиненій, мѣшающая ясному пониманію вещей. А за русскій народъ поручиться можно: о, онъ приметъ еврея въ самое полное братство съ собою, несмотря на различіе въ вѣрѣ, и съ совершеннымъ уваженіемъ къ историческому факту этого различія, но все-таки для братства, для полного братства, *нужно братство съ обѣихъ сторонъ*. Пусть еврей покажетъ ему и самъ хоть сколько-нибудь братскаго чувства, чтобъ ободрить его. Я знаю, что въ еврейскомъ народѣ и теперь можно отдѣлать довольно лицъ, ищущихъ и жаждущихъ устранения недоумѣній, людей притомъ челоуѣколюбивыхъ, и не я буду молчать объ этомъ, скрывая истину. Вотъ для того-то, чтобъ эти полезные и челоуѣколюбивые люди не унывали и не падали духомъ и чтобъ сколько-нибудь ослабить предубѣжденія ихъ и тѣмъ облегчить имъ начало дѣла, я и желалъ бы полного расширенія правъ еврейскаго племени, по крайней мѣрѣ, по возможности, именно насколько самъ еврейскій народъ докажетъ способность свою принять и воспользоваться правами этими безъ ущерба коренному населенію. Даже бы можно было уступить впередъ, сдѣлать съ русской стороны еще больше шаговъ впередъ... Вопросъ только въ томъ: много ли удастся сдѣлать этимъ новымъ, хорошимъ людямъ изъ евреевъ и насколько сами они способны къ новому и прекрасному дѣлу *настоящаго* братскаго единенія съ чуждыми имъ по вѣрѣ и по крови людьми?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Похороны „Общечелоуѣка“.

Мнѣ о многомъ хотѣлось поговорить въ этотъ разъ въ этомъ мартовскомъ № моего „Дневника“. И вотъ опять какъ-то такъ случилось, что то, о чемъ хотѣлъ сказать лишь нѣсколько словъ, заняло все мѣсто. И сколько темъ,

на которыя я уже цѣлый годъ собираюсь говорить и все не соберусь. Объ иномъ именно надо бы много сказать, а такъ какъ весьма часто выходитъ, что очень многое нельзя сказать, то и не принимаешься за тему.

Хотѣлось мнѣ въ этотъ разъ тоже, мимо всѣхъ этихъ „важныхъ“ темъ, сказать хоть мимоходомъ слова два объ искусствѣ. Видѣлъ я Росси въ Гамлетѣ, и вывелъ заключеніе, что вмѣсто Гамлета я видѣлъ господина Росси. Но лучше и не начинать говорить, если не намѣренъ всего сказать. Хотѣлось бы поговорить (немножко) о картинѣ Семирадскаго, а пуще всего хотѣлось бы ввернуть хоть два слова объ идеализмѣ и реализмѣ въ искусствѣ, о Рѣпинѣ и о господинѣ Рафаэлѣ, — но видно придется отложить все это до болѣе удобнаго времени.

Потомъ хотѣлось бы мнѣ, но уже нѣсколько побольше, написать по поводу нѣкоторыхъ изъ полученныхъ мною за все время изданія „Дневника“ писемъ, и особенно анонимныхъ. Вообще я не могу отвѣчать на всѣ письма, которыя получаю, а на анонимныя само собою; а между тѣмъ, за всѣ эти почти полтора года, я вывелъ изъ этой корреспонденціи (все объ общихъ нашихъ темахъ) нѣсколько наблюдений, можетъ-быть, и любопытныхъ, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ. По крайней мѣрѣ, можно сдѣлать нѣсколько особыхъ отмѣтокъ уже на основаніи опыта о нашемъ русскомъ умственномъ теперешнемъ строеніи, о томъ, чѣмъ интересуются и куда клонять наши не праздные умы, кто именно наши не праздные умы, при чемъ выдаются любопытныя черты по возрастамъ, по полу, по сословіямъ и даже по мѣстностямъ Россіи. Думаю, что можно бы отдѣлать нѣсколько мѣста въ какомъ-нибудь изъ будущихъ „Дневниковъ“ по поводу хоть бы однихъ анонимовъ, напримѣръ, и ихъ характеристики, и не думаю, чтобъ это вышло такъ ужъ очень скучно, потому что тутъ довольно всевозможнаго разнообразія. Разумѣется, обо всемъ нельзя сказать и всего нельзя передать и даже, можетъ-быть, самаго любопытнаго. А потому и боюсь приниматься, не зная, совладаю ли съ темой.

Однако, хочу привести теперь одно письмо, уже не анонима, а весьма знакомой мнѣ г-жи Л., очень молодой дѣвицы, еврейки, съ которой я познакомился въ Петербургѣ и которая пишетъ мнѣ теперь изъ М. Съ уважаемой мною г-жею Л. мы никогда почти не говорили на тему о „еврейскомъ вопросѣ“, хотя она, кажется, изъ

строгихъ и серьезныхъ евреекъ. Вижу, что очень странно подошло письмо это къ сейчасъ только дописанной мною цѣлой главѣ о евреяхъ. Было бы слишкомъ много все на одну и ту же тему. Но тутъ не на ту тему; а если отчасти и на ту, то выставляется какъ бы совѣтъ другая, именно противоположная сторона вопроса, а при этомъ и какъ бы даже намекъ на разрѣшеніе его. Пусть извинить меня великодушно г-жа Л., что я позволяю себѣ передать здѣсь ея словами всю ту часть письма ея о похоронахъ доктора Гинденбурга въ М., подѣ первымъ впечатлѣніемъ которыхъ она и написала эти столь искреннія и трогательныя въ правдѣ своей строки. Не хотѣлось мнѣ тоже утаить, что писано это еврейкой, что чувства эти — чувства еврейки...

Это я пишу подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ похороннаго марша. Хороши докторъ *Гинденбурга*, 84-хъ лѣтъ отъ роду. Какъ протестанта, его сначала отвезли въ кирку, а уже затѣмъ на кладбище. Такого сочувствія, такихъ отъ души вырвавшихся словъ, такихъ горячихъ слезъ я еще никогда не видѣла при похоронахъ... Онъ умеръ въ такой бѣдности, что не на что было похоронить его.

Уже 58 лѣтъ какъ онъ практикуетъ въ М... и сколько добра онъ сдѣлалъ за это время. Если бъ вы знали, Федоръ Михайловичъ, что это былъ за человекъ! Онъ былъ докторъ и акушеръ; его имя перейдетъ здѣсь въ потомство, о немъ уже сложились легенды, весь простой народъ звалъ его отцомъ, любилъ, обожалъ и только съ его смертью понялъ, что онъ потерялъ въ этомъ человекѣ. Когда онъ еще стоялъ въ гробу (въ церкви), то не было, кажется, ни одного человекъ, который бы не пошелъ поплакать надъ нимъ и цѣловать его ноги, въ особенности бѣдныя еврейки, которымъ онъ такъ много помогалъ, плакали и молились, чтобъ онъ попалъ прямо въ рай. Сегодня пришла бывшая наша кухарка, ужасно бѣдная женщина, и говорить, что при рожденіи послѣдняго ея ребенка, онъ, видя, что ничего дома нѣтъ, далъ 30 к., чтобъ сварить супъ, а затѣмъ каждый день приходилъ и оставлялъ 20 к., а видя, что она поправляется, прислалъ пару куропатокъ. Также будучи позванъ къ одной страшно бѣдной родильницѣ (такія къ нему обращались), онъ, видя, что не во что принять ребенка, снялъ съ себя верхнюю рубаху и платокъ свой (голова у него была повязана платкомъ) разорвалъ и отдалъ.

Еще вылѣчилъ онъ одного бѣднаго еврея-дровосѣка, затѣмъ заболѣла его жена, затѣмъ дѣти; онъ каждый Божій день пріѣзжалъ 2 раза и когда всѣхъ поставилъ на ноги, спрашиваетъ еврея: чѣмъ ты мнѣ заплатишь? Тотъ говоритъ, что у него ничего нѣтъ, только послѣдняя коза, которую онъ сегодня продастъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, продалъ за 4 р. и принесъ ему деньги; тогда докторъ далъ лакею своему еще 12 р. къ этимъ 4-мъ и отправилъ купить корову, а дровосѣку велѣлъ идти домой; черезъ часъ тому приводятъ корову и говорятъ, что докторъ призвалъ козье молоко для нихъ вреднымъ.

Такъ онъ прожилъ всю свою жизнь. Бывали примѣры, что онъ оставлялъ 30 и 40 р. у бѣдныхъ; оставлялъ и у бѣдныхъ бабъ въ деревняхъ.

Зато хоронили его какъ святого. Всѣ бѣдняки заперли лавки и бѣжали за гробомъ. У евреевъ есть мальчики, которые при похоронахъ распѣваютъ псалмы, но запрещается провожать иновѣрца этими псалмами. Тутъ передъ гробомъ, во время процессіи, ходили мальчики и громко распѣвали эти псалмы. Во всѣхъ синагогахъ молились за его душу, также колокола *всѣхъ* церквей звонили за все время процессіи. Былъ хоръ военной музыки, да еще еврейскіе музыканты пошли къ сыну усопшаго просить, какъ чести, позволенія играть во все время процессіи. Всѣ бѣдные принесли, кто 10, кто 5 к., а богатые евреи дали много и приготовили великолѣпный, огромный вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ съ бѣлыми и черными лентами по сторонамъ, гдѣ золотыми буквами были вычислены его главныя заслуги, такъ, напр., учрежденіе больницы и т. п., я не могла разобрать, что тамъ, да и развѣ возможно вычислить его заслуги?

Надъ его могилой держали рѣчь пасторъ и еврейскій раввинъ и оба плакали, а онъ себѣ лежалъ въ старенькомъ, истертomъ вицьмундирѣ, старымъ платкомъ была обвѣзана его голова, эта милая голова и, казалось, онъ спалъ, такъ свѣжъ былъ цвѣтъ его лица...

II.

Единичный случай.

Единичный случай, скажутъ. Что-жъ, господа, я опять виноватъ: опять вижу въ единичномъ случаѣ чуть не начало разрѣшенія всего вопроса... ну, хоть того же самаго „еврейскаго вопроса“, которымъ я озаглавилъ мою вторую главу этого „Дневника“. Кстати, почему я назвалъ старичка доктора „общечеловѣкомъ“? Это былъ не общечеловѣкъ, а скорѣе общій человѣкъ. Этотъ городъ М.— это большой губернский городъ въ западномъ краѣ, и въ этомъ городѣ множество евреевъ, есть нѣмцы, русскіе, конечно, поляки, литовцы,—и всѣ-то, всѣ эти народности признали праведнаго старичка каждая за своего. Самъ же онъ былъ протестантъ, и именно нѣмецъ, вполнѣ нѣмецъ: манера, какъ онъ купилъ и отослалъ бѣдному еврею корову—это чисто нѣмецкій виць. Сперва озадачилъ того: „чѣмъ уплатишь“? И ужъ, конечно, бѣднякъ, продавая послѣднюю козу, чтобъ уплатить „благодѣтелю“, не роптала нисколько, а, напротивъ, горько страдалъ въ душѣ, что всего-то коза стоитъ 4 цѣлковыхъ, а вѣдь и бѣдному, работающему на нихъ всѣхъ бѣдняковъ, старичку тоже вѣдь жить надо, а что такое четыре цѣлковыхъ за всѣ-то его благодѣянія семейству“? Ну, а старичокъ себѣ на умъ, посмѣивается, а сердце горитъ у него: „вотъ же я ему, бѣдняку, нашъ нѣмецкій виць покажу!“ И вѣдь какъ, должно-быть, хорошо смѣялся про себя, когда повели къ еврею корову, какъ пріободрился духомъ, и, пожалуй, всю

ту ночь, можетъ-быть, провозился въ нищей лачугѣ какой-нибудь бѣдной еврейки родильницы. А вѣдь восьмидесятилѣтнему старичку хорошо бы и поспать ночку, покоить старья, усталыя кости. Если бъ я былъ живописецъ, я именно бы написалъ этотъ „жанръ“, эту ночь у еврейки-родильницы. Я ужасно люблю реализмъ въ искусствѣ, но у иныхъ современныхъ реалистовъ нашихъ *нѣтъ нравственнаго центра* въ ихъ картинахъ, какъ выразился на-дняхъ одинъ могучій поэтъ и тонкій художникъ, говоря со мной о картинѣ Семирадскаго. Тутъ, въ предлагаемомъ мною сюжетѣ для „жанра“, мнѣ кажется, былъ бы этотъ центръ. Да и для художника роскошь сюжета. Во-первыхъ, идеальная, невозможная, смраднѣйшая нищета бѣдной еврейской хаты. Тутъ можно бы много даже юмору выразить и ужасно кстати; юморъ вѣдь есть остроуміе глубокаго чувства, и мнѣ очень нравится это опредѣленіе. Съ тонкимъ чувствомъ и умомъ можно много взять художнику въ одной уже перетасовкѣ ролей всѣхъ этихъ нищихъ предметовъ и домашней утвари въ бѣдной хатѣ, и этой *забавной* перетасовкой сразу оцарапать вамъ сердце. Да и освѣщеніе можно бы сдѣлать интересное: на кривомъ столѣ догораетъ оплывшая сальная свѣчка, а сквозь единственное, заиндивѣвшее и обледенѣлое оконце уже брезжитъ разсвѣтъ новаго дня, новаго труднаго дня для бѣдныхъ людей. Трудныя родильницы часто родятъ на разсвѣтѣ: всю ночь промучаются, а къ утру родятъ. Вотъ усталый старичокъ, на мигъ оставивъ мать, беретъ за ребенка. Принять не во что, пеленокъ нѣтъ, ни тряпки нѣтъ (бываетъ такая бѣдность, господа, клянусь вамъ, бываетъ, чистѣйшій реализмъ, — реализмъ, такъ сказать, доходящій до фантастическаго), и вотъ праведный старичокъ снялъ свой старенькій виць-мундирчикъ, снялъ съ плечъ рубашку и разрываетъ ее на пеленки. Лицо его строгое и проникнутое. Бѣдный новорожденный еврейчикъ копошится передъ нимъ на постели, христіанинъ принимаетъ еврейчика въ свои руки и обвиваетъ его рубашкой съ плечъ своихъ. Разрѣшеніе еврейскаго вопроса, господа! Восьмидесятилѣтній, обнаженный и дрожащій отъ утренней сырости торсъ доктора можетъ занять видное мѣсто въ картинѣ, не говоря уже про лицо старика и про лицо молодой, измученной родильницы, смотрящей на своего новорожденнаго и на продѣлки съ нимъ доктора. Все это видитъ сверху Христосъ и докторъ знаетъ это: „этотъ

бѣдный жидокъ вырастетъ и можетъ снять и самъ съ плеча рубашку и отдасть христіанину, вспоминая разсказъ о рожденіи своемъ — съ наивной и благородной вѣрой думаетъ старикъ про себя. Сбудется ли это? Вѣроятнѣе всего, что нѣтъ, но сбыться можетъ, а на землѣ лучше и дѣлать-то нечего, какъ вѣрить въ то, что *это* сбыться можетъ и сбудется. А докторъ въ правѣ вѣрить, потому что ужъ на немъ сбылось: „исполнилъ я, исполнить и другой; чѣмъ я лучше другого?“ подкрѣпляетъ онъ себя аргументомъ. Усталая старуха еврейка—мать родильницы, въ лохмотьяхъ, суетится у печки. Еврей, выходившій за вязанкой щепокъ, отворяетъ дверь хаты и мерзлый паръ клубомъ врывается на мигъ въ комнату. На полу, на войлочной подстилкѣ крѣпко спать два малолѣтнихъ еврейчика. Однимъ словомъ, аксессуаръ могъ бы выйти хорошій. Даже тридцать копеекъ мѣдью на столѣ, отсчитанныя докторомъ на супъ родильницѣ, могли бы составить деталь: мѣдный столбикъ трехкопеечниковъ, методически сложенныхъ, отнюдь не разбросанныхъ. Даже перламутръ могъ бы быть написанъ какъ и въ картинѣ Семирадскаго, въ которой удивительно написанъ кусокъ перламутра: докторамъ вѣдь дарятъ же иногда (чтобы не платить много деньгами) хорошенькія вещицы, и вотъ перламутровая докторская сигарочница лежитъ тутъ же, подлѣ мѣдной кучки. Нѣтъ, ничего, картинка бы вышла съ „нравственнымъ центромъ“. Приглашаю написать.

Единственный случай! Года два тому назадъ откуда-то (забылъ) съ юга Россіи писали про какого-то доктора, только что вышедшаго утромъ въ жаркій день изъ купальни, освѣжившагося, ободрившагося и поспѣшавшаго поскорѣе домой выпить кофею, а потому и не захотѣвшаго помочь тутъ же вытащенному изъ воды утопленнику, несмотря на приглашеніе толпы. Его, кажется, за это судили. А вѣдь это, можетъ-быть, былъ человѣкъ образованный и новыхъ идей, прогрессистъ, но „разумно“ требовавшій новыхъ общихъ законовъ и правъ для всѣхъ, пренебрегая единичными случаями. Полагавшій, можетъ-быть, что единичные случаи даже скорѣе вредятъ, отдаляя общее рѣшеніе вопроса, и что въ отношеніи единичныхъ случаевъ „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Но безъ единичныхъ случаевъ не осуществишь и общихъ правъ. Этотъ общій человѣкъ хоть и единичный случай, а соединилъ же надъ гробомъ своимъ весь городъ. Эти русскія бабы и бѣдныя

еврейки цѣловали его ноги въ гробу вмѣстѣ, тѣснились около него вмѣстѣ, плакали вмѣстѣ. Пятьдесятъ восемь лѣтъ служенія человѣчеству въ этомъ городѣ, пятьдесятъ восемь лѣтъ неустанной любви соединили всѣхъ хоть разъ надъ гробомъ его въ общемъ восторгѣ и въ общихъ слезахъ. Провожаетъ его весь городъ, звучать колокола *всѣхъ* церквей, поются молитвы на всѣхъ языкахъ. Пасторъ со слезами говоритъ свою рѣчь надъ раскрытой могилой. Раввинъ стоитъ въ сторонѣ, ждетъ, и какъ кончилъ пасторъ, смѣняетъ его и говоритъ свою рѣчь и льетъ тѣ же слезы. Да вѣдь въ это мгновеніе почти разрѣшенъ хоть бы этотъ самый „еврейскій вопросъ“! Вѣдь пасторъ и раввинъ соединились въ общей любви, вѣдь они почти обнялись надъ этой могилой въ виду христіанъ и евреевъ. Чтò въ томъ, что, разоидясь, каждый примется за старые предрасудки: капля точить камень, а вотъ эти-то „общіе человѣки“ побѣждаютъ міръ, соединяя его; предрасудки будутъ блѣднѣть съ каждымъ единичнымъ случаемъ и, наконецъ, вовсе исчезнуть. Про старичка останутся легенды, пишетъ г-жа Л., тоже еврейка, и тоже плакавшая надъ „милой головой“ человѣколюбца. А легенды ужъ это первый шагъ къ дѣлу, это живое воспоминаніе и неустанное напоминаніе объ этихъ „побѣдителяхъ міра“, которымъ принадлежитъ земля. А увѣровавъ въ то, что это дѣйствительно побѣдители, и что такіе дѣйствительно „наслѣдятъ землю“, вы уже почти соединились во всемъ. Все это очень просто, но мудроно кажется одно: именно убѣдиться въ томъ, что вотъ безъ этихъ-то единицъ никогда не соберете всего числа, сейчасъ все разсыплется, а вотъ эти-то все соединять. Эти мысль даютъ, эти вѣру даютъ, живой опытъ собою представляютъ, а, стало-быть, и доказательство. И вовсе нечего ждать, пока всѣ стануть такими же хорошими, какъ и они, или очень многіе: нужно очень не много такихъ, чтобъ спасти міръ, до того они сильны. А если такъ, то какъ же не надѣяться?

А П Р Ъ Л Ь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Война. Мы всѣхъ сильнѣе.

„Война! объявлена война“, — восклицали у насъ двѣ недѣли назадъ. „Будетъ ли война?“ — спрашивали тутъ же другіе. „Объявлена, объявлена!“ отвѣчали имъ. „Да, объявлена, но будетъ ли?“ продолжали тѣ спрашивать...

И, право, были такіе вопросы, можетъ быть, есть и теперь. И это не отъ одной только долгой дипломатической проволочки разувѣрились такъ люди, тутъ другое, тутъ инстинктъ. Всѣ чувствуютъ, что началось что-то окончательное, что наступаетъ какой-то конецъ чего-то прежняго, долгаго, длиннаго прежняго, и дѣлается шагъ къ чему-то совсѣмъ уже новому, къ чему-то преломляющему прежнее на-двое, обновляющему и воскрешающему его уже для новой жизни и... что шагъ этотъ дѣлаетъ Россія! Вотъ въ этомъ-то и невѣріе „премудрыхъ“ людей. Инстинктивное предчувствіе есть, а невѣріе продолжается: „Россія! Но какъ же она можетъ, какъ она смѣетъ? Готова ли она? Готова ли внутренно, нравственно, не только матеріально? Тамъ Европа, легко сказать—Европа! А Россія, что такое Россія? И на такой шагъ?“

Но народъ вѣритъ, что онъ готовъ на новый, обновляющій и великій шагъ. Это самъ народъ поднялся на войну, съ Царемъ во главѣ. Когда раздалось Царское слово, народъ хлынулъ въ церкви, и это по всей земли русской. Когда читали Царскій манифестъ, народъ крестился и всѣ

поздравляли другъ друга съ войной. Мы это сами видѣли своими глазами, слышали, и все это даже здѣсь, въ Петербургѣ. И опять начались тѣ же дѣла, тѣ же факты, какъ и въ прошломъ году. Крестьяне въ волостяхъ жертвуютъ по силѣ своей деньги, подводы, и вдругъ, эти тысячи людей, какъ одинъ человекъ, восклицають: „да что жертвы, что подводы, мы всѣ пойдемъ воевать!“ — Здѣсь, въ Петербургѣ, являются жертвователи на раненыхъ и больныхъ воиновъ, даютъ суммы по нѣсколько тысячъ, а записываются *неизвѣстными*. Такихъ фактовъ множество, будутъ десятки тысячъ подобныхъ фактовъ и никого ими не удивишь. Они означаютъ лишь, что весь народъ поднялся за истину, за святое дѣло, что весь народъ поднялся на войну и идетъ. О, мудрецы и эти факты отрицать будутъ, какъ и прошлогодніе; мудрецы все еще, какъ и недавно, продолжаютъ смѣяться надъ народомъ, хотя и замѣтно притихли ихъ голоса. Почему же они смѣются, откуда въ нихъ столько самоувѣренности? А вотъ, именно, потому-то и продолжаютъ они смѣяться, что все еще почитаютъ себя силой, той самой силой, безъ которой ничего не подѣлаешь. А межъ тѣмъ сила-то ихъ приходитъ къ концу. Близятся они къ страшному краху и когда разразится надъ ними крахъ, пустанся и они говорить другимъ языкомъ, но всѣ увидятъ, что они бормочатъ чужія слова и съ чужого голоса и отвернутся отъ нихъ и обратятъ свое упованіе туда, гдѣ Царь и народъ его съ нимъ.

Намъ нужна эта война и самимъ; не для однихъ лишь „братевъ-славянъ“, измученныхъ турками, подымаемъ мы, а и для собственнаго спасенія: война освѣжить воздухъ, которымъ мы дышимъ и въ которомъ мы задыхались, сидя въ немощи разстлѣнія и въ духовной тѣснотѣ. Мудрецы кричатъ и указываютъ, что мы погибаемъ и задыхаемся отъ нашихъ собственныхъ внутреннихъ неустройствъ, а потому не войны желать намъ надо, а, напротивъ, долгаго міра, чтобы мы изъ звѣрей и тупицъ могли обратиться въ людей, научились порядку, честности и чести: „тогда и идите помогать вашимъ братьямъ-славянамъ“ — заканчиваютъ они, въ одинъ хоръ свою пѣсню. Любопытно, въ такомъ случаѣ, въ какомъ видѣ представляютъ они себѣ тотъ процессъ, посредствомъ котораго они сдѣлаются лучше? И какимъ образомъ сами-то они приобрѣтутъ себѣ честь явнымъ безчестіемъ? Любопытно,

наконецъ, какъ и чѣмъ оправдываютъ они свой разрывъ съ всеобщимъ и повсемѣстнымъ чувствомъ народнымъ? Нѣтъ, видно правда, что истина покупается лишь мученичествомъ. Милліоны людей движутся и страдаютъ и отходятъ безслѣдно, какъ бы предназначенные никогда не понять истину. Они живутъ чужою мыслью, ищутъ готоваго слова и примѣра, схватываются за подсказанное дѣло. Они кричатъ, что за нихъ авторитеты, что за нихъ Европа. Они свистятъ на несогласныхъ съ ними, на всѣхъ презирающихъ лакейство мысли и вѣрящихъ въ свою собственную и народа своего самостоятельность. И что же, на самомъ-то дѣлѣ эти массы кричащихъ людей предназначены послужить собою лишь коснымъ средствомъ для того, чтобы развѣ единицы лишь изъ нихъ приблизились сколько-нибудь къ истинѣ, или, по крайней мѣрѣ, получили бы о ней хоть предчувствіе. Вотъ эти-то единицы и ведутъ потомъ всѣхъ за собою, овладѣваютъ движеніемъ, рожаютъ идею и оставляютъ ее въ наслѣдство этимъ мечущимся массамъ людей. Такія единицы уже были и у насъ. Нѣкоторые изъ насъ уже ихъ понимаютъ, даже многіе. Но мудрецы все еще продолжаютъ смѣяться и все еще вѣрить въ себя, что они великая сила. „Погуляютъ и воротятся“, говорятъ они теперь про наши войска, перешедшія границу, говорятъ даже вслухъ. „Не бывать войнѣ, какая война, гдѣ ужъ намъ воевать: просто военная прогулка и маневры, съ тратой сотенъ милліоновъ, для поддержанія чести“. Вотъ ихъ интимный взглядъ на дѣло. Да и интимный ли?

Да, если бы могло такъ случиться, что мы будемъ побиты, или хотя и побьемъ врага, но подъ давленіемъ обстоятельствъ замиримъ пустыками, — о, тогда мудрецы, конечно, восторжествуютъ. И какой, какой опять начнется свистъ и гамъ и цинизмъ на нѣсколько лѣтъ, какая опять вакханалія самооплеванія, пощечинъ и самодразненія—и это не для вызова къ воскресенію и силѣ, а именно ради торжества собственнаго безчестія, безличности и безсилія. И новый нигилизмъ начнетъ, точь въ точь какъ и прежній, съ отрицанія народа русскаго и самостоятельности его. А главное, приобрѣтетъ столько силы и такъ укрѣпится, что несомнѣнно начнетъ даже вслухъ помывать святыней Россіи. И опять молодежь оплюетъ свои семейства и дома, и побѣжитъ отъ своихъ стариковъ, твердящихъ въ зубрижку безконечныя общія мѣста и старья,

надо́вшія всѣмъ слова о европейскомъ величіи и объ обязанности нашей быть какъ можно безличнѣе. А главное— старая пѣсня, старыя слова и — надолго новаго ничего! Нѣтъ, намъ нужна война и побѣда. Съ войной и побѣдой придетъ новое слово, и начнется живая жизнь, а не одна только мертвящая болтовня какъ прежде,—да что какъ прежде, какъ до сихъ поръ, господа!

Но надо быть на все готовымъ, и что же; если предположить даже самый худшій, самый даже невозможно худшій исходъ для начавшейся теперь войны, то, хоть и много вынесемъ сквернаго, уже надо́вшаго до смерти стараго горя, но колоссъ все же не будетъ распатанъ и рано ли, поздно ли, а возьметъ все свое. Это не надежда только, это полная увѣренность и въ этой невозможности распатать колоссъ—вся наша сила передъ Европой, гдѣ всѣ теперь, чуть не сплошь, боятся, что распатается ихъ старое зданіе и обрушатся на нихъ потолки. Колоссъ этотъ есть народъ нашъ. И начало теперешней *народной* войны, и всѣ недавнія предшествовавшія ей обстоятельства показали лишь наглядно, всѣмъ, кто смотрѣтъ умѣть, всю народную цѣлость и свѣжесть нашу и до какой степени не коснулось народныхъ силъ нашихъ то растлѣніе, которое загноило мудрецовъ нашихъ. И какую услугу оказали намъ эти мудрецы передъ Европой! Они такъ недавно еще кричали на весь міръ, что мы бѣдны и ничтожны; они насмѣшливо увѣряли всѣхъ, что духа народнаго нѣтъ у насъ вовсе, потому что и *народа* нѣтъ вовсе, потому что и народъ нашъ и духъ его избрѣтены лишь фантазіями доморощенныхъ московскихъ мечтателей; что восемьдесятъ милліоновъ мужиковъ русскихъ суть всего только милліоны косныхъ, пьяныхъ податныхъ единицъ; что никакого соединенія Царя съ народомъ нѣтъ, что это лишь въ прописяхъ, что все, напротивъ, распатано и пройдено нигилизмомъ; что солдаты наши бросаютъ ружья и побѣгутъ какъ бараны; что у насъ нѣтъ ни патроновъ, ни провіанта и что мы, въ заключеніе, сами видимъ, что расхрабрились и зарвались не въ мѣру и изо всѣхъ силъ ждемъ только предлога, какъ бы отступить безъ послѣдней степени позорныхъ пощечинъ, которыхъ „даже и намъ уже нельзя выносить“, и молимъ, чтобы предлогъ этотъ намъ выдумала Европа. Вотъ въ чемъ клялись мудрецы наши, и что же: на нихъ почти и сердиться нельзя, это ихъ взглядъ и понятія, кровные взглядъ и

понятія. И дѣйствительно, да, мы бѣдны, да, мы жалки во многомъ; да, дѣйствительно у насъ столько нехорошаго, что мудрецъ, и особенно если онъ *нашъ* „мудрецъ“, не могъ „измѣнить“ себѣ и не могъ не воскликнуть: „капутъ Россіи и жалѣть нечего!“ Вотъ эти-то родныя мысли мудрецовъ нашихъ и облетѣли Европу, и особенно черезъ европейскихъ корреспондентовъ, нахлынувшихъ къ намъ наканунѣ войны изучить насъ на мѣстѣ, рассмотреть насъ своими европейскими взглядами и измѣрить наши силы своими европейскими мѣрками. И, само собою, они слушали однихъ лишь „премудрыхъ и разумныхъ“ нашихъ. Народную силу, народный духъ всѣ проглядѣли, и облетѣла Европу вѣсть, что гибнетъ Россія, что ничто Россія, ничто была, ничто и есть и въ ничто обратится. Дрогнули сердца исконныхъ враговъ нашихъ и ненавистниковъ, которымъ мы два вѣка ужъ досаждаемъ въ Европѣ, дрогнули сердца многихъ тысячъ жидовъ европейскихъ и милліоновъ вмѣстѣ съ ними жидовствующихъ „христіанъ“; дрогнуло сердце Биконсфильда: сказано было ему, что Россія все перенесетъ, все, до самой срамной и послѣдней пощечины, но не пойдетъ на войну—до того, дескать, сильно ея „миролюбіе“. Но Богъ насъ спасъ, наславъ на нихъ на всѣхъ слѣпоту; слишкомъ уже они повѣрили въ погибель и въ ничтожность Россіи, а главное-то и проглядѣли. Проглядѣли они весь русскій народъ, какъ живую силу, и проглядѣли колоссальный фактъ: союзъ Царя съ народомъ своимъ! Вотъ *только это* и проглядѣли они! Кромѣ того, не могли они никакъ понять и повѣрить тому, что Царь нашъ дѣйствительно миролюбивъ и дѣйствительно такъ жалбеть кровь человѣческую: они думали, что все это у насъ изъ „политики“. Не видятъ они ничего даже и теперь: они кричатъ, что у насъ вдругъ, послѣ Царскаго манифеста, появился „патріотизмъ“. Да развѣ это патріотизмъ, развѣ это единеніе Царя съ народомъ на великое дѣло есть *только* патріотизмъ? Въ томъ-то и главная наша сила, что они совсѣмъ не понимаютъ Россіи, ничего не понимаютъ въ Россіи! Они не знаютъ, что мы непобѣдимы ничѣмъ въ мірѣ, что мы можемъ, пожалуй, проигрывать битвы, но все-таки останемся непобѣдимыми именно единеніемъ нашего духа народнаго и сознаниемъ народнымъ. Что мы не Франція, которая вся въ Парижѣ, что мы не Европа, которая вся зависитъ отъ биржъ своей буржуа-

зи и отъ „спокойствія“ своихъ пролетаріевъ, покупаемаго уже послѣдними усиліями тамошнихъ правительствъ и всего лишь на часъ. Не понимаютъ они и не знаютъ, что если мы *захотимъ*, то насъ не побѣдятъ ни жида всей Европы вмѣстѣ, ни милліоны ихъ золота, ни милліоны ихъ армій, что если мы захотимъ, то насъ нельзя заставить сдѣлать то, чего мы не пожелаемъ, и что нѣтъ такой силы на всей землѣ. Бѣда только въ томъ, что надъ словами этими засмѣются не только въ Европѣ, но и у насъ, и не только наши мудрецы и разумные, а даже и настоящіе русскіе люди интеллигентныхъ слоевъ нашихъ—до того мы еще не понимаемъ самихъ себя и всю исконную силу нашу, до сихъ поръ еще, слава Богу, не надломившуюся. Не понимаютъ это хорошіе люди, что у насъ, въ нашей необозримой и своеобразной, въ высшей степени непохожей на Европу странѣ, даже тактика военная (столь общая вещь!), можетъ быть, совсѣмъ не похожая на европейскую, что основы европейской тактики—деньги и ученныя организациі шестисотъ-тысячныхъ войсковыхъ нашествій могутъ споткнуться о землю нашу и наткнуться у насъ на новую и невѣдомую имъ силу, основы которой лежатъ въ природѣ безконечной земли русской и въ природѣ всеединящагося духа русскаго. Но пусть *пока* еще не знаютъ этого у насъ столь многіе и хорошіе люди (не знаютъ и робѣютъ). Но зато знаютъ это Цари наши и чувствуетъ это народъ нашъ. Александръ I зналъ про эту своеобразную силу нашу, когда говорилъ, что отраститъ себѣ бороду и уйдетъ въ лѣса съ народомъ своимъ, но не положитъ меча и не покорится волѣ Наполеона. И ужъ, конечно, объ такую силу разбилась бы вся Европа вмѣстѣ, потому что не хватить у ней на такую войну ни денегъ, ни единства организациі. Когда у насъ всѣ наши русскіе люди узнаютъ о томъ, что мы такъ сильны, тогда мы и добьемся того, что воевать уже не будемъ, тогда въ насъ увѣруютъ и впервые *откроетъ* насъ, какъ когда-то Америку, Европа. Но для того надобно, чтобы мы прежде ихняго открыли сами себя и чтобъ интеллигенція наша поняла, что ей нельзя уже болѣе разъединяться и разрывать съ народомъ нашимъ...

II.

Не всегда война бичъ, а иногда и спасеніе.

Но мудрецы наши схватились и за другую сторону

дѣла: они проповѣдуютъ о человѣколюбіи, о гуманности, они скорбятъ о пролитой крови, о томъ, что мы еще больше озвѣрѣемъ и осквернимся въ войнѣ и тѣмъ еще болѣе отдалимся отъ внутренняго преуспѣянія, отъ вѣрной дороги, отъ науки. Да, война, конечно, есть несчастье, но много тутъ и ошибки въ разсужденіяхъ этихъ, а главное—довольно ужъ намъ этихъ буржуазныхъ нравоченій! Подвигъ самопожертвованія кровью своею за все то, что мы почитаемъ святымъ, конечно, нравственнѣе всего буржуазнаго катехизиса. Подъемъ духа націи ради великодушной идеи—есть толчокъ впередъ, а не озвѣрѣніе. Конечно, мы можемъ ошибаться въ томъ, что считаемъ великодушной идеей; но если то, что мы почитаемъ святынею—позорно и порочно, то мы не избѣгнемъ кары отъ самой природы: позорное и порочное несетъ само въ себѣ смерть, и рано ли, поздно ли, само собою казнить себя. Война, напримѣръ, изъ-за пріобрѣтенія богатствъ, изъ-за потребности ненасытной биржи, хотя въ основѣ своей и выходитъ изъ того же общаго всѣмъ народамъ закона развитія своей національной личности, но бываетъ тотъ предѣлъ, который, въ этомъ развитіи, переходить нельзя, и за которымъ всякое пріобрѣтеніе, всякое развитіе значитъ уже излишекъ, несетъ въ себѣ болѣзнь, а за ней и смерть. Такъ, Англія, если бъ стала въ теперешней восточной борьбѣ за Турцію, забывъ уже окончательно, изъ-за торговыхъ выгодъ своихъ, стоны измученнаго человѣчества—безъ сомнѣнія, подняла бы сама на себя мечъ, который, рано ли, поздно ли, а опустился бы ей самой на голову. Наоборотъ: что святѣе и чище подвига такой войны, которую предпринимаетъ теперь Россія? Скажутъ, что „вѣдь и Россія, хоть и вправду идетъ лишь освобождать измученныя племена и возрождать ихъ самостоятельность, но вѣдь тѣмъ самымъ, въ этихъ же племенахъ, пріобрѣтетъ потомъ себѣ же союзниковъ, а, стало быть, силу,—и что, стало быть, все это, разумѣется, составляетъ тотъ же самый законъ развитія національной личности, къ которому стремится и Англія. А такъ какъ замысль „панславизма“ колоссальностью своей, безъ сомнѣнія, можетъ пугать Европу, то ужъ по одному закону самосохраненія, Европа несомнѣнно въ правѣ остановить насъ, точно такъ же, впрочемъ, какъ и мы въ правѣ идти впередъ, нисколько не останавливаясь передъ ея страхомъ и руководясь въ дви-

женіи нашемъ лишь политическою предусмотрительностью и благоразуміемъ. Такимъ образомъ, ничего пѣтъ въ этомъ ни святого, ни позорнаго, а есть лишь какъ бы вѣковѣчный животный инстинктъ народовъ, которому подчиняются безразлично всѣ, еще недостаточно и неразумно развитыя племена на землѣ. Тѣмъ не менѣе, накопившееся сознание, наука и гуманность, рано ли, поздно ли, непременно должны ослабить вѣковѣчный и звѣрскій инстинктъ неразумныхъ націй и вселить, напротивъ, во всѣхъ народахъ желаніе мира, международнаго единенія и чело-вѣколюбиваго преуси́янія. А, стало быть, надо все-таки проповѣдывать миръ, а не кровь“.

Святые слова! Но въ настоящемъ случаѣ они какъ-то не прикладываются къ Россіи, или, чтобъ еще лучше выразиться,—Россія составляетъ собою, въ теперешній историческій моментъ всей Европы, какъ бы нѣкоторое исключеніе, что и дѣйствительно такъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Россія, столь безкорыстно и правдиво ополчившаяся теперь на спасеніе и на возрожденіе угнетенныхъ племенъ, въ послѣдствіи и усилится ими же, то все же, и въ этомъ даже случаѣ, явитъ собою самый исключительный примѣръ, котораго ужъ никакъ не ожидаетъ Европа, мѣрящая на свой аршинъ. Усилясь, хотя бы даже чрезмѣрно, союзомъ своимъ съ освобожденными ею племенами, она не бросится на Европу съ мечемъ, не захватитъ и не отниметъ у ней ничего, какъ бы непременно сдѣлала Европа, если бъ нашла возможность вновь соединиться вся противъ Россіи, и какъ дѣлала въ Европѣ всѣ націи, во всю жизнь свою, чуть только получала какая-нибудь изъ нихъ возможность усилиться на счетъ своей сосѣдки. (И это съ самыхъ дикихъ первобытныхъ временъ Европы вплоть до современной намъ и еще столь недавней Франко-Прусской войны, и куда дѣвалась тогда вся ихняя цивилизація: бросилась самая ученая и просвѣщенная изъ всѣхъ націй на другую, столь же ученую и просвѣщенную и, воспользовавшись случаемъ, загрызла ее какъ дикій звѣръ, выпила ея кровь, выжила изъ нея соки въ видѣ миллиардовъ дани и отрубила у ней цѣлый бокъ въ видѣ двухъ самыхъ лучшихъ провинцій! Да, вправду, виновата ли Европа, если послѣ этого не можетъ понять назначенія Россіи? Имъ ли, гордымъ, ученымъ и сильнымъ, понять и допустить хоть въ фантазіи, что Россія предназначена и создана, можетъ быть, для ихъ же спа-

сенія, и что она только, можетъ быть, произнесетъ, наконецъ, это слово спасенія!). О, да, да, конечно—мы не только ничего не захватимъ у нихъ, и не только ничего не отнимемъ, но именно тѣмъ самымъ обстоятельствомъ, что чрезмѣрно усилимся (союзомъ любви и братства, а не захватомъ и насиліемъ)—тѣмъ самымъ и получимъ, наконецъ, возможность не обнажать меча, а, напротивъ, въ спокойствіи силы своей, явить собою примѣръ уже искренняго мира, международнаго всеединенія и безкорыстія. Мы первые объявимъ міру, что не чрезъ подавленіе личностей иноплеменныхъ намъ національностей хотимъ мы достигнуть собственнаго преуспѣянія, а, напротивъ, видимъ его лишь въ свободнѣйшемъ и самостоятельнѣйшемъ развитіи всѣхъ другихъ націй и въ братскомъ единеніи съ ними, восполняясь одна другою, прививая къ себѣ ихъ органическія особенности и удѣляя имъ и отъ себя вѣтви для прививки, сообщаясь съ ними душой и духомъ, учась у нихъ и уча ихъ, и такъ до тѣхъ поръ, когда человѣчество, восполняясь міровымъ общеніемъ народовъ до всеобщаго единства, какъ великое и великолѣпное древо осѣнить собою счастливую землю. О, пускай смѣются надъ этими „фантастическими“ словами наши теперешніе „общечеловѣки“ и самооплевники наши, но мы невиноваты, если вѣримъ тому, т. е. идемъ рука въ руку вмѣстѣ съ народомъ нашимъ, который именно вѣритъ тому. Спросите народъ, спросите солдата: для чего они поднимаются, для чего идутъ и чего желаютъ въ начавшейся войнѣ,—и всѣ скажутъ вамъ, какъ одинъ человѣкъ, что идутъ, чтобъ Христу служить и освободить угнетенныхъ братьевъ, и ни одинъ изъ нихъ не думаетъ о захватѣ. Да, мы тутъ, именно въ теперешней же войнѣ, и докажемъ всю нашу идею о будущемъ предназначеніи Россіи въ Европѣ, именно тѣмъ докажемъ, что, освободивъ славянскія земли, не приобрѣтемъ изъ нихъ себѣ ни клочка (какъ мечтаютъ уже Австрія для себя), а, напротивъ, будемъ надзирать за ихъ же взаимнымъ согласіемъ и оборонять ихъ свободу и самостоятельность хотя бы отъ всей Европы. А если такъ, то идея наша свята и война наша вовсе не „вѣковѣчный и звѣрскій инстинктъ не разумныхъ націй“, а именно первый шагъ къ достиженію того вѣчнаго мира, въ который мы имѣемъ счастье вѣрить, къ достиженію *воистину* международнаго единенія и *воистину* человѣколюбиваго преуспѣянія! И такъ

не всегда надо проповѣдывать одинъ только миръ, и не въ мирѣ одномъ, во что бы то ни стало, спасеніе, а иногда и въ войнѣ оно есть.

III.

Спасаетъ ли пролитая кровь?

„Но вѣдь кровь, но вѣдь все-таки кровь“ — наладили мудрецы, и право же, всѣ эти казенныя фразы о крови— все это подчасъ только наборъ самыхъ ничтожнѣйшихъ высокыхъ словъ для извѣстныхъ цѣлей. Биржевики, на-примѣръ, чрезвычайно любятъ теперь толковать о гуманности. И многіе, толкующіе теперь о гуманности, суть лишь торгующіе гуманностью. А между тѣмъ крови, можетъ быть, еще больше бы пролилось безъ войны. Повѣрьте, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если не во всѣхъ почти (кромѣ развѣ войнъ междоусобныхъ)— война есть процессъ, которымъ именно съ наименьшимъ пролитіемъ крови, съ наименьшею скорбію и съ наименьшею тратой силъ, достигается международное спокойствіе и вырабатываются, хоть приблизительно, сколько-нибудь нормальныя отношенія между націями. Разумѣется, это грустно, но что же дѣлать если это такъ. Ужъ лучше разъ извлечь мечъ, чѣмъ страдать безъ срока. И чѣмъ лучше те-перешній миръ между цивилизованными націями—войны? Напротивъ, скорѣе миръ, долгій миръ звѣрится и ожесточаетъ человѣка, а не война. Долгій миръ всегда рождаетъ жестокость, трусость и грубый, ожирѣлый эгоизмъ, а главное—умственный застой. Въ долгій миръ жирѣютъ лишь одни эксплуататоры народовъ. Налажено, что миръ ро-дитъ богатство, — но вѣдь лишь десятой доли людей, а эта десятая доля, заразившись болѣзнями богатства, сама передаетъ заразу и остальнымъ девяти десятымъ, хотя и безъ богатства. Заражается же она развратомъ и цинизмомъ. Отъ излишняго скопленія богатства въ однѣхъ рукахъ, рождается у обладателей богатства грубость чувствъ. Чувство изящнаго обращается въ жажду капризныхъ излишествъ и ненормальностей. Страшно развивается сла-дострастіе. Сладострастіе рождаетъ жестокость и трусость. Грузная и грубая душа сладострастника жесточе всякой другой, даже и порочной души. Иной сладострастникъ, падающій въ обморокъ при видѣ крови изъ обрѣзаннаго пальца, не проститъ бѣдняку и заточить его въ тюрьму за ничтожнѣйшій долгъ. Жестокость же рождаетъ усилен-

ную, слишком трусливую заботу о самообезпеченіи. Эта трусливая забота о самообезпеченіи всегда, въ долгій миръ, подъ конецъ обращается въ какой-то паническій страхъ за себя, сообщается всѣмъ слоямъ общества, рождаетъ страшную жажду накопленія и пріобрѣтенія денегъ. Теряется вѣра въ солидарность людей, въ братство ихъ, въ помощь общества, провозглашается громко тезисъ: „всякій за себя и для себя“; бѣднякъ слишкомъ видитъ что такое богачъ и какой онъ ему братъ, и вотъ всѣ уединяются и обособляются. Эгоизмъ умерщвляетъ великодушіе. Лишь искусство поддерживаетъ еще въ обществѣ высшую жизнь и будитъ души, засыпающія въ періоды долгаго мира. Вотъ отчего и выдумали, что искусство можетъ процвѣтать лишь во время долгаго мира, а между тѣмъ тутъ огромная невѣрность: искусство, то-есть *истинное* искусство, именно и развивается потому во время долгаго мира, что идетъ въ разрѣзъ съ грузнымъ и порочнымъ усыпленіемъ душъ и, напротивъ, созданіями своими, всегда въ эти періоды, взываетъ къ идеалу, рождаетъ протестъ и негодованіе, волнуетъ общество и нерѣдко заставляетъ страдать людей, жаждущихъ проснуться и выйти изъ зловонной ямы. Въ результатъ же оказывается, что буржуазный долгій миръ, все-таки, въ концѣ концовъ, всегда почти зарождаетъ самъ потребность войны, выносить ее самъ изъ себя, какъ жалкое слѣдствіе, но уже не изъ-за великой и справедливой цѣли, достойной великой націи, а изъ-за какихъ-нибудь жалкихъ биржевыхъ интересовъ, изъ-за новыхъ рынковъ, нужныхъ эксплуататорамъ, изъ-за пріобрѣтенія новыхъ рабовъ, необходимыхъ обладателямъ золотыхъ мѣшекъ,—словомъ, изъ-за причинъ, неоправдываемыхъ даже потребностью самосохраненія, а, напротивъ, именно свидѣтельствующихъ о капризномъ, болѣзненномъ состояніи національнаго организма. Интересы эти и войны, за нихъ предпринимаемая, развращаютъ и даже совсѣмъ губятъ народы, тогда какъ война изъ-за великодушной цѣли, изъ-за освобожденія угнетенныхъ, ради безкорыстной и святой идеи,—такая война лишь очищаетъ зараженный воздухъ отъ скопившихся миазмовъ, лѣчитъ душу, прогоняетъ позорную трусость и лѣнь, объявляетъ и ставитъ твердую цѣль, даетъ и уясняетъ идею, къ осуществленію которой призвана та или другая нація. Такая война укрѣпляетъ каждую душу сознаниемъ самопожертвованія, а духъ всей на-

ціи сознаниємъ взаимной солидарности и единенія всѣхъ членовъ, составляющихъ націю. А главное, сознаниємъ исполненнаго долга и совершеннаго хорошаго дѣла: „не совсѣмъ же мы упали и развратились, есть же и въ насъ человѣческое!“ И посмотрите, съ чего начинали свою проповѣдь эти столь недавніе наши проповѣдники миролюбія и гуманности: они прямо начинали съ самой безчеловѣчной жестокости. Они сами не хотѣли и другихъ удерживали помочь мученикамъ, взывавшимъ къ намъ. Они, повидимому, столь гуманные и чувствительные, хладнокровно и съ насмѣшкой отрицали необходимость для насъ самопожертвованія и духовнаго подвига. Они желали столенуть Россію на самую пошлую и недостойную великой націи дорогу, не говоря уже объ ихъ презрѣннн къ народу, признавшему въ славянскихъ мученикахъ братьевъ своихъ, а, стало быть, объ ихъ надменномъ разрывѣ съ волею народной, выше которой поставили они свое фальшивое „европейское“ просвѣщеніе. Любимымъ тезисомъ ихъ было: „врачу исцѣлися самъ“. „Вы лѣзете исцѣлять и спасать другихъ, а у самихъ даже школъ не устроено“—выставляли они на видъ. „Что жъ мы и идемъ исцѣляться. Школы важное дѣло, конечно, но школамъ надобенъ духъ и направленіе,—вотъ мы и идемъ теперь запасаться духомъ и добывать здоровое направленіе. И добудемъ, особенно если Богъ побѣду пошлетъ. Мы воротимся съ сознаниємъ совершеннаго нами безкорыстнаго дѣла, съ сознаниємъ того, что славно послужили человѣчеству кровью своей, съ сознаниємъ обновленной силы нашей и энергіи нашей—и все это вмѣсто столь недавняго позорнаго шатанія мысли нашей, вмѣсто мертвящаго застоя нашего въ заимствованномъ безъ толку европеизмѣ. Главное же, приобщимся къ народу и соединимся съ нимъ тѣснѣе,—ибо у него и въ немъ одномъ найдемъ исцѣленіе отъ двухвѣковой болѣзни нашей, отъ двухвѣкового непроезжительнаго слабосилія нашего“.

Да и вообще можно сказать, что если общество нездорово и заражено, то даже такое благое дѣло, какъ долгій миръ, вмѣсто пользы обществу обращается ему же во вредъ. Это вообще можно примѣнить даже и ко всей Европѣ. Не даромъ же не проходило поколѣнія въ исторіи европейской, съ тѣхъ поръ какъ мы ее запомнимъ, безъ войны. И такъ, видно и война необходима для чего-нибудь, цѣлительна, облегчаетъ человѣчество. Это возму-

тительно, если подумать отвлеченно, но на практикѣ выходить, кажется, такъ, и именно потому, что для зараженнаго организма и такое благое дѣло, какъ миръ, обращается во вредъ. Но все-таки полезно оказывается лишь та война, которая предпринята для идеи, для высшаго и великодушнаго принципа, а не для матеріальнаго интереса, не для жаднаго захвата, не изъ гордаго насилія. Такія войны только сбивали націи на ложную дорогу и всегда губили ихъ. Не мы, такъ дѣти наши увидятъ, чѣмъ кончить Англія. Теперь для всѣхъ въ мірѣ уже „время близко“. Да и пора.

IV.

Мнѣніе «Тишайшаго» царя о восточномъ вопросѣ.

Мнѣ сообщили одну выписку изъ одного сочиненія, изданнаго въ Кіевѣ въ прошломъ году: „Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патриархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго. Соч. Ив. Оболенскаго. Кіевъ, 1876 г., стр. 90—91“. Страница изъ сочиненія чужого, но она столь характерна и столь любопытна въ теперешнюю нашу минуту, а самое сочиненіе, вѣроятно, еще такъ мало извѣстно въ общей массѣ публики, что я рѣшился помѣстить эти нѣскольکو строкъ въ „Дневникѣ“. Это мнѣніе царя Алексѣя Михайловича о восточномъ вопросѣ,—тоже „Тишайшаго“ царя, но жившаго еще два вѣка тому назадъ, и его тогдашнія слезы о томъ, что онъ не можетъ быть царемъ Освободителемъ.

Говорили, что на Св. Пасху (1656 г.) Государь, христосуясь съ греческими купцами, бывшими въ Москвѣ, сказалъ между прочимъ къ нимъ: «хотите ли вы, и ждете ли, чтобы я освободилъ васъ изъ плѣна и выкупилъ?» И когда они отвѣчали: «какъ можетъ быть иначе? какъ намъ не желать этого?» онъ прибавилъ: «такъ,—поэтому, когда вы возвратитесь въ свою сторону, просите всѣхъ монаховъ и епископовъ молить Бога и совершать литургію за меня, чтобы ихъ молитвами дана была мнѣ мощь отрубить голову ихъ врагу». И, проливъ при этомъ обильныя слезы, онъ сказалъ потомъ, обратившись къ вельможамъ: «мое сердце сокрушается о порабощеніи этихъ бѣдныхъ людей, которые стонутъ въ рукахъ враговъ нашей вѣры; Богъ призоветъ меня къ отчету въ день суда, *если, имѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегу этимъ.*—Я не знаю, какъ долго будетъ продолжаться это дурное состояніе государственныхъ дѣлъ, но со времени моего отца и предшественниковъ его къ намъ не переставали приходять постоянно съ жалобой на угнетеніе порабощителей патриархи, епископы, монахи и простые бѣдняки, изъ которыхъ ни одинъ не приходилъ иначе, какъ только

преслѣдуемый суровою печалью и убѣгая отъ жестокости своихъ господъ; и я боюсь вопросовъ, которые мнѣ предложитъ Творецъ въ тотъ день: и порѣшилъ въ своемъ умѣ, если Богу угодно, что потрачу всю свои войска и свою казну, пролью свою кровь до послѣдней капли, но постараюсь освободить ихъ». На все это вельможи отвѣчали ему: «Господи, даруй по желанію сердца твоего».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СОНЪ СМѢШНОГО ЧЕЛОВѢКА.

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

I.

Я смѣшной человѣкъ. Они меня называютъ теперь сумасшедшимъ. Это было бы повышение въ чинѣ, если бъ я все еще не оставался для нихъ такимъ же смѣшнымъ, какъ и прежде. Но теперь ужъ я не сержусь, теперь они всѣ мнѣ милы и даже когда смѣются надо мной— и тогда чѣмъ-то даже особенно милы. Я бы самъ смѣялся съ ними, — не то что надъ собой, а ихъ любя, если бъ мнѣ не было такъ грустно на нихъ глядя. Грустно потому, что они не знаютъ истины, а я знаю истину. Охъ, какъ тяжело одному знать истину! Но они этого не поймутъ. Нѣтъ, не поймутъ.

А прежде я тосковалъ очень оттого, что казался смѣшнымъ. Не казался, а былъ. Я всегда былъ смѣшонъ, и знаю это, можетъ быть, съ самаго моего рожденія. Можетъ быть, я уже семи лѣтъ зналъ, что я смѣшонъ. Потомъ я учился въ школѣ, потомъ въ университетѣ, и что же—чѣмъ больше я учился, тѣмъ больше я научился тому, что я смѣшонъ. Такъ что для меня вся моя университетская наука какъ бы для того только и существовала подъ конецъ, чтобы доказывать и объяснять мнѣ, по мѣрѣ того какъ я въ нее углублялся, что я смѣшонъ. Подобно какъ въ наукѣ, шло и въ жизни. Съ каждымъ годомъ нарастало и укрѣплялось во мнѣ то же самое сознаніе о моемъ смѣшномъ видѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Надо мной смѣялись всѣ и всегда. Но не знали они никто, и не догадывались о томъ, что если былъ человѣкъ на землѣ, больше всѣхъ знавшій про то, что я смѣшонъ, такъ это былъ самъ я, и вотъ это-то было для меня всего обиднѣе, что они этого не знаютъ, но тутъ я самъ былъ виноватъ: я всегда былъ такъ гордъ, что ни за что и

никогда не хотѣлъ никому въ этомъ признаться. Гордость эта росла во мнѣ съ годами и если бъ случилось такъ, что я хотъ передъ кѣмъ бы то ни было позволилъ бы себѣ признаться, что я смѣшной, то, мнѣ кажется, я тутъ же, въ тотъ же вечеръ, раздробилъ бы себѣ голову изъ револьвера. О, какъ я страдалъ въ моемъ отрочествѣ о томъ, что я не выдержу и вдругъ какъ-нибудь признаюсь самъ товарищамъ. Но съ тѣхъ поръ какъ я сталъ молодымъ человѣкомъ, я хотъ и узнавалъ съ каждымъ годомъ, все больше и больше о моемъ ужасномъ качествѣ, но почему-то сталъ немного спокойнѣе. Именно почему-то, потому что я и до сихъ поръ не могу опредѣлить почему. Можетъ быть, потому, что въ душѣ моей нарастала страшная тоска по одному обстоятельству, которое было уже безконечно выше всего меня: именно—это было постигшее меня одно убѣжденіе въ томъ, что на свѣтѣ вездѣ *все равно*. Я очень давно предчувствовалъ это, но полное убѣжденіе явилось въ послѣдній годъ какъ-то вдругъ. Я вдругъ почувствовалъ, что мнѣ *все равно* было бы, существовалъ ли бы міръ, или если бъ нигдѣ ничего не было. Я сталъ слышать и чувствовать всѣмъ существомъ моимъ, что *ничего при мнѣ не было*. Сначала мнѣ все казалось, что зато было многое прежде, но потомъ я догадался, что и прежде ничего тоже не было, а только почему-то казалось. Мало-по-малу я убѣдился, что и никогда ничего не будетъ. Тогда я вдругъ пересталъ сердиться на людей, и почти сталъ не примѣчать ихъ. Право, это обнаруживалось даже въ самыхъ мелкихъ пустякахъ, я, напримѣръ, случалось, иду по улицѣ и натыкаюсь на людей. И не то чтобъ отъ задумчивости: объ чемъ мнѣ было думать, я совсѣмъ пересталъ тогда думать: мнѣ было все равно. И добро бы я разрѣшилъ вопросы; о, ни одного не разрѣшилъ, а сколько ихъ было? Но мнѣ стало *все равно*, и вопросы всѣ удалились.

И вотъ, послѣ того ужъ, я узналъ истину. Истину я узналъ въ прошломъ ноябрѣ, и именно третьяго ноября, и съ того времени я каждое мгновенье мое помню. Это было въ мрачный, самый мрачный вечеръ, какой только можетъ быть. Я возвращался тогда въ одиннадцатомъ часу вечера домой и именно, помню, я подумалъ, что ужъ не можетъ быть болѣе мрачнаго времени. Даже въ физическомъ отношеніи. Дождь лилъ весь день, и это былъ самый холодный и мрачный дождь, какой-то даже

грозный дождь, я это помню, съ явной враждебностью къ людямъ, а тутъ вдругъ, въ одиннадцатомъ часу, пересталь, и началась страшная сырость, сырѣе и холоднѣе чѣмъ когда дождь шель, и ото всего шель какой-то паръ, отъ каждаго камня на улицѣ и изъ каждаго переулка, если заглянуть въ него въ самую глубь, подальше, съ улицы. Мнѣ вдругъ представилось, что если съ потухъ вездѣ газъ, то стало бы отраднѣе, а съ газомъ грустнѣе сердцу, потому что онъ все это освѣщаетъ. Я въ этотъ день почти не обѣдалъ и съ равняго вечера просидѣлъ у одного инженера, а у него сидѣли еще двое пріятелей. Я все молчалъ и, кажется, имъ надоѣлъ. Они говорили объ чемъ-то вызывающемъ и вдругъ даже разгорячились. Но имъ было все равно, я это видѣлъ, и они горячились только такъ. Я имъ вдругъ и высказалъ это: „Господа, вѣдь вамъ, говорю, все равно“. Они не обидѣлись, а всѣ надо мной засмѣялись. Это оттого, что я сказалъ безъ всякаго упрека, и просто потому, что мнѣ было все равно. Они и увидѣли, что мнѣ все равно, и имъ стало весело.

Когда я на улицѣ подумалъ про газъ, то взглянулъ на небо. Небо было ужасно темное, но явно можно было различить разорванныя облака, а между ними бездонныя черныя пятна. Вдругъ я замѣтилъ въ одномъ изъ этихъ пятенъ звѣздочку и сталъ пристально глядѣть на нее. Это потому, что эта звѣздочка дала мнѣ мысль: я положилъ въ эту ночь убить себя. У меня это было твердо положено еще два мѣсяца назадъ и какъ я ни бѣденъ, а купилъ прекрасный револьверъ и въ тотъ же день зарядилъ его. Но прошло уже два мѣсяца, а онъ все лежалъ въ ящикѣ; но мнѣ было до того все равно, что захотѣлось наконецъ улучшить минуту, когда будетъ не такъ все равно, для чего такъ—не знаю. И такимъ образомъ, въ эти два мѣсяца я каждую ночь, возвращаясь домой, думалъ, что застрѣлюсь. Я все ждалъ минуты. И вотъ теперь эта звѣздочка дала мнѣ мысль, и я положилъ, что это будетъ *непремѣнно* уже въ эту ночь. А почему звѣздочка дала мысль—не знаю.

И вотъ, когда я смотрѣлъ на небо, меня вдругъ схватила за локоть эта дѣвочка. Улица уже была пуста и никого почти не было. Вдали спалъ на дрожкахъ извозчикъ. Дѣвочка была лѣтъ восьми, въ платочкѣ и въ одномъ платьишкѣ, вся мокрая, но я запомнилъ особенно ея мокрые разорванныя башмаки, и теперь помню. Они мнѣ

особенно мелькнули въ глаза. Она вдругъ стала дергать меня за локоть и звать. Она не плакала, но какъ-то отрывисто выкрикивала какія-то слова, которыя не могла хорошо выговорить, потому что вся дрожала мелкой дрожью въ ознобѣ. Она была отъ чего-то въ ужасѣ и кричала отчаянно: „мамочка! мамочка!“ Я обернулъ было къ ней лицо, но не сказалъ ни слова и продолжалъ идти, но она бѣжала и дергала меня и въ голосѣ ея прозвучалъ тотъ звукъ, который у очень испуганныхъ дѣтей означаетъ отчаяніе. Я знаю этотъ звукъ. Хотя она и не договаривала слова, но я понялъ, что ея мать гдѣ-то помираетъ, или что-то тамъ съ ними случилось и она выбѣжала позвать кого-то, найти что-то, чтобъ помочь мамѣ. Но я не пошелъ за ней и, напротивъ, у меня явилась вдругъ мысль прогнать ее. Я сначала ей сказалъ, чтобъ она отыскала городского. Но она вдругъ сложила ручки и, всхлипывая, задыхался, все бѣжала сбоку и не покидала меня. Вотъ тогда-то я топнулъ на нее и крикнулъ. Она прокричала лишь: „баринъ, баринъ!..“ но вдругъ бросила меня и стремглавъ перебѣжала улицу: тамъ показался тоже какой-то прохожій и она, видно, бросилась отъ меня къ нему.

Я поднялся въ мой пятый этажъ. Я живу отъ хозяевъ и у насъ номера. Комната у меня бѣдная и маленькая, а окно чердачное, полукруглое. У меня клеенчатый диванъ, столъ, на которомъ книги, два стула и покойное кресло, старое — престарое, но зато вольтеровское. Я сѣлъ, зажегъ свѣчку и сталъ думать. Рядомъ, въ другой комнатѣ, за перегородкой, продолжался содомъ. Онъ шелъ у нихъ еще съ третьяго дня. Тамъ жилъ отставной капитанъ, а у него были гости — человекъ шесть стрючкихъ, пили водку и играли въ штосъ старыми картами. Въ прошлую ночь была драка и я знаю, что двое изъ нихъ долго таскали другъ друга за волосы. Хозяйка хотѣла жаловаться, но она боится капитана ужасно. Прочихъ жильцовъ у насъ въ номерахъ всего одна маленькая ростомъ и худенькая дама, изъ полковыхъ, пріѣзжая, съ тремя маленькими и заболѣвшими уже у насъ въ номерахъ дѣтьми. И она, и дѣти боятся капитана до обмороку и всю ночь трясутся и крестятся, а съ самымъ маленькимъ ребенкомъ былъ отъ страху какой-то припадокъ. Этотъ капитанъ, я навѣрно знаю, останавливаетъ иной разъ прохожихъ на Невскомъ и проситъ на бѣдность. На

службу его не принимаютъ, но, странное дѣло (я вѣдь къ тому и рассказываю это), капитанъ во весь мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ какъ живеть у насъ, не возбудилъ во мнѣ никакой досады. Отъ знакомства я, конечно, уклонился съ самаго начала, да ему и самому скучно со мной стало съ перваго же разу, но сколько бы они ни кричали за своей перегородкой и сколько бы ихъ тамъ ни было — мнѣ всегда все равно. Я сижу всю ночь и, право, ихъ не слышу, — до того о нихъ забываю. Я вѣдь каждую ночь не сплю до самаго разсвѣта и вотъ уже этакъ годъ. Я просиживаю всю ночь у стола въ креслахъ и ничего не дѣлаю. Книги читаю я только днемъ. Сижу и даже не думаю, а такъ, какія-то мысли бродятъ, а я ихъ пускаю на волю. Свѣчка стораеть въ ночь вся. Я сѣлъ у стола тихо, вынулъ револьверъ и положилъ передъ собою. Когда я его положилъ, то, помню, спросилъ себя: „такъ ли?“ и совершенно утвердительно отвѣтилъ себѣ: „такъ“. То-есть застрѣлюсь. Я зналъ, что ужъ въ эту ночь застрѣлюсь навѣрно, но сколько еще просижу до тѣхъ поръ за столомъ—этого не зналъ. И ужъ, конечно бы, застрѣлился, если бъ не та дѣвочка.

II.

Видите ли: хоть мнѣ и было все равно, но вѣдь боль-то я, напримѣръ, чувствовалъ. Ударъ меня кто и я бы почувствовалъ боль. Такъ точно и въ нравственномъ отношеніи: случись что-нибудь очень жалкое, то почувствовалъ бы жалость, такъ же какъ и тогда, когда мнѣ было еще въ жизни не все равно. Я и почувствовалъ жалость давеча: ужъ ребенку-то я бы непременно помогъ. Почему жъ я не помогъ дѣвочкѣ? А изъ одной явившейся тогда идеи: когда она дергала и звала меня, то вдругъ возникъ тогда передо мной вопросъ и я не могъ разрѣшить его. Вопросъ былъ праздный, но я разсердился. Разсердился вслѣдствіе того вывода, что если я уже рѣшилъ, что въ нынѣшнюю ночь съ собой покончу, то, стало-быть, мнѣ все на свѣтѣ должно было стать теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, все равно. Отчего же я вдругъ почувствовалъ, что мнѣ не все равно и я жалѣю дѣвочку? Я помню, что я ее очень пожалѣлъ; до какой-то даже странной боли и совѣмъ даже невѣроятной въ моемъ положеніи. Право, я не умѣю лучше передать этого тогдашняго моего мимолетнаго ощущенія, но ощущеніе продол-

жалось и дома, когда уже я засѣлъ за столомъ и я очень былъ раздраженъ, какъ давно уже не былъ. Разсужденіе текло за разсужденіемъ. Представлялось яснымъ, что если я человѣкъ, и еще не нуль, и пока не обратился въ нуль, то живу, а слѣдственно могу страдать, сердиться и ощущать стыдъ за свои поступки. Пусть. Но вѣдь если я убью себя, напимѣръ, черезъ два часа, то что мнѣ дѣвочка и какое мнѣ тогда дѣло и до стыда, и до всего на свѣтѣ? Я обращаюсь въ нуль, въ нуль абсолютный. И неужели сознаніе о томъ, что я сейчасъ совершенно не буду существовать, а, стало-быть, и ничто не будетъ существовать, не могло имѣть ни малѣйшаго вліянія ни на чувство жалости къ дѣвочкѣ, ни на чувство стыда послѣ сдѣланной подлости? Вѣдь я потому-то и затопалъ и закричалъ дикимъ голосомъ на несчастнаго ребенка, что, дескать, не только — вотъ не чувствую жалости, но если и безчеловѣчную подлость сдѣлаю, то теперь могу, потому что черезъ два часа все угаснетъ. Вѣрите ли, что потому закричалъ? Я теперь почти убѣжденъ въ этомъ. Яснымъ представлялось, что жизнь и міръ теперь какъ бы отъ меня зависятъ. Можно сказать даже такъ, что міръ теперь какъ бы для меня одного и сдѣланъ: застрѣлюсь я и міра не будетъ, по крайней мѣрѣ, для меня. Не говоря уже о томъ, что, можетъ-быть, и дѣйствительно ни для кого ничего не будетъ послѣ меня, и весь міръ, только лишь угаснетъ мое сознаніе, угаснетъ тотчасъ какъ призракъ, какъ принадлежность лишь одного моего сознанія, и упразднится, ибо, можетъ-быть, весь этотъ міръ и всѣ эти люди — я-то самъ одинъ и есть. Помню, что сидя и разсуждая, я обертывалъ всѣ эти новые вопросы, тѣснившіеся одинъ за другимъ, совсѣмъ даже въ другую сторону и выдумывалъ совсѣмъ ужъ новое. Напимѣръ, мнѣ вдругъ представилось одно странное соображеніе, что если бѣ я жилъ прежде на лунѣ, или на Марсѣ, и сдѣлалъ бы тамъ какой-нибудь самый срамный и безчестный поступокъ, какой только можно себѣ представить, и былъ тамъ за него поруганъ и обезчещенъ такъ, какъ только можно ощутить и представить лишь развѣ иногда во снѣ, въ кошмарѣ, и если бѣ, очутившись потомъ на землѣ, я продолжалъ бы сохранять сознаніе о томъ, что сдѣлалъ на другой планетѣ, и кромѣ того зналъ бы, что уже туда ни за что и никогда не возвращусь, то, смотря съ земли на луну, — было бы мнѣ *все равно* или нѣтъ? Ощущалъ ли

бы я за тотъ поступокъ стыдъ или нѣтъ? Вопросы были праздные и лишніе, такъ какъ револьверъ лежалъ уже передо мною, и я всѣмъ существомъ моимъ зналъ, что *это* будетъ навѣрно, но они горячили меня и я бѣсился. Я какъ бы уже не могъ умереть теперь, чего-то не разрѣшивъ предварительно. Однимъ словомъ, эта дѣвочка спасла меня, потому что я вопросами отдалилъ выстрѣль. У капитана же между тѣмъ стало тоже все утихать: они кончили въ карты, устраивались спать, а пока ворчали и лѣниво доругивались. Вотъ тутъ-то я вдругъ и заснулъ, чего никогда со мной не случалось прежде, за столомъ въ креслахъ. Я заснулъ совершенно мнѣ непримѣтно. Сны, какъ извѣстно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется съ ужасающею ясностью, съ ювелирски-мелочною отдѣлкой подробностей, а черезъ другое перескакиваешь, какъ бы не замѣчая вовсе, напримѣръ, черезъ пространство и время. Сны, кажется, стремить не разсудокъ, а желаніе, не голова, а сердце, а между тѣмъ какія хитрѣйшія вещи продѣлывалъ иногда мой разсудокъ во снѣ! Между тѣмъ, съ нимъ происходятъ во снѣ вещи совсѣмъ непостижимыя. Мой братъ, напримѣръ, умеръ пять лѣтъ назадъ. Я иногда его вижу во снѣ: онъ принимаетъ участіе въ моихъ дѣлахъ, мы очень заинтересованы, а между тѣмъ я вѣдь вполне, во все продолженіе сна, знаю и помню, что братъ мой померъ и схороненъ. Какъ же я не дивлюсь тому, что онъ, хоть и мертвый, а все-таки тутъ, подлѣ меня и со мной хлопочетъ? Почему разумъ мой совершенно допускаетъ все это? Но, довольно. Приступаю ко сну моему. Да, мнѣ приснился тогда этотъ сонъ, мой сонъ третьяго ноября! Они дразнить меня теперь тѣмъ, что вѣдь это былъ только сонъ. Но неужели не все равно сонъ или нѣтъ, если сонъ этотъ возвѣстилъ мнѣ истину? Вѣдь если разъ узналъ истину и увидѣлъ ее, то вѣдь знаешь, что она истина и другой нѣтъ и не можетъ быть, спите вы или живете. Ну, и пусть сонъ, и пусть, но эту жизнь, которую вы такъ превозносите, я хотѣлъ погасить самоубійствомъ, а сонъ мой, сонъ мой,— о, онъ возвѣстилъ мнѣ новую, великую, обновленную, сильную жизнь!

Слушайте.

III.

Я сказалъ, что заснулъ незамѣтно, и даже какъ бы продолжая разсуждать о тѣхъ же матеріяхъ. Вдругъ, при-

снилось мнѣ, что я беру револьверъ, и, сидя, наставляю его прямо въ сердце,—въ сердце, а не въ голову; я же положилъ прежде непременно застрѣлиться въ голову и именно въ правый високъ. Наставивъ въ грудь, я подождать секунду или двѣ, и свѣчка моя, столъ и стѣна передо мною вдругъ задвигались и заколыхались. Я поскорѣе выстрѣлилъ.

Во снѣ вы падаете иногда съ высоты, или рѣжутъ васъ, или бьютъ, но вы никогда не чувствуете боли, кромѣ развѣ если сами какъ-нибудь дѣйствительно ушибетесь въ кровати: тутъ вы почувствуете боль и всегда почти отъ боли проснетесь. Такъ и во снѣ моемъ: боли я не чувствовалъ, но мнѣ представилось, что съ выстрѣломъ моимъ все во мнѣ сотряслось и все вдругъ потухло и стало кругомъ меня ужасно черно. Я какъ будто ослѣпъ и онѣмѣлъ, и вотъ я лежу на чемъ-то твердомъ, протянутый, навзничъ, ничего не вижу и не могу сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Кругомъ ходятъ и кричатъ, басытъ капитанъ, визжитъ хозыйка,—и вдругъ опять перерывъ, и вотъ уже меня несутъ въ закрытомъ гробѣ. И я чувствую какъ колыхается гробъ, и разсуждаю объ этомъ, и вдругъ меня въ первый разъ поражаетъ идея, что вѣдь я умеръ, совсѣмъ умеръ, знаю это и не сомнѣваюсь, не вижу и не движусь, а между тѣмъ чувствую и разсуждаю. Но я скоро мирюсь съ этимъ и, по обыкновенію, какъ во снѣ, принимаю дѣйствительность безъ спору.

И вотъ меня зарывають въ землю. Всѣ уходятъ, я одинъ, совершенно одинъ. Я не движусь. Всегда, когда я прежде на яву представлялъ себѣ какъ меня похоронятъ въ могилѣ, то собственно съ могилой соединялъ лишь одно ощущеніе сырости и холода. Такъ и теперь, я почувствовалъ, что мнѣ очень холодно, особенно концамъ пальцевъ на ногахъ, но больше ничего не чувствовалъ.

Я лежалъ и, странно,—ничего не ждалъ, безъ спору принимая, что мертвому ждать нечего. Но было сыро. Не знаю, сколько прошло времени,—часъ или нѣсколько дней, или много дней. Но вотъ вдругъ, на лѣвый закрытый глазъ мой упала просочившаяся черезъ крышу гроба капля воды, за ней черезъ минуту другая, затѣмъ черезъ минуту третья, и такъ далѣе, и такъ далѣе, все черезъ минуту. Глубокое негодованіе загорѣлось вдругъ въ сердцѣ моемъ, и вдругъ я почувствовалъ въ немъ фи-

зическую боль: „Это рана моя“, подумалъ я, „это выстрѣлъ, тамъ пуля“... А капля все капала каждую минуту и прямо на закрытый мой глазъ. И я вдругъ воззвалъ, не голосомъ, ибо былъ недвижимъ, но всѣмъ существомъ моимъ къ властителю всего того, что совершалось со мною:

— Кто бы ты ни былъ, но если ты есть, и если существуетъ что-нибудь разумнѣе того, что теперь совершается, то дозвожь ему быть и здѣсь. Если же ты мстишь мнѣ за неразумное самоубійство мое—безобразіемъ и нелѣпностью дальнѣйшаго бытія, то знай, что никогда и никакому мученію, какое бы ни постигло меня, не сравниться съ тѣмъ презрѣніемъ, которое я буду молча ощущать, хотя бы въ продолженіе милліоновъ лѣтъ мучничества!..

Я воззвалъ и смолкъ. Цѣлую почти минуту продолжалось глубокое молчаніе и даже еще одна капля упала, но я зналъ, я безпредѣльно и нерушимо зналъ и вѣрилъ, что непремѣнно сейчасъ все измѣнится. И вотъ, вдругъ, разверзлась могила моя. То-есть я не знаю, была ли она раскрыта и раскопана, но я былъ взятъ какимъ-то темнымъ и неизвѣстнымъ мнѣ существомъ и мы очутились въ пространствѣ. Я вдругъ прозрѣлъ: Была глубокая ночь и никогда, никогда еще не было такой темноты! Мы неслись въ пространствѣ уже далеко отъ земли. Я не спрашивалъ того, который несъ меня, ни о чемъ, я ждалъ и былъ гордъ. Я увѣрялъ себя, что не боюсь, и замиралъ отъ восхищенія при мысли, что не боюсь. Я не помню, сколько времени мы неслись и не могу представить: совершалось все такъ, какъ всегда во снѣ, когда перескакиваешь черезъ пространство и время и черезъ законы бытія и разсудка, и останавливаешься лишь на точкахъ, о которыхъ грезить сердце. Я помню, что вдругъ увидалъ въ темнотѣ одну звѣздочку. „Это Сириусъ?“ спросилъ я, вдругъ не удержавшись, ибо я не хотѣлъ ни о чемъ спрашивать.—„Нѣтъ, это та самая звѣзда, которую ты видѣлъ между облаками, возвращаясь домой“, отвѣчало мнѣ существо, уносившее меня. Я зналъ, что оно имѣло какъ бы ликъ человѣческой. Странное дѣло, я не любилъ это существо, даже чувствовалъ глубокое отвращеніе. Я ждалъ совершеннаго небытія и съ тѣмъ выстрѣлилъ себѣ въ сердце. И вотъ я въ рукахъ существа, конечно, не человѣческаго, но которое *есть*, существуетъ: „А, стало-быть, есть и за

гробомъ жизни!“ подумалъ я съ страннымъ легкомысліемъ сна, но сущность сердца моего оставалась со мною во всей глубинѣ: „И если надо *быть* снова“, подумалъ я, „и жить опять по чьей-то неустранимой волѣ, то не хочу, чтобъ меня побѣдили и унизили!“ — „Ты знаешь, что я боюсь тебя и за то презираешь меня“, сказалъ я вдругъ моему спутнику, не удержавшись отъ унижительнаго вопроса, въ которомъ заключалось признаніе, и ощутивъ, какъ уколь булавки, въ сердцѣ моемъ униженіе мое. Онъ не отвѣтилъ на вопросъ мой, но я вдругъ почувствовалъ, что меня не презираютъ, и надо мной не смѣются, и даже не сожалѣютъ меня, и что путь нашъ имѣетъ цѣль, неизвѣстную и таинственную, и касающуюся одного меня. Страхъ нарасталъ въ моемъ сердцѣ. Что-то нѣмо, но съ мученіемъ сообщалось мнѣ отъ моего молчавшаго спутника и какъ бы проникало меня. Мы неслись въ темныхъ и невѣдомыхъ пространствахъ. Я давно уже пересталъ видѣть знакомыя глазу созвѣздія. Я зналъ, что есть такія звѣзды въ небесныхъ пространствахъ, отъ которыхъ лучи доходятъ на землю лишь въ тысячи и милліоны лѣтъ. Можетъ-быть, мы уже пролетали эти пространства. Я ждалъ чего-то въ страшной измучившей мое сердце тоскѣ. И вдругъ какое-то знакомое и въ высшей степени зовущее чувство сотрясло меня; я увидѣлъ вдругъ наше солнце! Я зналъ, что это не могло быть *наше* солнце, породившее *нашу* землю, и что мы отъ нашего солнца на безконечномъ разстояніи, но я узналъ почему-то, всѣмъ существомъ моимъ, что это совершенно такое же солнце, какъ и наше, повтореніе его и двойникъ его. Сладкое, зовущее чувство зазвучало восторгомъ въ душѣ моей: родная сила свѣта, того же, который родилъ меня, отозвалась въ моемъ сердцѣ и воскресила его, и я ощутилъ жизнь, прежнюю жизнь, въ первый разъ послѣ моей могилы.

— „Но если это—солнце, если это совершенно такое же солнце, какъ наше, вскричалъ я,—то гдѣ же земля?“ И мой спутникъ указалъ мнѣ на звѣздочку, сверкающую въ темнотѣ изумруднымъ блескомъ. Мы неслись прямо къ ней.

— И неужели возможны такія повторенія во вселенной, неужели таковъ природный законъ?.. И если это тамъ земля, то неужели она такая же земля, какъ и наша... совершенно такая же, несчастная, бѣдная, но дорогая и вѣчно любимая, и такую же, мучительную любовь рождаю-

щая къ себѣ въ самыхъ неблагоприятныхъ даже дѣтяхъ своихъ, какъ и наша?.. вскрикивалъ я, сотрясаясь отъ неудержимой, восторженной любви къ той родной прежней землѣ, которую я покинулъ. Образъ бѣдной дѣвочки, которую я обидѣлъ, промелькнулъ передо мною.

— Увидишь все, отвѣтилъ мой спутникъ, и какая-то печаль послышалась въ его словѣ. Но мы быстро приближались къ планетѣ. Она росла въ глазахъ моихъ, я уже различалъ океанъ, очертанія Европы, и вдругъ странное чувство какой-то великой, святой ревности возгорѣлось въ сердцѣ моемъ: „какъ можетъ быть подобное повтореніе и для чего? Я люблю, я могу любить лишь ту землю, которую я оставилъ, на которой остались брызги крови моей, когда я, неблагоприятный, выстрѣломъ въ сердце мое погасилъ мою жизнь. Но никогда, никогда не переставалъ я любить ту землю, и даже въ ту ночь, разставаясь съ ней, я, можетъ-быть, любилъ ее мучительнѣе чѣмъ когда-либо. Есть ли мученіе на этой новой землѣ? На нашей землѣ мы истинно можемъ любить лишь съ мученіемъ и только черезъ мученіе! Мы иначе не умѣемъ любить и не знаемъ иной любви. Я хочу мученія, чтобъ любить. Я хочу, я жажду, въ сію минуту, цѣловать, обливаясь слезами, лишь одну ту землю, которую я оставилъ, и не хочу, не принимаю жизни ни на какой иной!..

Но спутникъ мой уже оставилъ меня. Я вдругъ, совсѣмъ какъ бы для меня незамѣтно, сталъ на этой другой землѣ въ яркомъ свѣтѣ солнечнаго, прелестнаго какъ рай дня. Я стоялъ, кажется, на одномъ изъ тѣхъ острововъ, которые составляютъ на нашей землѣ Греческій архипелагъ, или гдѣ-нибудь на побережьи материка, прилегающаго къ этому архипелагу. О, все было точно такъ же, какъ у насъ, но, казалось, всюду сіяло какимъ-то праздникомъ и великимъ, святымъ и достигнутымъ, наконецъ, торжествомъ. Ласковое изумрудное море тихо плескало о берега и лобызало ихъ съ любовью, явной, видимой, почти сознательной. Высокія, прекрасныя деревья стояли во всей роскоши своего цвѣта, а безчисленные листочки ихъ, я убѣжденъ въ томъ, привѣтствовали меня тихимъ, ласковымъ своимъ шумомъ, и какъ бы выговаривали какія-то слова любви. Мурава горѣла яркими ароматными цвѣтами. Птички стадами перелетали въ воздухѣ, и, не боясь меня, садились мнѣ на плечи и на руки и радостно били меня своими милыми, трепетными крылышками. И, нако-

нецъ, я увидѣлъ и узналъ людей счастливой земли этой. Они пришли ко мнѣ сами, они окружили меня, цѣловали меня. Дѣти солнца, дѣти своего солнца, — о, какъ они были прекрасны! Никогда я не видывалъ на нашей землѣ такой красоты въ человѣкѣ. Развѣ лишь въ дѣтяхъ нашихъ, въ самые первые годы ихъ возраста, можно бы было найти отдаленный, хотя и слабый отблескъ красоты этой. Глаза этихъ счастливыхъ людей сверкали яснымъ блескомъ. Лица ихъ сіяли разумомъ и какимъ-то восполнившимся уже до спокойствія сознаніемъ, но лица эти были веселы; въ словахъ и голосахъ этихъ людей звучала дѣтская радость. О, я тотчасъ же, при первомъ взглядѣ на ихъ лица, понималъ все, все! Это была земля не оскверненная грѣхопаденіемъ, на ней жили люди не согрѣшившіе, жили въ такомъ же раю, въ какомъ жили, по преданіямъ всего человѣчества, и наши согрѣшившіе прародители, съ тою только разницею, что вся земля здѣсь была повсюду однимъ и тѣмъ же раемъ. Эти люди, радостно смѣясь, тѣснились ко мнѣ и ласкали меня; они увели меня къ себѣ и всякому изъ нихъ хотѣлось успокоить меня. О, они не спрашивали меня ни о чемъ, но какъ бы все уже знали, такъ мнѣ казалось, и имъ хотѣлось согнать поскорѣе страданіе съ лица моего.

IV.

Видите ли что, опять-таки: Ну, пусть это былъ только сонъ! Но ощущеніе любви этихъ невинныхъ и прекрасныхъ людей осталось во мнѣ навѣки, и я чувствую, что ихъ любовь изливается на меня и теперь оттуда. Я видѣлъ ихъ самъ, ихъ позналъ и убѣдился, я любилъ ихъ, я страдалъ за нихъ потомъ. О, я тотчасъ же понималъ, даже тогда, что во многомъ не пойму ихъ вовсе; мнѣ, какъ современному русскому прогрессисту и гнусному петербуржцу, казалось неразрѣшимымъ то, напримѣръ, что они, зная столь много, не имѣютъ нашей науки. Но я скоро понималъ, что знаніе ихъ восполнялось и питалось иными проникновеніями, чѣмъ у насъ на землѣ, и что стремленія ихъ были тоже совсѣмъ иныя. Они не желали ничего и были спокойны, они не стремились къ познанию жизни такъ, какъ мы стремимся сознать ее, потому что жизнь ихъ была восполнена. Но знаніе ихъ было глубже и высшее, чѣмъ у нашей науки; ибо наука наша ищетъ объяснить что такое жизнь, сама стремится сознать ее, чтобы

научить другихъ жить; они же и безъ науки знали, какъ имъ жить, и это я понималъ, но я не могъ понять ихъ знанія. Они указывали мнѣ на деревья свои, и я не могъ понять той степени любви, съ которою они смотрѣли на нихъ: точно они говорили о себѣ подобными существами. И знаете, можетъ быть, я не ошибусь, если скажу, что они говорили съ ними! Да, они нашли ихъ языкъ и убѣжденъ, что тѣ понимали ихъ. Такъ смотрѣли они и на всю природу, — на животныхъ, которыя жили съ ними мирно, не нападали на нихъ и любили ихъ, побѣжденные ихъ же любовью. Они указывали мнѣ на звѣзды и говорили о нихъ со мною о чемъ-то, чего я не могъ понять, но я убѣжденъ, что они какъ бы чѣмъ-то соприкасались съ небесными звѣздами, не мысляю только, а какимъ-то живымъ путемъ. О, эти люди и не добивались, чтобъ я понималъ ихъ, они любили меня и безъ того, по зато я зналъ, что они никогда не поймутъ меня, а потому почти и не говорилъ имъ о нашей землѣ. Я лишь цѣловалъ при нихъ ту землю, на которой они жили, и безъ словъ обожалъ ихъ самихъ, и они видѣли это и давали себя обожать, не стыдясь, что я ихъ обожаю потому, что много любили сами. Они не страдали за меня, когда я, въ слезахъ, порою цѣловалъ ихъ ноги, радостно зная въ сердцѣ своемъ, какой силою любви они мнѣ отвѣтятъ. Порою я спрашивалъ себя въ удивленіи: какъ могли они, все время, не оскорбить такого какъ я, и ни разу не возбудить въ такомъ какъ я чувства ревности и зависти? Много разъ я спрашивалъ себя, какъ могъ я, хвастунъ и лжець, не говорить имъ о моихъ познаніяхъ, о которыхъ, конечно, они не имѣли понятія, не желать удивить ихъ ими, или хотя бы только изъ любви къ нимъ?—Они были рѣзвы и веселы какъ дѣти. Они блуждали по своимъ прекраснымъ рощамъ и лѣсамъ, они пѣли свои прекрасныя пѣсни, они питались легкою пищею, плодами своихъ деревьевъ, медомъ лѣсовъ своихъ, и молокомъ ихъ любившихъ животныхъ. Для пищи и для одежды своей они трудились лишь немного и слегка. У нихъ была любовь и рождались дѣти, по никогда я не замѣчалъ въ нихъ порывовъ того *жесточаго* сладострастія, которое постигаетъ почти всѣхъ на нашей землѣ, всѣхъ и всякаго, служить единственнымъ источникомъ почти всѣхъ грѣховъ нашего человечества. Они радовались являвшимся у нихъ дѣтямъ какъ новымъ участникамъ въ ихъ блаженствѣ. Между ними

не было ссоръ и не было ревности, и они не понимали даже, что это значить. Ихъ дѣти были дѣтьми всѣхъ, потому что всѣ составляли одну семью. У нихъ почти со-всѣмъ не было болѣзней, хоть и была смерть; но старики ихъ умирали тихо, какъ бы засыпая, окруженные прощавшимися съ ними людьми, благословляя ихъ, улыбаясь имъ и сами напутствуемые ихъ свѣтлыми улыбками. Скорби, слезъ при этомъ я не видалъ, а была лишь умножившаяся какъ бы до восторга любовь, но до восторга спокойнаго, восполнившася, созерцательнаго.—Подумать можно было, что они соприкасались еще съ умершими своими даже и послѣ ихъ смерти и что земное единеніе между ними не прерывалось смертію. Они почти не понимали меня, когда я спрашивалъ ихъ про вѣчную жизнь, но видимо были въ ней до того убѣждены безотчетно, что это не составляло для нихъ вопроса. У нихъ не было храмовъ, но у нихъ было какое-то насущное, живое и непрерывное единеніе съ Цѣлымъ вселенной; у нихъ не было вѣры, зато было твердое знаніе, что когда восполнится ихъ земная радость до предѣловъ природы земной, тогда наступить для нихъ, и для живущихъ, и для умершихъ, еще большее расширеніе соприкосновенія съ Цѣлымъ вселенной. Они ждали этого мгновенія съ радостію, но не торопясь, не страдая по немъ, а какъ бы уже имѣя его въ предчувствіяхъ сердца своего, о которыхъ они сообщали другъ другу. По вечерамъ, отходя ко сну, они любили составлять согласные и стройные хоры. Въ этихъ пѣсняхъ они передавали всѣ свои ощущенія, которыя доставилъ имъ отходящій день, славилъ его и прощались съ нимъ. Они славилъ природу, землю, море, лѣса. Они любили слагать пѣсни другъ о другѣ, и хвалили другъ друга какъ дѣти; это были самыя простыя пѣсни, но онѣ выливались изъ сердца и проникали сердца. Да и не въ пѣсняхъ однѣхъ, а, казалось, и всю жизнь свою они проводили лишь въ томъ, что любовались другъ другомъ. Это была какая-то влюбленность другъ въ друга, всецѣлая, всеобщая. Иныхъ же ихъ пѣсенъ, торжественныхъ и восторженныхъ, я почти не понималъ вовсе. Понимая слова, я никогда не могъ проникнуть во все ихъ значеніе. Оно оставалось какъ бы недоступно моему уму, зато сердце мое какъ бы проникалось имъ безотчетно и все болѣе и болѣе. Я часто говорилъ имъ, что я все это давно уже прежде предчувствовалъ, что вся эта радость

и слава сказывалась мнѣ еще на нашей землѣ зовущею тоскою, доходившею подчасъ до нестерпимой скорби; что я предчувствовалъ всѣхъ ихъ и славу ихъ въ снахъ моего сердца и въ мечтахъ ума моего, что я часто не могъ смотрѣть, на землѣ нашей, на заходящее солнце безъ слезъ... Что въ ненависти моей къ людямъ нашей земли заключалась всегда тоска: зачѣмъ я не могу ненавидѣть ихъ не любя ихъ, зачѣмъ не могу не прощать ихъ, а въ любви моей къ нимъ тоска: зачѣмъ не могу любить ихъ ненавидя ихъ? Они слушали меня и я видѣлъ, что они не могли представить себѣ то, что я говорю, но я не жалѣлъ, что имъ говорилъ о томъ: я зналъ, что они понимаютъ всю силу тоски моей о тѣхъ, кого я покинулъ. Да, когда они глядѣли на меня своимъ милымъ проникнутымъ любовью взглядомъ, когда я чувствовалъ, что при нихъ и мое сердце становилось столь же невиннымъ и правдивымъ, какъ и ихъ сердца, то и не жалѣлъ, что не понимаю ихъ. Отъ ощущенія полноты жизни мнѣ захватывало духъ и я молча молился на нихъ.

О, всѣ теперь смѣются мнѣ въ глаза и увѣряютъ меня, что и во снѣ нельзя видѣть такія подробности, какія я передаю теперь, что во снѣ моемъ я видѣлъ или прочувствовалъ лишь одно ощущеніе, порожденное моимъ же сердцемъ въ бреду, а подробности уже самъ сочинилъ проснувшись. И когда я открылъ имъ, что, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ такъ было — Боже, какой смѣхъ они подняли мнѣ въ глаза и какое я имъ доставилъ веселье! О, да, конечно, я былъ побѣжденъ лишь однимъ ощущеніемъ того сна, и оно только одно уцѣлѣло въ до крови раненомъ сердцѣ моемъ: но зато дѣйствительные образы и формы сна моего, т.-е. тѣ, которыя я въ самомъ дѣлѣ видѣлъ въ самый часъ моего сновидѣнія, были восполнены до такой гармоніи, были до того обаятельны и прекрасны, и до того были истинны, что, проснувшись, я, конечно, не въ силахъ былъ воплотить ихъ въ слабыя слова наши, такъ что они должны были какъ бы ступешаться въ умъ моемъ, а, стало-быть, и дѣйствительно, можетъ-быть, я самъ, безсознательно, принужденъ былъ сочинить потомъ подробности и ужъ, конечно, исказивъ ихъ, особенно при такомъ страстномъ желаніи моемъ поскорѣе и хоть сколько-нибудь ихъ передать. Но зато какъ же мнѣ не вѣрить, что все это было? Было, можетъ-быть, въ тысячу разъ лучше, свѣтлѣе и радостнѣе, чѣмъ

я рассказываю? Пусть это сонъ, но все это не могло не быть. Знаете ли, я скажу вамъ секретъ: все это, быть-можетъ, было вовсе не сонъ! Ибо тутъ случилось нѣчто такое, нѣчто до такого ужаса истинное, что это не могло бы пригрезиться во снѣ. Пусть сонъ мой породило сердце мое, но развѣ одно сердце мое въ силахъ было породить ту ужасную правду, которая потомъ случилась со мной? Какъ бы могъ я ее одинъ выдумать или пригрезить сердцемъ? Неужели же мелкое сердце мое и капризный, ничтожный умъ мой могли возвыситься до такого откровения правды! О, судите сами: я до сихъ поръ скрывалъ, но теперь доскажу и эту правду. Дѣло въ томъ, что я... развратилъ ихъ всѣхъ!

V.

Да, да, кончилось тѣмъ, что я развратилъ ихъ всѣхъ! Какъ это могло совершиться — не знаю, но помню ясно. Сонъ пролетѣлъ черезъ тысячелѣтїя, и оставилъ во мнѣ лишь ощущеніе цѣлаго. Знаю только, что причиною грѣхопаденія былъ я. Какъ скверная трихина, какъ атомъ чумы, заражающій цѣлыя государства, такъ и я заразилъ собой всю эту счастливую, безгрѣшную до меня землю. Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи. О, это, можетъ-быть, началось *невинно*, съ шутки, съ кокетства, съ любовной игры, въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, съ атома, но этотъ атомъ лжи проникъ въ ихъ сердца и понравился имъ. Затѣмъ быстро родилось сладострастіе, сладострастіе породило ревность, ревность — жестокость... О, не знаю, не помню, но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удивились и ужаснулись, и стали расходиться и разъединяться. Явились союзы, но уже другъ противъ друга. Начались укоры, упреки. Они узнали стыдъ и стыдъ возвели въ добродѣтель. Родилось понятіе о чести и въ каждомъ союзѣ поднялось свое знамя. Они стали мучить животныхъ и животныя удалились отъ нихъ въ лѣса и стали имъ врагами. Началась борьба за разъединеніе, за обособленіе, за личность, за мое и твое. Они стали говорить на разныхъ языкахъ. Они познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мученія и говорили, что истина достигается лишь мученіемъ. Тогда у нихъ явилась наука. Когда они стали злы, то начали говорить о братствѣ и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрѣли

справедливость и предписали себѣ цѣлыя кодексы, чтобъ сохранить ее, а для обезпеченія кодексовъ поставили гильотину. Они чуть-чуть лишь помнили о томъ, что потеряли, даже не хотѣли вѣрить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смѣялись даже надъ возможностью этого прежняго ихъ счастья и называли его мечтой. Они не могли даже представить его себѣ въ формахъ и образахъ, но, странное и чудесное дѣло: утративъ всякую вѣру въ бывшее счастье, назвавъ его сказкой, они до того захотѣли быть невинными и счастливыми вновь, опять, что пали передъ желаніями сердца своего, какъ дѣти, обоготовили это желаніе, настроили храмовъ и стали молиться своей же идеѣ, своему же „желанію“, въ то же время вполне вѣруя въ неисполнимость и неосуществимость его, но со слезами обожая его и поклоняясь ему. И, однако, если бъ только могло такъ случиться, чтобы они возвратились въ то невинное и счастливое состояніе, которое они утратили, и если бъ кто вдругъ имъ показалъ его вновь и спросилъ ихъ: хотятъ ли они возвратиться къ нему?—то они навѣрно бы отказались. Они отвѣчали мнѣ: „пустъ мы живы, злы и несправедливы, мы знаемъ это и плачемъ объ этомъ, и мучимъ себя за это сами, и истязаемъ себя и наказываемъ больше, чѣмъ даже, можетъ-быть, тотъ милосердый Судья, Который будетъ судить насъ и имени Котораго мы не знаемъ. Но у насъ есть наука и черезъ нее мы отыщемъ вновь истину, но примемъ ее уже сознательно. Знаніе выше чувства, сознание жизни — выше жизни. Наука дастъ намъ премудрость, премудрость откроетъ законы, а знаніе законовъ счастья—выше счастья“. Вотъ что говорили они, и послѣ словъ такихъ каждый возлюбилъ себя больше всѣхъ, да и не могли они иначе сдѣлать. Каждый сталъ столь ревнивъ къ своей личности, что изо всѣхъ силъ старался лишь унижить и умалить ее въ другихъ; и въ томъ жизнь свою полагалъ. Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство: слабые подчинялись охотно сильнѣйшимъ, съ тѣмъ только, чтобъ тѣ помогали имъ давить еще слабѣйшихъ, чѣмъ они сами. Явились праведники, которые приходили къ этимъ людямъ со слезами и говорили имъ объ ихъ гордости, о потерѣ мѣры и гармоніи, объ утратѣ ими стыда. Надъ ними смѣялись или побивали ихъ камнями. Святая кровь лилась на порогахъ храмовъ. Зато стали появляться люди, кото-

рые начали придумывать: какъ бы всѣмъ вновь такъ соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всѣхъ, въ то же время не мѣшать никому другому, и жить такимъ образомъ всѣмъ вмѣстѣ, какъ бы и въ согласномъ обществѣ. Цѣлыя войны поднялись изъ-за этой идеи. Всѣ воюющіе твердо вѣрили въ то же время, что наука, премудрость и чувство самосохраненія заставляютъ, наконецъ, человѣка соединиться въ согласное и разумное общество, а потому пока, для ускоренія дѣла, „премудрые“ старались поскорѣе истребить всѣхъ „непремудрыхъ“ и не понимающихъ ихъ идею, чтобы они не мѣшали торжеству ея. Но чувство самосохраненія стало быстро ослабѣвать, явились гордецы и сладострастники, которые прямо потребовали всего или ничего. Для пріобрѣтенія всего прибѣгалось къ злодѣйству, а если оно не удавалось—къ самоубійству. Явились религіи съ культомъ небытія и саморазрушенія ради вѣчнаго успокоенія въ ничтожествѣ. Наконецъ, эти люди устали въ безсмысленномъ трудѣ и на ихъ лицахъ появилось страданіе, и эти люди провозгласили, что страданіе есть красота, ибо въ страданіи лишь мысль. Они воспѣли страданіе въ пѣсняхъ своихъ. Я ходилъ между ними ломая руки и плакалъ надъ ними, но любилъ ихъ, можетъ быть, еще больше, чѣмъ прежде, когда на лицахъ ихъ еще не было страданія и когда они были невинны и столь прекрасны. Я полюбилъ ихъ оскверненную ими землю еще больше, чѣмъ когда она была раемъ, за то лишь, что на ней явилось горе. Увы, я всегда любилъ горе и скорбь, но лишь для себя, для себя, а объ нихъ я плакалъ, жалѣя ихъ. Я простиралъ къ нимъ руки, въ отчаяніи обвиняя, проклиная и презирая себя. Я говорилъ имъ, что все это сдѣлалъ я, я одинъ; что это я имъ принесъ развратъ, заразу и ложь! Я умолялъ ихъ, чтобы они распяли меня на крестѣ, я училъ ихъ, какъ сдѣлать крестъ. Я не могъ, не въ силахъ былъ убить себя самъ, но я хотѣлъ принять отъ нихъ муки, я жаждалъ мукъ, жаждалъ, чтобы въ этихъ мукахъ пролита была моя кровь до капли. Но они лишь смѣялись надо мной и стали меня считать подъ конецъ за юродиваго. Они оправдывали меня, они говорили, что получили лишь то, чего сами желали, и что все то, чтѣ есть теперь, не могло не быть. Наконецъ, они объявили мнѣ, что я становлюсь имъ опасенъ и что они посадятъ меня въ сума-

сшедшій домъ, если я не замолчу. Тогда скорбь вошла въ мою душу съ такою силой, что сердце мое стѣснилось и я почувствовалъ, что умру, и тутъ... ну, вотъ тутъ я и проснулся.

Было уже утро, т.-е. еще не разсвѣло, но было около шестого часу. Я очнулся въ тѣхъ же креслахъ, свѣчка моя догорѣла вся, у капитана спали и кругомъ была рѣдкая въ нашей квартирѣ тишина. Первымъ дѣломъ, я вскочилъ въ чрезвычайномъ удивленіи; никогда со мной не случалось ничего подобнаго, даже до пустяковъ и мелочей: никогда еще не засыпалъ я, напимѣръ, такъ въ моихъ креслахъ. Тутъ вдругъ, пока я стоялъ и приходилъ въ себя,—вдругъ мелькнулъ передо мной мой револьверъ, готовый, заряженный,—но я въ одинъ мигъ оттолкнулъ его отъ себя! О, теперь жизни и жизни! Я поднялъ руки и воззвалъ къ вѣчной истинѣ; не воззвалъ, а заплакалъ; восторгъ, неизмѣримый восторгъ поднималъ все существо мое. Да, жизнь, и—проповѣдь! О проповѣди я порѣшиль въ ту же минуту, и ужъ, конечно, на всю жизнь! Я иду проповѣдывать, я хочу проповѣдывать,—что? Истину, ибо я видѣлъ ее, видѣлъ своими глазами, видѣлъ всю ея славу!

И вотъ съ тѣхъ поръ я и проповѣдую! Кромѣ того—люблю всѣхъ, которые надо мной смѣются больше всѣхъ остальныхъ. Почему это такъ,—не знаю и не могу объяснить, но пусть такъ и будетъ. Они говорятъ, что я ужъ и теперь сбиваюсь, т.-е. коль ужъ и теперь сбился такъ, что-же дальше-то будетъ? Правда истинная: я сбиваюсь и, можетъ быть, дальше пойдетъ еще хуже. И ужъ, конечно, собьюсь нѣсколько разъ, пока отыщу, какъ проповѣдывать, т.-е. какими словами и какими дѣлами, потому что это очень трудно исполнить. Я вѣдь и теперь все это какъ день вижу, но послушайте: кто же не сбивается! А между тѣмъ вѣдь всѣ идутъ къ одному и тому же, по крайней мѣрѣ всѣ стремятся къ одному и тому же, отъ мудреца до послѣдняго разбойника, только разными дорогами. Старая это истина, но вотъ что тутъ новое: я и сбиться-то очень не могу. Потому что я видѣлъ истину, я видѣлъ и знаю, что люди могутъ быть прекрасны и счастливы, не потерявъ способности жить на землѣ. Я не хочу и не могу вѣрить, чтобы зло было нормальнымъ состояніемъ людей. А вѣдь они всѣ только надъ этой

вѣрой-то моей и смѣются. Но какъ мнѣ не вѣровать: Я видѣлъ истину,—не то что изобрѣлъ умомъ, а видѣлъ, видѣлъ, и *живой образъ* ея наполнилъ душу мою навѣки. Я видѣлъ ее въ такой восполненной цѣлости, что не могу повѣрить, чтобы ея не могло быть у людей. И такъ какъ же я собьюсь? Уклонюсь, конечно, даже нѣсколько разъ, и буду говорить даже, можетъ быть, чужими словами, но не надолго: живой образъ того, что я видѣлъ, будетъ всегда со мной, и всегда меня поправитъ и направитъ. О, я бодръ, я свѣжъ, я иду, иду, и хоть бы на тысячу лѣтъ. Знаете, я хотѣлъ даже скрыть, вначалѣ, что я развратилъ ихъ всѣхъ, но это была ошибка,—вотъ уже первая ошибка! Но истина шепнула мнѣ, что я *му*, и охранила меня и направила. Но какъ устроить рай—я не знаю, потому что не умѣю передать словами. Послѣ сна моего потерялъ слова. По крайней мѣрѣ, всѣ главные слова, самыя нужныя. Но пусть; я пойду и все буду говорить, неустанно, потому что я все-таки видѣлъ воочию, хотя и не умѣю пересказать, что я видѣлъ. Но вотъ этого насмѣшники и не понимаютъ: „Сонъ, дескать, видѣлъ, бредъ, галлюцинацію“. Эхъ! Неужто это премудро? А они такъ гордятся. Сонъ? Что такое сонъ? А наша-то жизнь не сонъ? Больше скажу! Пусть, пусть, это никогда не сбудется и не бывать раю (вѣдь уже это-то я понимаю!)—ну, а я все-таки буду проповѣдывать. А между тѣмъ, такъ это просто: въ одинъ бы день, *въ одинъ бы часъ*—все бы сразу устроилось! Главное—люби другихъ какъ себя, вотъ что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчасъ найдешь, какъ устроиться. А между тѣмъ вѣдь это только—старая истина, которую биллионъ разъ повторяли и читали, да вѣдь не ужилась же! „Сознаніе жизни—выше жизни, знаніе законовъ счастья—выше счастья“—вотъ съ чѣмъ бороться надо! И буду. Если только всѣ захотятъ, то сейчасъ все устроится.

А ту маленькую дѣвочку я отыскалъ... И пойду! И пойду!

Освобожденіе подсудимой Корниловой.

22 апрѣля сего года, въ здѣшнемъ окружномъ судѣ вторично рѣшалось дѣло подсудимой Корниловой, съ новымъ составомъ суда и присяжныхъ засѣдателей. Препжній приговоръ суда, состоявшійся еще въ прошомъ году, былъ кассированъ сенатомъ за недостаточно произведен-

ной медицинской экспертизой. Можетъ быть, большинство моихъ читателей очень помнитъ объ этомъ дѣлѣ. Молодая мачиха (тогда еще несовершеннолѣтняя), въ беременномъ состояннн, въ злобѣ на мужа, попрекавшего ее прежней женой, и послѣ жестокой съ нимъ ссоры, выбросила свою шестилѣтнюю падчерицу, дочь своего мужа отъ прежней жены, изъ окошка изъ четвертаго этажа (5¹/₂ саж. высоты), при чемъ случилось почти чудо: ребенокъ не разбился, не сломалъ и не повредилъ себѣ ничего и скоро очнулся: теперь же живъ и здоровъ. Это звѣрское дѣйствіе молодой женщины сопровождалось такой бессмыслицей и загадочностью всѣхъ ея остальныхъ поступковъ, что само собою являлось соображеніе: въ здоровомъ ли умѣ она дѣйствовала? И не была ли она, напротивъ, хоть подъ аффектомъ своего беременнаго состояння? Проснувшись утромъ, когда уже мужъ ушелъ на работу, она дала выспаться ребенку; потомъ одѣла ее, обула и напоила кофеемъ. Затѣмъ отворила окно и выбросила ее за окно. Не взглянувъ даже изъ окна внизъ, чтобъ посмотреть, что стало съ ребенкомъ, она затворила окно, одѣлась и отправилась въ участокъ. Тамъ объявила о происшедшемъ, отвѣчала на вопросы грубо и странно. Когда ей, уже нѣсколько часовъ спустя, возвѣстили, что ребенокъ остался живъ, она, не обнаруживъ ни радости, ни досады, совершенно равнодушно и хладнокровно замѣтила какъ бы въ задумчивости: „какая живучая“. Затѣмъ, въ продолженіе почти полутора мѣсяца, въ двухъ тюрьмахъ, въ которыхъ ей пришлось находиться, она продолжала быть угрюмой, грубой, неразговорчивой. И вдругъ все разомъ прошло: всѣ остальные четыре мѣсяца до разрѣшенія отъ бремени и все остальное время, на первомъ судѣ и послѣ суда, начальница женскаго отдѣленія тюрьмы не могла ея нахвалиться: явился характеръ ровный, тихій, ласковый, ясный. Впрочемъ, я все это уже описывалъ прежде. Однимъ словомъ, прежній приговоръ былъ кассированъ, а затѣмъ состоялся новый, 22 апрѣля, которымъ Корнилова была оправдана.

Я былъ въ залѣ суда и вынесъ много впечатлѣній. Жаль только, что нахожусь въ полной невозможности передать ихъ и буквально принужденъ ограничиться лишь самыми немногими словами. Да и сообщаю о дѣлѣ единственно потому, что прежде много писалъ о немъ, а, стало-быть, считаю не лишнимъ сообщить читателямъ и

объ исходѣ его. Судъ продолжался вдвое долѣе прежняго раза. Составъ присяжныхъ засѣдателей былъ особенно замѣчательнъ. Призвана была новая свидѣтельница—начальница женскаго отдѣленія тюрьмы. Показаніе ея о характерѣ Корниловой было очень вѣско и въ ея пользу. Замѣчательно очень было показаніе мужа подсудимой: съ чрезвычайною честностью онъ не скрылъ ничего, ни ссоръ, ни обидъ съ его стороны, оправдывалъ жену, говорилъ сердечно, прямо, откровенно. Онъ всего только крестьянинъ, правда, носящій нѣмецкое платье, читающій книги и получающій тридцать рублей ежемѣсячнаго жалованья. Затѣмъ замѣчательнъ былъ подборъ экспертовъ. Приглашено было шесть человекъ,—все извѣстности и знаменитости въ медицинѣ; изъ нихъ давали показанія пятеро. Трое заявили, не колеблясь, что болѣзненное состояніе, свойственное беременной женщинѣ, весьма *можно* повліять на совершеніе преступленія и въ данномъ случаѣ. Одинъ лишь докторъ Флоринскій съ этимъ мнѣніемъ былъ не согласенъ, но, къ счастью, онъ не психіатръ и мнѣніе его прошло безъ всякаго значенія. Послѣднимъ показывалъ извѣстный нашъ психіатръ Дюковъ. Онъ говорилъ почти около часу, отвѣчая на вопросы прокурора и предсѣдателя суда. Трудно представить себѣ болѣе тонкое пониманіе души человѣческой и болѣзненныхъ ея состояній. Поражало тоже богатство и разнообразіе многолѣтнихъ и чрезвычайно любопытныхъ наблюденій. Что до меня, то я выслушалъ нѣкоторыя изъ показаній эксперта рѣшительно съ восхищеніемъ. Мнѣніе эксперта было вполне въ пользу подсудимой: онъ *утвердительно* и *доказательно* заключилъ о несомнѣнномъ, по его мнѣнію, болѣзненномъ состояніи души подсудимой, во время совершенія ею страшнаго преступленія.

Кончилось тѣмъ, что самъ прокуроръ, несмотря на свою грозную рѣчь—отказался отъ обвиненія въ преднамѣренности, т. е. отъ самой главной злобы обвиненія. Защитникъ подсудимой, присяжный повѣренный Люстигъ, тоже чрезвычайно ловко отбилъ нѣсколько обвиненій, а одно, важнѣйшее,—долгую будто бы ненависть мачихи къ падчерицѣ,—привелъ къ полному нулю, осязательно обнаруживъ въ немъ лишь коридорную сплетню. Затѣмъ, послѣ длинной рѣчи предсѣдателя, присяжные удалились и мѣтѣ чѣмъ черезъ четверть часа вынесли оправдательный приговоръ, произведшій почти восторгъ въ многочисленной

публикѣ. Многіе крестились, другіе поздравляли другъ друга, жали другъ другу руки. Мужъ оправданной увелъ ее въ тотъ же вечеръ, уже въ одиннадцатомъ часу, къ себѣ домой и она, счастливая, вошла опять въ свой домъ, почти послѣ годового отсутствія, съ впечатлѣніемъ огромнаго вынесеннаго ею урока на всю жизнь и явнаго Божьяго перста во всемъ этомъ дѣлѣ, — хотя бы только начиная съ чудеснаго спасенія ребенка.

Къ моимъ читателямъ.

Прибѣгаю къ чрезвычайному списхожденію моихъ читателей. Въ прошломъ году, изъ-за моей поѣздки лѣтомъ въ Эмсъ для лѣченія болѣзни, я принужденъ былъ выдать №№ „Дневника“ за іюль и августъ мѣсяцы вмѣстѣ, въ одномъ выпускѣ, 31-го августа, конечно, въ удвоенномъ числѣ листовъ. Въ нынѣшнемъ же году, по усилившейся еще болѣе моей болѣзни, я принужденъ выдать и майскій № съ іюньскимъ вмѣстѣ, въ одномъ выпускѣ, въ концѣ іюня или въ самыхъ первыхъ числахъ іюля. Затѣмъ іюльскій и августовскій №№, какъ и въ прошломъ году, выйдутъ тоже въ августѣ. Съ сентября же мѣсяца №№ „Дневника“ начнутъ опять выдаваться аккуратно въ послѣднее число каждаго мѣсяца.

Уѣзжая изъ Петербурга, по приговору докторовъ, я заявляю, что хотя въ Петербургѣ помѣщеніе редакціи и будетъ закрыто до самаго сентября, тѣмъ не менѣе всѣ иногородные подписчики и читатели, *равно какъ и всѣ петербургскіе*, въ случаѣ надобности, могутъ обращаться *письменно* въ редакцію совершенно какъ и прежде. Письма эти будутъ немедленно доставлены завѣдующимъ редакціей и всякая жалоба, всякое недоумѣніе и проч. будутъ попрежнему въ скорѣйшемъ времени удовлетворены. Равно всѣ письма на мое имя будутъ немедленно мнѣ доставлены. На этотъ счетъ сдѣланы редакціей самыя точныя распоряженія. Подписка попрежнему можетъ продолжаться: подписавшіеся будутъ немедленно удовлетворены.

Не знаю, извинять ли меня мои читатели и подписчики „Дневника Писателя“? При такомъ непредвидѣнномъ обстоятельстве, какъ усложненіе болѣзни, трудно было угадать все это впередъ. Огромное большинство читателей моихъ относилось доселѣ ко мнѣ весьма доброжелательно, въ чемъ я увѣренъ по твердымъ фактамъ. Осмѣливаюсь ждать этой доброты и теперь.

МАЙ—ІЮНЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Изъ книги предсказаній Іоанна Лихтенбергера, 1528 года.

Мнѣ сообщили одинъ престранный документъ. Это одно древнее, правда, туманное и аллегорическое, предсказаніе о нынѣшнихъ событіяхъ и о нынѣшней войнѣ. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ нашелъ въ Лондонѣ, въ королевской бібліотекѣ, одинъ старый фоліантъ, „книгу предсказаній“, „Prognosticationes“ Іоанна Лихтенбергера, изданіе 1528 года, на латинскомъ языкѣ. Экземпляръ рѣдкій и даже, можетъ-быть, единственный въ свѣтѣ. Въ туманныхъ картинахъ изображается въ этой книгѣ будущность Европы и человѣчества. Книга мистическая. Помѣщаяю лишь тѣ строки, которыя мнѣ сообщили, *и лишь какъ фактъ*, не лишенный нѣкотораго любопытства.

Послѣ предсказаній о французской революціи (1789 г.) и о Наполеонѣ первомъ, который именуется въ книгѣ великимъ орломъ (aquila grandis), говорится далѣе о грядущихъ европейскихъ событіяхъ такъ:

Post haec veniet altera aquila quae ignem fovebit in gre-

Послѣ сего придетъ другой орелъ, который огонь возмιο sponsae Christi et erunt tres adulteri unusque legitibудить въ лонѣ невѣсты Христовой и будутъ трое побочmus qui alios vorabit.

ныхъ и одинъ законный, который другихъ пожретъ.

Exsurget aquila grandis in Oriente, aquicolae occidentales

Возстанетъ орелъ великій на Востокѣ, островитяне замoerebunt. Tria regna comportabit. Ipsa est aquila grandis, падные восплачутъ. Три царства захватить. Сей есть орелъ

quae dormiet annis multis, refutata resurget et contremis- великій, который спитъ годы многіе, пораженный востре- cere faciet aquicolas occidentales in terra Virginis et alios петь и трепетать заставить водяныхъ жителей западныхъ въ землѣ дѣвы и другія вершины прегордыя, и полетитъ montes Superbissimos; et volabit ad meridiem recuperando къ югу, чтобъ возвратить потерянное. И любовью мило- amissa. Et amore charitatis inflammabit Deus aquilam orien- сердія воспламенить Богъ орла восточнаго, да летитъ talem volando ad ardua alis duabus fulgens in montibus на трудное, крылами двумя сверкая на вершинахъ хри- christianitatis. стіанства.

Конечно, темновато, но согласитесь однако, что „вели- кій орелъ восточный, который спитъ годы многіе и *пора- женный* (NB. не война ли паша съ Европой 22 года на- задъ?) возстанетъ и трепетать заставить водяныхъ жите- лей западныхъ“, — согласитесь, что это какъ будто и по- хоже на теперешнее, конечно, если только не брать въ соображеніе нашихъ европействующихъ мудрецовъ, какъ бы все еще трепещущихъ передъ „водяными жителями“, обратнo пророчеству, тогда какъ уже орелъ полетѣлъ „сверкая двумя крылами“. Но трепещутъ лишь мудрецы, а не орелъ. Далѣе, „водяные жители западные въ землѣ дѣвы“, если приложить пророчество Іоанна Лихтенбер- гера къ современнымъ событіямъ, очевидно, означаютъ собою Англію. Но въ такомъ случаѣ почему же „земля дѣвы“? Въ 1528 году еще не было королевы Елизаветы. Не означаетъ ли аллегорія Лихтенбергера землю (острова Великобританіи), не подвергавшуюся ни разу нашествію, въ томъ смыслѣ, въ какомъ выразился когда-то Наполеонъ о европейскихъ столицахъ, подвергавшихся его наше- ствію: „Столица, подвергшаяся нашествію, похожа на дѣвицу, потерявшую свою дѣвственность“. Но орелъ, по пророчеству, трепетать заставить и другія „вершины прегордыя“, полетитъ къ югу, чтобъ возвратить потерян- ное, и — что всего замѣчательнѣе — „любовью милосердія воспламенить Богъ орла восточнаго, да летитъ на труд- ное, крылами двумя сверкая на вершинахъ христіан- ства“. Согласитесь, что ужъ это-то нѣчто даже очень подходящее. Развѣ не милосердіемъ воспламеняясь къ угнетеннымъ и измученнымъ, взлетѣлъ нашъ орелъ? Развѣ не милосердіе Христово двинуло весь народъ нашъ „па

дѣло трудное“ и въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году? Кто станетъ это отрицать? Этотъ народъ, эти солдаты, взятые изъ народа, не знающаго хорошенько молитвъ, подымали однако же въ Крыму, подъ Севастополемъ, раненыхъ французовъ и уносили ихъ на перевязку *прежде*, чѣмъ своихъ русскихъ: „Тѣ пусть полежатъ и подождутъ: русскаго-то всякій подыметъ, а французикъ-то чужой, его напередъ пожалѣть надо“. Развѣ тутъ не Христось, и развѣ не Христовъ духъ въ этихъ простодушныхъ и великодушныхъ, шутливо сказанныхъ словахъ? И такъ, развѣ не духъ Христовъ въ народѣ нашемъ, — темномъ, но добромъ, невѣжественномъ, но не варварскомъ. Да, Христось его сила, наша русская теперь сила, когда орель полетѣлъ „на дѣло трудное“. И что значить одинъ какой-нибудь анекдотъ о севастопольскихъ солдатикахъ, сравнительно съ тысячами проявленій духа Христова и „огня милосердія“ въ народѣ нашемъ, наяву и во-очію, въ наше время, хотя и до сихъ поръ изо всѣхъ силъ стараются мудрецы задавить мысль и похоронить фактъ участія народа нашего, духомъ и сердцемъ его, въ теперешнихъ судьбахъ Россіи и Востока? И не указывайте на „звѣрство и тупость“ народа, на невѣжественность его и неразвитость, при которыхъ онъ будто-бы не въ силахъ понять того, что теперь происходитъ. Сущность дѣла онъ понимаетъ превосходно, будьте увѣрены, онъ четыре уже столѣтія какъ ее понимаетъ. Вотъ теперешнихъ дипломатовъ не понялъ бы вовсе, если бъ объ нихъ узналъ; но вѣдь кто жъ ихъ пойметъ? Да, великій народъ нашъ былъ возвращенъ какъ звѣрь, претерпѣлъ мученія еще съ самаго начала своего, за всю свою тысячу лѣтъ, такія, какихъ ни одинъ народъ въ мірѣ не вытерпѣлъ бы, разложился бы и уничтожился, а нашъ только окрѣпъ и сплотился въ этихъ мученіяхъ. Не корите же его за „звѣрство и невѣжество“, господа мудрецы, потому что вы, именно вы-то для него ничего и не сдѣлали. Напротивъ, вы ушли отъ него, двѣсти лѣтъ назадъ, покинули его и разъединили съ собой, обратили его въ податную единицу и въ оброчную для себя статью, и росъ онъ, господа просвѣщенные европейцы, вами же забытый и забитый, вами же загнаннй какъ звѣрь въ берлогу свою, но съ нимъ былъ его Христось и съ Нимъ однимъ дожилъ онъ до великаго дня, когда двадцать лѣтъ тому назадъ, сѣверный орель, воспламененный огнемъ мило-

сердія, взмахнулъ и расправилъ свои крылья и осѣнилъ его этими крылами... Да, звѣрства въ народѣ много, но не указывайте на него. Это звѣрство—тина вѣковъ, она вычистится. И не то бѣда, что есть еще звѣрство; бѣда въ томъ, если звѣрство вознесено будетъ какъ добродѣтель. Я видалъ и разбойниковъ, страшно много надѣлавшихъ звѣрства и павшихъ развращенною и ослабѣвшею волею своею ниже всего низкаго; но эти развращенные и столь упавшіе звѣри—знали, по крайней мѣрѣ, про себя, что они звѣри, и чувствовали, сколь упали они, и въ минуты чистыя и свѣтлыя, которыя и звѣрямъ посылаетъ Богъ,—сами умѣли осудить себя, хотя часто не въ силахъ уже были подняться. Другое дѣло, когда звѣрство воздвигается надъ всѣми, какъ идолъ, и люди ему поклоняются, считая себя именно за это-то добродѣтельными. Лордъ Биконсфильдъ, а за нимъ и всѣ Биконсфильды, и наши и европейскіе, зажали уши себѣ и закрыли глаза на звѣрства и муки, которымъ подвергаютъ цѣлыя племена людей, и измѣнили Христу—ради „интересовъ цивилизаціи“ и ради того, что измученныя племена называются славянами, то-есть несутъ въ себѣ нѣчто новое, а, стало быть, ихъ тѣмъ болѣе надо задавить совсѣмъ до корня, и тоже ради интересовъ старой, загнившей цивилизаціи. Вотъ это такъ звѣрство—образованное и вознесенное какъ добродѣтель, и кланяются ему, какъ идолу, и на Западѣ, и у насъ еще въ Россіи. А „блаженнѣйшій папа, непогрѣшимый намѣстникъ Божій“, отходя къ Богу, въ послѣдніе дни свои на землѣ,—развѣ не пожелалъ онъ нобѣды туркамъ и мучителямъ христіанства надъ русскими, ополчившимися во имя Христа за христіанство,—за то только, что, по его *непогрѣшимо*му опредѣленію, турки все же лучше русскихъ еретиковъ, не признающихъ папу? Развѣ это не звѣрство, не варварство? Да, пророчество Іоанна Лихтенбергера сильно подходитъ къ настоящей минутѣ. И не разумѣть ли намъ ужъ и папу въ числѣ другихъ-то „вершинъ прегордыхъ“, которыхъ заставитъ трепетать взмахнувшій крылами орелъ? Кстати, чтобъ покончить съ пророчествомъ: что же разумѣлъ Іоаннъ Лихтенбергеръ, говоря о томъ, что „придетъ орелъ, который огонь возбудитъ въ лонѣ невѣсты Христовой, и будутъ три побочныхъ и одинъ законный, который другихъ пожретъ?“ На религиозномъ и мистическомъ языкѣ подъ выраженіемъ „невѣста Христова“ всегда

разумѣлась вообще Церковь. Кто же трое побочныхъ и одинъ законный? Казалось, должно бы тутъ разумѣть, т. е. если ужъ его принимать за предсказателя, три исповѣданія: католицизмъ, протестантство и... какое же третье-то изъ незаконныхъ? И какое же законное-то?

Но оставимъ Иоанна Лихтенбергера. Серьезно говорить обо всемъ этомъ трудно; все это лишь мистическая аллегорія, хотя бы и похожая нѣсколько на правду.

И мало ли бываетъ совпаденій? Правда, все это написано и напечатано въ 1528 году, и это очень любопытно. Въ то время, должно быть, часто являлись подобныя сочиненія, и хотя время это еще только предшествовало войнамъ великой протестантской реформаціи, но уже протестантовъ, реформаторовъ и пророковъ было много. Известно тоже, что потомъ, особенно въ протестантскихъ арміяхъ, всегда появлялись изступленные „пророки“ изъ самихъ сражавшихся, предсказатели и конвульсіонеры. Если я сообщилъ эту латинскую выписку изъ старой книги (несомнѣнно существующей, — повторяю это), то единственно какъ занимательный фактъ. Не какъ чудо, да и не одни лишь чудеса чудесны. Всего чудеснѣе бываетъ весьма часто то, что происходитъ въ дѣйствительности. Мы видимъ дѣйствительность всегда почти такъ, какъ *хотимъ* ее видѣть, какъ сами, *предвзято*, желаемъ растолковать ее себѣ. Если же подчасъ вдругъ разберемъ и въ видимомъ увидимъ не то, что хотѣли видѣть, а то, что есть *въ самомъ дѣлѣ*, то прямо принимаемъ то, что увидѣли, за чудо; о, это весьма не рѣдко, а подчасъ, клянусь, повѣримъ скорѣе чуду и невозможности, чѣмъ дѣйствительности, чѣмъ истинѣ, *которую не желаемъ видѣть*. И такъ всегда бываетъ на свѣтѣ, въ томъ вся исторія человѣчества.

II.

Объ анонимныхъ ругательныхъ письмахъ.

Я за границу не поѣхалъ и нахожусь теперь въ Курской губерніи. Мой докторъ, узнавъ, что я имѣю случай провести лѣто въ деревнѣ, да еще въ такой губерніи, какъ Курская, прописалъ мнѣ пить въ деревнѣ эссендукскую воду и прибавилъ, что это будетъ для меня несравненно полезнѣе Эмса, къ водѣ котораго я-де уже привыкъ. Долгомъ считаю заявить, что я получилъ весьма

много писемъ отъ моихъ читателей съ самымъ сочувственнымъ выраженіемъ ихъ ко мнѣ участія по поводу моего объявленія о болѣзни. И вообще, къ слову скажу, за все время изданія моего „Дневника“ я получилъ и продолжаю получать много писемъ, подписанныхъ и анонимныхъ, столь для меня лестныхъ и столь одобрявшихъ и поддерживавшихъ меня въ трудѣ моемъ, что прямо скажу, я никогда не рассчитывалъ на такое всеобщее сочувствіе и никогда не считалъ себя достойнымъ того. Эти письма я сберегу какъ драгоценность и—что тутъ приторнаго, если я заявляю объ этомъ печатно? Неужто дурно, что я цѣню и дорожу общимъ вниманіемъ? Но, скажутъ, вы теперь хвалитесь, хвастаетесь. Пусть скажутъ это, я знаю про себя, что это не хвастовство, что я заявляю лишь мою благодарность, мое искреннее чувство и слишкомъ ужъ не молодъ, чтобъ не понимать, какъ раздражаю иныхъ господъ моимъ заявленіемъ. Но и господъ этихъ, кажется, у меня слишкомъ немного. Изъ нѣсколькихъ сотъ писемъ, полученныхъ мною за эти полтора года изданія „Дневника“, по крайней мѣрѣ, сотня (но навѣрно больше) было анонимныхъ, но изъ этихъ ста анонимныхъ писемъ лишь два письма были абсолютно враждебныя. Есть несогласныя со мной въ убѣжденіяхъ, тѣ прямо излагаютъ свои возраженія, но всегда серьезно, искренно, безъ малѣйшихъ личностей, и въ подписанныхъ, и въ анонимныхъ письмахъ, и я лишь жалѣю, что, по множеству получаемыхъ писемъ, никакъ не могу всѣмъ отвѣтить. Но эти два письма—исключенія, и написаны не для возраженія, а для ругательства. И вотъ, эти-то господа сочинители этихъ писемъ и будутъ раздражены моимъ заявленіемъ благодарности. Послѣднее изъ этихъ писемъ какъ разъ касается моего объявленія о болѣзни. Мой анонимный корреспондентъ разсердился не на шутку: какъ, дескать, я осмѣлился объявить печатно о такомъ частномъ, личномъ дѣлѣ, какъ моя болѣзнь, и въ письмѣ ко мнѣ написалъ на мое объявленіе свою пародію, весьма неприличную и грубую. Но, отлагая главную цѣль письма—ругательство, я невольно заинтересовался вопросомъ, именно: если я, на примѣръ, поставленъ въ необходимость, по разстроенному здоровью, уѣхать лѣчиться, а потому принужденъ не выдавать майскій № „Дневника“ своевременно, а вмѣстѣ съ іюньскимъ, и такъ какъ я каждый разъ, въ каждомъ выпускѣ „Дневника“, объявлялъ о времени выхода слѣдую-

щаго номера,—то мнѣ и показалось, что прямое, голо-
словное, безо всякихъ объясненій объявленіе о томъ, что
слѣдующій выпускъ „Дневника“ выйдетъ вмѣстѣ съ іюль-
скимъ, было бы нѣсколько безцеремоннымъ и почему же
было не объявить причину, изъ-за которой такъ вышло?
И развѣ, въ объявленіи моемъ, такъ уже много я распи-
салъ о моей болѣзни? Но все это, конечно, пустяки, и
если бѣ дѣло шло лишь отъ человѣка серьезно шокиро-
ванного въ своемъ чувствѣ литературнаго и обществен-
наго приличія, то получился бы любопытный, хотя от-
части, пожалуй, и почтенный экземпляръ господина, стоя-
щаго, можетъ быть, и внѣ литературы, но изъ безкорыст-
ной любви къ ней, такъ сказать, сторающаго почтеннымъ
огнемъ соблюденія литературныхъ приличій, и хоть дово-
дящаго свои стремленія до щепетильности, тѣмъ не ме-
нѣе выводящаго ихъ изъ источника уважаемаго и любо-
пытнаго,—такъ что я, изъ одной только деликатности,
не могъ бы отказать такому анониму въ своего рода ува-
женіи. Но ругательства все испортили: ясное дѣло, что
въ нихъ-то и была вся цѣль. И ужъ безъ сомнѣнія при-
поминать все это здѣсь и не стоило бы; но мнѣ давно
хотѣлось сказать слова два вообще объ анонимныхъ пись-
махъ, т. е. собственно о ругательныхъ анонимныхъ пись-
махъ, и я радъ, что набрелъ на случай.

Дѣло въ томъ, что мнѣ давно казалось, что въ наше
время, столь неустойчивое, столь переходное, столь испол-
ненное переменъ и столь мало кого удовлетворяющее
(да такъ и должно быть)—непремѣнно должно было раз-
вестись чрезвычайное множество людей, такъ сказать обой-
денныхъ, позабытыхъ, оставленныхъ безъ вниманія и до-
саждающихъ: „зачѣмъ, дескать, вездѣ *они*, а не я, зачѣмъ
не обращаютъ и на меня вниманія“. Въ этомъ состояніи
личнаго раздраженія и неудовлетвореннаго, такъ сказать,
идеала, иной господинъ готовъ подчасъ взять спичку и
идти зажигать,— до того это чувство мучительно, я это
очень понимаю, и чтобъ осуждать это надо вооружиться
скорѣе гуманностью, чѣмъ негодованіемъ. Но зажигать
спичкой уже крайность и, такъ сказать, удѣлъ натуръ
могучихъ, Байроновскихъ. Къ счастью, есть выходы не
столь ужасные для натуръ не столь могучихъ. Такой
выходъ — просто напакастить, ну, тамъ наклеветать, на-
лгать, насплетничать, или анонимное ругательное письмо
пустить. Однимъ словомъ, я сталъ давно уже подозрѣ-

вать, и подозрѣваю до сихъ поръ, что наше время должно быть непремѣнно временемъ, хотя и великихъ реформъ и событій, это безспорно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленныхъ анонимныхъ писемъ ругательнаго характера. Что касается литературы, то тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія: анонимныя ругательныя письма составляютъ, такъ сказать, неотъемлемую часть современной русской литературы и сопровождаютъ ее по всѣмъ направленіямъ, — и кто только изъ издателей и писателей не получаетъ ихъ; я даже справлялся кой въ какихъ изданіяхъ, и въ одномъ изъ нихъ — именно въ одномъ изъ тѣхъ, которыя пошли вдругъ, произвели впечатлѣніе быстрое, внезапное, и угодили публикѣ въ такой степени, что сами даже на такой успѣхъ не рассчитывали, — въ этомъ изданіи, одинъ изъ ближайшихъ участниковъ его повѣдалъ мнѣ, что они получаютъ такое множество ругательныхъ анонимныхъ писемъ, что ужъ и не читаютъ ихъ вовсе, а только распечатываютъ. Онъ было хотѣлъ рассказать мнѣ иныя изъ такихъ посланій въ подробности, но съ первыхъ же словъ залился неудержимымъ смѣхомъ. Да такъ и должно быть; наши неопытные анонимы и не подозрѣваютъ еще, кажется, что чѣмъ ругательнѣе ихъ письма, тѣмъ они невиннѣе и безвреднѣе. Черта хорошая: она обозначаетъ, что наши анонимы хоть и горячи, но все же безъ выдержки и не понимаютъ, что чѣмъ вѣжливѣе, чѣмъ достойнѣе тонъ язвительнаго анонимнаго письма, тѣмъ оно будетъ злѣе и сильнѣе подѣйствуетъ. Иезуитства-то этого, стало быть, еще не развилось у насъ, во второй, *высшій* фазисъ свой не вступило это дѣло, а, стало быть, находится еще въ самомъ только началѣ и, стало быть, есть всего лишь плодъ перваго необузданнаго пыла, а не плодъ обдуманнаго, строго воспитаннаго злобнаго чувства. Это не испанское, такъ сказать, мщеніе, готовое принести для достиженія цѣли своей даже великія жертвы и научившееся выдержкѣ. Нашъ анонимный ругатель далеко еще не тотъ таинственный незнакомецъ изъ драмы Лермонтова „Маскарадъ“ — колоссальное лицо, получившее отъ какого-то офицера когда-то пощечину и удалившееся въ пустыню тридцать лѣтъ обдумывать свое мщеніе. Нѣтъ, дѣйствуетъ пока все еще та же славянская природа наша, которой всего бы только поскорѣй выругаться, да тѣмъ и покончить (а чего добраго, такъ даже тутъ же и помириться) и, согласитесь, что все это въ одномъ смыслѣ

отрадно, ибо и тутъ, стало быть, все это, такъ сказать, юно, молодо, свѣже, въ родѣ какъ бы весна жизни, хотя, надо сознаться, препакостная. Долгомъ считаю присовокупить еще наблюдение: кажется, наше молодое поколѣніе, т. е. слишкомъ юное, подростки, анонимныхъ ругательныхъ писемъ не пишутъ. Я получаю отъ молодежи множество писемъ и всѣ подписанныя. Не подписанныя изъ нихъ только тѣ, которыя выражаютъ слишкомъ ужъ дружескія чувства. Несогласные же со мною въ чемъ-нибудь изъ молодежи всегда подписываются (анонимное же ругательное письмо слишкомъ легко узнать и слишкомъ ясно, по многимъ признакамъ и приемамъ, что оно не изъ молодого поколѣнія идетъ, не отъ юнаго подростка). И такъ молодежь наша, очевидно, понимаетъ, что, вопервыхъ, можно написать весьма даже рѣзкое письмо, но что подпись подъ такимъ письмомъ придастъ выраженіямъ чрезвычайную цѣну, и что весь характеръ такого письма измѣнится къ лучшему черезъ подпись, которая придастъ ему духъ прямоты, мужества, готовности постоять и отвѣтить за свои убѣжденія, да и самая рѣзкость выраженій покажетъ лишь горячку убѣжденія, а не желаніе оскорбить. И такъ, ясное дѣло, что не подписывающійся ругатель желаетъ главное выругаться площадными ругательствами, желаетъ доставить себѣ прежде всего это именно удовольствіе, а другой цѣли не имѣетъ. И вѣдь самъ онъ знаетъ, что дѣлаетъ пакость и что самъ себѣ вредитъ, т. е. силѣ письма своего, но ужъ такова потребность выругаться. Эту черту, т. е. эту потребность, надо замѣтить, ибо она все еще преобладаетъ въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ. И пусть не смѣются надо мной, что я вѣрю, что такая черта у насъ *преобладаетъ*; я убѣжденъ, что не преувеличиваю, и что мы стоимъ теперь на этой именно точкѣ развитія, такъ сказать, въ массѣ нашей. Къ тому же сообразите и то, что можно во всю жизнь не написать ни одного анонимнаго ругательнаго письма, а между тѣмъ всю жизнь носить въ себѣ душу анонимнаго ругателя; а вѣдь это тоже важное соображеніе. И что въ томъ, что я, въ полтора года, получилъ всего лишь два ругательныхъ письма; это лишь доказываетъ мою невинность и непримѣтность, равно какъ и малый кругъ моей дѣятельности, а сверхъ того и то, что я имѣю дѣло лишь съ порядочными людьми. Другіе же дѣятели, болѣе моего примѣтные (а, стало

быть, уже потому одному болѣ моего виновные) и сверхъ того принужденные дѣйствовать по самому роду и характеру изданій своихъ въ чрезвычайно расширенномъ кругѣ дѣйствія, получаютъ ругательныхъ писемъ, можетъ быть, по двѣсти, а не по два въ полтора года. Однимъ словомъ, я убѣжденъ, что европейская цивилизація чрезвычайно мало привила къ намъ гуманности и что у насъ людей, желающихъ выругаться быстро и непосредственно, въ каждомъ случаѣ, который имъ чуть-чуть не понравится, даже, можетъ быть, до того не мало, что странно сказать; а желающихъ выругаться — притомъ же и безнаказанно, анонимно и безопасно, изъ-за двери, еще того больше, и вотъ какъ разъ анонимное письмо даетъ эту возможность: письмо не прибѣшь и письмо не краснѣеть.

Въ старину у насъ европейской чести не было, наши бояре ругивались и даже дирались между собою откровенно и плюха за большую и окончательную поруху чести не считалась. Но зато у нихъ была своя честь, хоть и не въ европейской формѣ, но не менѣ чѣмъ тамъ священная и серьезная, и изъ-за этой чести бояринъ пренебрегалъ иной разъ всѣмъ состояніемъ своимъ, положеніемъ своимъ при дворѣ, даже царскою милостію. Но, съ перемѣною костюма и съ введеніемъ европейской шпаги, началась у насъ новая европейская честь и— въ цѣлые два вѣка не принялась серьезно, такъ что старое забыли и оплевали, а новое приняли недовѣрчиво и скептически. Приняли, такъ сказать, механически, а душевно позабыли, что значить честь, и сердечную потребность въ ней утратили, и это, страшно признаться, за весьма, можетъ быть, малыми исключеніями.

Въ эти два вѣка нашего европейскаго и шпажнаго, такъ сказать, періода, честь и совѣсть, странно даже сказать, сохранилась наиболѣе и даже цѣликомъ въ нашемъ народѣ, до котораго почти и не коснулся шпажный періодъ нашей исторіи. Пусть народъ грязень, невѣжественъ, варварственъ, пусть смѣются надъ моимъ предположеніемъ безъ малѣйшаго снисхожденія, но во всю мою жизнь я вынесъ убѣжденіе, что народъ нашъ несравненно чище сердцемъ высшихъ нашихъ сословій и что умъ его далеко не настолько раздвоенъ, чтобъ рядомъ съ самою свѣтлою идеею лелѣять тутъ же, подчасъ же, и самый гаденкій антитезъ ея, какъ сплошь да рядомъ въ интеллигенціи нашей, да еще оставаться съ обѣими этими

идеями, не зная, которой из них вѣровать и отдать преимущество на практикѣ, да еще называть это состояніе ума и души своей — богатствомъ развитія, благами европейскаго просвѣщенія, и хоть и умирать при такомъ богатствѣ отъ скуки и отвращенія, но въ то же время изъ всѣхъ силъ смѣяться надъ простымъ, не тронутымъ еще чужою цивилизаціей, народомъ нашимъ за наивность и прямодушіе его вѣрованій... Но тема эта обширная. Просто скажу: самый грубый изъ народа постыдится чужихъ мыслей и побужденій иного нашего „высшаго дѣателя“, я увѣренъ въ томъ, и съ отвращеніемъ отвернется отъ большей части дѣлъ нашихъ интеллигентныхъ людей. Я увѣренъ, что онъ не понимаетъ и долго еще не пойметъ, что можно наединѣ, за дверями, когда никто не подглядываетъ, дѣлать про себя пакости и считать ихъ вполне дозволимыми, нравственно дозволенными, единственно потому, что нѣтъ свидѣтелей и никто не подглядываетъ, — а между тѣмъ эта черта до ужаса часто практикуется въ интеллигентномъ сословіи нашемъ, да еще безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, и даже, напротивъ, весьма часто съ высшимъ удовлетвореніемъ ума и высшихъ свойствъ просвѣщеннаго духа. По понятіямъ народа, то, что пакостно на міру, пакостно и за дверями. Между тѣмъ мы на народъ-то и посмотримъ именно, какъ на пахабника, пакостника, обскурантнаго ругателя и находящаго лишь наслажденіе въ ругательствѣ. Кстати припомнить, тѣмъ болѣе, что это уже давно прошло и измѣнилось. Во времена моей юности было у военныхъ людей, въ огромномъ большинствѣ ихъ, убѣжденіе, что русскій солдатъ, какъ вышедшій изъ народа, чрезвычайно любитъ говорить пахабности, ругатель и сквернословъ. А потому, чтобъ быть популярными, иные командиры, на ученіяхъ, на примѣръ, позволяли себѣ такъ ругаться, съ такими утонченностями и вывертами, что солдаты буквально краснѣли отъ этихъ ругательствъ, а потомъ, у себя въ казармахъ, старались забыть высказанное начальствомъ, и на того, который припоминалъ, вскрикивали всею артелью. *Я бывалъ самъ лично тому свидѣтелемъ.* А командиры-то какъ довольны были въ душѣ, что вотъ, дескать, какъ они поддѣлались подъ духъ русскаго солдата. Да чего, — даже Гоголь въ „Перепискѣ съ друзьями“, совѣтовалъ пріятелю, распекая крѣпостного мужика всенародно, употреблять непремѣнно крѣпкія слова, и даже приводилъ какія именно, т.-е. именно тѣ

изъ нихъ, которыя садче, въ которыхъ какъ можно больше бы оказывалось, такъ сказать, нравственной пахабности, чѣмъ наружной, утонченности чтобъ въ ругательствѣ больше было. Между тѣмъ народъ русскій хоть и ругается, къ сожалѣнію, крѣпкими словами, но далеко не весь, далеко не весь, въ самой незначительной даже своей долѣ (повѣрятъ ли тому?), а главное (и безспорно), ругается онъ скорѣе машинально, чѣмъ съ нравственною утонченностью, скорѣе по привычкѣ, чѣмъ съ умысломъ, и вотъ это-то, послѣднее-то, т.-е. съ умысломъ, случается лишь въ чрезвычайно рѣдкихъ экземплярахъ у бродягъ, пропойцъ и всякихъ стрюцкихъ, презираемыхъ народомъ. Народъ хоть и ругается по привычкѣ, но самъ знаетъ, что эта привычка скверная, и осуждаетъ ее. Такъ что отучить народъ отъ ругательствъ, по-моему, есть просто дѣло механической отвычки, а не нравственнаго усилія. Вообще эта идея о народѣ нашемъ, какъ о любителѣ подлыхъ ругательствъ, по моему мнѣнію, укоренилась въ интеллигентномъ слоѣ нашемъ, главное, уже тогда, когда уже произошелъ окончательный, нравственный разрывъ его съ народомъ, кончившійся, какъ извѣстно, со стороны интеллигентнаго слоя нашего совершеннымъ непониманіемъ народа. Тогда-то явилось много и другихъ всякихъ ошибочныхъ идей о нашемъ народѣ. Пусть не повѣрятъ мнѣ и свидѣтельству моему, что народъ нашъ вовсе не такой ругатель, какъ до сихъ поръ его представляли себѣ и описывали, пусть: я вѣдь убѣжденъ, что свидѣтельство мое оправдается. Тѣ же надежды, которыя возлагаю я на народъ, возлагаю я и на юное поколѣніе наше. Народъ и юное поколѣніе интеллигенціи нашей сойдутся вмѣстѣ вдругъ и во многомъ и гораздо ближе и успѣшнѣе поймутъ другъ-друга, чѣмъ то было въ наше время и въ наше поколѣніе. Въ молодежи нашей есть серьезность и, дай только Богъ, чтобъ она была умнѣе направлена. Кстати о молодежи: одинъ весьма молодой человекъ прислалъ мнѣ недавно въ письмѣ весьма рѣзкое возраженіе на одну тему, на какую—умолчу, и подписался подъ своимъ рѣзкимъ (но отнюдь не невѣжливымъ) письмомъ *en toutes lettres*, да еще выставилъ адресъ. Я пригласилъ его къ себѣ объясниться. Онъ пришелъ и поразилъ меня горячностью и серьезностью своего отношенія къ дѣлу. Кой въ чемъ онъ со мной согласился и ушелъ въ раздумьи. Замѣчу еще, что, какъ мнѣ кажется, юное поко-

лѣніе наше гораздо лучше умѣетъ спорить, чѣмъ старики, т.-е. собственно въ манерѣ спора: они выслушиваютъ и даютъ говорить — и это, именно, оттого, что для нихъ разъясненіе дѣла дороже ихъ самолюбія. Уходя, онъ пожалѣлъ о рѣзкости письма своего и все это вышло у него съ неподдѣльнымъ достоинствомъ. Руководителей нѣтъ у нашей молодежи, вотъ что! А ужь какъ она въ нихъ нуждается, какъ часто она устремлялась съ восторгомъ во слѣдъ людей, хотя и не стоившихъ того, но чуть-чуть если искреннихъ! И каковы или каковъ долженъ быть этотъ будущій руководитель—тамъ какъ бы онъ ни былъ? Да и пошлетъ ли еще намъ такихъ людей наша русская судьба—вотъ вопросы!

III.

Планъ обличительной повѣсти изъ современной жизни.

А вѣдь я объ анонимномъ ругателѣ еще не кончилъ. Дѣло въ томъ, что этакой человѣкъ можетъ представить собою чрезвычайно серьезный литературный типъ, въ романѣ или повѣсти. Главное, тутъ можно и надо взглянуть съ иной уже точки зрѣнія, съ точки общей, гуманной, и согласить ее съ русскимъ характеромъ вообще и съ современною текущею причинностью появленія у насъ этого типа въ особенности. Въ самомъ дѣлѣ, чуть-чуть вы начнете работать надъ этимъ характеромъ, какъ тотчасъ сознаетесь, что у насъ безъ такихъ людей теперь и не можетъ быть, или еще ближе—что только подобнаго рода людей мы, скорѣе всего, и ожидать должны въ наше время, и что если ихъ сравнительно еще мало, то это именно по особой милости Божіей. Въ самомъ дѣлѣ, все это народъ взрослій въ нашихъ недавнихъ шаткихъ семействахъ, у недовольныхъ скептическихъ отцовъ, передавшихъ дѣтямъ одно равнодушіе ко всему насущному и много-много что какое-то неопредѣленное безпокойство насчетъ чего-то грядущаго, страшно фантастическаго, но во что, однакоже, склонны увѣрывать даже эти, такъ называемые, *готовые* реалисты и холодные ненавистники нашего настоящаго. Да сверхъ того передавшихъ имъ, разумѣется, свой скептическій безсильный смѣхъ, хотя и мало сознательный, но всегда вседовольный. Мало ли взросло за послѣднія двадцать, двадцать пять лѣтъ дѣтей у этихъ гадкихъ завистниковъ, прожившихъ послѣднія выеупныя и оставившихъ дѣтямъ нищету и завѣтъ под-

лости—развѣ мало такихъ семействъ? И вотъ молодой человекъ вступаетъ, положимъ, на службу. Фигуры нѣтъ, „остроумія нѣтъ“, связей никакихъ. Есть природный умъ, который, впрочемъ, у всякаго есть, но такъ какъ онъ у него воспитанъ прежде всего на безцѣльномъ зубоскальствѣ, вотъ ужъ двадцать пять лѣтъ принимающемся у насъ за либерализмъ, то ужъ, конечно, нашъ герой свой умъ немедленно принимаетъ за геній. О, Боже, какъ не оказаться безграничному самолюбію, когда человекъ выросъ безъ малѣйшей нравственной выдержки. И сначала онъ куражился ужасно, но такъ какъ въ немъ все-таки умъ (я для типа предпочитаю взять человека нѣсколько умнѣ середины людей чѣмъ глупѣ, ибо только въ этихъ двухъ случаяхъ и возможно появленіе такого типа), то онъ скоро догадывается, что зубоскальство все же вещь отрицательная и до положительнаго ни до чего не доведетъ. И что если довольствовался имъ его батюшка, то вѣдь потому, что тотъ былъ все же старый колпакъ, хоть и либеральный человекъ, ну а онъ, сынокъ, все же геній, и только вотъ покаместъ проявить себя затрудняется. О, онъ, конечно, готовъ на всякую самую положительную подлость въ душѣ, „ибо почему же не употребить подлость въ дѣло? Да и кто можетъ доказать въ нашъ вѣкъ, что подлость есть подлость“ и т. д., и т. д. — Однимъ словомъ, онъ вѣдь взросъ на этихъ готовыхъ вопросахъ. Но онъ скоро догадывается, что нынѣ, чтобъ даже и подлость-то употребить въ дѣло, надо ждать долгой вакансіи, да къ тому же отъ нравственной готовности на подлость до дѣла даже и ему пожалуй далеко, и надо предварительно еще, такъ сказать, практически выровняться. Ну, конечно, будь онъ поглупѣ, онъ бы мигомъ устроился: „вышія поползновенія долой и примоститься поскорѣ къ тому-то или къ такому-то, да ужъ и тянуть за нимъ ляжку послушно и убѣжденно и—въ концѣ карьера“. Но самолюбіе-то, убѣжденіе-то въ своей геніальности пока еще долго мѣшаетъ: не можетъ онъ даже и въ мысли своей слить столь славную предполагаемую судьбу свою съ судьбой такого-то или такого-то: „Нѣтъ-съ, мы пока еще въ оппозиціи, а если они захотятъ меня, то пусть сами придутъ—поклонятся“. И вотъ онъ ждетъ, пока кто-нибудь ему поклонится, и злится, злится и ждетъ, а между тѣмъ, подъ бокомъ у него какой-то уже шагнулъ выше его, другой уже примостился, а третій уже сѣлъ ему въ на-

чальники,—этотъ третій, которому онъ же, тамъ, въ ихъ „вышемъ училищѣ“, избрѣлъ прозвище и пустилъ на него эпиграмму въ стихахъ, когда рукописный училищный журналъ издавалъ и слылъ тамъ за генія. „Нѣтъ-съ, это обидно! Нѣтъ, зачѣмъ же не я, а онъ? И вездѣ-то, вездѣ-то все занято! Нѣтъ, думаетъ онъ, тутъ не моя карьера, да и чтò служить, служить мѣшки, мое поприще литература—и вотъ онъ начинаетъ разсылать по редакціямъ свои произведенія, сначала incognito, потомъ съ обозначеніемъ полного имени. Ему, разумѣется, не отвѣчаютъ; въ нетерпѣніи онъ пускается лично обивать пороги редакцій. При случаѣ, получая обратно рукопись, позволяетъ себѣ даже поострить, желчно позубоскальничать, такъ сказать, сердце сорвать, но все это не помогаетъ. „Нѣтъ, видно и тутъ все занято“, думаетъ онъ, скорбно уемѣхаясь. Главное, его все мучить роковая забота отыскивать всегда и вездѣ какъ можно больше людей хуже себя. О, онъ бы и понять никогда не могъ, какъ это можно радоваться тому, что есть и лучше его! Вотъ тогда-то онъ и натывается въ первый разъ на мысль пустить въ какую-нибудь редакцію, изъ тѣхъ, гдѣ его наиболѣе обидѣли, злобное неподписанное письмоцо. Написалъ, пустилъ, повторилъ въ другой разъ—понравилось. Но послѣдствій все-таки никакихъ, все попрежнему кругомъ его глухо, нѣмо и слѣпо. „Нѣтъ, чтò жъ это за карьера“, рѣшаетъ онъ окончательно и рѣшаетъ, наконецъ, „примоститься“. Онъ выбираетъ *лицо*—именно своего начальника—директора, тутъ, можетъ быть, какъ-нибудь помогаетъ ему и случай и связишки. И Поприщинъ у Го голя началъ вѣдь съ того, что отличился чинкою перьевъ и былъ вытребованъ для сей цѣли въ квартиру его превосходительства, гдѣ и увидалъ директорскую дочку, для которой очинилъ два пера. Но время Поприщинныхъ прошло, да и перьевъ теперь не чинять, да и не можетъ измѣнить нашъ герой своему характеру: не перья въ его головѣ, а самыя дерзкія мечты. Короче, въ самый короткий срокъ, онъ уже убѣжденъ, что плѣнилъ директорскую дочку и что та по немъ изнываетъ. „Ну, вотъ и карьера, думаетъ онъ, — да и къ чему бы годились женщины, если бъ нельзя было черезъ нихъ сдѣлать умному чловѣку карьеру: въ этомъ, въ сущности, весь женскій вопросъ и заключается, если реально-то обсудить его. А главное, и не стыдно: мало ли кто выходилъ на дорогу

черезъ женщинъ?“ Но—но тутъ какъ разъ подвергывается, какъ и у Поприщина, адъютантъ! Поприщинъ поступилъ по своему характеру: онъ сошелъ съ ума на мечтѣ о томъ, что онъ Испанскій король. И какъ натурально! Чтò могло оставаться приниженному Поприщину, безъ связей, безъ карьеры, безъ смѣлости и безъ всякой инициативы, да еще въ то петербургское время, какъ не броситься въ самое отчаянное мечтаніе и повѣрить ему? Но нашъ Поприщинъ, современный намъ Поприщинъ, — ни за чтò въ мірѣ не въ состояніи повѣрить, что онъ такой же самый Поприщинъ, какъ и первоначальный, только повторившійся тридцать лѣтъ спустя. Въ душѣ его грома и молнія, презрѣніе и сарказмы, и—и вотъ онъ бросается тоже въ мечту, но въ другую. Онъ вспоминаетъ, что на свѣтѣ могутъ быть анонимныя письма и что они уже разъ употреблены имъ, и—вотъ онъ рискуетъ свое письмо, но уже не въ журнальную редакцію, а почище-съ: онъ чувствуетъ, что вступаетъ въ новый практическій фазисъ. О, какъ онъ запирается въ своей каморкѣ отъ своей хозяйки, какъ трепещетъ, чтобъ за нимъ не подглядѣли, но онъ строчить, строчить, измѣняя почеркъ, создаетъ четыре страницы клеветъ и ругательствъ, перечитывая съ наслажденіемъ и—просидѣвъ ночь, къ разсвѣту запечатываетъ письмо и адресуетъ—къ жениху адъютанту. Почеркъ онъ измѣнилъ, онъ не боится. Вотъ онъ расчитываетъ часы, вотъ теперь письмо должно дойти—это жениху объ его невѣстѣ,—о, тотъ, конечно, откажется, онъ испугается, вѣдь это же не письмо, а „шедѣвръ“! И молодой нашъ другъ изо всѣхъ силъ знаетъ, что онъ подленькій негодяй; но онъ этому только радъ: „Нынѣ-де время раздвоенія мысли и широкости, нынѣ прямолинейной мыслью не проживешь“.

Разумѣется, письмо не оказало дѣйствія, свадьба состоялась, но начало сдѣлано, и герой нашъ какъ бы попалъ на свою карьеру. Его обуялъ своего рода миражъ, какъ и Поприщина. Съ жаромъ бросается онъ въ новую дѣятельность, въ анонимныя письма. Онъ вывѣдываетъ про своего генерала, онъ соображаетъ, онъ изливаетъ все, чтò накопилось въ немъ за цѣлые годы неудовлетворенной службы, раздраженнаго самолюбія, желчи, зависти. Онъ критикуетъ всѣ дѣйствія генерала, онъ осмѣиваетъ его самымъ беспощаднымъ образомъ, и это въ нѣсколькихъ письмахъ, въ цѣломъ рядѣ писемъ. И какъ

ему это сначала нравится? И поступки-то генерала, и жену-то его, и любовницу, и глупость всего ихъ вѣдомства—все, все изобразилъ онъ въ своихъ письмахъ. Мало-помалу, онъ кидается даже въ государственныя соображенія, онъ компануетъ письмо къ министру, въ которомъ предлагаетъ измѣнить Россію, уже не церемонясь. „Нѣтъ, министръ не можетъ не поразиться, геній поразить его и письмо дойдетъ, пожалуй, до... До такого то-есть лица, что... Однимъ словомъ, куражъ, шоп enfant, и когда станутъ разыскивать автора, тутъ-то я разомъ и объявлюсь, такъ сказать уже безъ застѣнчивости“. Однимъ словомъ, онъ упивается своими произведеніями и поминутно воображаетъ, какъ распечатываются его письма и что затѣмъ происходитъ на лицахъ тѣхъ лицъ... Въ такомъ расположеніи духа онъ позволяетъ себѣ иногда даже и пошлать; для шутки пишетъ къ инымъ самымъ смѣшнымъ даже лицамъ, не пренебрегаетъ какимъ-нибудь даже Егоромъ Егоровичемъ, своимъ старичкомъ столоначальникомъ, котораго и вправду чуть не сводитъ съ ума, анонимно увѣривъ его, что его супруга завела любовную связь съ мѣстнымъ частнымъ приставомъ (главное, что тутъ на половину могло быть и правды). Такъ проходить нѣкоторое время, но... но вдругъ странная идея осянуетъ его,—именно: что вѣдь онъ Поприщинъ, не болѣе какъ Поприщинъ, тотъ же самый Поприщинъ, но только въ милліонъ разъ подлѣе, и что всѣ эти пасквили изъ-за угла, все это анонимное могущество его есть въ сущности миражъ и больше ничего, да еще самый гаденькій миражъ, самый паскудненькій и позорный, хуже даже чѣмъ мечта объ испанскомъ престолѣ. А тутъ какъ разъ случилось обстоятельство уже серьезное,—не позорное какое-нибудь: „что позоръ, позоръ вздоръ, позора боятся теперь лишь аптекари“, а дѣйствительно страшное обстоятельство, въ самомъ дѣлѣ страшное. Дѣло въ томъ, что хоть разсудокъ и былъ у него, но все же онъ не удержался и во время своего упоенія новой карьерой, именно послѣ-то письма къ министру, сболтнулъ о своихъ письмахъ—кому же? нѣмкѣ, хозяйкѣ своей,—ну, конечно, не все, она бы и не поняла всего, конечно чуть-чуть, такъ, отъ избытка лишь сердца; но каково же было его изумленіе, когда, черезъ мѣсяць, тихоня-чиновникъ другого вѣдомства, проживавшій у той же хозяйки въ отдаленной комнаткѣ, злобно-молчаливый человѣчекъ,

вдругъ, разсердившись на что-то, намекнулъ ему, проходя мимо въ коридорѣ, на то, что онъ,—то-есть вотъ онъ, чиновникъ-тихоня,—есть „человѣкъ нравственный, и анонимныхъ писемъ, по примѣру нѣкоторыхъ господъ, не пишетъ“. Каково! Сначала онъ не такъ испугался, мало того, проэкзаменовавъ чиновника—а для того нарочно и даже унизительно помирившись съ нимъ,—онъ убѣдился, что тотъ ничего почти и не знаетъ. Но... ну, а если знаетъ? Къ тому же въ департаментѣ давно уже начался слухъ о томъ, что кто-то пишетъ начальству по городской почтѣ ругательства и что это непременно кто-то изъ своихъ. Несчастный начинаетъ задумываться, даже не спитъ по ночамъ. Однимъ словомъ, можно особенно ярко выставить его душевныя муки, его мнительность, его промахи. Наконецъ, онъ почти уже совсѣмъ убѣжденъ, что всѣ все знаютъ, что ему только не говорятъ до времени; что же объ исключеніи его изъ службы, то это уже рѣшено, что этимъ, конечно, не ограничатся,—однимъ словомъ, онъ почти сходитъ съ ума. И вотъ разъ сидитъ онъ въ департаментѣ и почти безпредѣльное негодованіе подымаетъ его сердце на все и на всѣхъ: „О, злые, проклятые люди, думаетъ онъ,—ну, можно ли такъ притворяться! Вѣдь они знаютъ же, что *это* я, знаютъ всѣ до единаго, вѣдь они объ этомъ шопотомъ говорятъ другъ съ другомъ, когда я прохожу мимо, знаютъ и бумагу, которая обо мнѣ тамъ въ кабинетѣ приготовлена и... и всѣ притворяются! Всѣ скрываютъ отъ меня! Имъ хочется насладиться, увидѣть какъ меня потащутъ... Такъ нѣтъ же! Нѣтъ же!“ И вотъ онъ, часъ спустя, случайно относитъ какую-то бумагу въ кабинетъ его превосходительства. Онъ входитъ, кладетъ почтительно бумагу на столъ, генераль занятъ и не обращаетъ вниманія, онъ повертывается, чтобъ неслышно выйти, берется за замокъ, и вдругъ, такъ, какъ падаютъ въ бездну, бросается къ ногамъ его превосходительства, за секунду и не подозрѣвая о томъ, что бросится: „Все равно погибать, лучше ужъ самъ сознаюсь!“ „Только потише, ваше превосходительство, только, пожалуйста, потише, ваше превосходительство! Чтобъ тамъ не услыхалъ насъ кто-нибудь, а я вамъ все расскажу, все расскажу!“— умоляетъ онъ, какъ безумный, изумленнаго его превосходительства, сложивъ передъ нимъ по-дурацки руки. И вотъ, стрывочно, безсвязно, весь дрожа, глупо привнается во всемъ, къ вѣщ-

шему изумленію его превосходительства, совѣмъ ничего и не подозрѣвавшаго. Но вѣдь и тутъ герой нашъ выдержалъ характеръ вполне,—ибо для чего онъ бросился къ ногамъ генерала? Конечно, отъ болѣзни, конечно отъ мнительности, но *главное и отъ того*, что онъ,—и струсившій, и униженный, и себя во всемъ обвиняющій,—а все же мечталъ попрежнему, какъ всеупоенный самомиѣніемъ дурачокъ, что, можетъ быть, его превосходительство, выслушавъ его, и все же, такъ сказать, пораженный его гениемъ,—раскроетъ обѣ руки свои, которыми онъ столь много подписываетъ на пользу отечества бумагъ, и заключить въ свои объятія: „Неужели, дескать, ты до того доведенъ былъ, несчастный, но даровитый молодой человекъ! О, это я, я во всемъ виноватъ, я просмотрѣлъ тебя! Беру всю вину на себя. О, Боже мой, вотъ до чего принуждена доходить наша талантливая молодежь изъ-за вины нашихъ старыхъ порядковъ и предрасудковъ! Но, прійди, прійди на грудь мою, и—вмѣстѣ со мною раздѣли постъ мой, и мы... и мы перевернемъ департаментъ!“ Но такъ не случилось; и потомъ, долго спустя, въ позорѣ и въ униженіи, вспоминая о пинкѣ носкомъ генеральскаго сапога, пришедшагося ему прямо тогда въ лицо, онъ почти искренно обвинялъ судьбу и людей: „Разъ, дескать, въ жизни моей я раскрылъ людямъ мои объятія вполне, и что же удостоился получить?“ Финалъ ему можно придумать какой-нибудь самый натуральный и современный, напримѣръ, его, уже выгнаннаго изъ службы, нанимаютъ въ фиктивный бракъ за сто рублей, при чемъ послѣ вѣнца онъ въ одну сторону, а она въ другую, къ своему лабазнику: „и мило, и благородно“, какъ выражается частный приставъ у Щедрина о подобномъ же случаѣ.

Однимъ словомъ, мнѣ кажется, что типъ анонимнаго ругателя—весьма недурная тема для повѣсти. И серьезная. Тутъ, конечно бы, нуженъ Гоголь, но... я радъ, по крайней мѣрѣ, что случайно набрелъ на идею. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ попробую вставить въ романъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Прежніе земледѣльцы—будущіе дипломаты.

Но куда я удалился отъ дѣла? Я началъ съ того, что

я въ деревнѣ и радъ тому. Давненько-таки я не живаль въ русской деревнѣ. Но о деревнѣ потомъ, а здѣсь лишь вставлю, что я уже потому, между прочимъ, радъ, что я въ деревнѣ, а не за границей, что не увижу за границей слоняющихся тамъ нашихъ русскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ наше, столь народное, столь единительное и патриотическое время, когда именно всюду ищешь у себя дома русскихъ, ждешь русскихъ, желаешь и требуешь русскихъ, въ такое время слишкомъ тяжело видѣть за границей, куда, вотъ ужъ двадцать лѣтъ, ежегодно экспатрируется и гдѣ колонизируется наша интеллигенція, — претвореніе чисто русскаго, сырого и превосходнаго, можетъ-быть, матеріала въ жалкую, международную дрянь, обезличенную, безъ характера, безъ народности и безъ отечества. Я не про отцовъ говорю, — отцы неисправимы и Богъ съ ними, — а про ихъ несчастныхъ дѣтей, которыхъ они губятъ за границей. Отцы же даже отъявленнымъ нашимъ русскимъ европейцамъ становятся, наконецъ, смѣшны. Г. Буренинъ, отправившійся корреспондентомъ на войну, рассказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ забавную встрѣчу съ однимъ изъ нашихъ европейцевъ сороковыхъ годовъ, „въ сѣдыхъ почтенныхъ кудряхъ“, проживающимъ постоянно за границей, но прѣхавшимъ нарочно на войну посмотреть на „зрѣлище борьбы“ (разумеется, съ самага почтительнаго разстоянія) и разострившимся въ вагонѣ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ вотъ ужъ сорокъ лѣтъ острятъ эти господа, т.-е. надъ русскимъ духомъ, надъ славянофилами и проч., и проч. Онъ потому-де живетъ за границей, что у насъ въ Россіи „все еще нечего дѣлать серьезному и порядочному человѣку“. (NB. Я привожу цитаты на память). Одна изъ удачнѣйшихъ остротъ его состояла въ томъ, что „уже сдѣлано распоряженіе по желѣзнымъ дорогамъ, привезти въ особомъ вагонѣ, въ виду вступленія нашихъ войскъ въ Болгарію и обновленія славянства — тѣнь Хомякова“. Но этому сѣдокудру господину можно бы было замѣтить, что самъ онъ очень тоже похожъ на тѣнь какого-нибудь, можетъ быть и весьма мочтеннаго западно-либеральнаго говорильщика сороковыхъ годовъ, но который теперь, если бѣ столько лѣтъ спустя и доживъ до сѣдыхъ кудрей, повторялъ бы то же самое, па чемъ остановился въ своихъ сороковыхъ годахъ, то ужъ, конечно, даже будь онъ хоть самъ Граповскій, казался бы неперемѣнно точь-въ-точь такимъ же самымъ шутомъ, какъ и этотъ

господинъ, извѣщавшій о распоряженіи доставить по желѣзной дорогѣ на театръ войны тѣмъ Хомякова и о томъ, что въ нашей Россіи все еще нечего дѣлать порядочному человѣку.

Эмигрировали изъ Россіи (я удерживаю это слово) двадцать лѣтъ назадъ наиболѣе помѣщики и съ тѣхъ поръ эмиграція продолжается съ каждымъ годомъ. Конечно, въ этомъ числѣ много и не помѣщиковъ, были всякіе, но въ огромномъ большинствѣ, если не всѣ, — болѣе или менѣе ненавидящіе Россію, иные нравственно, вслѣдствіе убѣжденія, „что въ Россіи, такимъ порядочнымъ и умнымъ, какъ они, людямъ, нечего дѣлать“, другіе уже просто ненавидя ее безо всякихъ убѣжденій, такъ сказать, натурально, физически: за климатъ, за поля, за лѣса, за порядки, за освобожденнаго мужика, за русскую исторію, однимъ словомъ, за все, за все ненавидя. Замѣчу, что такая ненависть можетъ быть и весьма пассивная, очень спокойная и до апатіи равнодушная. А тутъ, какъ разъ, почувствовались въ рукахъ выкупныя и сверхъ того ужасно многихъ озарило убѣжденіе, что съ освобожденіемъ крестьянъ все погибло — и деревня, и землевладѣніе, и дворянство, и Россія. Правда и то, что съ освобожденіемъ крестьянъ сельскій трудъ остался безъ достаточной организаціи и обезпеченія, и личное землевладѣніе натурально струсило и сконфузилось такъ, какъ ни въ какой исторической переворотъ не могло бы случиться больше. Вотъ и пустились помѣщики продавать и продавать, и часть ихъ (слишкомъ не малая) бросилась за границу. Но что бы ни выставляли они себѣ въ оправданіе, но не могутъ же они утаить, и передъ согражданами, и передъ дѣтьми своими, что главная причина ихъ эмиграціи была тоже и приманка эгоистическаго „ничего-недѣланья“. И вотъ съ тѣхъ поръ русская личная поземельная собственность въ полнѣйшемъ хаосѣ, продается и покупается, мѣняется своихъ владѣтелей поминутно, мѣняется даже видъ свой, обезлѣсивается, — и во что обратится она, за кѣмъ останется она окончательно, изъ кого составитъ окончательно обновленное русское землевладѣльческое сословіе, въ какую форму преобразится оно въ концѣ концовъ — все это трудно предсказать, а между тѣмъ, если хотите, въ этомъ главнѣйшій вопросъ русской будущности. Это ужъ какой-то законъ природы, не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ: кто въ странѣ владѣютъ землей, тѣ и хс-

зьява той страны, во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ бывало вездѣ и всегда. Но у насъ, скажутъ, сверхъ того община,— вотъ значить и хозяева. Но... вопросъ объ общинѣ развѣ изъ рѣшенныхъ у насъ окончательно? Развѣ пятнадцать лѣтъ назадъ онъ не вошелъ у насъ тоже въ новый фазисъ, какъ и все остальное? Но объ этомъ обо всемъ потомъ, а заключу пока мою мысль голословно: если въ странѣ владѣніе землей *серьезное*, то и все въ этой странѣ будетъ серьезно, во всѣхъ то-есть отношеніяхъ, и въ самомъ общемъ, и въ частностяхъ. Хлопочуть, напримѣръ, у насъ о просвѣщеніи, о народныхъ школахъ, а я вотъ вѣрю только тому, что школы тогда только примутся у насъ серьезно и основательно, когда землевладѣніе и земледѣліе наше организуются у насъ серьезно и основательно, и что скорѣе не отъ школы получится хорошее земледѣліе, а, напротивъ, отъ хорошаго лишь земледѣлія (т.-е. отъ правильнаго землевладѣнія) получится хорошая школа, но никакъ не раньше. Параллельно же съ этимъ примѣромъ и все: и порядки, и законы, и нравственность, и даже самый умъ націй, и все, наконецъ, всякое правильное отправленіе національнаго организма организуется лишь тогда, когда въ странѣ утвердится прочное землевладѣніе. То же самое можно сказать и о характерѣ землевладѣнія: будь характеръ аристократическій, будь демократическій, но каковъ характеръ землевладѣнія, таковъ и весь характеръ націи.

Но теперь пока наши бывшіе помѣщики гуляютъ за границей, по всѣмъ городамъ и водамъ Европы, набивая цѣпны въ ресторанахъ, таская за собой, какъ богачи, гурмантокъ и боннъ при своихъ дѣтяхъ, которыхъ водятъ въ кружевахъ и въ англійскихъ костюмахъ, съ голыми ножками, напоказъ Европѣ. А Европа-то смотритъ и дивится: „Вотъ вѣдь сколько у нихъ тамъ богатыхъ людей, и главное столь образованныхъ, столь жаждущихъ европейскаго просвѣщенія. Это вѣдь изъ-за деспотизма имъ до сихъ поръ не выдавали заграничныхъ паспортовъ, и вдругъ сколько у нихъ оказалось землевладѣтелей и капиталистовъ и удалившихся отъ дѣлъ рантьеровъ,— да больше чѣмъ даже во Франціи, гдѣ столько рантьеровъ“. И расскажите Европѣ, растолкуйте ей, что это чисто-русское явленіе, что никакого тутъ нѣтъ рантьерства, а напротивъ пожираніе основныхъ своихъ фондовъ, сжиганіе свѣчки съ обонхъ концовъ, то Европа, конечно, не повѣ-

рить этому, невозможному у ней, явленію, да и не пойметъ его вовсе. И вѣдь, главное, эти сибариты, слоняющіеся по германскимъ водамъ и по берегамъ швейцарскихъ озеръ, эти Лукуллы, проживающіеся въ ресторанахъ Парижа — вѣдь они сами знаютъ и съ нѣкоторою даже болью все же предчувствуютъ, что вѣдь фонды-то они свои, наконецъ, проѣдятъ, и что дѣтямъ ихъ, вотъ этимъ самымъ херувимчикамъ въ англійскихъ костюмчикахъ придется, можетъ-быть, просить по Европѣ милостыню (и будутъ просить милостыню!) или обратиться въ французскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ (и обратятся въ французскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ!). Но, думаютъ они, „après nous le déluge, да и кто виноватъ: виноваты все тѣ же наши русскіе порядки, наша неуклюжая Россія, въ которой порядочному человѣку до сихъ поръ еще ничего сдѣлать нельзя“. Вотъ какъ они думаютъ, а либеральнѣйшіе изъ нихъ, тѣ, которые могутъ назваться высшими и чистѣйшими западниками сороковыхъ годовъ, тѣ прибавляютъ еще, можетъ-быть, про себя: „Ну, что жъ, что дѣти останутся безъ состоянія, зато унаслѣдуютъ идею, благородную закваску истиннаго и священнаго образа мыслей. Воспитанные вдали отъ Россіи, они не будутъ знать поповъ и глупое слово: „Отечество“. Они поймутъ, что Отечество есть предразсудокъ и даже самый пагубнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ. Изъ нихъ выйдутъ благородные общечеловѣческіе умы. Мы и только мы, русскіе, положимъ начало этимъ новымъ умамъ. Именно тѣмъ, что проживаемъ за границей наши выкупныя, мы полагаемъ основаніе новому грядущему международному гражданству, которое, рано ли, поздно ли, а обновитъ Европу, и вся честь за то намъ, потому что мы начали раньше всѣхъ“. Впрочемъ, такъ говорятъ лишь „сѣдокудрые“, т.-е. еще очень немногіе, ибо много ли передовыхъ-то? Болѣе же практическіе, и даже изъ „сѣдокудрыхъ“ *не столько благородные*, въ концѣ концовъ, все еще надѣются на „связишки“. Мы-то здѣсь проживаемся, это правда, да вѣдь и наживаемъ же что-нибудь все-таки, ну, тамъ знакомства, связишки, которыя потомъ въ „Отечествѣ-то“, и пригодятся. Къ тому же хотъ и въ либеральномъ духѣ воспитываемъ дѣтокъ, да вѣдь все жъ джентльменами, — а въ этомъ вѣдь и все главное. Будутъ они витать въ сферахъ исключительныхъ и высшихъ, а либерализмъ въ высшихъ сферахъ всегда обозначалъ и сопровождалъ

у насъ джентльменство, ибо джентльменскій либерализмъ для высшаго-то, такъ сказать, консерватизма и пользеи, это всегда у насъ различать умѣли. И что жъ, мы дѣтей растимъ за границей и—какъ разъ, значить, готовимъ ихъ въ дипломаты. Чтò за прелесть здѣсь всѣ эти мѣста при посольствахъ, при консульствахъ и какая бездна-бездная этихъ милѣйшихъ мѣстечекъ, и какъ восхитительно дотированныхъ! Вотъ и хватить на нашихъ дѣтишекъ: и покойно, и хорошо, и дешево, и прочно, да и служба всегда на виду. Да и служба чистенькая, щегольская, джентльменская; а работа, — ну, а работа прелегкая: знай знакомься съ русскими за границей, изъ тѣхъ, кто попорядочнѣе, а изъ тѣхъ, кто накуролесить да защитить себя консула просятъ—мы тѣхъ свысока обернемъ, поначальственинѣе, и слушать-то не станемъ: „не вѣримъ вамъ, дескать, беспорядки производите сами, все еще воображаете себя въ миломъ отечествѣ, тогда какъ здѣсь мѣсто чистое. Изъ-за васъ неприятности получай, да и стоитъ еще изъ-за такого, какъ вы, иноземное начальство беспокоить; вы только посмотрите на себя въ зеркало, до чего вы дошли-съ!“ Вотъ и вся служба въ этомъ! Однимъ словомъ, сумѣютъ и наши дѣточки выйти въ люди: да-съ, были бы только связи—вотъ чтò первѣе всего надо родительскому сердцу наблюсти, а прочее все приложится по востребованію.

Итакъ, всѣ не столь благородные изъ проживающихся за границей болѣе или менѣе расчитываютъ на связишки. Но вѣдь чтò такое связи? Ну, хотъ и значать что-нибудь, но вѣдь эта *матерья* ужасно скоро изнашивается. И далеко бы не мѣшало, кромѣ связей, запастись себѣ—ну хотъ немножко знанія Россіи и собственнаго ума, хотъ на всякій случай. Теперь же именно, въ эпоху реформъ и новыхъ началъ, у насъ какъ нарочно всѣ собственнымъ умомъ хотять жить, всѣ того захотѣли;—идея безспорно просвѣщенная, но то бѣда, что пикогда еще у насъ не бывало столь мало собственнаго ума, какъ теперь, при общемъ желаніи имѣть его. Почему это такъ—рѣшать не возьмусь, да и трудно, но одну изъ причинъ, почему херувимчики наши безспорно будутъ дурачками — основательно знаю, и хотъ она стара, но укажу на нее. А впрочемъ все то же самое, объ чемъ я говорилъ и въ прошломъ году. Причина — русскій языкъ, т.-е. недостатокъ русскаго, отечественнаго языка отъ воспитанія за грани-

цей, съ гувернантками и боннами иностранками. Это у насъ и всегда водилось, и прежде, т. е. недостатокъ этотъ, по никогда какъ теперь, когда столько херувимчиковъ возрастетъ за границей. Положимъ, они готовятся въ дипломаты, а дипломатическій языкъ, извѣстно, французскій языкъ; русскій же языкъ довольно знать лишь и грамматически. Но такъ ли это? Вопросъ этотъ хоть и до пошлости старый, а между тѣмъ онъ до того еще нерѣшенный, что недавно даже въ печати о немъ опять заговорили, хоть и косвенно, по поводу сочиненій г. Тургенева на французскомъ языкѣ. Выражено было даже мнѣніе, что „не все ли равно г-ну Тургеневу сочинять на французскомъ или на русскомъ языкѣ и что тутъ такого запрещеннаго?“ Запрещеннаго, конечно, нѣтъ ничего и особенно такому огромному писателю и знатоку русскаго языка, какъ Тургеневъ, и если у него такая фантазія, то почему же ему не писать на французскомъ, да и къ тому же если онъ французскій языкъ почти какъ русскій знаетъ. И потому о Тургеневѣ ни слова, но... но я вижу, что я рѣшительно повторяюсь и прошлаго года говорилъ рѣшительно то же самое, на ту же самую тему, и въ этихъ же заграничныхъ мѣсяцахъ, толкуя съ загранично-русской маменькой о вредѣ французскаго языка для ея херувимчиковъ. Но маменька готовить теперь херувимчиковъ въ дипломаты и вотъ собственно лишь по поводу дипломатіи-то, хоть и неприятно повторяться, но рискну и еще ей словцо.

— Но вѣдь дипломатическій языкъ французскій,—прерываетъ меня маменька на этотъ разъ, не давъ мнѣ даже и начать.

Увы, она съ прошлаго года приготовилась, она третируетъ меня свысока.

— Такъ, сударыня, отвѣчаю я,—возраженіе ваше сильное и я согласенъ съ вами безспорно. Но, во-первыхъ, вѣдь что я говорилъ о знаніи русскаго языка, надо приложить и къ французскому, вѣдь не правда ли? Вѣдь, чтобъ выразить богатства своего организма на французскомъ языкѣ, надо и французскій языкъ усвоить себѣ богатѣйшимъ образомъ. Ну, такъ знайте же, есть такая тайна природы, законъ ея, по которому только тѣмъ языкомъ можно владѣть въ совершенствѣ, съ какимъ родился, т. е. какимъ говоритъ тотъ народъ, къ которому принадлежите вы. Вы морщитесь, я васъ обидѣлъ, вы смотрите

насмѣшливо. Вы махаете ручкой и увѣряете меня, что слышали это еще прошлаго года и что я повторяюсь. Хорошо-съ, я вамъ уступаю, да и тема эта не дамская. Я вамъ просто-за-просто уступлю и соглашусь съ вами, что можно и русскому усвоить себѣ французскій языкъ въ совершенствѣ, но съ огромнымъ условіемъ: родиться во Франціи, вырасти въ ней и съ самаго перваго часа своей жизни преобразиться въ француза. О, вы развеселились, вы уже улыбаетесь, но замѣтите, однако, сударыня, что это даже и для васъ не совсѣмъ возможно будетъ исполнить касательно вашего херувимчика, несмотря даже на всѣ удобства, т.-е. эмиграцію, выкупныя, парижскую бонну и проч., и проч. Къ тому же, возьмите въ соображеніе и природныя, такъ сказать, дары, потому что нельзя же вѣдь сравнить г. Тургенева и вашего, напримеръ, херувимчика относительно этихъ даровъ. Много ль, скажите, родится Тургеньевыхъ-то... Ахъ нѣтъ, нѣтъ, что я! Я опять ошибся, сболтнулъ: изъ вашего херувимчика выйдетъ навѣрно Тургеньевъ, или даже три Тургенева разомъ, оставимъ это, но... — „Но, прерываете вы вдругъ меня, — вѣдь дипломаты и безъ того всѣ умны, такъ зачѣмъ же ужъ такъ хлопотать объ умѣ? Повѣрьте, были бы только связи. Mon mari...“ — Вы совершенно правы, сударыня, перебиваю и я поскорѣе, — были бы связи, и оставляя вашего супруга какъ можно болѣе въ сторонѣ, все-таки прибавлю, что къ связямъ не худо бы хоть немного ума. И во-первыхъ, дипломаты вовсе не потому умны, что они дипломаты, а потому только, что они и до дипломатіи были умные люди, а повѣрьте, что есть даже чрезвычайно много дипломатовъ замѣчательно глупыхъ людей. — „Ахъ, нѣтъ, вотъ ужъ извините, прерываете вы меня въ нетерпѣніи, — дипломаты всѣ всегда умные, и всѣ на превосходныхъ мѣстахъ, и это самая благородная служба!“ — „Сударыня, сударыня, восклицаю я, — вы говорите: связи и знаніе языковъ, но вѣдь связи только мѣсто доставять, а тамъ, потомъ... Ну, представьте себѣ: вашъ херувимчикъ възрастаетъ въ ресторанахъ Европы, кутитъ съ молодыми кокетками въ товариществѣ заграничныхъ виконтовъ и нашихъ русскихъ графовъ, но вѣдь потомъ... Вотъ онъ знаетъ всѣ языки и уже потому одному никакого. Не имѣя же своего языка, онъ естественно схватываетъ обрывки мыслей и чувствъ всѣхъ націй, умъ его, такъ сказать, сбалтывается еще съ молоду въ какую-то

бурду, изъ него выходитъ международный жежеумокъ съ коротенькими, недоконченными идейками, съ тупою прямолинейностью сужденій. Онъ дипломатъ, но для него исторія націй слагается какъ-то по-шутовски. Онъ не видитъ, даже не подозрѣваетъ того, чѣмъ живутъ націи и народы, какіе законы въ организмѣ ихъ и есть ли въ этихъ законахъ цѣлое, усматривается ли общій международный законъ. Онъ готовъ выводить все событія міра изъ того только, что такая-то, напримѣръ, королева разсердила фаворитку такого-то короля, вотъ и произошла отъ того война двухъ королевствъ. Позвольте, я буду съ вашей точки зрѣнія судить. Пусть связи... Но вѣдь для пріобрѣтенія связей нуженъ характеръ, нужна, такъ сказать, любезность характера, мягкость, доброта и въ то же время твердость, настойчивость... Дипломатъ вѣдь долженъ быть плѣнителенъ, такъ сказать, плѣнять, побѣждать, не правда ли? Ну, такъ повѣрите ли вы или нѣтъ, когда я вамъ прямо и въ высшей степени опредѣленно скажу, что безъ знанія натурального своего языка, безъ обладанія имъ, нельзя даже выровнять себя и характера, особенно если херувимчикъ хорошо и богато одаренъ отъ природы. У него начнутъ же въ свое время рождаться мысли, идеи, чувства, его будутъ давить, такъ сказать, изнутри эти мысли и чувства, ища и требуя себя выраженія, а безъ богатыхъ, усвоенныхъ съ дѣтства, готовыхъ формъ выраженія, т.-е. безъ языка, безъ развитія его, безъ утонченностей его, безъ обладанія оттѣнками его — сынъ вашъ будетъ вѣчно недоволенъ собою; обрывки мыслей перестанутъ его удовлетворять, накопляющійся въ умѣ и въ сердцѣ матеріалъ потребуетъ основательнаго уже выраженія... Молодой человѣкъ станетъ озабоченъ, разсѣянъ, безпредметно задумчивъ, потомъ брюзгливъ, несносенъ, потомъ разстроитъ свое здоровье, даже желудокъ, можетъ-быть, вѣрите ли тому..“

Но вижу, вижу, вы покатались со смѣху, я опять увлекся, согласенъ (а вѣдь Боже какую я правду говорю!) но позвольте мнѣ закончить, позвольте мнѣ вамъ напомнить, что я давеча вамъ уступилъ, я съ вами согласился, для виду, что дипломаты все же умные люди, но вы меня до того довели, сударыня, что я принужденъ теперь не скрывать отъ васъ даже самую секретнѣйшую подкладку взгляда моего на этотъ предметъ. Именно, сударыня, мнѣ, какъ нарочно, нѣсколько уже разъ въ жизни приходило

на мысль, что въ дипломатіи, т.-е. во всеобщей дипломатіи, всѣхъ народовъ и всего девятнадцатаго столѣтія, чрезвычайно даже мало было умныхъ людей. Даже поражаетъ. Напротивъ, скудоуміе этого сословія въ исторіи Европы нынѣшняго столѣтія... то-есть, видите ли, всѣ они умны, болѣе или менѣе, это безспорно, всѣ остроумны, но умы-то это какіе! Проникалъ ли хоть одинъ изъ этихъ умовъ въ сущность вещей, понималъ ли, предчувствовалъ ли таинственные законы, ведущіе къ чему-то Европу, къ чему-то неизвѣстному, странному, страшному — но теперь уже очевидному, почти воочию совершающемуся въ глазахъ тѣхъ, которые чуть-чуть умѣютъ предчувствовать? Нѣтъ-съ, положительно можно изречь, что не было ни одного такого дипломата и ни одного такого ума въ этомъ столь почтенномъ и фаворизированномъ сословіи! (Я ужъ, конечно, говоря такъ, исключая Россію и все отечественное, потому что мы, по самой сущности нашей, въ этомъ дѣлѣ „особъ статья“). Напротивъ, во все столѣтіе являлись дипломатическіе умы, положимъ, прехитрѣйшіе интриганы, съ претензіей на реальнѣйшее пониманіе вещей, а между тѣмъ дальше своего носу и текущихъ интересовъ (да еще самыхъ поверхностныхъ и ошибочныхъ) никто изъ нихъ ничего не усматривалъ! Порванные ниточки какъ бы тамъ связать, заплаточку на дырочку положить, „дѣну подбить, вызолотить, за новое сойдеть“ — вотъ наше дѣло, вотъ наша работа! И всему тому есть причины — и главнѣйшая, по моему — разъединеніе началъ, разъединеніе съ народомъ и обособленіе дипломатическихъ умовъ въ слишкомъ ужъ, такъ сказать, великосвѣтской и отвлеченной отъ человѣчества, сферѣ. Ну, возьмите, на примѣръ, графа Кавура — это ль былъ не умъ, это ль не дипломатъ? Я потому и беру его, что за нимъ уже рѣшена гениальность, да къ тому же и потому еще, что онъ умеръ. Но чтѣ жъ онъ сдѣлалъ, посмотрите: о, онъ достигъ своего, объединилъ Италію и чтѣ же вышло: 2000 лѣтъ носила въ себѣ Италія мировую и объединяющую міръ идею — не отвлеченную какую-нибудь, не спекуляцію кабинетнаго ума, а реальную, органическую, плодъ жизни націи, плодъ мировой жизни; это было объединеніе всего міра — сначала древне-римское, потомъ папское. Народы, возраставшіе и переходившіе въ эти два съ половиной тысячелѣтія въ Италію, понимали, что они носители мировой идеи, а не

понимавшіе чувствовали и предчувствовали это. Наука, искусство—все облекалось и проникалось этимъ же міровымъ значеніемъ. О, положимъ, что міровая эта идея тамъ, подъ конецъ, сама собой износилась и вся истратилась, вся вышла (хотя врядъ ли такъ?), но вѣдь что жъ, наконецъ, получилось вмѣсто нея, съ чѣмъ поздравить только-то Италію, чего достигла она лучшаго-то послѣ дипломатіи графа Кавура? А явилось объединенное второстепенное королевствыицо, потерявшее всякое міровое поползновеніе, промѣнявшее его на самое изношенное буржуазное начало,—(тридцатое повтореніе этого начала со времени первой французской революціи) — королевство вседовольное своимъ единствомъ, ровно ничего незначающимъ, единствомъ механическимъ, а не духовнымъ (т. е. не прежнимъ міровымъ единствомъ), и сверхъ того въ неоплатныхъ долгахъ, и сверхъ того именно вседовольное своею второстепенностью. Вотъ что получилось, вотъ созданіе графа Кавура! Однимъ словомъ, современный дипломатъ есть именно „великій звѣрь на малыя дѣла!“ Князь Меттернихъ считался однимъ изъ самыхъ глубокихъ и тончайшихъ дипломатовъ въ мірѣ и ужъ безспорно имѣлъ всеевропейское вліяніе. А между тѣмъ въ чемъ была его идея, какъ понялъ онъ свой вѣкъ, въ его время лишь начинавшійся, какъ предчувствовалъ онъ грядущее будущее? Увы, онъ со всѣми основными идеями начинавшагося столѣтія рѣшилъ справиться полицейскимъ порядкомъ и вполне былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ! Посмотрите теперь на князя Бисмарка, вотъ этотъ такъ ужъ безспорно геній, но...

— Finissons, monsieur, строго прерываетъ меня маменька съ видомъ глубоко и свысока оскорбленнаго достоинства. Я, разумѣется, тотчасъ же и ужасно пугаюсь. Конечно, я не понять, конечно, съ маменьками еще нельзя теперь заговаривать на такія темы и я даль страшнаго маху. Но съ кѣмъ можно-то теперь заговаривать о дипломатіи, вотъ вѣдь вопросъ? А вѣдь какая интереснѣйшая тема и какъ разъ въ наше время! Но...

II.

Дипломатія передъ міровыми вопросами.

И какая серьезная тема! Ибо что такое теперь наше время? Всѣ, кто одарены мудростью, говорятъ, что наше время есть время по преимуществу дипломатическое, время

рѣшенія всѣхъ міровыхъ судебъ одной лишь дипломатіей. Утверждаютъ, напримѣръ, что будто бы гдѣ-то теперь у насъ идетъ война. И я даже слышалъ о томъ, что идетъ война, но мнѣ говорятъ, и я читаю вездѣ, что если и есть тамъ что-то и гдѣ-то въ родѣ войны, то все это навѣрно не такъ понимается... По крайней мѣрѣ, рѣшено, что эта война ничему ни помѣшаетъ, т. е. ни какимъ здоровымъ отправленіямъ націи, совмѣщающимся, по послѣднимъ взглядамъ всего того что называется вообще „премудростью“, преимущественно и даже единственно въ одной лишь дипломатіи; и что самыя даже эти военныя прогулки, маневры и проч. всегда, впрочемъ, необходимыя, — въ истинномъ смыслѣ вещей составляютъ не болѣе какъ лишь одинъ изъ фазисовъ высшей дипломатіи и ничего болѣе. Такъ и надо вѣровать. Съ моей стороны я очень наклоненъ этому вѣрить, ибо все это очень успокоительно, но вотъ, однако, что любопытно и что ужасно какъ выдается: у насъ, напримѣръ, загорѣлся восточный вопросъ, загорѣлся онъ и во всей Европѣ тотчасъ же, какъ и у насъ, даже раньше, — и это ужасно понятно: всѣ и даже не дипломаты (и даже особенно если не дипломаты) — всѣ знаютъ давнымъ-давно, что восточный вопросъ — есть, такъ сказать, одинъ изъ міровыхъ вопросовъ, одинъ изъ главнѣйшихъ *отдѣловъ* мірового и ближайшаго разрѣшенія судебъ человѣческихъ, новый грядущій фазисъ этихъ судебъ. Извѣстно, что тутъ дѣло не только одного Востока Европы касается, не только славянъ, русскихъ и турокъ, или тамъ специально болгаръ какихъ-нибудь, но тоже и всего Запада Европы, и вовсе не относительно только морей и проливовъ, входовъ и выходовъ, а гораздо глубже, основнѣе, стихійнѣе, насущнѣе, существеннѣе, первоначальнѣе. А потому понятно, что Европа тревожится и что дипломатіи такъ много дѣла. Но какое же, однако, дѣло у дипломатіи? — вотъ мой вопросъ! Чѣмъ она-то (по преимуществу теперь) въ восточномъ вопросѣ занята? Дѣло дипломатіи (а иначе она и дипломатіей бы не была), дѣло ея теперь — конфисковать восточный вопросъ во всѣхъ отношеніяхъ и поскорѣй увѣрить всѣхъ, кого слѣдуетъ и не слѣдуетъ, что никакого вопроса вовсе и не начиналось, что все это только такъ, маневрики и прогулочки — и даже, если только можно, то увѣрить, что восточный вопросъ не только не начинался, но и никогда его не бывало на

свѣтъ, не существовало, а только туману лѣтъ сто назадъ напустили, изъ видовъ, и тоже дипломатическихъ, такъ вотъ и лежитъ этотъ нерастолкованный туманъ до сихъ поръ. Откровенно скажу, что этому можно бы даже и повѣрить, если бъ тутъ какъ разъ не представлялась одна загадка, но уже не дипломатическая (вотъ бѣда!), ибо дипломатія никогда и ни за что не берется за такія загадки, мало того, отворачивается отъ нихъ съ презрѣніемъ, ибо считаетъ ихъ недостойными высшихъ умовъ фантазіями. Эту загадку можно бы формулировать въ такомъ видѣ: „почему это всегда такъ происходитъ, и особенно въ послѣднее время, съ половины, т. е., девятнадцатаго столѣтія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ нагляднѣе и осязательнѣе, почему — чуть лишь дѣло коснется въ мірѣ до чего-нибудь мірового, всеобщаго, какъ тотчасъ же, рядомъ съ однимъ поднявшимся гдѣ-нибудь міровымъ вопросомъ, поднимаются параллельно тому и *все остальные* міровые вопросы, такъ что мало, на примѣръ, теперь Европѣ одного поднявшагося мірового вопроса, восточнаго, нѣтъ, она рядомъ съ нимъ неожиданно-негаданно, вдругъ поднимаетъ во Франціи вопросъ, и тоже міровой, католическій? И католическій вопросъ не потому только, что вотъ-де умретъ скоро папа, то Франція, какъ представительница католичества, должна позаботиться объ томъ, чтобъ отнюдь не исчезло и не измѣнилось ничего въ установившейся вѣками организаціи католичества, а и потому еще, что католичество принято тутъ видимо за общее знамя соединенія всего стараго порядка вещей, за всѣ девятнадцать вѣковъ, — соединенія противъ чего-то новаго и грядущаго, насущнаго и рокового, противъ грозящаго вселенной обновленія новымъ порядкомъ вещей, противъ социальнаго, нравственнаго и кореннаго переворота во всей западно-европейской жизни, или, по крайней мѣрѣ, если и не совершится обновленіе это, то противъ страшнаго потрясенія и колоссальной революціи, которая несомнѣнно грозитъ потрясти всѣ царства буржуазіи во всемъ мірѣ, вездѣ, гдѣ они организовались и процвѣли, по шаблону французскому 1789 года, грозитъ скovyрнуть ихъ прочь и стать на ихъ мѣсто. Кстати, на минутку отступлю отъ темы и сдѣлаю одно необходимое *Nota bene*, ибо предчувствую, какъ смѣшно покажется инымъ мудрецамъ, особенно либеральнымъ, что я, въ самомъ разгарѣ девятнадцатаго столѣтія, называю Францію державою католи-

ческой, представительницей католичества! А потому въ разъясненіе моей мысли и объявлю пока голословно, что Франція есть именно такая страна, которая, если бъ въ ней не оставалось даже ни единого человѣка вѣрящаго не только въ папу, но даже въ Бога, все-таки будетъ продолжать оставаться страной по преимуществу католической, представительницей, такъ сказать, всего католическаго организма, знаменемъ его, и это пребудетъ въ ней чрезвычайно долгое время, даже до невѣроятности, до того, можетъ быть, времени, когда Франція перестанетъ быть Франціей и обратится во что-нибудь другое. Мало того: и социализмъ-то самый начнется въ ней по католическому шаблону, съ католической организаціей и закваской, не иначе,—до такой степени эта страна есть страна католическая! Ничего этого подробно теперь не стану доказывать, а покамѣстъ укажу лишь, на примѣръ, на то: почему это такъ вдругъ подтолкнуло маршала Макъ-Магона возбудить и поднять, ни съ того ни съ сего, именно католическій вопросъ? Этотъ храбрый генераль (впрочемъ, почти вездѣ побѣжденный, а въ дипломатіи отличившійся коротенькой фразой: „j’y suis et j’y reste“) — этотъ генераль вовсе не изъ такихъ, кажется, дѣятелей, чтобъ въ состояніи былъ *сознательно* поднять что-либо въ этомъ родѣ. А вотъ началъ же, поднималъ же самый капитальный изъ старо-европейскихъ вопросовъ, и именно въ томъ видѣ, въ какомъ и должно было ему подняться—но главное: почему, почему именно какъ разъ въ ту минуту поднять, какъ на другомъ концѣ міра загорѣлся другой міровой вопросъ, восточный вопросъ? Почему вопросъ къ вопросу жметя, почему одинъ другой вызываетъ, тогда какъ, казалось бы, между ними и связи-то нѣтъ? Да и не одни эти два вопроса поднялись вмѣстѣ: съ восточнымъ поднялись и еще вопросы, поднимутся и еще, и еще, если онъ правильно разовьется. Однимъ словомъ, всѣ главнѣйшіе вопросы Европы и человѣчества въ нашъ вѣкъ начали подниматься всегда одновременно. И вотъ одновременно-то эта и поражаетъ. Условіе-то это непременно всѣмъ вопросамъ являться вмѣстѣ и составляетъ загадку! Но для чего я это все говорю. А вотъ именно въ виду того, что дипломатія на такіе именно вопросы и смотритъ съ презрѣніемъ. Она не только не признаетъ никакихъ подобныхъ совпаденій, но и думать-то о нихъ не желаетъ. Миражи, дескать, вздоръ и пустяки: „нѣтъ этого всего ничего, а

просто маршалу Макъ-Магону, а пуще его супругѣ чего-то захотѣлось, вотъ все и вышло“. А потому, несмотря на то, что самъ же я провозгласилъ, начиная этотъ отдѣлъ главы, что время наше по преимуществу дипломатическое, а прочее все миражъ — самъ же я принужденъ этому не повѣрить первый. Нѣтъ, тутъ загадка! Нѣтъ, тутъ рѣшается дѣло не одна дипломатія, а и еще что-то другое. И признаюсь, я чрезвычайно смущенъ этимъ выводомъ; я такъ склоненъ былъ вѣрить въ дипломатію, а всѣ эти новые вопросы—все это только новыя хлопоты и больше ничего...

III.

Никогда Россія не была столь могущественною, какъ теперь, — рѣшеніе недипломатическое.

Въ самомъ дѣлѣ, я вотъ предложилъ одинъ вопросъ и пока лишь развилъ его голословно. Но всегда мнѣ представлялся, и еще задолго до этого теперешняго вопроса (т.-е. вопроса о совокупности появленія разомъ всѣхъ мировыхъ вопросовъ, чуть лишь одинъ изъ нихъ подымется), еще другой вопросъ, несравненно простѣйшій и естественнѣйшій, но на который, именно потому что онъ такъ простъ и естественъ, люди мудрости и не обращаютъ почти никакого вниманія. Вотъ этотъ другой вопросъ: Да, пусть дипломатія есть и была, всегда и вездѣ, рѣшительницей всѣхъ основныхъ и важнѣйшихъ вопросовъ человѣчества, и будетъ впредь; но всегда ли окончательное рѣшеніе европейскихъ вопросовъ отъ нея зависитъ? Не бываетъ ли, напротивъ, такого фазиса, такой точки въ каждомъ вопросѣ, когда уже нельзя разрѣшить его всѣмъ извѣстнымъ успокоительнымъ способомъ, дипломатическимъ, т.-е. заплаточками. И хоть и безспорно, что всѣ мировые вопросы, съ точки зрѣнія дипломатическаго, а, стало-быть, и здраваго смысла, всегда объясняются не болѣе какъ тѣмъ, что такимъ-то вотъ державамъ захотѣлось расширенія границъ, или лично чего-то захотѣлось такому-то храброму генералу, или не понравилось что-нибудь какой-нибудь знатной дамѣ и проч., и проч. (иустъ, это безспорно, я это ужъ уступлю, ибо здѣсь премудрость),—но все-таки не бываетъ ли въ извѣстный моментъ, даже вотъ и при этихъ-то самыхъ реальныхъ причинахъ и ихъ объясненіяхъ, такой точки въ ходѣ дѣлъ, такого фазиса, когда появляются вдругъ какія-то стран-

ныя другія силы, положимъ, и непонятныя, и загадочныя, по которыя овладѣвають вдругъ всѣмъ, захватываютъ все разомъ въ совокупности и влекутъ неотразимо, слѣпо, въ родѣ какъ бы подъ гору, а, пожалуй, такъ и въ бездну? Въ сущности я хотѣлъ бы только узнать: всегда ли такъ ужъ надѣется на себя и на средства свои дипломатія, что никакихъ подобныхъ силъ, и точекъ, и фазисовъ не боится вовсе, а, пожалуй, такъ и не предполагаетъ ихъ вовсе? Увы, кажется, что всегда, а потому: какъ я повѣрю ей и довѣрюсь ей, и могу ли принять ее за окончательную рѣшительницу судебъ столь блажного и безпутнаго еще человѣчества!

Увы, въ пространной исторіи Кайданова, есть одна величайшая изъ фразъ. Это именно когда онъ, въ Новой Исторіи, приступилъ къ изложенію французской революціи и появленію Наполеона I. Фраза эта есть начало главы и она осталась въ моей памяти на всю жизнь, вотъ она: „Глубокая тишина царствовала во всей Европѣ, когда Фридрихъ Великій закрывалъ навѣки глаза свои; по никогда подобная тишина не предшествовала такой великой бурѣ!“—Скажите, что знаете вы выше изъ фразъ? Въ самомъ дѣлѣ, кто тогда въ Европѣ, т.-е. когда Фридрихъ Великій закрывалъ навѣки глаза свои, могъ бы предугадать, хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ, что произойдетъ съ людьми и съ Европой въ теченіе слѣдующаго тридцатилѣтія? Я не говорю про какихъ-нибудь тамъ обыкновенныхъ образованныхъ людей, или даже писателей, журналистовъ, профессоровъ. Всѣ они, какъ извѣстно, сбились съ толку: Шиллеръ написалъ, напиримѣръ, тогда, дифирамбъ на открытіе національнаго собранія, путешествовавшій по Европѣ молодой Карамзинъ смотрѣлъ съ умиленнымъ дрожаніемъ сердца на то же событіе, а въ Петербургѣ, у насъ, еще задолго передъ симъ красовался мраморный бюстъ Вольтера. Нѣтъ, я обращаюсь прямо къ самой высшей премудрости, прямо къ всерѣшителямъ судебъ человѣческихъ, т.-е. къ самимъ дипломатамъ, съ вопросомъ: предугадывали ли они тогда хоть что-нибудь изъ того, что въ слѣдующее тридцатилѣтіе произойдетъ?

Но вѣдь вотъ что ужасно: если бъ я спросилъ объ этомъ дипломатовъ (и замѣтите, всѣ почти европейскіе дипломаты учились по „Кайдашеѣ“) — и если бъ они удостоили меня выслушать, то навѣрно отвѣтили бы съ вы-

сокомѣрнымъ смѣхомъ, что „случайностей“ предвидѣть нельзя, и что вся мудрость состоитъ лишь въ томъ, чтобы ко всякимъ случайностямъ быть готовымъ“.

Каково-съ! Нѣтъ, я вамъ скажу: это отвѣтъ типическій, и хотя я самъ его выдумалъ, потому что ни одного дипломата не беспокоилъ вопросами (да и не смѣю), но весь ужасъ мой въ томъ, что я вѣдь увѣренъ, что мнѣ именно такъ отвѣтили бы, а потому я и назвалъ сей отвѣтъ типическимъ. Ибо что такое, скажите, были эти событія конца прошлаго вѣка въ глазахъ дипломатовъ — какъ не *случайности*? Были и есть. А Наполеонъ, на примѣръ — такъ ужъ архи-случайность, и не явись Наполеонъ, умри онъ тамъ, въ Корсикѣ, трехъ лѣтъ отъ роду отъ скара-тины — и третье сословіе человѣчества, буржуазія, не потекло бы съ новымъ своимъ знаменемъ въ рукахъ измѣнять весь ликъ всей Европы (что продолжается и до сихъ поръ), а такъ бы и осталось сидѣть тамъ у себя въ Парижѣ, да пожалуй и замерло бы въ самомъ началѣ!

Дѣло въ томъ, что мнѣ кажется, что и нынѣшній вѣкъ кончится въ Старой Европѣ чѣмъ-нибудь колоссальнымъ, т.-е., можетъ-быть, чѣмъ-нибудь хотя и не буквально похожимъ на то, чѣмъ кончилось восемнадцатое столѣтіе, но все же, настолько же колоссальнымъ — стихійнымъ, и страшнымъ, и тоже съ измѣненіемъ лика міра сего — по крайней мѣрѣ, на Западѣ Старой Европы. И вотъ, если наши премудрые будутъ утверждать, что нельзя же предугадать *случайностей* и т. д., мало того: если имъ даже и въ голову что-нибудь объ этомъ финалѣ не заходило, то...

Однимъ словомъ: заплаточки, заплаточки и заплаточки!

Ну, что же, будемъ благоразумны, будемъ ждать. Заплаточки, вѣдь, если хотите, вещь тоже необходимая и полезная, благоразумная и практическая. Тѣмъ болѣе, что заплаточками, напр., обмануть врага можно. Вотъ у насъ теперь война, и если бѣ случилось, что Австрія повернулась бы къ намъ враждебно, то „заплаточкой“ ее какъ разъ можно ввести въ обманъ, въ который сама же она съ удовольствіемъ втюрится, ибо что такое Австрія? Сама-го она чуть не на ладанъ дышитъ, развалиться хочетъ, точно такой же „больной человѣкъ“ какъ и Турція, да, можетъ-быть, и еще того плоше. Это образецъ всевозможныхъ дуализмовъ, всевозможныхъ внутри себя враждебныхъ сдединеній, народностей, идей, всевозмож-

ныхъ несогласій и противорѣчивыхъ направленій; тутъ и венгры, тутъ и славяне, тутъ и нѣмцы, тутъ и царство жидовъ... Ну, а теперь, благодаря ухаживанію за ней дипломатіи, она и впрямь, пожалуй, можетъ вздумать о себѣ, что она — могущество, которое и дѣйствительно много значить и многое можетъ сдѣлать въ общемъ рѣшеніи судебъ. Такой обманъ воображенія, возбужденный именно посредствомъ ухаживанія и заплаточекъ, для рѣшенія славянскихъ судебъ выгоденъ, ибо можетъ на время отвлечь врага, а къ моменту рѣшенія, когда онъ вдругъ увидитъ, что его никто не боится, и что онъ вовсе не могущество — можетъ поразить его упадкомъ духа, попросту сконфузить. Другое дѣло Англія: это нѣчто по-серьезнѣе, къ тому же теперь страшно озабоченное въ самыхъ основныхъ своихъ начинаніяхъ. Эту заплаточками и ухаживаніями не усыпишь. Чтò ни толкуй ей, а вѣдь она ни за чтò и никогда не повѣритъ тому, чтобъ огромная, сильнѣйшая теперь нація въ мірѣ, вынудившая свой могучій мечъ и развернувшая знамя великой идеи и уже перешедшая черезъ Дунай, можетъ въ самомъ дѣлѣ пожелать разрѣшить тѣ задачи, за которыя взялась она, себѣ въ явный ущербъ, и единственно въ ея, Англіи, пользу. Ибо всякое улучшение судебъ славянскихъ племенъ, есть, во всякомъ случаѣ, явный для Англіи ущербъ, и заплаточками тутъ ни за чтò и никого не умаслишь: не повѣрятъ! Просто ничему въ Англіи не повѣрятъ. Да и какими аргументами убѣдить ее? „Я вотъ, дескать, немножко *начну*, но не кончу“. Но вѣдь въ политикѣ начало дѣла есть все, ибо начало, естественно, рано ли, поздно ли приведетъ къ концу. Чтò въ томъ, что окончаніе завершится не сегодня, все равно завершится завтра. Однимъ словомъ, они не повѣрятъ, а потому надо бы и намъ англичанамъ не вѣрять, или какъ можно меньше вѣрять, разумѣется, про себя. Хорошо бы намъ тоже догадаться, что Англія въ самомъ критическомъ теперь положеніи, въ которомъ когда-либо находилась. Это критическое ея положеніе можетъ быть формулировано точнѣйшимъ образомъ въ одномъ словѣ *уединеніе*, ибо никогда еще, можетъ быть, Англія не была въ такомъ страшномъ уединеніи, какъ теперь. О, какъ бы она рада была теперь найти въ Европѣ союзъ, какой-нибудь *entente cordiale*. Но бѣда ея въ томъ, что не было еще момента въ Европѣ, когда бы труднѣе было составить союзъ. Ибо именно теперь въ Европѣ все

поднялось одновременно, всѣ міровые вопросы разомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ міровыя противорѣчія, такъ что каждому народу и государству *страшно много собственнаго дѣла у себя дома*. А такъ какъ англійскій интересъ не міровой, а давно уже отъ всего и всѣхъ отъединенный и единственно касающійся одной только Англій, то, на время, по крайней мѣрѣ, она и останется въ чрезвычайномъ уединеніи. О, разумѣется, ей можно бы было согласиться даже и съ преслѣдующими другую цѣль изъ взаимныхъ выгодъ: „Я, дескать, тебѣ то доставлю, а ты мнѣ это“.—Но по характеру-то теперешнихъ заботъ европейскихъ трудно въ этомъ родѣ *entente cordiale* составить, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту, и придется долго ждать, пока потомъ, въ будущемъ развитіи, найдется такой моментъ, что можно будетъ и ей куда-нибудь съ своимъ союзомъ примазаться. Кромѣ того Англій прежде всего надобенъ союзъ выгодный, т. е. такой, при которомъ она возьметъ все, а сама оплатитъ по возможности *ничѣмъ*. Ну, вотъ именно такого-то выгоднаго союза теперь всего болѣе не предвидится, и Англій въ уединеніи. О, если бъ этимъ уединеніемъ мы могли удачно воспользоваться! Но тутъ другое восклицаніе: „О, если бъ мы были менѣе скептиками и могли увѣровать въ то, что есть міровые вопросы и что нѣ миражъ они! Главное то, что у насъ въ Россіи очень большая часть интеллигенціи нашей всегда какъ-то видитъ и принимаетъ Европу не реально, какъ она есть теперь, а всегда какъ-то заднимъ числомъ, съ запаздываніемъ. Въ будущность не заглядываютъ, а склонны судить болѣе по прошедшему, даже по давно прошедшему.

А между тѣмъ міровые вопросы существуютъ дѣйствительно, и какъ бы это въ нихъ-то не вѣрить, да еще намъ-то? Два изъ нихъ уже поднялись и влекутся уже не человѣческою премудростью, а стихійною своею силою, основною органическою своею потребностью, и не могутъ уже остаться безъ разрѣшенія, несмотря на всѣ расчеты дипломатіи. Но есть и третій вопросъ, и тоже міровой, и тоже подымается и почти уже поднялся. Вопросъ этотъ въ частности можно назвать германскимъ, а въ сущности, въ цѣломъ, какъ нельзя болѣе всеевропейскимъ, и какъ нельзя сильнѣе слить онъ органически съ судьбой всей Европы и всѣхъ остальныхъ міровыхъ вопросовъ. Казалось бы, однако, на видѣ, что ничего не можетъ быть

спокойнѣе и безмятежнѣе, какъ теперь Германія: въ спокойствіи грозной силы своей она смотритъ, наблюдаетъ и ждетъ. Всѣ, болѣе или менѣе, въ ней нуждаются, всѣ, болѣе или менѣе, отъ нея зависятъ. И однако... все это миражъ! Вотъ то-то и есть, что у всѣхъ теперь въ Европѣ свое дѣло, у cadaго объявилось по собственному своему самоважнѣйшему вопросу, по вопросу такой важности, какъ само почти существованіе, какъ вопросъ о томъ, быть или не быть. Вотъ этакій самый вопросъ нашелся и у Германіи, и какъ разъ въ ту минуту, какъ поднялись и другіе міровые вопросы—и вотъ это-то состояніе Европы, прибавлю забѣгая впередъ, какъ не надо болѣе выгодно для Россіи въ данный моментъ! Ибо никогда она не была столь нужна Европѣ и могущественнѣе въ глазахъ ея, и между тѣмъ столь отъединеннѣе отъ поднявшихся въ ней, въ этой старой Европѣ, самыхъ капитальныхъ и страшныхъ, но *своихъ*, ей только, старой Европѣ, а не Россіи свойственныхъ вопросовъ. И никогда союзъ Россіи не цѣнился бы выше, какъ теперь въ Европѣ, никогда еще она не могла себя съ большею радостью поздравить съ тѣмъ, что она не старая Европа, а новая, что она сама по себѣ, свой особый и могучій міръ, для котораго именно теперь наступилъ моментъ вступить въ новый и высшій фазисъ своего могущества, и болѣе чѣмъ когда-нибудь стать независимою отъ прочихъ, *иныхъ*, роковыхъ вопросовъ, которыми старая, дряхлая Европа связала себя!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Германскій міровой вопросъ. Германія страна протестующая.

Но мы заговорили про Германію, про теперешнюю задачу ея, теперешній ея роковой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и міровой вопросъ. Какая же это задача? И почему эта задача лишь теперь обращается для Германіи въ столь хлопотливый вопросъ, а не прежде, не недавно, не годъ назадъ, или даже не два мѣсяца назадъ?

Задача Германіи одна, и прежде была и всегда. Это ея *протестантство*,—не та единственно формула этого протестантства, которая опредѣлилась при Лютерѣ, а всегдашнее ея протестантство, всегдашній *протестъ* ея—противъ римскаго міра, начиная съ Арминія, противъ всего, что было Римомъ и римской задачей, и потомъ

противъ всего, что отъ древняго Рима перешло къ новому Риму и ко всѣмъ тѣмъ народамъ, которые восприняли отъ Рима его идею, его формулу и стихію, къ наслѣдникамъ Рима и ко всему, что составляетъ это наслѣдство. Я убѣжденъ, что нѣкоторые изъ читателей, прочтя это, вскинутъ плечами и засмѣются: „ну, можно ли, дескать, въ девятнадцатомъ столѣтїи, въ вѣкъ новыхъ идей и науки, толковать о католичествѣ и протестанствѣ, какъ будто мы еще въ среднихъ вѣкахъ! И если еще есть, пожалуй, религиозные люди и даже фанатики, то сохранились какъ археологическая рѣдкость, сидять по опредѣленнымъ мѣстамъ и угламъ, осужденные и всѣми осмѣянные, а, главное, въ самомъ маломъ числѣ, въ видѣ ничтожной мизерной кучки отсталыхъ людей. И такъ, можно ли ихъ считать за что-нибудь въ такомъ высшемъ дѣлѣ, какъ міровая политика?“

Но я не религиозный *протестъ* разумѣю, я не останавливаюсь на временныхъ формулахъ идеи древне-римской, равно какъ и вѣковѣчнаго германскаго противъ нея протеста. Я беру лишь основную идею, начавшуюся еще двѣ тысячи лѣтъ тому и которая съ тѣхъ поръ не умерла, хотя постоянно перевоплощалась въ разные виды и формулы. Теперь именно весь этотъ крайній западно-европейскій міръ,—именно унаслѣдовавшій римское наслѣдство, мучится родами новаго перевоплощенія этой унаслѣдованной древней идеи, и это для тѣхъ, кто умѣетъ смотрѣть, до того наглядно, что и объясненій не просить.

Древній Римъ первый родилъ идею всемірнаго единенія людей, и первый думалъ (и твердо вѣрилъ) практически ее выполнить въ формѣ всемірной монархіи. Но эта формула пала предъ христіанствомъ,—формула, а не идея. Ибо идея эта есть идея европейскаго челоуѣчества, изъ нея составилаь его цивилизація, для нея одной лишь оно и живетъ. Пала лишь идея всемірной *римской* монархіи и замѣнилась новымъ идеаломъ всемірнаго же единенія во Христѣ. Этотъ новый идеаль раздвоился на восточный, то-есть идеаль совершенно духовнаго единенія людей, и на западно-европейскій, римско-католическій, папскій, совершенно обратный восточному. Это западное римско-католическое воплощеніе идеи и совершилось по-своему, не утративъ свое христіанское, духовное начало и подѣлившись имъ съ древне-римскимъ наслѣдствомъ. Римскимъ папствомъ было провозглашено, что христіан-

ство и идея его, безъ всемірнаго владѣнія землями и народами,—не духовно, а государственно,—другими словами, безъ осуществленія на землѣ новой всемірной римской монархіи, во главѣ которой будетъ уже не римскій императоръ, а папа,—осуществимо быть не можетъ. И вотъ началась опять попытка всемірной монархіи совершенно въ духѣ древне-римскаго міра, но уже въ другой формѣ. Такимъ образомъ на восточномъ идеалѣ—сначала духовное единеніе человѣчества во Христѣ, а потомъ ужъ, въ силу этого духовнаго соединенія всѣхъ во Христѣ, и несомнѣнно вытекающее изъ него правильное государственное и социальное единеніе, тогда какъ по римскому толкованію наоборотъ: сначала заручиться прочнымъ государственнымъ единеніемъ въ видѣ всемірной монархіи, а потомъ ужъ, пожалуй, и духовное единеніе подъ началомъ папы, какъ владыки міра сего.

Съ тѣхъ поръ эта попытка въ римскомъ мірѣ шла впередъ и измѣнялась непрерывно. Съ развитіемъ этой попытки самая существенная часть христіанскаго начала почти утратилась вовсе. Отвергнувъ, наконецъ, христіанство духовно, наслѣдники древне-римскаго міра отвергли и папство. Прогремѣла страшная французская революція, которая въ сущности была не болѣе какъ послѣднимъ видоизмѣненіемъ и перевоплощеніемъ той же древне-римской формулы всемірнаго единенія. Но новая формула оказалась недостаточною, новая идея не завершилась. Былъ даже моментъ, когда для всѣхъ націй, унаслѣдовавшихъ древне-римское призваніе, наступило почти отчаяніе. О, разумѣется, та часть общества, которая выиграла для себя съ 1789 года политическое главенство, т. е. буржуазія—восторжествовала и объявила, что далѣе и не надо идти. Но зато всѣ тѣ умы, которые по вѣковѣчнымъ законамъ природы обречены на вѣчное міровое безпокойство, на исканіе новыхъ формулъ идеала и новаго слова, необходимыхъ для развитія человѣческаго организма,—всѣ тѣ бросились ко всѣмъ униженнымъ и обойденнымъ, ко всѣмъ не получившимъ доли въ новой формулѣ всечеловѣческаго единенія, провозглашенной французской революціей 1789 года. Они провозгласили свое уже новое слово, именно необходимость всеединенія людей уже не въ виду распредѣленія равенства и правъ жизни для какой-нибудь одной четверти человѣчества, оставляя остальныхъ лишь сырымъ матеріаломъ и эксплуатируемымъ сред-

ствомъ для счастья этой четверти человѣчества, а напротивъ: всеединенія людей на основаніяхъ всеобщаго уже равенства, при участіи всѣхъ и каждаго въ пользованіи благами міра сего, какія бы они тамъ ни оказались. Осуществить же это рѣшеніе положили *всякими* средствами, т. е. отнюдь уже не средствами христіанской цивилизаціи, и не останавливаясь ни передъ чѣмъ.

При чемъ же тутъ все это время, всѣ эти двѣ тысячи лѣтъ была Германія? Характернѣйшая, существеннѣйшая черта этого великаго, гордаго и особаго народа, съ самой первой минуты его появленія въ историческомъ мірѣ, состояла въ томъ, что онъ никогда не хотѣлъ соединиться, въ призваніи своемъ и въ началахъ своихъ, съ крайне западнымъ европейскимъ міромъ, т. е. со всѣми преемниками древне-римскаго призванія. Онъ *протестовалъ* противъ этого міра всѣ двѣ тысячи лѣтъ, и хотъ и не представлялъ (и никогда не представлялъ еще) своего слова, своего строго формулированнаго идеала взаимнѣ древнеримской идеи, но, кажется, всегда былъ убѣжденъ, внутри себя, что въ состояніи представить это новое слово и повести за собою человѣчество. Онъ бился съ римскимъ міромъ еще во времена Арминія, затѣмъ во времена римскаго христіанства онъ болѣе чѣмъ кто-нибудь бился за верховную власть съ новымъ Римомъ. Наконецъ, протестовалъ самымъ сильнымъ и могучимъ образомъ, выводилъ новую формулу протеста уже изъ самыхъ духовныхъ, стихійныхъ основъ германскаго міра: онъ провозгласилъ свободу изслѣдованія и воздвигъ знамя Лютера. Разрывъ былъ страшный и міровой, формула протеста нашлась и восполнилась,—хотя все еще отрицательная, хотя все еще новое и *положительное* слово сказано еще не было.

И вотъ германскій духъ, сказавъ это новое слово протеста—на время какъ бы замеръ, и произошло это совершенно параллельно съ такимъ же ослабленіемъ прежняго строго формулированнаго единства силъ и въ его противнигѣ. Крайне западный міръ подъ вліяніемъ открытія Америки, новой науки и новыхъ началъ искалъ переродиться въ новую истину, въ новый фазисъ. Когда наступила первая попытка этого перевоплощенія во время французской революціи, германскій духъ былъ въ большомъ смущеніи и на время потерялъ было самость свою и вѣру въ себя. Онъ ничего не могъ сказать противъ новыхъ идей крайне-западнаго европейскаго міра. Лютерово

протестантство уже отжило свое время давно, идея же свободного изслѣдованія давно уже принята была всемірной наукой. Огромный организм Германіи почувствовалъ болѣе чѣмъ кто-нибудь, что онъ не имѣетъ, такъ сказать, плоти и формы для своего выраженія. Вотъ тогда-то въ немъ родилась настоящая потребность хотя бы сплотиться только наружно въ единый стройный организмъ, въ виду новыхъ грядущихъ фазисовъ его вѣчной борьбы съ крайне-западнымъ міромъ Европы. Тутъ надо замѣтить весьма любопытное совпаденіе: оба всегдашніе враждебные лагеря, оба противника старой Европы за главенство въ ней, въ одно и то же время (или почти), схватываются и исполняютъ очень схожую между собою задачу. Новая, еще мечтательная грядущая формула крайне-западнаго міра, т.-е. обновленіе человѣческаго общества на новыхъ соціальныхъ началахъ—эта формула почти все наше столѣтіе провозглашавшаяся лишь мечтателями, научными представителями ея, всякими идеалистами и фантазерами, вдругъ въ послѣдніе годы измѣняетъ свой видъ и ходъ своего развитія и рѣшаетъ: оставить пока теоретическое опредѣленіе и возсозданіе своей задачи и приступить прямо, прежде всякихъ мечтаній, къ практическому шагу задачи, т.-е. прямо начать борьбу: а для того—положить начало соединенію во единую организацію всѣхъ будущихъ бойцовъ новой идеи, т.-е. всему *четвертому*, обобщенному въ 1789 году сословію людей, всѣмъ неимущимъ, всѣмъ рабочимъ, всѣмъ нищимъ, и, уже устроивъ это соединеніе, поднять знамя новой и неслыханной еще всемірной революціи. Явились интернаціоналка, международныя сношенія всѣхъ нищихъ міра сего, сходки, конгрессы, новые порядки, законы, — однимъ словомъ, положено *по всей старой Западной Европѣ* основаніе новому status in statu, грядущему поглотить собою старый, владычествующій въ крайне-западной Европѣ, порядокъ міра сего. И вотъ, въ то время какъ это совершалось у противника, гений Германіи понялъ, что и германская задача, прежде всякаго дѣла и начинанія, прежде всякой попытки поваго слова противъ перевоплотившагося изъ старой древне-католической идеи противника — закончить собственное политическое единеніе, завершить возсозданіе собственного политическаго организма, и возсоздавъ его, тогда только стать лицомъ къ лицу съ вѣковѣчнымъ врагомъ своимъ. Такъ и случилось: завершивъ свое объединеніе, Германія

бросилась на противника и вступила съ нимъ въ новый періодъ борьбы, начавъ ее желѣзомъ и кровью. Дѣло желѣзомъ, конечно, теперь предстоитъ его кончить духовно, существенно. И вотъ, вдругъ, теперь для Германіи является новая забота, новый неожиданный поворотъ дѣла, страшно усложняющій задачу. Какая же это задача и въ чемъ этотъ новый поворотъ дѣла?

II.

Одинъ гениально-мнительный человѣкъ.

Эта задача, это новая *внезапная* забота Германіи, если хотите, давно уже просилась наружу, а теперь все дѣло въ томъ, что она слишкомъ ужъ вдругъ выскочила всѣмъ на видъ вслѣдствіе внезапнаго клерикальнаго переворота во Франціи. Формулировать ее можно отчасти въ видѣ такого сомнѣнія: „Да объединился ли полно германскій организмъ въ одно цѣлое, не раздробленъ ли онъ, напротивъ, попрежнему, несмотря на гениальныя усилія предводителей Германіи за послѣднія двадцать пять лѣтъ, — мало того: объединился ли онъ хотя бы только лишь политически, не миражъ ли и это, несмотря на франко-прусскую войну и провозглашенную послѣ нея новую неслыханную прежде Германскую имперію?“ Вотъ этотъ мудреный вопросъ.

Вся мудренность этого вопроса заключается, главное, въ томъ, что его, почти до самаго послѣдняго времени, не предполагали даже и существующимъ, по крайней мѣрѣ, среди огромнѣйшаго большинства германцевъ. Самоупоеніе, гордость и совершенная вѣра въ свое необъятное могущество чуть не опьянили всѣхъ нѣмцевъ поголовно послѣ франко-германской войны. Народъ, необыкновенно рѣдко побѣждавшій, по зато до странности часто побѣждаемый, — этотъ народъ вдругъ побѣдилъ такого врага, который почти всѣхъ всегда побѣждалъ! А такъ какъ ясно было, что онъ и не могъ не побѣдить вслѣдствіе образцоваго устройства своей безчисленной арміи и своеобразнаго пересозданія ея на совершенно новыхъ началахъ, и, кромѣ того, имѣя столь гениальныхъ предводителей во главѣ, то, разумѣется, германецъ и не могъ не возгордиться этимъ до опьянѣнія. Тутъ ужъ нечего брать въ соображеніе всегдашнюю самодовольную хвастливость всякаго нѣмца — исконную черту нѣмецкаго характера. Съ другой стороны, изъ такъ недавно еще раздробленнаго

политическаго организма вдругъ появилось такое стройное цѣлое, что германецъ не могъ и тутъ усомниться и вполне повѣрилъ, что объединеніе завершилось, и что для германскаго организма наступилъ новый, блестящій и великій фазисъ развитія. И такъ, не только явилась гордость и шовинизмъ, но явилось почти легкомысліе; и ужъ какіе тутъ могли быть вопросы, — не только для какого-нибудь воинственнаго лавочника или сапожника, но даже для профессора или министра? Но, однакоже, все-таки оставалась кучка нѣмцевъ, очень скоро, почти сейчасъ же послѣ франко-прусской войны, начавшихъ сомнѣваться и задумываться. Во главѣ замѣчательнѣйшихъ членовъ этой кучки безспорно стоялъ князь Бисмаркъ.

Еще не успѣли выйти германскія войска изъ Франціи, какъ онъ уже ясно увидѣлъ, что слишкомъ мало было сдѣлано „кровью и желѣзомъ“, и что надо было, имѣя передъ собою такихъ размѣровъ цѣль, сдѣлать, по крайней мѣрѣ, вдвое больше пользуясь случаемъ. Правда, военныхъ выгодъ осталось все же безмѣрно больше на сторонѣ Германіи, и это еще надолго. Франція, послѣ уступки Эльзаса и Лотарингіи, стала такой маленькой, по земельному объему, страной для великой державы, что одно или два удачныхъ для Германіи сраженія, въ случаѣ новой войны, и германскія войска тотчасъ же будутъ въ центрѣ Франціи и въ стратегическомъ отношеніи Франція пропала. Но однако вѣрны ли побѣды, можно ли надѣяться на эти два побѣдоносныя сраженія навѣрно? Въ франко-прусскую войну нѣмцы побѣдили-то собственно вѣдь не французовъ, а только Наполеона и его порядки. Не всегда же во Франціи будутъ войска столь плохо устроенныя и командуемыя, не всегда же будутъ и узурпаторы, которые, нуждаясь въ своихъ генералахъ и чиновникахъ изъ династическихъ интересовъ, принуждены будутъ допускать у себя такія плачевныя упущенія, при которыхъ не можетъ существовать правильное войско. Не всегда же будетъ повторяться и Седанъ, ибо Седанъ въ сущности только случай и вышелъ лишь потому, что Наполеону нельзя уже было воротиться въ Парижъ императоромъ иначе какъ по милости короля прусскаго. Не всегда тоже будутъ и столь мало даровитые генералы, какъ Макъ-Магонъ, или такіе измѣнники, какъ Базенъ. Опьяненные столь неслыханнымъ для нихъ торжествомъ, нѣмцы, конечно, всѣ до одинаго, могли увѣрывать въ то, что это

все они сдѣлали, одними своими талантами, но въ сомнѣвающейся кучкѣ могли думать иное, особенно послѣ того, когда побѣжденный врагъ, еще столь разстроенный и потрясенный, вдругъ уплатилъ три миллиарда контрибуціи разомъ и не поморщился. Это ужъ, конечно, очень огорчило князя Бисмарка.

Съ другой стороны, для сомнѣвающейся кучки предстоятъ и другой вопросъ, можетъ-быть, еще важнѣйшій: совсѣмъ ли завершилось политическое и гражданское объединеніе внутри организма? Для всѣхъ почти въ Европѣ, и, кажется, въ особенности у насъ въ Россіи, въ этомъ доселѣ еще никто не сомнѣвался. Вообще мы, русскіе, приняли все то, что приключилось въ послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ въ Германіи, за нѣчто уже окончательное, въ высшей степени не случайное, а натуральное, за такое, что уже и не должно измѣниться. Совершившіеся факты намъ внушили необыкновенное почтеніе. А между тѣмъ, въ глазахъ столь геніальныхъ людей, какъ князь Бисмаркъ, врядъ ли все, чему слѣдовало, приняло свою окончательную прочность. То, что можетъ казаться теперь прочнымъ, то, можетъ-быть, всего только еще фантазія. Трудно предположить, чтобъ столь долгая привычка къ политическому разьединенію исчезла у нѣмцевъ такъ, вдругъ, какъ выпитый стаканъ воды. Нѣмецъ упоренъ уже по своей природѣ. Нынѣшнее поколѣніе нѣмцевъ къ тому же было подкуплено успѣхами, опьянено гордостью и сдержано желѣзной рукой предводителей. Но въ весьма, можетъ, недалекомъ будущемъ, когда эти предводители отойдутъ въ другой міръ и уступятъ мѣсто другимъ, поднимутся можетъ-быть прижатые на время вопросы и инстинкты. Весьма тоже вѣроятно, что тогда утратится энергія перваго порыва соединенія, напротивъ, возродится вновь энергія оппозиціи, которая и пошатнетъ то, что было сдѣлано. Явится стремленіе къ распаденію, къ обособленію, и именно тогда, когда на Западѣ ужъ совсѣмъ оправится отъ удара страшный врагъ, который и теперь уже не спитъ и не дремлетъ, и даже извѣстно съ чего начнетъ. А тутъ, вдобавокъ, и самый, такъ сказать, законъ природы: Германія вѣдь все-таки въ Европѣ страна *середина*: какъ бы она ни была сильна — съ одной стороны Франція, съ другой Россія. Правда, русскіе пока вѣжливы. Но, что если они вдругъ догадаются, что не они нуждаются въ союзѣ съ Германіей, а что Германія нуждается

въ союзѣ съ Россіей, мало того: *что зависимость отъ союза съ Россіей есть, повидимому, роковое назначеніе Германіи, съ франко-прусской войны особенно.* То-то и есть, что въ слишкомъ сильную почитительность Россіи даже и такой убѣжденный въ своей силѣ человекъ, какъ князь Бисмаркъ, не въ состояніи вѣрить. Правда, до послѣдняго внезапнаго приключенія во Франціи, измѣнившаго вдругъ весь видъ дѣла, князь Бисмаркъ все еще надѣялся, что чрезвычайная вѣжливость Россіи еще надолго непоколебима, и вотъ вдругъ это приключеніе! Однимъ словомъ, случилось нѣчто необычайное.

Необычайное для всѣхъ, но не для князя Бисмарка! Теперь оказалось, что геній его все это „приключеніе“ предвидѣлъ заранѣе. Не геній ли его, скажите, не гениальный ли глазъ его подмѣтилъ главнаго врага столь задолго? Почему именно онъ такъ возненавидѣлъ католицизмъ, почему онъ такъ гналъ и преслѣдовалъ все, что исходило изъ Рима (т.-е. отъ папы), — вотъ уже столько лѣтъ? Почему онъ такъ дальновидно озаботился заручиться итальянскимъ союзомъ (такъ можно выразиться), — какъ не для того, чтобъ съ помощью итальянскаго правительства раздавить папское начало въ мірѣ, когда придетъ срокъ выбирать новаго папу. Не католическую вѣру онъ гналъ, а римское начало этой вѣры. О, безъ сомнѣнія, онъ дѣйствовалъ какъ нѣмецъ, какъ протестантъ, онъ дѣйствовалъ противъ основной стихіи крайне-западнаго, всегда враждебнаго Германіи міра, но все же очень и очень многіе изъ гениальнѣйшихъ и либеральныхъ мыслителей Европы смотрѣли на этотъ походъ великаго Бисмарка противъ столь ничтожнаго папы, какъ на борьбу слона съ мухой. Иные объясняли все это даже странностью генія, капризами гениальнаго человека. Но дѣло въ томъ, что гениальный политикъ *сумѣлъ* опѣнить, можетъ-быть, единый въ мірѣ изъ политиковъ, какъ сильно еще римское начало само въ себѣ и среди враговъ Германіи, и какимъ страшнымъ цементомъ можетъ оно послужить въ будущемъ для соединенія всѣхъ этихъ враговъ воедино. Онъ сумѣлъ догадаться, что, можетъ-быть, у одной лишь римской идеи можетъ найтись такое знамя, которое въ роковую (а въ глазахъ Бисмарка и неизбѣжную) минуту сплотитъ всѣхъ уже раздавленныхъ имъ враговъ Германіи опять въ одно страшное дѣло. И вотъ гениальная догадка вдругъ оправдалась: всѣ партіи въ

побѣжденной Франціи, изъ тѣхъ, которыя могли начать движеніе противъ Германіи, — всѣ эти партіи были раздроблены, ни одна изъ нихъ не могла восторжествовать и захватить во Франціи власть. Соединиться тоже онѣ никакъ не могли, имѣя каждая въ виду противоположныя цѣли задачъ своихъ, — и вотъ знамя папы и іезуитовъ соединяетъ все. Врагъ возсталъ и врагъ этотъ уже не Франція, а самъ папа. Это папа, предводительствующій всѣмъ и всѣми, кому завѣщена римская идея, и идущій броситься на Германію. Но, чтобы яснѣе изложить случившееся, взглянемъ пристальнѣе въ лагерь противниковъ Германіи.

III.

И сердиты и сильны.

Папа умираетъ. Онъ очень скоро умретъ. Все католичество, принимающее Христа въ образѣ римской идеи — давно уже въ страшномъ волненіи. Подходить роковая минута. Оплошать нельзя, ибо тогда уже смерть римской идеѣ. Можетъ именно случиться, что новый папа, подъ давленіемъ правительствъ всей Европы, будетъ избранъ, „не свободно“, и провозглашенный папой согласится отказаться навѣки, и въ принципѣ, отъ земного владѣнія, отъ сана земного государя, отъ котораго не отказался Пій IX (напротивъ, въ самую роковую минуту, когда отъ него отнимали и Римъ и послѣдній кусокъ земли и оставляли ему въ собственность лишь одинъ Ватиканъ, въ эту самую минуту онъ, какъ нарочно, провозгласилъ свою непогрѣшимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тезисъ: что безъ земного владѣнія христіанство не можетъ уцѣлѣть на землѣ, — т.-е. въ сущности провозгласилъ себя владыкою міра, а предъ католичествомъ поставилъ, уже догматически, прямую цѣль всемірной монархіи, къ которой и повелѣлъ стремиться во славу Божію и Христа на землѣ). О, конечно, онъ ужасно насмѣшилъ тогда всѣхъ остроумныхъ людей: „сердитъ да не силенъ—Хлестакову братъ“. И вотъ, вдругъ, если новоизбранный папа будетъ подкупленъ, если даже самъ конклавъ, подъ давленіемъ всей Европы, принужденъ будетъ войти въ соглашеніе съ противниками римской идеи, — ну, тогда ей и смерть! Ибо разъ, правильно избранный, а, стало-быть, непогрѣшимый папа, откажется въ принципѣ отъ сана земного государя, — то, стало-быть, и впродѣ навѣки такъ и останется.

Съ другой стороны, если новоизбранный конклавомъ папа твердо и на всю вселенную объявить, что онъ ни отъ чего не хочетъ отказываться, а пребудетъ въ прежней идеѣ вполнѣ, и начнетъ съ апаемы на всѣхъ враговъ Рима и римскаго католичества, то тогда правительства Европы могутъ его не признать, а, стало-быть, и въ этомъ случаѣ можетъ произойти такое роковое потрясеніе въ Римской Церкви, послѣдствія котораго могутъ быть неисчислимы и непредвидимы.

О, неправда ли, что для политиковъ и дипломатовъ почти всей Европы—все это весьма смѣшно и ничтожно! Папа, поверженный и заключенный въ Ватиканѣ, представлялъ собою, въ послѣдніе годы, въ ихъ глазахъ такое ничтожество, которымъ стыдно было и заниматься. Такъ размышляли чрезвычайно многіе передовые люди Европы, особенно изъ остроумныхъ и либеральнѣйшихъ. Папа, издающій аллокуціи и силлабусы, принимающій богомольцевъ, проклинаящій и умирающій—въ глазахъ ихъ похожъ былъ на шута для ихъ увеселенія. Мысль о томъ, что огромнѣйшая идея міра, идея, вышедшая изъ главы діавола во время искушенія Христова въ пустынѣ, идея, живущая въ мірѣ уже органически тысячу лѣтъ—эта идея такъ-таки возьметъ и умретъ въ одну минуту—эта мысль принималась за несомнѣнную. Ошибка, конечно, тутъ заключалась въ религіозномъ значеніи этой идеи, въ томъ, что два значенія были перемѣшаны вмѣстѣ: „Такъ какъ-де рѣдко кто теперь вѣритъ на свѣтѣ въ Бога, особенно по римскому толкованію, а во Франціи такъ даже не вѣритъ въ него и народъ, а развѣ одно только высшее сословіе, да и то не вѣритъ, а только ломается,—то, стало-быть, какую же силу могутъ имѣть, въ нашъ образованный вѣкъ, папа и римское католичество?—вотъ въ чемъ увѣрены даже и теперь остроумные люди. Но идея религіозная и идеал папская въ сущности различны. Вотъ эта-то папская идея вдругъ въ наши дни, всего только два мѣсяца назадъ, разомъ проявила такую живучесть, такую силу, что произвела во Франціи радикальнѣйшій политическій переворотъ, надѣла на всю Францію узду и рабски повлекла ее за собой.

Во Франціи за послѣдніе годы образовалось парламентское большинство изъ республиканцевъ, и вели они свои дѣла порядочно, чисто, спокойно, безъ потрясеній. Улучшили армію, дали для нея громадныя суммы не споря,

но и не думали о войнѣ, и всѣ понимали, и во Франціи, и въ Европѣ, что если есть вполне миролюбивая партія, то ужь, конечно, это они, республиканцы. Предводители ихъ отличались сдержанностью и необычнымъ еще у нихъ благородіемъ. Въ сущности, однако, все это люди отвлеченные и идеалисты. Это давно уже отпѣтые и ужасно безсильные люди. Это либеральные, сѣдые, по молодящіеся старички, воображающіе себя все еще молодыми. Они оставались на идеяхъ первой французской революціи, т.-е. на торжествѣ третьяго сословія, и въ полномъ смыслѣ слова суть воплощеніе буржуазіи. Это совершенно та же іюльская монархія, но съ тою лишь разницей, что она называется республикой и что нѣтъ короля (т.-е. ужь, разумѣется, „тирана“). Все, что они внесли новаго—это провозглашеніе въ 1848 году всеобщей подачи голосовъ, котораго такъ боялось іюльское королевское правительство и изъ котораго не только не вышло ничего опаснаго, а, напротивъ, очень даже много, для буржуазіи, полезнаго. Очень тоже пригодилась потомъ эта идея правительству Наполеона III. Но старички удовлетворены были ею въ высшей степени, и ихъ, какъ дѣтей, тѣшить, что они республиканцы. Слово „республика“ у нихъ что-то комически-идеальное. Казалось бы, эта невинная партія могла вполне удовлетворить Францію, т.-е. городскую буржуазію и землевладѣльцевъ. Но оказалось напротивъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему республика всегда казалась во Франціи правительствомъ неблагонадежнымъ. И если республиканцы не были всегда ненавидимы, то всегда были презираемы за безсиліе ихъ огромнымъ большинствомъ буржуазіи. Если не прямо презираемы, то всегда неуважаемы. Народъ тоже въ нихъ почти никогда не вѣрилъ. Дѣло въ томъ, что каждый разъ, съ воцареніемъ во Франціи республики, все во Франціи какъ бы теряло свою прочность и самоувѣренность. Всегда до сихъ поръ республика была лишь какой-то временной серединой— между социальными попытками самаго страшнаго размѣра и какимъ-нибудь, иногда самымъ наглымъ, узурпаторомъ. И такъ какъ это почти всегда случалось, то такъ и привыкло на нее смотрѣть общество, и чуть лишь наступала республика, то всегда всѣ начинали чувствовать себя какъ бы въ междоцарствіи, и какъ бы благородно ни правили республиканцы, но буржуазія всегда при нихъ вѣрена, что рано ли, поздно ли, а грянетъ красный

бунтъ или опять наступитъ какая-нибудь монархія. Кончилось тѣмъ, что монархическое правленіе буржуазія полюбила гораздо больше, чѣмъ республику, несмотря даже на то, что монархія, какъ на примѣръ Наполеона III, выражала даже какъ бы попытки войти въ соглашеніе съ социалистами, тогда какъ ужъ никто на свѣтѣ не можетъ быть враждебнѣе социалистамъ, какъ чистые республиканцы: для республиканцевъ было бы только слово республика, а социалисты ищутъ не слова, а одного лишь дѣла. По принципамъ социалистовъ все равно—республика, монархія ли, французы ли они будутъ, или станутъ нѣмцами, и право даже, если бъ вышло какъ-нибудь такъ, что имъ могъ бы пригодиться самъ папа, то они провозгласили бы и папу. Они прежде всего ищутъ *своего дѣла*, т.-е. торжества четвертаго сословія и равенства въ распредѣленіи правъ въ пользованіи благами жизни, а подъ какимъ знаменемъ—это ужъ какъ тамъ придется, все равно, хоть подъ самымъ деспотическимъ.

Замѣчательно, что князь Бисмаркъ ненавидитъ социализмъ не меньше папства, и что германское правительство, въ самое послѣднее время особенно, стало какъ-то слишкомъ бояться социалистической пропаганды. Безъ сомнѣнія, это потому, что социализмъ обезличиваетъ національное начало и подѣдаетъ національность въ самомъ корнѣ, а принципъ національности есть основная, есть главная идея всего германскаго объединенія, всего того, что совершилось въ Германіи въ послѣдніе годы. Но очень можетъ быть, что князь Бисмаркъ смотритъ еще глубже, а именно: социализмъ есть сила грядущая для всей Западной Европы, и если папство когда-нибудь будетъ покинуто и отброшено правительствами міра сего, то весьма и весьма можетъ случиться, что оно бросится въ объятія социализма и соединится съ нимъ воедино. Папа выйдетъ ко всѣмъ нищимъ пѣшшъ и босъ, и скажетъ, что все, чему они учатъ и чего хотятъ, давно уже есть въ Евангеліи, что до сихъ поръ лишь время не наступало имъ про это узнать, а теперь наступило, и что онъ, папа, отдаетъ имъ Христа и вѣритъ въ муравейникъ. Римскому католицизму (слишкомъ ужъ ясно это) нуженъ не Христосъ, а всемірное владычество: „Вамъ-де надо единеніе противъ врага—соединитесь подъ моею властью, ибо я одинъ *всемиренъ* изъ всѣхъ властей и влстителей міра, и пойдемъ вмѣстѣ“. Эту картину, вѣро-

ятно, предвидить князь Бисмаркъ, ибо лишь онъ одинъ изъ всѣхъ дипломатовъ возымѣлъ настолько зоркій взглядъ, чтобъ провидѣть живучесть римской идеи и всю ту эпергію, съ которою она готова себя отстоять, не различая уже средствъ. Жить ей хочется адски, а убить ее трудно, это змѣя! — Вотъ что понимаетъ во всей силѣ одинъ лишь князь Бисмаркъ,—главный врагъ папства и римской идеи!

Но молодящиеся старички, французскіе республиканцы, этого не въ состояніи были понять. Клерикаловъ они ненавидѣли изъ одного уже либерализма, но считали папу безсильнымъ и презрѣннымъ, а римскую идею со-всѣмъ отжившею. Они не догадались даже ужиться съ страшною клерикальною партіею, хотя бы только политически, чтобъ придать себѣ больше крѣпости. По крайней мѣрѣ, они могли бы не раздражать пока клерикаловъ, не затрогивать ихъ, съ такимъ нарочнымъ задоромъ, и даже могли бы пообщать нѣкоторое содѣйствіе въ ближайшемъ будущемъ при выборѣ новаго папы. Но они именно сдѣлали все противоположное — или отъ идеальной честности своихъ убѣжденій, или просто по легкомыслию. Последнее время они особенно стали гнать клерикаловъ, и какъ разъ въ ту минуту, когда папству лишь только и оставалась, что одна Франція какъ поддержка, иначе выходилъ страшный шансъ умереть папству вмѣстѣ съ Піемъ IX-мъ. Ибо кто, въ случаѣ нужды, могъ бы въ Европѣ обнажить мечъ за „свободу“ избранія папы и за свободу избраннаго папы? Да и мечъ этотъ долженъ быть сильный и могучій. Другого выбора не оставалось, кромѣ Франціи и ея миллионной арміи. И вотъ Франція-то и во главѣ враговъ! Правда, маршалъ Макъ-Магонъ послушенъ, но онъ въ тискахъ и выпутаться самъ не умѣетъ: большинство палаты республиканское и либеральное, и ни одна изъ партій не въ силахъ замѣстить его. Однимъ словомъ, скovyрнуть республиканское большинство невозможно, и вотъ вдругъ клерикалы,—эти презираемые и безсильные клерикалы, вручаютъ маршала Макъ-Магона и проявляютъ на весь міръ такое могущество, какого никто отъ нихъ не ожидалъ болѣе. Они даютъ знать партіямъ, что имъ можно соединиться лишь подъ клерикальнымъ знаменемъ, и тѣ, пораженные очевидностью, разомъ съ ними соглашаются. Въ самомъ дѣлѣ: и у легитимистовъ, и у бонапартистовъ

самый главный и ближайший враг ихъ—все это же республиканское большинство. Если каждая изъ этихъ партій будетъ работать для себя порознь, то ничего не достигнетъ, а соединившись вмѣстѣ, эти партіи могутъ составить силу и все поборотъ и республиканцевъ разогнать. А тамъ уже, когда раздавать республику, можно будетъ каждой партіи позаботиться о себѣ, и ужъ, разумѣется, каждая изъ нихъ тѣмъ больше будетъ имѣть шансовъ на успѣхъ, чѣмъ больше она угодитъ клерикаламъ. Клерикалы все это разсчитали математически, соединеніе произошло и клерикальное большинство сената разрѣшило Макъ-Магону разогнать республиканцевъ.

IV.

Черное войско.—Мнѣніе легионовъ какъ новый элементъ цивилизаціи.

Проявивъ такую внезапную силу и ловкость, клерикалы несомнѣнно пойдутъ далѣе. Они объявятъ въ рѣшительную для себя минуту войну Германіи—и вотъ что немедленно понялъ князь Бисмаркъ! Главное они уже сдѣлали: Макъ-Магонъ уже согласился бросить Францію въ политику приключеній. Имъ ли остановиться передъ дальнѣйшимъ? Не жалѣтъ же имъ Францію; Франція, какъ и все на свѣтѣ, имъ нужна пока лишь можетъ приносить имъ пользу. О, они бы могли ее пожалѣтъ: это страна—единственная ихъ надежда и служила имъ столько вѣковъ! Но теперь именно пришла для нихъ самая роковая минута въ цѣлое тысячелѣтіе, и коль подвернулась Франція,—то отчего же не высосать и ея соки, хоть бы до убіенія ея, и не рискнуть самымъ ея существованіемъ? Надо взять у нея все, что она можетъ дать, а, главное, нельзя мѣшкать ни минуту: немного позже и для нихъ будетъ несомнѣнно поздно. Такъ что именно теперь надобно попробовать отбить Бисмарка, ибо если кто будетъ вредить при избраніи папы, то ужъ, конечно, онъ. А вдобавокъ, Бисмаркъ именно въ эту минуту какъ нарочно одинъ, безъ союзниковъ: Россія (вся надежда его)—занята теперь на Востокѣ. Наконецъ, если удастся смирить Бисмарка, хотя бы даже на время, то надо какъ можно скорѣй и заранѣе положить основаніе *будущему*: надо воспользоваться удавшимся моментомъ и, разъ навсегда, создать изъ Франціи уже прочную для себя союзницу, на все готовую и послушную, а для того произведе-

сти въ ней переворотъ уже *серьезный*, радикальный и въковой. Безъ сомнѣнія, во всемъ этомъ много риску, но колебаться могутъ другіе, а не отцы іезуиты. Главное въ томъ, что имъ и нѣтъ другого выбора въ данный моментъ, какъ рисковать и рисковать... Ограничиться однимъ совершившимся во Франціи клерикальнымъ переворотомъ, безъ войны съ Германіей и безъ *серьезной* революціи во Франціи, имъ положительно невозможно. Дѣла ихъ именно дошли до такого положенія. Имъ надо все или ничего, если же взять мало, ограничиться какимъ-нибудь тамъ вліяніемъ въ правительствѣ, то все равно это не принесло бы имъ ни малѣйшей пользы, ибо нужды-то ихъ теперь большія! А потому они и должны рѣшиться на самый открытый и наглый рискъ, ибо имъ надо взять *va-banque*. Если, на случай, рискъ не удастся и Францію, на примѣръ, нѣмцы побѣдятъ и раздавятъ опять, то вѣдь все равно,—имъ, клерикаламъ, хуже того, какъ теперь (т.-е. если бъ они сидѣли смирно и не начинали переворота) не будетъ: они останутся при томъ же, при чемъ были до начала „приключенія“, т.-е. въ состояніи сквернѣйшемъ, но которое ухудшиться уже не можетъ. Франція другое дѣло: если побѣждена будетъ опять, то несомнѣнно погибнетъ. Но таковъ ли іезуиты народъ, чтобъ предъ этимъ остановиться: они знаютъ, что если побѣдитъ Франція, то они получаютъ *все*, и ужъ до того укрѣпляется во Франціи, что ихъ и не выведешь. А для этого у нихъ есть свои особыя средства, во Франціи еще неслыханныя.

Всякіе другіе революціонеры, даже изъ самыхъ ярыхъ или красныхъ, производя переворотъ, все же сообразуются, хоть отчасти, съ чѣмъ-то общимъ, прежде даннымъ и даже законнымъ. Революціонеры же іезуиты не могутъ дѣйствовать законно, а именно *необычайно*. Эта черная армія стоитъ внѣ человѣчества, внѣ гражданства, внѣ цивилизаціи и исходитъ вся изъ одной себя. Это *status in statu*, это армія папы, ей надо лишь торжества *одной своей* идеи, — а затѣмъ пусть гибнетъ все, что на пути ей мѣшаетъ, пусть гибнуть и вянуть всѣ остальные силы, пусть умираетъ все несогласное съ ними — цивилизація, общество, наука! Имъ несомнѣнно необходимо обработать Францію въ новомъ и уже окончательномъ видѣ, если случай будетъ на ихъ сторонѣ, и вымести изъ нея весь *соръ* ужъ такимъ помеломъ, о какомъ

до сихъ поръ никто и не слыхиваль, съ тѣмъ, чтобъ и не пахло больше никакимъ сопротивленіемъ, и дать странѣ новый организмъ, подъ строжайшей опекой іезуитовъ, на вѣки вѣчные.

Все это съ перваго взгляда можетъ показаться весьма нелѣпнымъ. Во французскихъ газетахъ (и въ нашихъ) всѣ благонамѣренные люди сильно увѣрены, что клерикалы непременно сломаютъ себѣ ногу на слѣдующихъ выборахъ во французскую палату. Французскіе республиканцы, въ невинности душевной, совершенно тоже убѣждены, что вся *activité devorante* новорозсланныхъ префектовъ и мэровъ ровно ничего не добьется, а будутъ выбраны все прежніе республиканцы, которые и составятъ прежнее большинство и немедленно скажутъ *veto* всѣмъ замысламъ Макъ-Магона; затѣмъ клерикалы будутъ выгнаны, а, можетъ-быть, и самъ Макъ-Магонъ вмѣстѣ съ ними. Но увѣренность эта весьма неосновательна и навѣрно клерикалы на этотъ счетъ не слишкомъ-то озабочены. Дѣло именно въ томъ, что наивные и чистые сердцемъ старички все еще, несмотря на долгій опытъ, не понимаютъ, кажется, въ полной силѣ, съ какимъ народомъ они имѣютъ дѣло. Ибо чуть-чуть выборы окажутся для клерикаловъ невыгодными, то они разгонятъ и новую палату, несмотря на всѣ конституціонныя и законныя права ея. Возражать мнѣ, что это будетъ не законно, а потому невозможно. Это такъ, но вѣдь чтò имъ законы, этой черной арміи? Они навѣрно (и есть уже факты о томъ свидѣтельствующіе) внушатъ столь послушному маршалу Макъ-Магону отчаянную рѣшимость употребить въ дѣло одно средство такое, которое и во Франціи еще ни разу не было употреблено, именно: *военный деспотизмъ*. Воскликнуть, что это старое средство, что его уже нѣсколько разъ употребляли, напримѣръ, Наполеоны! И однако я осмѣлюсь замѣтить, что все это было не то: это средство, *во всей его откровенности, дѣйствительно* не употреблялось во Франціи еще ни разу. Маршалъ Макъ-Магонъ, заручившись преданностью арміи, можетъ разогнать новое грядущее собраніе представителей Франціи, *если оно пойдетъ противъ него*, просто штыками, а затѣмъ прямо объявить всей странѣ, что *такъ захотѣла армія*. Какъ римскій императоръ упадка имперіи, онъ можетъ затѣмъ объявить, что отнынѣ „будетъ сообразоваться лишь съ мнѣніемъ легионовъ“. Тогда настанетъ всеобщее осадное положеніе и военный

деспотизмъ, — и вотъ увидите, увидите, что это ужасно многимъ во Франціи понравится! И повѣрьте, что если будетъ надобность, то явятся и плебисциты, которые *большинствомъ голосовъ всей Франціи* дозволятъ войну и дадутъ потребныя деньги. Въ недавней рѣчи своей къ войскамъ маршалъ Макъ-Магонъ говорилъ именно въ этомъ смыслѣ, и войска приняли его весьма сочувственно. Сомнѣній нѣтъ, что армія больше на его сторонѣ. Къ тому же теперь онъ уже такъ далеко зашелъ, что ему и нельзя остановиться, иначе онъ никакъ не останется на своемъ мѣстѣ, тогда какъ вся его политика и весь онъ выражаются въ одномъ словѣ: „J’у suis et j’у reste“, то-есть: „Сѣлъ и не сойду“. Дальше этой фразы онъ, какъ извѣстно, не пошелъ и, ужъ конечно, для торжества этого тезиса рискнетъ, пожалуй, даже существованіемъ Франціи. Готовность къ подобному риску онъ уже разъ доказалъ въ франко-прусскую войну, когда, подъ вліяніемъ бонапартистовъ, рѣшился сознательно лишить Францію ея арміи изъ преданности къ династіи Наполеона. Клерикалы же навѣрно обезпечили ему его: „J’у suis et j’у reste“. Разъ соединивъ партіи подъ своимъ знаменемъ, т.-е. бонапартистовъ и легитимистовъ, они навѣрно уже сумѣли ловко *указать* Макъ-Магону, что вѣдь въ случаѣ нужды можно и совсѣмъ обойтись безъ Шамбора и безъ Бонапарта, и вовсе не надо будетъ ихъ призывать, ни въ какомъ даже случаѣ, а просто бы самому ему, маршалу Макъ-Магону, остаться диктаторомъ и безсмѣннымъ правителемъ, то-есть ужъ не на семь лѣтъ, а навсегда. Вотъ такимъ образомъ и осуществится тезисъ: „J’у suis et j’у reste“, — было бы только согласіе арміи; согласіе же Франціи вполнѣ неминуетъ, ибо твердая диктаторская рука, во главѣ власти, очень и очень многимъ придется по вкусу“. Подобныя льстивыя *указанія* навѣрно уже были произнесены. Можетъ-быть, усомнятся въ томъ, что такой человекъ, какъ Макъ-Магонъ, можетъ все это предпринять и исполнить. Но, во-первыхъ, онъ первую половину дѣла предпринялъ и исполнилъ, и половину, нисколько не легчайшую относительно проявленія рѣшимости, чѣмъ вторая будущая. А во-вторыхъ, — вотъ такіе-то именно люди, сами по себѣ вовсе не предприимчивые, если вдругъ подпадутъ подъ чье-нибудь верховное и рѣшительное вліяніе, то могутъ обнаружить огромную и роковую рѣшимость, — и не то чтобы отъ большого генія,

а именно отъ противоположной причины. Главное, тутъ не соображеніе, а просто толчокъ, и если ужъ ихъ разъ хорошенько толкнуть, то они и пруть въ одну точку до тѣхъ поръ, пока или пробьютъ лбомъ стѣну или сломаютъ себѣ рога.

V.

Довольно непріятный секретъ.

Все это совершенно понимаютъ въ Германіи. По крайней мѣрѣ, всѣ офиціозные органы печати, находящіеся подъ вліяніемъ князя Бисмарка, прямо увѣрены въ неминувшей войнѣ. Кто на кого бросится первый, и когда именно,—неизвѣстно, но война очень и очень можетъ загорѣться. Конечно, гроза можетъ еще пройти мимо. Вся надежда, если маршалъ Макъ-Магонъ вдругъ испугается всего, что взялъ на себя, и остановится, какъ нѣкогда Аяксъ, въ недоумѣніи среди дороги. Но тогда онъ самъ рискуетъ погибнуть, и невѣроятно, чтобъ онъ не понималъ этого. А шансъ недоумѣнія среди дороги хоть и возможенъ, но врядъ ли на него можно твердо понадеваться. Пока князь Бисмаркъ слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ во Франціи, съ лихорадочнымъ вниманіемъ; онъ наблюдаетъ и ждетъ. Для него гроза именно въ томъ, что не въ тотъ моментъ началось это дѣло, какъ онъ ожидалъ. Теперь же связаны руки. Всего же хлопотливѣе то, что открылись болячки, которыя до сихъ поръ тщательно прятались. Про главную болячку всѣхъ нѣмцевъ я уже говорилъ, — это боязнь, что Россія вдругъ догадается о томъ, какъ она могущественна и какую силу можетъ имѣть теперь, именно въ настоящій моментъ, ея рѣшающее слово, а главное—что *„зависимость отъ союза съ Россіей есть, повидимому, роковое назначеніе Германіи, особенно съ франко-прусской войны“*. Этотъ нѣмецкій секретъ можетъ вдругъ теперь обнаружиться—и для нѣмцевъ будетъ это конфузно. Какъ ни искренно пріязненна къ намъ была политика Германіи за послѣдніе годы, но секретъ-то все-таки соблюдался всѣми нѣмцами. Особенно печать дѣйствовала въ этомъ смыслѣ. До сихъ поръ нѣмцы всегда имѣли спокойный и гордый видъ, прямо свойственный могуществу, не нуждающемуся ни въ чьей помощи. Но теперь, конечно, слабое мѣсто должно выйти наружу. Ибо если клерикальная Франція рѣшится на роковую

борьбу, то Францію мало уже просто побѣдить, или лишь отбить ея нападеніе, если она первая бросится, а надо ужъ навѣки ее обезсилить, такъ-таки придавить, пользуясь случаемъ—вотъ задача! А такъ какъ у Франціи къ тому же милліонъ слишкомъ войска, то чтобъ дѣло это покончить навѣрно, надо несомнѣнно *обезпечить* его, иначе нечего и приниматься. А обезпеченія другого нѣтъ, какъ заручиться рѣшающимъ словомъ Россіи. Однимъ словомъ, непріятнѣ всего, что все это выходитъ такъ внезапно. Всѣ прежніе расчеты спутались и теперь уже событія командуютъ расчетами, а не расчеты властвуютъ надъ событіями. Франція можетъ начать сегодня-завтра, лишь чуть-чуть управится у себя внутри. Она бросилась въ политику приключеній, что для всѣхъ очевидно, а если такъ, то гдѣ приключенія останвятся, гдѣ ихъ стѣна и граница? Это очень непріятно; такъ еще недавно нѣмцы имѣли такой независимый видъ, и особенно въ послѣдній годъ. Вспомнимъ, что въ этотъ годъ и Россія старалась разсмотрѣть въ Европѣ друзей своихъ, и нѣмцы знали про заботы Россіи и имѣли самый приличный случаю торжественный видъ. Конечно, всякое славянское движеніе всегда нѣсколько Германію безпокоило, но можно даже прямо сказать, что въ объявленіи Россіей войны два мѣсяца назадъ, даже, можетъ-быть, заключалось для Германіи нѣчто почти пріятное: „Нѣтъ ужъ теперь-то они никакъ не догадаются—думали въ Германіи два мѣсяца назадъ—что это мы въ нихъ нуждаемся, теперь они, напротивъ, стоя передъ Дунаемъ—„нѣмецкой рѣкой“, вполне убѣждены, что сами они ужасно въ насъ нуждаются, и что въ концѣ войны не обойдется безъ нашего вѣскаго слова. И это хорошо, что русскіе такъ думаютъ, это намъ въ будущемъ пригодится“. Сомнѣній нѣтъ, что навѣрно объ насъ такъ думали весьма многіе тонкіе нѣмцы; вся печать ея такъ думала и писала и—вдругъ теперь это клерикальное настроеніе все переверотило на другую сторону: „О, теперь они догадаются, теперь обо всемъ догадаются! А кромѣ того надо, чтобъ Россія какъ можно скорѣе кончила на Востокѣ и освободилась. Но оказать на нее давленіе весьма невыгодно. Развѣ сама испугается Англии и Австріи, но врядъ ли. Соединиться же съ Англійей и Австріей для давленія на Россію—нечего и думать: они потомъ не помогутъ, а Россія разсердится. Странное положеніе! Ужъ не помочь ли Россіи, чтобъ она кончила

поскорѣе? Это можно сдѣлать и не обнажая меча, а лишь давленіемъ политическимъ, на Австрію, на примѣръ...“ — вотъ какъ раздумываютъ теперь тѣ же политики, и очень, очень можетъ случиться, что все это такъ именно и есть въ самомъ дѣлѣ.

Однимъ словомъ, мнѣ хотѣлось высказать лишь мое убѣжденіе, мою вѣру, что Россія не только сильна и могущественна, какъ всегда была, но теперь, особенно теперь, она самая сильная изъ всѣхъ странъ Европы, и что никогда ея рѣшающее слово не могло цѣниться въ Европѣ такъ вѣско, какъ въ данный моментъ. Пусть Россія сама занята на Востокѣ, но одно лишь рѣшающее слово ея на вѣсахъ европейской политики можетъ покачнуть теперь вѣсы по ея волѣ и желанію. Конечно, и сама Англія теперь понимаетъ, что, въ виду *возможности* весьма хлопотливыхъ новыхъ событій въ крайне-западной Европѣ, — и она, пожалуй, потеряетъ въ глазахъ русскихъ двѣ трети своего престижа, и что поймутъ же, наконецъ, даже самые мнительные изъ русскихъ, что она отнюдь не рискнетъ на войну въ случаѣ сильной рѣшимости Россіи продолжать свое дѣло, и скорѣе станетъ разсчитывать на дѣлежъ наслѣдства послѣ „больного человѣка“, чѣмъ рѣшится начать открытую войну за него въ такую и безъ того хлопотливую минуту въ Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, случись такъ, что и впрямь разыграется въ Западной Европѣ неожиданное и роковое, то никогда Англія не рѣшится слишкомъ всецѣло ввязаться въ такое хлопотливое дѣло, столь несходное съ обычнымъ характеромъ ея интересовъ, и ужъ навѣрно приметъ лишь зорко наблюдательное положеніе, выжидая, по обычаю своему, удобный моментъ, когда можно будетъ пронюхать гдѣ-нибудь какой-нибудь дѣлежъ добычи, чтобы немедленно къ нему примазаться. Затѣвать же теперь (т.-е. до окончанія разъясненій крайне-западныхъ событій) съ Россією что-нибудь слишкомъ серьезное, будетъ ужъ слишкомъ для нея нерасчетливо. Съ другой стороны, Австрія, оставшись *одна* — что можетъ сдѣлать? Да и невѣроятно, чтобы клерикальное усложненіе дѣла въ крайне-западной Европѣ не смутило и ее хоть отчасти. И она, конечно, ждетъ, какъ и всѣ, дальнѣйшей развязки событій, такъ что и у ней, какъ у всѣхъ, отчасти связаны руки. У всѣхъ связаны, а у одной Россіи только распутаны. Вотъ ужъ и разыгралось, значить, нѣчто *непредвидѣнное* въ нашу

пользу. Ну, какъ не разсчитывать на *непредвидѣнное* въ рѣшеніи судебъ человѣческихъ?

Міромъ управляетъ Богъ и законы его, и если и впрямь разразится надъ Европой что-либо новое и усложненное, то, значить, рано ли, поздно ли, а тому непременно надо было совершиться. Но дай Богъ, чтобы я ошибся, дай Богъ, чтобы новая грядущая туча разсѣялась и всѣ предчувствія мои оказались лишь „пылками“ моими же фантазіями—фантазіями ничего не понимающаго въ политикѣ человѣка. Все дѣло въ томъ: правы ли всѣ официозные органы печати въ Германіи, ожидающіе и пророчащіе войну? Съ другой стороны, министры Макъ-Магона изо всѣхъ силъ, прежде всякихъ обвиненій, увѣряютъ французовъ и весь свѣтъ, что Франція не начнетъ войны. Согласитесь, что все это, по крайней мѣрѣ, подозрительно и что разрѣшеніе сомнѣній можетъ послѣдовать, уже по самому ходу дѣла, весьма и весьма въ непродолжительномъ времени. Но чтò если такъ много теперь зависитъ отъ „мнѣнія легионовъ“? Худо, если до того дойдетъ; тогда конецъ Франціи. Впрочемъ, съ ней только съ одной это и можетъ случиться, и ни съ кѣмъ больше въ цѣломъ мірѣ. Но дай Богъ, чтобъ и съ ней не случилось: начинъ нехорошъ, примѣръ будетъ очень ужъ нехорошъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Любители турокъ.

А вѣдь у насъ теперь объявилось довольно много любителей турокъ, — конечно, по поводу войны съ ними. Прежде я не помню ни разу во всю мою жизнь, чтобы кто-нибудь начиналъ разговоръ съ тѣмъ, чтобъ восхищаться турками. Теперь же очень часто слышу про ихъ защитниковъ и даже самъ встрѣчался съ такими, и очень даже горячатся. Тутъ, разумѣется, потребность отличиться оригинальностью. Но вотъ, однакоже, любители ученые, учителя, профессора.

— Мусульманскій міръ внесъ въ христіанскій науку. Христіанскій міръ потопалъ во мракъ невѣжества, когда у арабовъ уже сіяла наука.

Тутъ, видите ли, причиною невѣжества христіанство. Тутъ Бокль, тутъ даже Дреперъ. Выходить, стало-быть, обратно, что мусульманство есть свѣтъ, а христіанство

начало тьмы. Какая уединенная логика! Оттого-то, вѣроятно, магометанство такъ и просвѣщено въ настоящее время сравнительно съ христіанствомъ. Что жъ они свой свѣточъ-то потушили такъ рано!

— Да, но у нихъ, однако, монотеизмъ, а у христіанъ...

Это превознесеніе мусульманъ за монотеизмъ, т.-е. за чистоту ученія о единствѣ Божіемъ, будто бы высшую сравнительно съ ученіемъ христіанскимъ, — это конекъ очень многихъ любителей турокъ. Но тутъ главное въ томъ, что эти любители порвали съ народомъ и не понимаютъ его. Разорвавъ съ народомъ, они успѣли уже составить себѣ инныя удивительныя понятія о томъ, что у русскаго простолюдина происходитъ въ головѣ. Между тѣмъ у русскаго простолюдина „ничего не смыслящаго въ дѣлѣ вѣры и не знающаго молитвъ“ — какъ привыкли говорить о немъ, — весьма часто, если не всегда, составляетъ, однако, въ умѣ и въ душѣ весьма своеобразное, но *вѣрное* и строгое и вполне удовлетворяющее его убѣжденіе о томъ, во что онъ вѣруетъ, хотя въ то же время, конечно, рѣдкій изъ простолюдиновъ сумѣетъ изложить свои вѣрованія словами отчетливо и въ послѣдовательности. Этому, порвавшему съ народомъ „интеллигентному“ русскому удивительно было бы услышать, что этотъ безграмотный мужикъ вполне и неизблемо вѣруетъ въ Божіе единство, въ то, что Богъ единъ и нѣтъ другого Бога, такого какъ Онъ. Въ то же время русскій мужикъ знаетъ и благоговѣнно вѣруетъ (всякій русскій мужикъ это знаетъ), что Христось, истинный Богъ его, родился отъ Бога Отца и воплотился отъ Дѣвы Маріи. Прежде всего интеллигентный русскій, порвавшій съ народомъ, не захочетъ допустить даже возможности того, чтобъ русскій мужикъ, ничему не учившійся, могъ имѣть такія знанія: „Онъ такъ необразованъ, такъ темень, его ничему не учать, гдѣ его учитель?“ Онъ не пойметъ никогда, что учитель мужика, „въ дѣлѣ вѣры его“ — это сама почва, это вся земля русская, что вѣрованія эти какъ бы рождаются вмѣстѣ съ нимъ и укрѣпляются въ сердцѣ его вмѣстѣ съ жизнью. Но всего невѣроятнѣе иному русскому мыслителю то, какъ можетъ русскій простолюдинъ не сбиться въ своихъ понятіяхъ! Самъ давно уже утративъ всякое понятіе о томъ, что такое непосредственная великая теплая вѣра народа, онъ уже не можетъ допустить, чтобъ благоговѣнно вѣруя въ великую христіанскую тайну

воплощеніи Сына Божія, простолюдинъ могъ въ то же время оставаться при самомъ строжайшемъ монотеизмѣ. Скорѣе же онъ припишетъ эту твердость столь *непосредственныхъ* убѣжденій русскаго простолюдина — непривычкѣ размышлять, привычкѣ къ путаницѣ понятій отъ лѣности и отупѣнія мысли, отъ отсутствія всякой критики въ умѣ его; „плачевное“ же состояніе ума его припишетъ забитости, нуждѣ, разврату, крѣпостному состоянію и проч. На томъ и стоитъ русскій ученый, *изучающій* русскій народъ. Совершенно тѣмъ же процессомъ могло произойти и осужденіе православныхъ русскихъ за поклоненіе, на примѣръ, иконамъ. Иной лютеранскій пасторъ ни за что не можетъ понять, какъ можно, вѣруя въ истиннаго Бога, поклоняться въ то же время „доскѣ“, изображенію святаго, и допустить, чтобъ изъ этого не вышло идолопоклонства. Русскій интеллигентный человекъ всего чаще согласенъ въ этомъ сужденіи съ пасторомъ. Между тѣмъ нѣтъ ни *одного* русскаго мужика, или бабы, которые, поклоняясь иконѣ, въ то же время *хоть сколько-нибудь* смѣшивали „доску“ съ самимъ Богомъ, несмотря на то, что православный народъ въ то же время вѣруетъ въ чудотворность иныхъ иконъ. Но нѣтъ ни *одного русскаго*, который чудотворную силу иконы приписалъ бы самой иконѣ, а не соизволенію Божію. А это уже совсѣмъ другое. Вотъ этого-то воззрѣнія русскаго простолюдина ни пасторъ, ни разорвавшій съ народомъ русскій ни за что не допустить, да и не повѣрятъ, что такъ оно есть.

Вспомнили бы, однако, Магометовъ рай, чтобы уже совсѣмъ восполнить свое убѣжденіе о чистотѣ турецкихъ понятій о единствѣ Божіемъ. Все это я, разумѣется, говорю не затѣмъ, чтобъ затѣять съ почитателями турецкаго монотеизма богословскій споръ, и ужъ, конечно, не затѣвалъ его. Вѣдь почитатели эти хлопочутъ больше о *здравыхъ* понятіяхъ народа, а самимъ-то имъ, пожалуй, и все равно, кто бы какъ ни вѣрилъ. Вотъ потому-то я и свелъ этотъ вопросъ лишь на народное о немъ понятіе.

II.

Золотые фраки. Прямолинейные.

Кромѣ любителей турокъ объявилось очень много людей съ потребностью *особливаго мнѣнія*: „Все вздоръ, нѣтъ никакого движенія; адреса вздоръ, это не по-русски; санитарные отряды вздоръ, это не по-русски. Сентимен-

тальянчаніе славянъ выдумали, болгаръ выдумали, турки лучше болгаръ, все вздоръ. Я люблю турокъ“...

Это не то, чтобъ изъ какихъ-нибудь злокачественно-тонкихъ видовъ высшей политики. „Высшая политика“ у насъ есть, это безспорно, но эти — эти просто самолюбіе. Самолюбіе въ двухъ видахъ: или до крайности придавленное, а вслѣдствіе того и непремѣнная потребность по-оригинальничать, чтобъ отличиться и чѣмъ-нибудь заявить себя, или 2) самолюбіе отъ необыкновеннаго величія. Русский „великій человекъ“ всего чаще не выноситъ своего величія. Право, если бъ можно было надѣть золотой фракъ, изъ парчи, напримѣръ, чтобъ ужъ не походить на всѣхъ прочихъ и низшихъ, то онъ бы откровенно надѣлъ его и не постыдился. Я увѣренъ въ томъ, и если до сихъ поръ еще не видалъ ни одного изъ нашихъ „великихъ“ въ золотомъ фракѣ, то, вѣроятно, потому, что портные шить не согласны. „Я всѣхъ умнѣе, я великъ. Всѣ они объ войнѣ такъ думаютъ, такъ я не хочу такъ, какъ они, думать. Докажу, что великъ“...

Объ золотомъ фракѣ, объ характерно-русскихъ социаль-ныхъ и психологическихъ основаніяхъ происхожденія его, о наглядныхъ примѣрахъ и проч., и проч., мнѣ хочется особо поговорить, тема милая и я, можетъ быть, о ней не забуду. Теперь же, оставивъ пока золотой фракъ въ покоѣ, скажу словечко о „прямолинейныхъ“. Прямолинейные бываютъ всякіе, — люди добрые и злые, умные и глупые, честные и нечестные и т. д. Ихъ у насъ очень много. Эти бьютъ въ одну точку и ихъ ни за что не собьешь съ этой точки: „J'у suis et j'у reste“. Это наши Макъ-Магоны.

Изъ арміи доносятся извѣстія о геройствѣ, о самоотверженности русскихъ, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ. Тутъ молодежь. Еще недавно было такое безвѣріе въ молодежь — въ надежду нашу: многіе видѣли въ ней лишь цинизмъ, обвиняли ее въ тупомъ отрицаніи, въ холодности, въ равнодушіи, въ тупомъ самоубійствѣ, а теперь вдругъ какъ бы прочистился воздухъ: та же молодежь проявляетъ великодушіе, жажду геройскаго порыва, долга, чести, жертвы. Они идутъ впереди сражаться, они бросаются первые въ опасность...

— Да, но этакъ сознательно бросаться на вѣрную смерть можетъ только пьяный или сумасшедшій. Другого объясненія нельзя найти.

— Какъ? Неужели вы не предполагаете въ немъ великодушнаго сознанія, что онъ жертвуетъ собою для Россіи, служить ей...

— Кулакомъ.

— То-есть какъ же? Въ войнѣ надо драться. Чѣмъ же бы онъ могъ принести пользу?

— Гм! Напримѣръ, школы.

— Школы въ свое время. Въ школы онъ принесетъ потомъ сознаніе исполненнаго долга, великодушное воспоминаніе, сближеніе съ народомъ.

— Какое сближеніе съ народомъ?

— Въ общей солидарности для общаго дѣла. Солдаты и его офицеръ живутъ теперь тамъ единымъ духомъ и единымъ чувствомъ. Интеллигенція роднится съ народомъ, возвращается къ нему опять, и уже дѣломъ, а не теоріей, научается уважать народъ, изъ котораго вышелъ этотъ солдатъ, и научаетъ народъ уважать себя и уже не какъ начальника или господина, а какъ человѣка, душевно. Недавній разсказъ о простолудинѣ, обнявшемъ въ слезахъ въ Успенскомъ соборѣ Черняева, имѣетъ значеніе. Вы хотите образовать народъ, но вы скорѣе его образуете, заставивъ его уважать ваши идеи, ваши дѣла и привлекая къ себѣ народъ сердцемъ. Чѣмъ больше народъ будетъ уважать людей образованныхъ лично, тѣмъ вѣрнѣе пойдетъ и образованіе народное. Такимъ образомъ, заслуживая уваженіе народа, вы служите уже дѣлу образованія народнаго, тѣмъ же школамъ, о которыхъ вы такъ хлопочете.

— Заслужить уваженіе черезъ кулакъ; заставить народъ уважать кулакъ?

— Тутъ не одинъ кулакъ, тутъ прежде всего великодушіе, тутъ жертва собственной жизнію на виду. На виду и смерть красна. Вы вотъ спрашиваете, что можетъ заставить человѣка, въ цвѣтѣ жизни, жертвовать почти навѣрно жизнію, и недоумѣваете, — иначе вѣдь нельзя объяснить вашихъ словъ о пьяномъ и сумасшедшемъ: они только аллегорія, способъ выраженія. Но что можетъ заставить? Жажда славы, честнаго дѣла, жажда заслужить добрую извѣстность, похвалу всѣхъ согражданъ, которые всѣ теперь слѣдятъ за ихъ дѣлами, проявить личность, прославить имя.

— Ага, сдѣлать карьеру!

— Но всѣ эти чувства и побужденія великодушны. Ихъ

тысячи и все вмѣстѣ. Человѣкъ не изъ одного какого-нибудь побужденія состоитъ, человѣкъ—цѣлый міръ, было бы только основное побужденіе въ немъ благородно. Пролитая же собственная кровь и готовность пролить ее благородятъ даже и неблагороднаго до тѣхъ поръ человѣка, налагаютъ на него обязанность чести на всю потомъ жизнь. У насъ уже появились въ печати опасенія, что эти люди потомъ возьмутъ верхъ, явится самоудовлетвореніе, гордость, будутъ презирать образованіе, штафировать, будутъ буйствовать и что въ общество проникнуть эти идеи. Но напрасные страхи. Улита ѣдетъ, когда-то будетъ. Какъ не появиться Кошѣйкинымъ, „такъ сказать, кровь проливавшимъ“, это правда, но вѣдь они только людей насмѣшать и себѣ повредить. Выгода же нравственная будетъ неисчислима. Развѣется тоска цинизма, явится уваженіе къ честному подвигу...

— И къ кулаку.

— Тутъ не одни кулачные бойцы, тутъ есть почти еще дѣти, чистыя сердцемъ дѣти. Онъ только что произведенъ, онъ бросается впередъ на подвигъ, съ мыслию о томъ, что скажетъ о немъ тамъ, далеко, его мать, сестра, съ которыми онъ только что простился... Неужели это только смѣшно и сентиментально? Наконецъ, почему не допустить въ этихъ герояхъ высшаго сознанія. Онъ понимаетъ, что Россія взяла задачу трудную, что задача эта можетъ и еще усложниться. Они всѣ видятъ теперь, что Россія не съ одной ужъ Турціей ведетъ войну, что турецкими арміями руководятъ англійскіе генералы, что англійскіе офицеры воздвигаютъ многочисленнѣйшія укрѣпленія на англійскія деньги, что флотъ англійскій ободряетъ Турцію продолжать войну, что, наконецъ, чуть ли не явились (въ Азіатской Турціи) уже англійскія войска... Они знаютъ все это и бросаются почти на смерть, понимая, что пришло время сослужить Россіи вѣрную службу. Я уже не говорю про болгаръ, про угнетенныхъ „братьевъ славянъ“, мучимыхъ, обижаемыхъ. Къ стыду нашему, эта тема уже устарѣла... но не въ ихъ сердцахъ. Неужели вы не предполагаете во многихъ изъ нихъ высшаго сознанія, что они идутъ служить человѣчеству, угнетеннымъ, оскорбленнымъ...

— Служить человѣчеству кулакомъ!

— Позвольте, кстати, вамъ рассказать одинъ анекдотъ. Я уже передавалъ однажды, что въ Москвѣ, въ одномъ

изъ пріютовъ, гдѣ наблюдаютъ маленькихъ болгарскихъ дѣтей сиротокъ, привезенныхъ къ намъ въ Россію послѣ тамошняго разгрома, есть одна больная дѣвочка, лѣтъ 10, которая видѣла (и не можетъ забыть), какъ турки, при ней, содрали кожу съ ея живого отца. Ну, такъ въ этомъ же пріютѣ есть и другая больная болгарка, тоже лѣтъ десяти, и мнѣ объ ней недавно рассказали. У ней странная болѣзнь: постепенный, все бѣльшій и бѣльшій упадокъ силъ и непрерывный позывъ ко сну. Она все спитъ, но сонъ нисколько ее не укрѣпляетъ, а даже напротивъ. Болѣзнь очень серьезная. Теперь эта дѣвочка, можетъ быть, уже умерла. У ней тоже одно воспоминаніе, котораго она не можетъ выносить. Турки взяли ея маленькаго брата, ребенка двухъ-трехъ лѣтъ, сначала выкололи ему иглой глаза, а потомъ посадили на колъ. Ребеночекъ страшно и долго кричалъ, пока умеръ,—фактъ этотъ совершенно вѣрный. Ну, вотъ этого и не можетъ забыть дѣвочка, все это они сдѣлали при ней, на ея глазахъ. Природа, можетъ быть, и посылаетъ такимъ, пораженнымъ сердечно, сонъ, потому что они не могли бы долго оставаться на-яву съ такимъ непрерывнымъ воспоминаніемъ предъ собою.—Теперь представьте себѣ, что вы бы тамъ были сами въ ту минуту, какъ они прокалывали ребенку глаза. Скажите, неужели вы бы не бросились обновить ихъ, даже и кулакомъ?

— Да, но все же кулакъ.

— Да вы не бейте ихъ, если хотите, вы только ятаганы-то у нихъ отнимите! Неужели и этого нельзя сдѣлать силой?

А кстати, неужели есть у насъ даже такіе любители турокъ, которые и ятагановъ-то у нихъ не желали бы отобрать? Не думаю и не вѣрю, чтобъ были.

ЮЛЬ — АВГУСТЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Разговоръ мой съ однимъ московскимъ знакомымъ.—Замѣтна по поводу новой книжки.

Выдавъ въ Петербургѣ мой запоздавшій май-юньскій выпускъ „Дневника“ и возвращаясь затѣмъ въ Курскую губернію, я, проѣздомъ черезъ Москву, поговорилъ кой о чемъ съ однимъ изъ моихъ давнихъ московскихъ знакомыхъ, съ которымъ вижу рѣдко, но мнѣніе котораго глубоко цѣню. Разговора я въ цѣломъ не привожу, хотя я узналъ при этомъ кое-что весьма любопытное изъ текущаго, чего и не подозрѣвалъ. Но разставаясь съ моимъ собесѣдникомъ, я, между прочимъ, упомянулъ, что хочу сдѣлать, пользуясь случаемъ, маленький крюкъ по дорогѣ, изъ Москвы полтора-два версты въ сторону, чтобы посѣтить мѣста перваго моего дѣтства и отрочества, — деревню, принадлежавшую когда-то моимъ родителямъ, но давно уже передшюю во владѣніе одной изъ нашихъ родственницъ. Сорокъ лѣтъ я тамъ не былъ и столько разъ хотѣлъ туда съѣздить, но все никакъ не могъ, несмотря на то, что это маленькое и незамѣчательное мѣсто оставило во мнѣ самое глубокое и сильное впечатлѣніе на всю потомъ жизнь и гдѣ все полно для меня самыми дорогими воспоминаніями.

— Вотъ у васъ есть такія воспоминанія и такія мѣста, и у всѣхъ насъ были. Любопытно: чтѣ у нынѣшней молодежи, у нынѣшнихъ дѣтей и подростковъ будетъ дра-

гоцѣннаго въ ихъ воспоминаніяхъ и будетъ ли? Главное, что именно? Какого рода?

Что святія воспоминанія будутъ и у нынѣшнихъ дѣтей, сомнѣнія, конечно, быть не можетъ, иначе прекратилась бы живая жизнь. Безъ святого и драгоцѣннаго, унесеннаго въ жизнь изъ воспоминаній дѣтства, не можетъ и жить человѣкъ. Иной, повидимому, о томъ и не думаетъ, а все-таки эти воспоминанія безсознательно да сохраняетъ. Воспоминанія эти могутъ быть даже тяжелыя, горькія, но въѣдъ и прожитое страданіе можетъ обратиться впоследствии въ святыню для души. Человѣкъ и вообще такъ созданъ, что любитъ свое прожитое страданіе. Человѣкъ, кромѣ того, уже по самой необходимости склоненъ отмѣчать какъ бы точки въ своемъ прошедшемъ, чтобы по нимъ потомъ ориентироваться въ дальнѣйшемъ и выводить по нимъ хотя бы нѣчто цѣлое, для порядка и собственнаго назиданія. При этомъ самыя сильнѣйшія и вліяющія воспоминанія почти всегда тѣ, которыя остаются изъ дѣтства. А потому и сомнѣнія нѣтъ, что воспоминанія и впечатлѣнія, и, можетъ быть, самыя сильныя и святія, унесутся и нынѣшними дѣтьми въ жизнь. Но что именно будетъ въ этихъ воспоминаніяхъ, что именно унесутъ они съ собою въ жизнь, какъ именно оформируется для нихъ этотъ дорогой запасъ — все это, конечно, и любопытный и серьезный вопросъ. Если бъ можно было хоть сколько-нибудь предугадать на него отвѣтъ, то можно бы было утолить много современныхъ тревожныхъ сомнѣній, и, можетъ быть, многіе бы радостно увѣровали въ русскую молодежь; главное же — можно бы было хоть сколько-нибудь почувствовать наше будущее, наше русское столь загадочное будущее. Но бѣда въ томъ, что никогда еще не было эпохи въ нашей русской жизни, которая столь менѣ представляла бы данныхъ для предчувствованія и предузнанія всегда загадочнаго нашего будущаго, какъ теперешняя эпоха. Да и никогда семейство русское не было болѣе расшатано, разложено, болѣе неразсортировано и неоформлено, какъ теперь. Гдѣ вы найдете теперь такія „Дѣтства и Отрочества“, которыя бы могли быть возсозданы въ такомъ стройномъ и отчетливомъ изложеніи, въ какомъ представилъ, напримѣръ, намъ *свою* эпоху и свое семейство графъ Левъ Толстой, или какъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ его же? Всѣ эти поэмы теперь *не болѣе мить, какъ историческія картины давно прошедшаго*. О, я вовсе

не желаю сказать, что это были такія прекрасныя картины, отнюдь я не желаю ихъ повторенія въ наше время, и совсѣмъ не про то говорю. Я говорю лишь объ ихъ *характеръ*, о законченности, точности и опредѣленности ихъ характера, — качества, благодаря которымъ и могло появиться такое ясное и отчетливое изображеніе эпохи, какъ въ обѣихъ поэмахъ графа Толстого. Нынѣ этого нѣтъ, нѣтъ опредѣленности, нѣтъ ясности. Современное русское семейство становится все болѣе и болѣе *случайнымъ* семействомъ. Именно *случайное семейство* — вотъ опредѣленіе современной русской семьи. Старый обликъ свой она какъ-то вдругъ потеряла, какъ-то внезапно даже, а новый... въ силахъ ли она будетъ создать себѣ новый, желанный и удовлетворяющій русское сердце обликъ? Иные, и столь серьезные даже люди, говорятъ прямо, что русскаго семейства теперь „вовсе нѣтъ“. Разумѣется, все это говорится лишь о русскомъ интеллигентномъ семействѣ, т. е., высшихъ сословій, не народномъ. Но, однако, народное-то семейство, — развѣ теперь оно не вопросъ тоже?

— Вотъ чтоъ безспорно, — сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ, — безспорно то, что въ весьма непродолжительномъ времени въ народѣ явятся новые вопросы, да и явились — уже куча вопросовъ, страшная масса все новыхъ, никогда не бывавшихъ, до сихъ поръ въ народѣ неслыханныхъ, и все это естественно. Но кто отвѣтитъ на эти вопросы народу? Кто готовъ у насъ отвѣчать на нихъ, и кто первый выщется, кто ждетъ уже и готовится? Вотъ вопросъ, нашъ вопросъ, да еще самой первой важности.

И ужъ, конечно, первой важности. Столь крутой переломъ жизни, какъ реформа 19-го февраля, какъ всѣ потомъ реформы, а, главное, грамотность (хотя бы даже самое малое соприкосновеніе съ нею), все это безспорно родитъ и родило уже вопросы, потомъ, пожалуй, сформируетъ ихъ, объединитъ, дастъ имъ устойчивость и — въ самомъ дѣлѣ, кто отвѣтитъ на эти вопросы? Ну, кто всего ближе стоитъ къ народу? Духовенство? Но духовенство наше не отвѣчаетъ на вопросы народа давно уже. Кромѣ иныхъ, еще горящихъ огнемъ ревности о Христѣ священниковъ, часто незамѣтныхъ, никому неизвѣстныхъ, именно потому, что ничего не ищутъ для себя, а живутъ лишь для паствы, — кромѣ этихъ, и увы, весьма, кажется, немногихъ, остальные, если ужъ очень потребуются отъ

нихъ отвѣты—отвѣтять на вопросы, пожалуй, еще доносомъ на нихъ. Другіе до того отдаляютъ отъ себя паству несоразмѣрными ни съ чѣмъ поборами, что къ нимъ и не придетъ никто спрашивать. На эту тему можно бы и много прибавить, но прибавимъ потомъ. Затѣмъ, одни изъ ближайшихъ къ народу—это сельскіе учителя. Но къ чему годятся и къ чему готовы наши сельскіе учителя? Чтò представила до сихъ поръ эта, лишь начинающаяся, впрочемъ, но столь важная по значенію въ будущемъ, новая корпорація, и на чтò она въ состояніи отвѣтить? На это лучше не отвѣчать. Остаются, стало быть, отвѣты случайные,—по городамъ, на станціяхъ, на дорогахъ, на улицахъ, на рынкахъ, отъ прохожихъ, отъ бродягъ и, наконецъ, отъ прежнихъ помѣщиковъ (объ начальствѣ само собою не упоминаю). О, отвѣтовъ, конечно, будетъ множество, пожалуй, еще больше чѣмъ вопросовъ,—отвѣтовъ добрыхъ и злыхъ, глупыхъ и премудрыхъ, но главный характеръ ихъ, кажется, будетъ тотъ, что каждый отвѣтъ родитъ еще по три новыхъ вопроса, и пойдетъ это все crescendo. Въ результатъ хаосъ, но хаосъ бы еще хорошо: скороспѣлыя разрѣшенія задачъ хуже хаоса.

— А главное,—нечего и говорить объ этомъ. Вынесутъ.

Конечно, вынесутъ, и безъ насъ вынесутъ, и безъ отвѣтчиковъ и при отвѣтчикахъ. Могуча Русь и не то еще выносила. Да и не таково назначеніе и цѣль ея, чтобъ зря повернулась она съ вѣковой своей дороги, да и размѣры ея не тѣ. Кто вѣритъ въ Русь, тотъ знаетъ, что вынесетъ она *все* рѣшительно, даже и вопросы, и останется въ сути своей такою же прежнею, святою нашей Русью, какъ и была до сихъ поръ, и, сколь ни измѣнился бы, пожалуй, обликъ ея, но измѣненія облика бояться нечего, и задерживать, отдалять вопросы вовсе не надо: кто вѣритъ въ Русь, тому даже стыдно это. Ея назначеніе столь высоко, и ея внутреннее предчувствіе этого назначенія столь ясно (особенно теперь, въ нашу эпоху, въ теперешнюю минуту главное), что тотъ, кто вѣруетъ въ это назначеніе, долженъ стоять выше всѣхъ сомнѣній и опасеній. „Здѣсь терпѣніе и вѣра святыхъ“, какъ говорится въ священной книгѣ.

Въ то утро я только что увидалъ, въ первый разъ, объявленіе въ газетахъ о выходѣ отдѣльно восьмой и послѣдней части Анны Карениной, отвергнутой редакціей

Русскаго Вѣстника, въ которомъ печатался весь романъ, съ самой первой части. Всѣмъ извѣстно было тоже, что отвергнута эта послѣдняя, восьмая часть за разногласіе ея съ направлениемъ журнала и убѣжденіями редакторовъ, и именно по поводу взгляда автора на восточный вопросъ и прошлогоднюю войну. Книгу я немедленно положилъ купить и, прощаясь съ моимъ собесѣдникомъ, спросилъ его о ней, зная, что ему давно уже извѣстно ея содержаніе. Онъ засмѣялся.

— Самая невиннѣйшая вещь, какая только можетъ быть! отвѣчалъ онъ.—Вовсе не понимаю, зачѣмъ *Русскій Вѣстникъ* не помѣстилъ ее. Притомъ же авторъ предоставлялъ имъ право на какія угодно оговорки и выноски, если они съ нимъ не согласны... А потому прямо и сдѣлали бы выноску, что вотъ, дескать, авторъ...

Я, впрочемъ, не впишу сюда содержанія этой выноски, предлагавшейся моимъ собесѣдникомъ, тѣмъ болѣе, что и высказалъ онъ ее, все еще продолжая смѣяться. Но въ концѣ онъ прибавилъ уже серьезно:

— Авторъ Анны Карениной, несмотря на свой огромный художественный талантъ, есть одинъ изъ тѣхъ русскихъ умовъ, которые видятъ ясно лишь то, что стоитъ прямо передъ ихъ глазами, а потому и прутъ въ эту точку. Повернуть же шею направо или налево, чтобъ разглядѣть и то, что стоитъ въ сторонѣ, они, очевидно, не имѣютъ способности: имъ нужно для того повернуться всѣмъ тѣломъ, всѣмъ корпусомъ. Вотъ тогда они, пожалуй, заговорятъ совершенно противоположное, такъ какъ во всякомъ случаѣ они всегда строго искренни. Этотъ перевертъ можетъ и совсѣмъ не совершиться, но можетъ совершиться и черезъ мѣсяцъ, и тогда почтенный авторъ съ такимъ же задоромъ закричитъ, что и добровольцевъ надо посылать и корній щипать, и будетъ говорить все, что мы говоримъ...

Книжку эту я купилъ и потомъ прочелъ, и нашелъ ее вовсе не столь „невинною“. И такъ какъ я, несмотря на все мое отвращеніе пускаться въ критику современныхъ мнѣ литераторовъ и ихъ произведеній — рѣшилъ непременно поговорить объ ней въ „Дневникѣ“ (даже, можетъ быть, въ этомъ же выпускѣ) — то и счелъ не лишнимъ вписать сюда и мой разговоръ о ней съ моимъ собесѣдникомъ, у котораго и прошу потому извиненія за мою нескромность.

II.

Жажда слуховъ и того, что «скрываютъ».—Слово: скрываютъ можетъ имѣть будущность, а потому и надобно принять мѣры заранѣе.—Опять о случайномъ семействѣ.

Эти „мѣста моего дѣтства“, куда я собирался съѣздить, — отъ Москвы всего полтора ста верстъ, изъ коихъ сто сорокъ по желѣзной дорогѣ; но употребить на эти полтора ста верстъ пришлось почти десять часовъ. Множество остановокъ, пересаживаній, а на одной станціи приходится ждать этого пересаживанія три часа. И все это при всѣхъ неприяностяхъ русской желѣзной дороги, при небрежнѣйшемъ и почти высокомѣрномъ отношеніи къ вамъ и къ нуждамъ вашимъ кондукторовъ и „начальства“. Всѣмъ давно извѣстна формула русской желѣзной дороги: „не дорога создана для публики, а публика для дороги“. Нѣтъ такого желѣзнодорожника, съ кондуктора до директора включительно, который бы сомнѣвался въ этой аксіомѣ, и не посмотрѣлъ бы на васъ съ насмѣшливымъ удивленіемъ, если бъ вы стали утверждать передъ нимъ, что дорога создана для публики. А главное и слушать не будутъ.

Кстати въ это лѣто я изъѣздилъ до четырехъ тысячъ верстъ, по крайней мѣрѣ, и вездѣ по дорогѣ меня особенно поражалъ этотъ разъ народъ; вездѣ народъ говорилъ про войну. Ничто не могло сравниться съ тѣмъ интересомъ и съ тѣмъ жаднымъ любопытствомъ, съ которымъ простонародье выслушивало и спрашивало про войну. Въ вагонахъ я замѣтилъ даже нѣсколькихъ мужиковъ, читавшихъ газеты, большею частью вслухъ. Случалось садиться рядомъ съ ними: какой-нибудь мѣщанинъ оглядитъ васъ осторожно сначала, и особенно коль увидитъ у васъ, или подлѣ васъ газету, — немедленно, и чрезвычайно вѣжливо освѣдомится: откуда вы? И коль отвѣтите, что изъ Москвы, или изъ Петербурга (а еще интереснѣе для него, если съ юга, изъ Одессы, напримѣръ), то непременно спроситъ: „Что слышно про войну?“ Затѣмъ чуть-чуть вы вселите въ него довѣрчивость вашимъ отвѣтомъ и готовностью отвѣчать ему, онъ тотчасъ, впрочемъ, опять-таки съ осторожностью, мѣняетъ любопытный видъ на таинственный, приближается къ вамъ и спрашиваетъ, уже понижая голосъ: „А нѣтъ-ли, дескать, чего особеннаго?“ то-есть поособеннѣе чѣмъ въ газетахъ, того,

дескать, что скрываютъ? При этомъ прибавлю, что недобольныхъ на правительство за объявленіе войны въ народѣ нѣтъ никого, даже въ самыхъ злорадныхъ типахъ, а злорадные есть, но тутъ особеннаго рода злорадство: Проходишь, напримѣръ, во время остановки по платформѣ станціи и вдругъ услышишь: „семнадцать тысячъ нашихъ легло, только что сейчасъ была телеграмма!“ Смотришь, ораторствуетъ какой-нибудь паренекъ, лицо у него выражаетъ какое-то зловѣщее упоеніе, и вовсе не то, чтобъ онъ былъ радъ, что нашихъ легло семнадцать тысячъ, нѣтъ, тутъ другое, тутъ въ родѣ того, какъ если бъ вдругъ погорѣлъ человекъ, все сгорѣло — изба, деньги, скотъ: „смотрите, дескать, на меня, православные христіане, все пропало, въ лохмотьяхъ, одинъ какъ перстъ!“ Въ эти минуты тоже бываетъ у этакого какая-то сладость злораднаго самоупоенія въ лицѣ. Но насчетъ „семнадцати тысячъ“ было и другое: „телеграмма, дескать, такая есть, только ее задерживаютъ, скрываютъ, еще не пущаютъ... видѣли, сами читали...“ — вотъ смыслъ. Я не утерпѣлъ, вдругъ подошелъ къ кучкѣ и сказалъ, что все вздоръ, слухи глухие, не могли побить семнадцати тысячъ нашихъ, все благополучно. Паренекъ (какъ будто изъ мѣщанства, а то и мужикъ, пожалуй) нѣсколько хотя и сконфузился, но не очень: „мы, дескать, люди темные, не свои слова говоримъ, такъ слышали“; толпа быстро разошлась, къ тому же зазвенѣлъ и звонокъ. Любопытно мнѣ теперь потому, что происходило это девятнадцатаго іюля, часовъ въ пять пополудни. Наканунѣ же, восемнадцатаго, было Плевненское дѣло. Какая тутъ могла быть еще телеграмма, даже кому бы то ни было, а не то что среди поѣзда желѣзной дороги? Конечно, случайное совпаденіе. Не думаю, впрочемъ, чтобъ парень былъ самъ распускатель и выдумщикъ ложныхъ слуховъ, вѣрнѣе всего, что онъ въ самомъ дѣлѣ отъ кого-нибудь слышалъ. Надо думать, что фабрикантовъ ложныхъ слуховъ, и уже, конечно, злыхъ слуховъ, объ неудачахъ и несчастьяхъ, развелось по Россіи въ это лѣто чрезвычайное множество и ужъ, конечно, съ цѣлями, а не то что изъ одного простого вранья.

Въ виду горячаго патріотическаго настроенія народа въ эту войну, въ виду той *сознательности* о значеніи и задачахъ этой войны, которая обнаружилась въ народѣ нашемъ еще съ прошлаго года, въ виду пламенной и бла-

гоговѣйной вѣры народа въ своего царя, — всѣ эти задержки и секреты въ извѣстіяхъ съ театра войны не только не полезны, но положительно вредны. Никто не можетъ, конечно, ни требовать, ни желать, чтобъ сообщались стратегическіе планы, цифры войскъ раньше дѣла, военные секреты и проч., но, по крайней мѣрѣ, то, что узнають вѣнскія газеты раньше нашихъ, можно бы знать и намъ раньше ихъ *).

Сидя на станціи, на которой приходилось ждать три часа для пересадки на другой поѣздъ, я былъ въ предурномъ расположеніи духа и на все досадовалъ. Отъ нечего дѣлать мнѣ пришло вдругъ на мысль изслѣдовать: почему я досажую, и не было ли тутъ, кромѣ общихъ причинъ, какой-нибудь случайной, ближайшей? Я не долго искалъ и вдругъ засмѣялся, найдя эту причину. Дѣло заключалось въ одной недавней встрѣчѣ моей, въ вагонѣ, за двѣ станціи передъ этой. Въ вагонъ вдругъ вошелъ одинъ джентльменъ, совершенный джентльменъ, очень похожій на типъ русскихъ джентльменовъ, скитающихся за границей. Онъ вошелъ ведя съ собой маленькаго своего сына, мальчика лѣтъ восьми, никакъ не болѣе, даже, можетъ быть, менѣе. Мальчикъ былъ премило одѣтъ въ самый модный европейскій дѣтскій костюмчикъ, въ прелестную курточку, изящно обуть, бѣлье батистовое. Отецъ видимо о немъ заботился. Вдругъ мальчикъ, только что сѣли, говоритъ отцу: „папа, дай папироску?“ Папа тотчасъ же идетъ въ карманъ, вынимаетъ перламутровую папиросочницу, вынимаетъ двѣ папироски, одну для себя, другую для мальчика, и оба, съ самымъ обыкновеннымъ видомъ, прямо свидѣтельствующимъ, что между ними ужъ и давно такъ, закуриваютъ. Джентльменъ погружается въ какую-то думу, а мальчикъ смотритъ въ окошко вагона, куритъ и затягивается. Онъ выкурилъ свою папироску очень скоро, затѣмъ, не прошло и четверти часа, вдругъ опять: „папа, дай папироску?“ — и опять оба вновь закуриваютъ и, въ продолженіе двухъ станцій, которыя они просидѣли со мною въ одномъ вагонѣ, мальчикъ выкурилъ, по крайней мѣрѣ, четыре папироски. Никогда я еще не видалъ ничего подобнаго и былъ очень удивленъ. Слабая, нѣжненькая, совсѣмъ не сформировавшаяся грудка

---

*) Теперь все это, въ самомъ важномъ, поправлено: почти ни одного дня не остается публика безъ денешъ главнокомандующаго.

такого маленькаго ребенка приучена уже къ такому ужасу. И откуда могла явиться такая неестественно-ранняя привычка? Разумѣется, глядя на отца: дѣти такъ переимчивы; но развѣ отецъ можетъ допустить своего младенца къ такой отравѣ? Чахотка, катарръ дыхательныхъ путей, каверны въ легкихъ — вотъ что неотразимо ожидаетъ несчастнаго мальчика — тутъ девять изъ десяти шансовъ, это ясно, это всѣмъ извѣстно, и именно отецъ-то и развиваетъ въ своемъ младенцѣ неестественно-преждевременную привычку! Что хотѣлъ доказать этимъ этотъ джентльменъ, — я не могу себѣ и представить: пренебреженіе ли къ предразсудкамъ, новую ли идею провести, что все, что прежде запрещалось — вздоръ, а, напротивъ, все дозволено? — Понять не могу. Случай этотъ такъ и остался для меня неразъясненнымъ, почти чудеснымъ. Никогда въ жизни я не встрѣчалъ такого отца и, вѣроятно, не встрѣчу. Удивительные въ наше время попадаются отцы! Я, впрочемъ, тотчасъ пересталъ смѣяться. Разсмѣялся я тому только, что такъ скоро отыскалъ причину моего сквернаго расположенія духа. Тутъ, хоть, впрочемъ, безъ прямой связи съ событіемъ, припомнился мнѣ вчерашній мой разговоръ съ моимъ собесѣдникомъ о томъ, что унести дорогого и святаго изъ своего дѣтства въ жизнь современныхъ дѣти, потому напомнилась моя мысль о *случайности* современнаго семейства... и вотъ я вновь погрузился въ весьма неприятныя соображенія.

Спросить: что такое эта *случайность* и что я подъ этимъ словомъ подразумѣваю? Отвѣчаю: случайность современнаго русскаго семейства, по-моему, состоитъ въ утратѣ современными отцами всякой общей идеи, въ отношеніи къ своимъ семействамъ, общей для всѣхъ отцовъ, связующей ихъ между собою, въ которую бы они сами вѣрили и научили бы такъ вѣрить дѣтей своихъ, передали бы имъ эту вѣру въ жизнь. Замѣьте еще: эта идея, эта вѣра — можетъ-быть, даже, пожалуй, ошибочная, такъ что лучшія изъ дѣтей въ послѣдствіи сами бы отъ нея отказались, по крайней мѣрѣ, исправили бы ее для своихъ уже дѣтей, но все же самое присутствіе этой общей, связующей общество и семейство идеи, — есть уже начало порядка, т.-е. нравственнаго порядка, конечно, подверженнаго измѣненію, прогрессу, поправкѣ, положимъ такъ — но порядка. Тогда какъ въ наше время этого-то порядка и нѣтъ, ибо нѣтъ ничего общаго и связующаго во что бы

всѣ отцы вѣрили, а есть на мѣсто того или: во-1-хъ, поголовное и сплошное отрицаніе прежняго (но зато лишь отрицаніе и ничего положительнаго); во-2-хъ, попытки сказать положительное, но не общее и связующее, а сколько головъ, столько умовъ,—попытки, раздробившіяся на единицы и лица, безъ опыта, безъ практики, даже безъ полной вѣры въ нихъ ихъ изобрѣтателей. Попытки эти иногда даже и съ прекраснымъ началомъ, но невыдержанныя, незаконченныя, а иногда такъ и совсѣмъ безобразныя, въ родѣ огульнаго допущенія всего того, что прежде запрещалось, на основаніи принципа, что все старое глупо, и это даже до самыхъ глупѣйшихъ выходовъ, до позволенія, напримѣръ, курить табакъ семилѣтнимъ дѣтямъ. Наконецъ, въ-3-хъ, лѣнивое отношеніе къ дѣлу, вялые и лѣнивые отцы, эгоисты: „э, пусть будетъ что будетъ, чего намъ заботиться, пойдутъ дѣти, какъ и всѣ, во что-нибудь выровняются, надоѣдаютъ только они очень, хоть бы ихъ вовсе и не было!“ Такимъ образомъ въ результатѣ — беспорядокъ, раздробленность и *случайность* русскаго семейства, — а надежда — почти что на одного Бога: „авось, дескать, пошлетъ намъ какую-нибудь общую идейку и мы вновь соединимся!“

Такой порядокъ, конечно, родить безотрадность, а безотрадность еще пуще родить лѣность, а у горячихъ—циническую, озлобленную лѣность. Но есть и теперь много совсѣмъ не лѣнивыхъ, а, напротивъ, очень даже прилежныхъ отцовъ. Большею частью эти отцы съ идеями. Одинъ, наслушавшись, положимъ, весьма даже не глупыхъ вещей и прочтя двѣ-три умныя книги, вдругъ сводитъ все воспитаніе и всѣ обязанности свои къ семейству на одинъ бифштексъ: „Бифштексъ съ кровью и конечно, Либихъ, дескать“ и т. д. Другой, пречестнѣйшій человекъ самъ по себѣ, въ свое время даже блиставшій остроуміемъ, уже согвалъ три няньки отъ своихъ младенцевъ: „невозможно съ этими шельмами, запретить настрого, вдругъ вхожу вчера въ дѣтскую и что же, представьте себѣ, слышу: Лизочку укладываетъ въ люльку, а сама ее Богородицѣ учитъ и крестить: помилуй, дескать, Господи, папу, маму... вѣдь настрого запретить! Рѣшаюсь на англичанку, да выйдетъ ли лучше-то?“ Третій, едва пятнадцатилѣтнему своему мальчишкѣ, самъ подыскиваетъ уже любовницу: „а то, знаете, эти дѣтскія ужасныя привычки разовьются, али пойдеть какъ-нибудь на улицу, да бо-

лѣзнь скверную схватить... нѣтъ, ужь лучше обезпечить ему этотъ пунктъ заранѣ...“ Четвертый доводитъ своего семнадцатилѣтняго мальчика до самыхъ передовыхъ „идей“, а тотъ самымъ естественнымъ образомъ (ибо что можетъ выйти изъ иныхъ познаній раньше жизни и опыта?) сводить эти передовыя мысли (нерѣдко очень хорошія) на то, что „если нѣтъ ничего святаго, то, стало-быть, можно дѣлать всякую пакость“. Положимъ, въ этомъ случаѣ отцы горячи, но вѣдь у многихъ ли изъ нихъ эта горячка оправдывается чѣмъ-нибудь серьезнымъ, мыслию, страданіемъ? Много ль у насъ такихъ-то? Большею вѣдь частью одно либеральное подхихикиваніе съ чужого голоса, и вотъ, ребенокъ уноситъ въ жизнь, сверхъ всего, и комическое воспоминаніе объ отцѣ, комическій образъ его.

Но это „прилежные“ и ихъ не такъ много; несравненно больше лѣнливыхъ. Всякое переходное и разлагающееся состояніе общества порождаетъ лѣнность и апатію, потому что лишь очень немногіе, въ такія эпохи, могутъ ясно видѣть передъ собою и не сбиваться съ дороги. Большинство же путается, теряетъ нитку, и, наконецъ, махаетъ рукой: „э, чтобъ васъ! Какія тамъ еще обязанности, когда и сами-то никто ничего толкомъ не умѣемъ сказать! Прожить бы только какъ-нибудь самому-то, а то что тутъ еще обязанности“. И вотъ эти лѣнливые, если только богаты, исполняютъ даже все *какъ слѣдуетъ*: одѣваютъ дѣтей хорошо, кормятъ хорошо, нанимаютъ гувернантокъ, потомъ учителей; дѣти ихъ, наконецъ, вступаютъ, пожалуй, въ университеты, но... отца тутъ не было, семейства не было, юноша вступаетъ въ жизнь одинъ какъ перстъ, сердцемъ онъ не жилъ, сердце его ничѣмъ не связано съ его прошедшимъ, съ семействомъ, съ дѣтствомъ. И еще вотъ что: вѣдь это только богатенькіе, у нихъ былъ достатокъ, а много ли достаточныхъ-то? Большинство, страшное большинство—вѣдь все бѣдные, а потому, при лѣнности отцовъ къ семейству, дѣтки уже въ высшей степени оставлены на случайность! Нужда, забота отцовъ отражаются въ ихъ сердцахъ съ дѣтства мрачными картинами, воспоминаніями иногда самага отравляющаго свойства. Дѣти вспоминаютъ до глубокой старости малодушіе отцовъ, ссоры въ семействахъ, споры, обвиненія, горькіе попреки и даже проклятія на нихъ, на лишніе рты, и, что хуже всего, вспоминаютъ иногда подлость

отцовъ, низкіе поступки изъ-за достиженія мѣсть, денегъ, гадкія интриги и гнусное раболѣпство. И долго потомъ въ жизни, можетъ, всю жизнь, человѣкъ склоненъ слѣпо обвинять этихъ прежнихъ людей, ничего не вынеся изъ своего дѣтства, чѣмъ бы могъ онъ смягчить эту грязь воспоминаній и правдиво, реально, а, стало-быть, и *оправдательно* взглянуть на тѣхъ прошлыхъ, старыхъ людей, около которыхъ такъ уныло протянулись его первые годы. Но это еще лучшія изъ дѣтей, а вѣдь большинство-то ихъ уноситъ съ собою въ жизнь не одну лишь грязь *воспоминаній*, а и самую грязь, запасется ею даже нарочно, карманы полные набьетъ себѣ этой грязью въ дорогу, чтобъ употребить ее потомъ въ дѣло и уже не со скрежетомъ страданія, какъ его родители, а съ легкимъ сердцемъ: „Всѣ, дескать, ходятъ въ грязи, обь идеалахъ бредятъ только одни фантазеры, а съ грязнотпой-то и лучше“...

„Но что же вы хотите? Какія это такія воспоминанія должны бы были они унести изъ дѣтства для очистки грязи своихъ семействъ и для *оправдательнаго*, какъ вы говорите, взгляда на отцовъ своихъ?“ Отвѣчаю: Что же я могу сказать одинъ, если въ цѣломъ обществѣ нѣтъ на это отвѣта? Общаго нѣтъ ничего у современныхъ отцовъ, сказалъ я, связующаго ихъ самихъ нѣтъ ничего. Великой мысли нѣтъ (утратилась она), великой вѣры нѣтъ въ ихъ сердцахъ въ такую мысль. А только подобная великая вѣра и въ состояніи породить *прекрасное* въ воспоминаніяхъ дѣтей,—и даже какъ: несмотря даже на самую лютую обстановку ихъ дѣтства, бѣдность и даже самую нравственную грязь, окружавшую ихъ колыбели! О, есть такіе случаи, что даже самый падшій изъ отцовъ, но еще сохранившій въ душѣ своей хотя бы только отдаленный прежній образъ великой мысли и великой вѣры въ нее, могъ и успѣвалъ пересаживать въ воспріимчивыя и жаждущія души своихъ жалкихъ дѣтей это сѣмя великой мысли и великаго чувства, и былъ прощенъ потомъ своими дѣтьми всѣмъ сердцемъ за одно это благодѣяніе, несмотря ни на что остальное. Безъ зачатковъ положительнаго и прекраснаго нельзя выходить человѣку въ жизнь изъ дѣтства; безъ зачатковъ положительнаго и прекраснаго нельзя пускать поколѣніе въ путь. Посмотрите, развѣ современные отцы, изъ горячихъ и прилежныхъ, не вѣрятъ въ это? О, они вполне вѣрятъ, что безъ связующей, общей, нравственной и гражданской идеи нельзя

взрастить поколѣніе и пустить его въ жизнь! Но сами-то они всё вмѣстѣ утратили цѣлое, потеряли общее, разбились по частямъ; соединились лишь въ отрицательномъ, да и то кое-какъ, и раздѣлились всё въ положительномъ, а въ сущности и сами даже не вѣрятъ себѣ ни въ чемъ, ибо говорятъ съ чужого голоса, примкнули къ чуждой жизни и къ чуждой идеѣ и потеряли всякую связь съ родной русской жизнью.

Впрочемъ, повторяю, этихъ горячихъ немного, лѣнивыхъ безконечно больше. Кстати, помните ли вы процессъ Джунковскихъ? Этотъ процессъ очень недавній и рассматривался въ Калужскомъ окружномъ судѣ всего лишь 10-го іюня текущаго года. На него, среди грома текущихъ событій, весьма можетъ быть немногіе и обратили вниманіе. Я прочелъ его въ газетѣ *Новое Время* и не знаю, былъ ли онъ перепечатанъ еще гдѣ-нибудь. Это — дѣло о перемышльскихъ землевладѣльцахъ маіорѣ Александрѣ Аванасьевѣ Джунковскомъ, 50 лѣтъ, и женѣ его Екатеринѣ Петровой Джунковской, 40 лѣтъ, обвиняемыхъ въ жестокомъ обращеніи съ малолѣтними дѣтьми ихъ Николаемъ, Александромъ и Ольгою... Здѣсь своевременно будетъ замѣтить, что дѣти, о которыхъ идетъ рѣчь, были въ слѣдующемъ возрастѣ: Николай—тринадцати лѣтъ, Ольга—двѣнадцати лѣтъ и Александръ—11 лѣтъ. Прибавлю еще, забѣгая впередъ, что судъ оправдалъ подсудимыхъ.

Въ этомъ процессѣ весьма, по-моему, рѣзко выступаетъ многое типичное изъ нашей дѣйствительности, а между тѣмъ, что всего болѣе въ немъ поразительно—это чрезвычайная обыкновенность, обыденность его. Чувствуешь, что именно такихъ русскихъ семействъ необыкновенное теперь множество,—конечно, не въ этомъ самомъ видѣ, конечно, не вездѣ такіа случайности, какъ *чесаніе пятокъ* (о чемъ будетъ ниже), но суть-то дѣла, основная-то черта множества подобныхъ семействъ одна и та же. Это именно типъ „лѣниваго семейства“, о которомъ я сейчасъ только говорилъ. Если не цѣлый, не правильный очень типъ (особенно судя по инымъ весьма исключительнымъ и характернымъ подробностямъ), то все-таки замѣчательная особь этого типа. Но пусть читатели судятъ сами. Подсудимые были преданы суду по опредѣленію московской судебной палаты; припомнимъ же это обвиненіе. Перепечатаваю изъ *Новаго Времени* такъ, какъ оно тамъ было изложено, т.-е. въ сжатомъ видѣ.

III.

Дѣло родителей Джунковскихъ съ родными дѣтьми.

Обвиняемые Джунковскіе, обладая извѣстнымъ достаткомъ и имѣя надлежащее число прислуги, поставили дѣтей своихъ: Николая, Александра и Ольгу, въ совершенно иныя отношенія къ себѣ, чѣмъ другихъ дѣтей. Они не только не держали себя съ ними и не ласкали ихъ какъ родители, но, оставивъ безъ присмотра, давали имъ плохое содержаніе, помѣшеніе, одежду, постели и столъ, принуждали къ занятіямъ въ родѣ чесанія пятокъ и т. п., возбуждая и поддерживая такимъ образомъ въ нихъ неудовольствіе и раздраженіе, доведшее ихъ до поступка съ умершею сестрою, о чемъ будетъ сказано ниже. Все это не могло не имѣть дурного вліянія на здоровье дѣтей. Такъ, напримѣръ, изъ дѣла видно, что Ольга страдаетъ падуцею болѣзнію, кромѣ того, не способствуя ни надзоромъ, ни попеченіями своими нравственному развитію дѣтей, подсудимые прибѣгали къ мѣрамъ, которыхъ нельзя признать кроткими мѣрами исправленія родителями своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Такъ, обвиняемые запирали дѣтей на продолжительное время въ сортиръ, оставляли дома въ холодной комнатѣ и почти безъ пищи, или посылали обѣдать и спать въ комнатѣ прислуги, ставя ихъ такимъ образомъ въ общество лицъ, мало способныхъ содѣйствовать ихъ исправленію, наконецъ, часто били чѣмъ попало, даже кулаками, сѣкли розгами, хворостиною, плетью, назначенной для лошадей, и съ такою жестокостью, что страшно было смотрѣть и что (по показанію мальчика Александра) спина ребенка болѣла пять дней отъ одной изъ такихъ экзекуцій. Подобные побои были послѣдствіемъ не всегда какой-нибудь, хотя бы маловажной шалости, но и просто такъ себѣ—по желанію. Служившая прачкою у Джунковскихъ солдатка Сергѣева, между прочимъ, объяснила, что обвиняемые не любили дѣтей Николая, Александра и Ольгу, которые спали отдѣльно отъ другихъ дѣтей, внизу, въ одной комнатѣ, на полу, на войлокѣ, одѣвались чѣмъ попало (было одно рваное одѣяло); ѣли людское кушанье, такъ что всегда были голодны. Одѣвали ихъ плохо: лѣтомъ въ разныя рубашки, а зимою въ полушубки. Джунковская была для этихъ дѣтей хуже мачихи; она била ихъ, особенно Александра, чѣмъ попало, а то такъ просто кулаками. Когда сѣкла Николая, то страшно было глядѣть. Дѣти хотя и были шаловливы, но какъ дѣти. Имъ доставалось больше всего по вечерамъ, когда они чесали матери пятки, что продолжалось по часу и болѣе—пока мать не уснетъ. Это дѣлала раньше прислуга, въ томъ числѣ и Сергѣева, которая, наконецъ, отказалась, потому что рука отекала! Изъ показанія Усачковой оказывается, что Александръ и Ольга валялись на полу, на грязныхъ подушкахъ, «вообще ихъ держали грязно—въ свиномъ логовищѣ чище, чѣмъ у нихъ». Жившій у Джунковскихъ, въ качествѣ учителя, по августу 1875 года, дворянинъ Любимовъ утверждалъ, что Николая, Ольгу и Александра содержали плохо и имъ иногда приходилось ходить босикомъ. Въ показаніи дѣвicy Шишовой (кандидатка Николаевского института), бывшей у дѣтей подсудимыхъ гувернанткою, по августу 1874 года, которое было прочитано на судѣ вслѣдствіе неяски свидѣльницъ,—значится, что Джунковская—женщина эгоистичная, не ласкавшая никогда, равно какъ и мужъ ея, дѣтей Александра и Николая. Отсутствіе вообще порядка въ домѣ подсудимыхъ и равнодушное отно-

шеніе къ дѣтямъ Шишова объясняетъ какою-то небрежностью обвиняемыхъ ко всему и даже въ отношеніи себя; дѣла ихъ были постоянно запутаны и они жили постоянно въ хлопотахъ и не умѣли хозяйничать. Джунковская, старавшаяся, чтобы ес ничто не было безпокойно, поручала мужу наказывать дѣтей, что имъ и было исполняемо, и хотя при экзекуціяхъ свидѣтельница не присутствовала, но тѣмъ не менѣе удостовѣряетъ, что «никакой жестокости въ наказаніяхъ не было». «Случалось, продолжаетъ педагогичка Шишова, — что Джунковская или я даже, за шалости запирала дѣтей въ комнату, гдѣ стоялъ ватерклозетъ, но эта комната не холоднѣе другихъ въ квартирѣ и отапливалась». Шишова и сама наказывала дѣтей ременною плеткою, «но только она была маленькая». При свидѣтельницахъ никогда не случалось, чтобы дѣтямъ не давали ѣсть по нѣскольکو дней.

Затѣмъ мальчики Николай и Александръ дали слѣдовательно сдержанныя показанія, изъ которыхъ, однако, видно, что ихъ сѣкли розгами, ременною плетью, которою гоняють лошадей, а также и хворостиною, употреблявшееся въ дѣло и учителемъ Любимовымъ. Однажды у Александра пять дней болѣла спина послѣ того, какъ мать высѣкла его за то, что онъ изъ кухни принесъ сестрѣ Ольгѣ картофелю для завтрака.

Джунковскій въ оправданіе свое ссылался на полнѣйшую испорченность своихъ дѣтей, въ подтвержденіе чего привелъ слѣдующій случай: когда умерла его старшая дочь Екатерина, мальчики Николай и Александръ въ то время, когда сестра ихъ лежала на столѣ, — нарѣзавъ въ саду прутьевъ, били мертвую по лицу, приговаривая: теперь-то натѣшимся надъ тобою за то, что ты на насъ жаловалась.

На судѣ обвиняемые не признали себя виновными.

Подсудимый увѣрялъ, что тратитъ на воспитаніе своихъ дѣтей болѣе, чѣмъ позволяютъ его средства, но что онъ такъ несчастливъ, что не достигъ своей цѣли и что дѣти дѣлаются все хуже и хуже.

Старшій сынъ (Николай) до отдачи въ гимназію былъ хорошимъ мальчикомъ, но, побывъ въ гимназіи, выучился тамъ воровать; до поступленія въ гимназію онъ зналъ молитвы, но потомъ забылъ ихъ по той причинѣ, что объявилъ себя католикомъ и вслѣдствіе этого не учился совсѣмъ Закону Божію, между тѣмъ было представлено метрическое свидѣтельство, въ которомъ сказано, что Николай — православнаго вѣроисповѣданія.

Въ послѣднемъ своемъ словѣ Джунковская высказала, что она нанимала къ дѣтямъ нѣсколько гувернантокъ, но, къ несчастью, все ошибалась въ нихъ, такъ же какъ и въ учителей, но что въ настоящее время отецъ самъ занимается съ дѣтьми, и она надѣется, что дѣти совершенно поправятся.

Вотъ этотъ процессъ. Подсудимые, какъ сказано выше, были оправданы. Еще бы нѣтъ? И замѣчательно не то, что ихъ оправдали, а то, что ихъ предали подъ судъ и судили. Кто и какой судъ можетъ обвинить ихъ и за что? О, конечно, есть такой судъ, который можетъ ихъ обвинить и ясно указать за что, но не уголовный же судъ съ присяжными засѣдателями, судящій по написанному закону. А въ написанныхъ законахъ нигдѣ нѣтъ статьи, ставящей преступленіемъ лѣнивое, неумѣлое и

безсердечное отношеніе отцовъ къ дѣтямъ. Иначе пришлось бы осудить пол-Россіи,—куда, гораздо больше. Да и что такое безсердечное отношеніе? Вотъ если бы жестокія истязанія, какія-нибудь ужасныя, безчеловѣчныя. Но мнѣ помнится, какъ адвокатъ въ процессѣ Кроненберга, обвинявшагося въ безчеловѣчномъ обращеніи съ своимъ младенцемъ, раскрылъ сводъ законовъ и прочелъ статью о жестокомъ обращеніи, жестокихъ истязаніяхъ и проч., имѣя въ виду доказать, что кліентъ его не подходитъ ни подъ одну изъ этихъ статей, въ которыхъ ясно и точно опредѣлено, что надо считать жестокими и безчеловѣчными истязаніями. И, помню, эти опредѣленія жестокихъ истязаній были до того жестоки, что рѣшительно похожи были на истязанія болгаръ баши-бузукками, и если не сажаніе на колъ и ремни изъ спины, то разломанныя ребра, руки, ноги и не знаю еще что, такъ что какая-нибудь ременная плетка, да еще маленькая, по показанію дѣвицы Шишовой—рѣшительно не можетъ подойти къ статьѣ свода законовъ и составить пунктъ обвиненія. „Сѣкли, дескать, розгой“. Да кто-жъ не сѣчетъ дѣтей розгой? девять десятыхъ Россіи сѣчетъ. Подъ уголовный-то законъ уже никакъ нельзя подвести. „Сѣкли, дескать, ни за что, ни про что, за картофель“. Нѣтъ-съ, не за картофель, отвѣтилъ бы г. Джунковскій, а тутъ ужъ все вмѣстѣ сошлось, за развратъ, за то, что они, изверги, сѣкли умершую дочь Екатерину по лицу.— „Въ сортирь, дескать, запирали“. Да вѣдь сортирь топленый, такъ чего же вамъ больше, варцерь—всегда карцеръ. „За то, дескать, что людской пищей кормили и посылали спать чуть не въ свиной хлѣвъ, на какой-то подстилкѣ, съ однимъ рванымъ одѣяломъ“? „А это тоже за наказаніе-съ, и притомъ, рваное—не рваное, а я и безъ того трачу на обученіе дѣтей свыше моихъ средствъ и надѣюсь, что закону нечего считать въ моемъ карманѣ средства мои“. „За то, дескать, что вы не ласкали дѣтей“? Но позвольте, покажите мнѣ такую статью свода законовъ, которая повелѣвала бы мнѣ, подъ страхомъ уголовного наказанія, ласкать дѣтей, да еще шалуновъ, безсердечныхъ, дрянныхъ воришекъ и изверговъ... „За то, наконецъ, что вы избрали не ту систему воспитанія вашихъ дѣтей“? А какую систему воспитанія предписываетъ уголовный законъ подъ страхомъ уголовного наказанія? Да и вовсе это не дѣло закона...

Однимъ словомъ, я хочу сказать, что тащить это дѣло Джунковскихъ въ уголовный судъ было невозможно. Да такъ и случилось: они были оправданы, изъ обвиненія ихъ ничего не вышло. А между тѣмъ, читатель чувствуетъ, что изъ этого дѣла можетъ выйти, а, можетъ-быть, ужъ и вышла цѣлая трагедія. О, тутъ дѣло дру-го суда, но какого же?

Какого? Да вотъ хоть бы, напримѣръ, дѣвица Шишова, педагогичка,—она даетъ свое показаніе и уже произносить въ немъ приговоръ. Замѣтимъ, что эта г-жа Шишова хоть и сѣкла сама дѣтей ременной плеткой („только она была маленькая“), но кажется весьма умная женщина. Невозможно опредѣлить точнѣе и умнѣе характеръ Джунковскихъ, какъ она его опредѣляетъ. Г-жа Джунковская—*женщина эгоистичная*, говоритъ она. Домъ Джунковскихъ *въ безпорядкѣ... по небрежности обвиняемыхъ ко всему и даже въ отношеніи себя*. Дѣла ихъ постоянно запутаны, живутъ они постоянно въ хлопотахъ; не умѣютъ хозяйничать, мучаются, а между тѣмъ всего болѣе ищутъ покоя: Джунковская, *безпрерывно старавшаяся, чтобы ее ничто не беспокоило*, даже дѣтей поручала назначивать мужу... Однимъ словомъ, г-жа Шишова унесла съ собой изъ дома Джунковскихъ то мнѣніе, что эти люди—безсердечные эгоисты, а главное—лѣнливые эгоисты. Все отъ лѣни, и сердца у нихъ лѣнливыя. Отъ лѣни, конечно, и вѣчный безпорядокъ въ домѣ, безпорядокъ и въ дѣлахъ, а между тѣмъ ничего они такъ не ищутъ, какъ покоя: „Э, чтобъ васъ, только бы прожить!“ Отчего же ихъ лѣнность, отчего ихъ апатія—Богъ знаетъ! Тяжело ли имъ среди современнаго хаоса жизни, въ которомъ такъ трудно что-нибудь понять? Или такъ мало отвѣтила современная жизнь на ихъ духовныя стремленія, на ихъ желанія, вопросы? Или, наконецъ, отъ непониманія кругомъ происходящаго разложились и ихъ понятія и уже больше не собрались, и наступило разочарованіе? Не знаю, не знаю; но, повидимому, это люди, имѣющіе образованіе, можетъ-быть, нѣкогда, да и теперь, пожалуй, любившіе прекрасное и высокое. Чесаніе пятокъ тутъ ничему не могло бы противорѣчить. Чесаніе пятокъ—это именно что-то въ родѣ какъ бы лѣнливаго, апатичнаго разочарованія, лѣнливое дорлотерство, жажда уединенія, покоя, теплоты. Тутъ нервы, — и именно не столько лѣнь, сколько та жажда покоя и уединенія, т.-е. скорѣе отъединенія отъ

всѣхъ долговъ и обязанностей. Да, тутъ, конечно, эгоизмъ, а эгоисты капризны и трусливы передъ долгомъ: въ нихъ вѣчное, трусливое отвращеніе связать себя какимъ-нибудь долгомъ. Замѣтите, что вѣчное и страстное желаніе этого освобожденія себя отъ всякаго долга почти всегда рождаетъ и развиваетъ въ эгоистѣ, наоборотъ, убѣжденіе, что всѣ, кто бы ни сталкивался съ нимъ, ему должны что-то, какъ бы обложены относительно его какимъ-то долгомъ, данью, податью. Какъ ни бессмысленно это мечтаніе, но оно, наконецъ, укореняется и переходитъ въ раздражительное недовольство всѣмъ міромъ и въ горькое, нерѣдко озлобленное чувство ко всему и всѣмъ. Неисполненіе этихъ фантастическихъ долговъ принимается, наконецъ, сердцемъ какъ обида — такъ что вы иногда во всю жизнь не вообразите, за что иной такой эгоистъ постоянно на васъ сердится и злобится. Это озлобленное чувство рождается даже и къ собственнымъ дѣтямъ, — о, къ дѣтямъ даже по преимуществу. Дѣти — это именно предназначенныя жертвы этого капризнаго эгоизма, къ тому же они всѣхъ ближе подъ рукою, а всего пуще то, что никакого контроля: „мои, дескать, дѣти, собственныя!“ Не удивляйтесь же, что это ненавистное чувство, вѣчно раздражаемое напоминаніемъ неисполненнаго относительно дѣтей долга, раздражаемое вѣчнымъ торчаніемъ передъ вами этихъ маленькихъ, новыхъ личностей, требующихъ отъ васъ всего и дерзко (увы, не дерзко, а по-дѣтски!) не понимающихъ, что вамъ такъ нуженъ вашъ покой и считающихъ этотъ покой ни во что, — не удивляйтесь, говорю я, что это ненавистное чувство даже къ собственнымъ дѣтямъ можетъ переродиться, наконецъ, въ настоящую месть, а подъ поощреніемъ и подстреканіемъ безнаказанности — даже въ звѣрство. Да, лѣнь и всегда порождаетъ звѣрство, заканчивается звѣрствомъ. И звѣрство это не отъ жестокости, а именно отъ лѣни. Сердца эти не жестокия, а именно лѣнныя сердца. И вотъ эта, столь любящая покой дама, даже до чесанія пятокъ возлюбившая его, озлобившаяся, наконецъ, на то, что лишь у ней, *у ней лишь одной* нѣтъ никогда покоя, потому что все кругомъ нея въ беспорядкѣ и требуетъ ея непрерывнаго присутствія и вниманія, — эта дама вскакиваетъ, наконецъ, съ постели, хватаетъ хворостину и сѣчетъ, сѣчетъ собственнаго ребенка, неутолимо, ненасытно, злорадно, такъ что „страшно было глядѣть“, какъ показываетъ прислуга,

и за что, изъ-за чего: за то, что мальчикъ принесъ голодной маленькой сестрѣ (страдающей падучей болѣзнію) изъ кухни немного картофелю, — т.-е. сѣчетъ его за хорошее чувство, за то, что не развратилось и не очерствѣло еще сердце ребенка. „Все равно, дескать, я запретила, а ты принесъ, такъ вотъ же, не дѣлай свое хорошее, а дѣлай мое дурное“. Нѣтъ-съ, вѣдь это истерика. Дѣти спятъ въ грязи, „въ свиномъ логовищѣ чище“, съ однимъ прорванымъ одѣяломъ на троихъ: „пустъ, такъ имъ и надо, думаетъ родная мать, не даютъ они мнѣ покоя!“ И не потому думаетъ она такъ, что сердце у ней жестокое, нѣтъ, сердце у ней, можетъ-быть, весьма доброе и хорошее отъ природы, да вотъ покоя-то ей никакъ не даютъ, достигнуть-то его она всю жизнь не можетъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, а тутъ эти дѣти („зачѣмъ они! зачѣмъ они появились!“) растутъ, шалютъ и требуютъ каждый-дневно все больше и больше труда и вниманія! Нѣтъ, если уже тутъ и истерика, то цѣлыми годами накопленная. Рядомъ съ этою болѣзненною (доведенною до болѣзненности) матерью семейства стоитъ предъ судомъ отецъ, г. Джунковскій. Что жъ, можетъ-быть, онъ и очень хороший человѣкъ, кажется, человѣкъ образованный, вовсе не циникъ, напротивъ, сознающій отцовскій долгъ свой, до огорченія сердца его сознающій. Вотъ онъ чуть не со слезами жалуется въ судѣ на малолѣтнихъ дѣтей, онъ простираетъ руки: „я сдѣлалъ для нихъ все, все, я принималъ учителей, гувернантокъ, я тратилъ на нихъ болѣе чѣмъ позволяли мнѣ средства, но они изверги, они стали воровать, они сѣкли мертвую сестру по лицу!“ Однимъ словомъ, онъ считаетъ себя вполне правымъ. Дѣти стоятъ тутъ же, подлѣ; замѣчательно, что они дали „показанія сдержанныя, осторожныя“, т.-е. мало жаловались и чуть-чуть лишь защищались, и не думаю, чтобъ это отъ одного лишь страха родителей, къ которымъ все-таки придется воротиться. Напротивъ, казалось бы, тотъ фактъ, что ихъ отца уже судятъ за жестокое обращеніе съ ними, долженъ бы ихъ былъ ободрить. Просто имъ неловко было судиться съ отцомъ, стоять подлѣ него и свидѣтельствовать противъ него, тогда какъ онъ, не думая о будущемъ и о томъ, какія чувства останутся въ сердцахъ этихъ дѣтей отъ этого дня, не подозрѣвая даже о томъ, что они унесутъ въ свое будущее изъ этого дня,— онъ обвиняетъ ихъ и разоблачаетъ все ихъ дурное, всѣ

постыдные поступки ихъ, жалуется суду, публикѣ, обществу. Но онъ вѣритъ, что онъ правъ, а г-жа Джунковская вѣритъ даже и въ будущность, и вполне, вполне! Она объявляетъ суду, что *все* отъ дурныхъ учителей и гувернантокъ, что она разочаровалась въ нихъ, а что теперь, когда вотъ мужъ ея самъ примется за обученіе и воспитаніе дѣтей, то дѣти „совершенно исправятся“ (такъ! такъ!). Дай имъ Богъ, однако.

Кстати, замѣтимъ кое-что объ этихъ шалостяхъ маленькихъ Джунковскихъ.

То, что они сѣкли розгами по лицу мертвую сестру за то, что она когда-то на нихъ жаловалась, конечно, возмутительно и омерзительно. Но постараемся быть безпристрастнѣе, и, клянусь вамъ, увидимъ, что даже и это лишь дѣтская шалость, именно,—это дѣтская „фантастичность“. Тутъ что-нибудь отъ воображенія дѣтей, а не отъ развращеннаго сердца. Дѣтское воображеніе даже по природѣ своей, и особенно въ извѣстномъ возрастѣ, чрезвычайно воспріимчиво и склонно къ фантастическому. И особенно въ тѣхъ семействахъ, въ которыхъ хоть и тѣсно живутъ люди, такъ что каждый торчитъ у другого на виду, но дѣти все-таки отъединены въ особую кучу—заботами, вѣчнымъ недосугомъ отцовъ: „учиться, за книгу, не шалить!“ только и слышать они и сидятъ за своими книжонками, по опредѣленнымъ угламъ, не смѣя даже болтнуть ногой. Въ свиномъ своемъ хлѣбѣ, по ночамъ, засыпая, или сидя за скучными уроками, или запертые въ сортиръ, маленькіе Джунковскіе могли пріучить себя къ страннымъ мечтаніямъ—и къ добрымъ и сердечнымъ, и къ озлобленнымъ, или просто, по-дѣтски, къ сказочнымъ, фантастическимъ: „вотъ, дескать, былъ бы я побольше, пошелъ бы на войну, а тамъ бы пріѣхалъ сюда; учительшка спросилъ бы, гдѣ вы были? какъ смѣли уѣхать изъ класса? А я бы вынулъ изъ кармана Георгій и повѣсилъ въ петлицу, тутъ бы онъ испугался и бросился на колѣни!“ Когда умерла сестра, кто-нибудь изъ нихъ троихъ, грѣясь подъ уголкомъ своего рванаго одѣяла, могъ, засыпая, придумать: „а знаешь, Николая, Богъ-то ее нарочно наказалъ за то, что она злая была, жаловалась. Она теперь видитъ сверху, хотѣла бы пожаловаться, да нельзя уже. Давайте ее завтра розгами сѣчь, пусть она смотритъ сверху, видитъ и злится, что нельзя пожаловаться!“ Клянусь вамъ, что ребяташки, можетъ-быть, черезъ нѣсколько

дней раскаялись въ сердцахъ своихъ въ томъ, что они сдѣлали такую гнусную глупость. Дѣтскія сердца мягки. На этотъ счетъ я знаю вотъ какой маленькій случай: умерла одна мать у семерыхъ дѣтей. Одинъ ребенокъ, дѣвочка лѣтъ семи или восьми, увидя мертвую маму, стала ужасно рыдать. Она такъ плакала, что ее унесли въ дѣтскую почти въ истерикѣ, и не знали чѣмъ утѣшить. Дура-приживалка, случившаяся тутъ, вдругъ сказала ей, утѣшая: „не плачь, что ты ужъ такъ плачешь-то, вѣдь она тебя не любила, она тебя, помнишь, наказала, въ углу-то ты стояла, помнишь!“ Дурѣ думалось сдѣлать лучше: вотъ, дескать, перестанетъ и успокоится ребенокъ — и достигла вѣдь цѣли: дѣвочка вдругъ перестала плакать. Мало того, и на другой день, и на похоронахъ имѣла какой-то холодный, подобранный, обиженный видъ: „она, дескать, меня не любила“. Ей понравилась мысль, что она была обиженная, загнанная, не любимая. Ей-Богу, это случилось съ ребенкомъ по восьмому году. Но дѣтская „фантастичность“ не продержалась долго: черезъ нѣсколько дней ребенокъ такъ опять затосковалъ о матери, что сдѣлался боленъ, и никогда потомъ, во всю жизнь, эта дочь не могла вспомнить о своей матери безъ благоговѣйнаго чувства. За проступокъ маленькихъ Джунковскихъ съ мертвою сестрою, ихъ, безъ сомнѣнія, слѣдовало наказать, и строго, но поступокъ этотъ—дѣтскій, глупый, фантастическій, именно дѣтскій и вовсе не означаетъ развращенія сердець. Шалость же мальчика Николай въ гимназiи, объявившаго себя католикомъ, чтобы не учиться Закону Божiю, есть въ высшей степени лишь дѣтская шалость: это классный вывертъ передъ товарищами: „вотъ, дескать, вы учитесь Закону, а я избавился, надулъ ихъ всѣхъ, благо фамилiя моя похожа на польскую“. Тутъ рѣшительно одно только *школьничество* — глупое, северное, за которое слѣдуетъ строжайше наказывать, но не слѣдуетъ отчаиваться за мальчика, не слѣдуетъ вѣрить, что онъ уже до того развращенъ, что сталъ мошенникомъ. Но Джунковскiй-отецъ, кажется, вѣрить тому: не жаловался бы онъ такъ плачевно на судѣ, если бы не вѣрилъ.

У насъ въ судахъ случается, что когда подсудимые бываютъ оправданы (и особенно, когда они, очевидно, виновны, но отпущены лишь милосердiемъ суда), то председатель суда, объявляя подсудимому свободу, говоритъ

ему иногда при этомъ назиданіе на тему: какъ именно ему слѣдуетъ принять это оправданіе, что вынести изъ всего этого въ жизнь, какъ избѣжать въ дальнѣйшемъ повторенія бѣды. Предсѣдатель суда говоритъ въ такомъ случаѣ отъ лица какъ бы всего общества, государства; слова эти важныя, назиданіе верховное. Можетъ быть, подсудимымъ Джунковскимъ объявлено было ихъ оправданіе безъ всякаго особаго, въ такомъ родѣ, внушенія,— этого я не знаю, но я просто самъ воображаю себѣ: что могъ бы имъ сказать предсѣдатель суда отпуская ихъ. И вотъ что, мнѣ кажется, онъ бы могъ имъ сказать:

IV.

Фантастическая рѣчь предсѣдателя суда.

Подсудимые, вы оправданы, но вспомните, что кромѣ этого суда есть другой судъ, — судъ собственной вашей совѣсти. Сдѣлайте же такъ, чтобъ и этотъ судъ оправдалъ васъ, хотя бы впослѣдствіи. Вы объявили, что намѣрены теперь сами заняться воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей вашихъ: если бъ вы раньше взяли за это, то не было бы, вѣроятно, и сегодняшняго суда вашего здѣсь съ дѣтьми вашими. Но боюсь: имѣете ли вы достаточно силъ въ себѣ для исполненія добраго намѣренія вашего? Не достаточно лишь рѣшиться на такое дѣло, надо спросить себя: достанетъ ли ревности и терпѣнія на исполненіе его? Не хочу и не смѣю сказать про васъ, что вы родители безсердечные, ненавистники дѣтей вашихъ. Да и ненавидѣть дѣтей своихъ вещь, въ сущности, почти неестественная, а потому невозможная. Ненавидѣть же столь малыхъ еще дѣтей, — вещь безразсудная и даже смѣшная. Но лѣность, но равнодушіе, но лѣнивая отвычка отъ исполненія такой первѣйшей естественной и высшей гражданской обязанности, какъ воспитаніе собственныхъ дѣтей, дѣйствительно могутъ породить даже нелюбовь къ нимъ, почти ненависть, почти чувство личной какой-то мести къ нимъ, особенно по мѣрѣ ихъ возрастанія, по мѣрѣ все возрастающихъ природныхъ требованій ихъ, по мѣрѣ вашего сознанія о томъ, что для нихъ много надо сдѣлать, много потрутиться, а, стало быть, много имъ пожертвовать изъ собственнаго вседовольнаго отъединенія и покоя. Къ тому же все возрастающія шалости оставленныхъ въ пренебреженіи дѣтей и укорененіе въ нихъ дурныхъ привычекъ, видимое извращеніе умовъ и сердцецъ

ихъ могутъ вселить наконецъ прямое отвращеніе къ нимъ даже и въ родительскихъ сердцахъ. Въ горячихъ, слезныхъ жалобахъ вашихъ на пороки вашихъ дѣтей мы всё услышали здѣсь и увидѣли глубокую ненодѣльную горестъ вашу, горестъ несчастнаго и оскорбленнаго своими дѣтьми отца. Но подумайте, однако, немного и разсудите: изъ чего имъ было и сдѣлаться лучше? Выяснилось, на примѣръ, на судѣ, что за лѣность ихъ и за шалости въ ихъ запирали на нѣсколько иногда часовъ въ сортиръ. Конечно, карцеръ есть карцеръ, да и сортиръ вашъ *отплавался*, стало быть, не было тутъ жестокаго истязанія, но вѣдь такъ ли однако? Сидя тамъ, чувствуя унижительное и срамное положеніе свое, ребенокъ могъ ожесточаться, въ головѣ его могли проходить самыя фантастическія извращенныя и циническія мечты; онъ могъ окончательно потерять любовь, любовь къ родному гнѣзду и къ вамъ даже, родителямъ его, ибо ему могло казаться, что вы уже совершенно не дорожите ни чувствами его къ вамъ, ни человѣческимъ его достоинствомъ, а у ребенка, даже у самого малаго, есть тоже и уже сформированное человѣческое достоинство, замѣтьте это себѣ. О томъ, что эти мысли, а главное—сильныя, хотя и дѣтскія впечатлѣнія эти онъ унесетъ потомъ въ жизнь и проносить ихъ въ сердцѣ своемъ, можетъ быть, до самой могилы, вы, кажется, совсѣмъ не подумали. Да и сдѣлали ли вы сами-то хоть что-нибудь предварительно, чтобъ избѣжать этой, обижающей ребенка необходимости сажать его въ такое мѣсто, и тѣмъ позорить его и издѣваться надъ нимъ? Вѣдь впоследствии, въ жизни, онъ этотъ вопросъ непременно подыметъ и поставитъ передъ собой. Вы утверждаете, что вы сдѣлали для дѣтей своихъ *все*, и какъ будто сами убѣждены въ этомъ, но я не вѣрю тому, что вы сдѣлали все, и когда вы съ такимъ огорченнымъ чувствомъ произносили это, я убѣжденъ былъ, что въ васъ самихъ было уже большое сомнѣніе насчетъ этого самого пункта. Вы увѣряете, что нанимали учителей и тратили свыше средствъ вашихъ. Безъ сомнѣнія, учитель необходимъ для дѣтей и, пригласивъ учителя, вы поступили, конечно, какъ ревностный отецъ; но нанять учителя для преподаванія дѣтямъ наукъ не значитъ, конечно, *сдать* ему дѣтей, такъ сказать, съ плечъ долой, чтобъ отвязаться отъ нихъ и чтобъ они больше ужъ васъ не беспокоили. А вы, кажется, именно это-то и сдѣлали, и думали, что, заплативъ

деньги, уже совершенно все сдѣлали, и даже болѣе чѣмъ все — „свыше средствъ“. Между тѣмъ, увѣряю васъ, что вы сдѣлали лишь наименьшее изъ того, что могли бы сдѣлать для нихъ; вы лишь откупились отъ долга и отъ обязанности родительской деньгами, а думали, что уже все совершили. Вы забыли, что ихъ маленькія, дѣтскія души требуютъ непрерывнаго и неустаннаго соприкосновенія съ вашими родительскими душами, требуютъ, чтобы вы были для нихъ, такъ сказать, всегда духовно на горѣ, какъ предметъ любви, великаго нелицемѣрнаго уваженія и прекраснаго подражанія. Наука наукой, а отецъ передъ дѣтьми всегда долженъ быть какъ бы добрымъ, нагляднымъ примѣромъ всего того нравственнаго вывода, который умы и сердца ихъ могутъ почерпнуть изъ науки. Сердечная, всегда наглядная для нихъ забота ваша о нихъ, любовь ваша къ нимъ согрѣли бы какъ теплымъ лучомъ все посѣянное въ ихъ душахъ и плодъ вышелъ бы, конечно, обильный и добрый. Но, кажется, ничего не посѣявъ сами, и сдавъ ихъ чуждому семьѣ вашей сѣятелю, — вы потребовали уже жатвы и, непривычные къ этому дѣлу, потребовали этой жатвы слишкомъ рано; не получивъ же ее, озлобились и ожесточились... на малютку, на собственныхъ дѣтей вашихъ, и тоже рано, слишкомъ рано!

Все оттого, что воспитаніе дѣтей есть трудъ и долгъ, — для иныхъ родителей сладкій, несмотря на гнетущія даже заботы, на слабость средствъ, на бѣдность даже, для другихъ же, и даже для очень многихъ достаточныхъ родителей, — это самый гнетущій трудъ и самый тяжелый долгъ. Вотъ потому и стремятся они откупиться отъ него деньгами, если есть деньги. Если же и деньги не помогаютъ, или, какъ у многихъ, ихъ и вовсе нѣтъ, то прибѣгаютъ обыкновенно къ строгости, къ жестокости, къ истязанію, къ розгѣ. Я вамъ скажу, что такое розга. Розга въ семействѣ есть продуктъ лѣни родительской, неизбѣжный результатъ этой лѣни. Все, что можно бы сдѣлать трудомъ и любовью, неустанной работой надъ дѣтьми и съ дѣтьми, все, чего можно бы было достигнуть разсудкомъ, разъясненіемъ, внушеніемъ, терпѣніемъ, воспитаніемъ и примѣромъ, — всего того слабые, лѣнивые, но нетерпѣливые отцы полагаютъ всего чаще достигнуть розгой: „не разъясню, а прикажу, не внушу, а заставлю“. Каковъ же результатъ выходитъ? Ребенокъ хитрый, скрыт-

ный, непременно покорится и обманетъ васъ и розга ваша не исправитъ, а только развратитъ его. Ребенка слабого, трусливаго и сердцемъ нѣжнаго — вы забьете. Наконецъ, ребенка добраго, простодушнаго, съ сердцемъ прямымъ и открытымъ — вы сначала измучаете, а потомъ ожесточите и потеряете его сердце. Трудно, часто очень трудно дѣтскому сердцу отрываться отъ тѣхъ, кого оно любить; но если оно уже оторвется, то въ немъ зарождается страшный, неестественно-ранній цинизмъ, ожесточеніе и извращается чувство справедливости. Все это, конечно, въ томъ только случаѣ, если жестокость происходитъ отъ эгоизма родителей, и если хозяинъ нивы, не посѣявъ самъ, потребуеъ съ нея доброй жатвы. Въ такихъ случаяхъ, жестокость и несправедливость идутъ со стороны отцовъ усиливаясь, безъ удержа, и это всего чаще. „Не дѣлай свое хорошее, а дѣлай мое дурное!“ — вотъ, наконецъ, что становится девизомъ, и ребенка наказываютъ даже за доброе дѣло, за картофель, который онъ принесъ сестрѣ изъ кухни: какъ же не ожесточиться сердцу и какъ не извратиться понятіямъ? Не будучи жестокими и даже любя ихъ, вы наказывали ихъ вашимъ пренебреженіемъ къ нимъ, униженіемъ ихъ: они спали въ нечистой комнатѣ, на какой-то подстилкѣ, ѣли пищу не съ вашего стола, а со слугами. И, конечно, вы думали, что они, наконецъ, почувствуютъ вину свою и исправятся. Въ противномъ случаѣ, надо бы было предположить, что вы дѣлали такъ отъ ненависти къ нимъ, отъ мести къ нимъ, чтобы имъ сдѣлать зло? Но судъ не захотѣлъ такъ заключить и приписалъ поступки ваши ошибочному расчету воспитателя. Но вотъ теперь вы сами собираетесь воспитывать и учить ихъ: трудное это дѣло, несмотря на то, что супругъ вашей кажется оно легкимъ.

Дѣтей вашихъ нѣтъ въ залѣ, я приказалъ ихъ вывести, а потому я могу коснуться до самаго главнаго въ этомъ предстоящемъ вамъ трудномъ дѣлѣ. Самое главное въ немъ то, что предстоитъ многое простить съ обѣихъ сторонъ. Они должны простить вамъ горькія, тяжелыя впечатлѣнія ихъ дѣтскихъ сердецъ, ожесточеніе свое, пороки свои. Вы же должны простить имъ вашъ эгоизмъ, ваше пренебреженіе къ нимъ, извращеніе чувствъ вашихъ къ нимъ, жестокость вашу и то, наконецъ, что вы сидѣли здѣсь и судились за нихъ. Говорю такъ потому, что не себя обвините вы во всемъ этомъ, выйдя изъ залы суда, а непре-

мѣнно ихъ, я увѣренъ въ этомъ! И такъ, начиная ваше трудное дѣло воспитанія дѣтей вашихъ, спросите сами себя: можете ли вы обвинить за всѣ эти проступки и преступленія ваши, не ихъ, а именно себя? Если можете, о, тогда вы успѣете въ трудѣ вашемъ? Значить, Богъ очистилъ взглядъ вашъ и просвѣтилъ вашу совѣсть. Если же не можете, то лучше и не принимайтесь за ваше намѣреніе.

Второе, что предстоитъ вамъ тяжелаго въ вашемъ трудѣ, это побороть, истребить въ ихъ сердцахъ и измѣнить въ нихъ слишкомъ многія и прежнія впечатлѣнія и воспоминанія. Но тутъ надо столь много заставить забыть и столь многое вновь создать, что недоумѣваю: какимъ путемъ этого достигнете? О, если научитесь любить ихъ, то, конечно, всего достигнете. Но вѣдь даже и любовь есть трудъ, даже и любви надобно учиться, вѣрите ли вы тому? Вѣрите ли вы, наконецъ, убѣждены ли вы, что васъ не остановятъ и не побѣдятъ, въ прекрасномъ предпріятіи вашемъ, иныя самыя мелкія, самыя первоначальныя, самыя пошлыя обыденныя заботы, о которыхъ вы, можетъ быть, теперь и не думаете, но которыя, однако, могутъ составить наиважнѣйшее препятствіе добрымъ начинаніямъ вашимъ. Всякій ревностный и разумный отецъ знаетъ, напримѣръ, сколь важно воздерживаться передъ дѣтьми своими въ обыденной семейной жизни отъ извѣстной, такъ сказать, халатности семейныхъ отношеній, отъ извѣстной распушенности ихъ и разнузданности, воздерживать себя отъ дурныхъ и безобразныхъ привычекъ, а главное—отъ невниманія и пренебреженія къ дѣтскому ихъ мнѣнію о васъ самихъ, къ непріятному, безобразному и комическому впечатлѣнію, которое можетъ зародиться въ нихъ столь часто при созерцаніи нашей безшабашности въ семейномъ быту. Вѣрите ли вы, что ревностный отецъ даже долженъ иногда совсѣмъ перевоспитать себя для дѣтей своихъ. О, если родители добры, если любовь ихъ къ дѣтямъ ревностна и горяча, то дѣти многое простятъ имъ и многое забудутъ потомъ не только изъ комическаго и безобразнаго, но даже не осудятъ ихъ безапелляціонно за иныя совсѣмъ уже дурныя дѣла ихъ; напротивъ, сердца ихъ непремѣнно найдутъ смягчающія обстоятельства. Но совсѣмъ другое можетъ случиться въ семействахъ несогласныхъ и ожесточенныхъ. Ваша супруга, какъ оказалось на судѣ, имѣетъ болѣзненную привычку

заставлять чесать себѣ передъ сномъ ноги. Служанка за-свидѣтельствовала, что эта обязанность была для нея даже мучительна, что „затекали руки“. Представьте же себѣ этого мальчика, вашего сына, котораго вмѣсто служанки заставляютъ чесать? О, если бъ мать любила его искренно и сердечно, и онъ бы увѣренъ былъ въ томъ, то онъ бы и теперь, да и всегда потомъ, вспоминалъ объ этой немощи дорогого ему человѣка съ добродушною улыбкою, хотя, можетъ быть, злился бы и досадовалъ въ тѣ минуты, когда его заставляли чесать. Но воображаю, какъ онъ смотрѣлъ и что онъ чувствовалъ, что заходило ему въ голову, когда онъ сидѣлъ, по часу и болѣе, надъ смѣшнымъ занятіемъ, передъ существомъ, не любившимъ его, которое вотъ-вотъ вскочитъ и начнетъ сѣчь его ни за что, ни про что. Тогда требованіе отъ него этой услуги несомнѣнно должно было казаться ему унижающимъ его, пренебрежительнымъ къ нему и презрительнымъ. Не могъ не сознавать онъ, или, лучше сказать, не почувствовать, что матери своей онъ не нуженъ какъ сынъ, что какъ сына она его презираетъ, забываетъ, посылаетъ спать на какую-то подстилку, а если вспоминаетъ о немъ, то для того лишь, чтобъ бить его, но что онъ нуженъ, стало быть, ей, не какъ сынъ, а всего только какъ какая-то чещалка! И вы же жалуетесь послѣ того, что они развратились, что они безсердечные изверги, „что научились воровать!“ Напрягите немного ваше воображеніе, вообразите сына вашего въ будущемъ уже тридцати, положимъ, лѣтъ и подумайте, съ какимъ отвращеніемъ, съ какимъ озлобленнымъ чувствомъ и презрѣніемъ припомнитъ онъ этотъ эпизодъ своего дѣтства... Что онъ будетъ помнить о немъ до могилы, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Онъ не проститъ, онъ возненавидитъ свои воспоминанія, свое дѣтство, проклянетъ свое бывшее родное гнѣздо и тѣхъ, кто былъ съ нимъ въ этомъ гнѣздѣ! Эти воспоминанія предстоитъ вамъ теперь непременно искоренить, непременно пересоздать, надо заглушить ихъ иными новыми сильными и святыми впечатлѣніями,—какой огромный трудъ! Страшно подумать! Нѣтъ: дѣло, предпринимаемое вами, гораздо, гораздо труднѣе, чѣмъ кажется вашей супругѣ!

Не сердитесь, не обижайтесь словами моими. Говоря вамъ, я исполняю непремѣнную обязанность. Я говорю отъ лица общества, государства, отечества. Вы отцы, они ваши дѣти, вы современная Россія, они будущая: что же

будетъ съ Россіей, если русскіе отцы будутъ уклоняться отъ своего гражданскаго долга и станутъ искать уединенія, или, лучше сказать, отъединенія, лѣниваго и циническаго, отъ общества, народа своего и самыхъ первѣйшихъ къ нимъ обязанностей. Всего ужаснѣе то, что это такъ распространено: вы не одни такіе, хотя другіе впадаютъ въ тѣ же ошибки, какъ вы, можетъ быть, и подѣ другими формулами. Но внушительнѣе всего то, что вы, не только еще не худшіе, но даже многихъ лучшіе изъ современныхъ отцовъ, ибо все же въ сердцахъ вашихъ не умерло сознаніе вашего долга, хотя вы и не исполняли его. Абсолютнаго отрицанія долга въ васъ нѣтъ. Вы не холодные эгоисты, а, напротивъ, раздраженные—на себя ли, на дѣтей ли вашихъ, не стану опредѣлять того,—но вы оказались способными принять къ сердцу вашъ неуспѣхъ и глубоко огорчиться имъ! И такъ, да поможетъ вамъ Богъ въ рѣшеніи вашемъ исправить вашъ неуспѣхъ. Ищите же любви и копите любовь въ сердцахъ вашихъ. Любовь столь всесильна, что перерождаетъ и насъ самихъ. Любовью лишь купимъ сердца дѣтей нашихъ, а не однимъ лишь естественнымъ правомъ надъ нами. Да и самая природа изъ всѣхъ обязанностей нашихъ наиболѣе помогаетъ намъ въ обязанностяхъ передъ дѣтьми, сдѣлавъ такъ, что дѣтей нельзя не любить. Да и какъ не любить ихъ? Если уже перестанемъ дѣтей любить, то кого же послѣ того мы сможемъ полюбить, и что станетъ тогда съ нами самими? Вспомните тоже, что лишь для дѣтей и для ихъ золотыхъ головокъ Спаситель нашъ обѣщалъ намъ „сократить времена и сроки“. Ради нихъ сократится мученіе перерожденія человѣческаго общества въ совершеннѣйшее. Да совершится же это совершенство и да закончатся, наконецъ, страданія и недоумѣнія цивилизаціи нашей!

А теперь ступайте, вы оправданы...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Опять обособленіе. Восьмая часть Анны Карениной.

У насъ очень многіе теперь изъ интеллигентныхъ русскихъ повадились говорить: „какой народъ? я самъ народъ“. Въ восьмой части Анны Карениной, Левинъ, излюбленный герой автора романа, говоритъ про себя, что

онъ *самъ народъ*. Этого Левина я какъ-то прежде, говоря объ Аннѣ Карениной, назвалъ „чистый сердцемъ Левинъ“. Продолжая вѣрить въ чистоту его сердца попрежнему, я не вѣрю, что онъ — народъ; напротивъ, вижу теперь, что и онъ съ любовью поровитъ въ обособленіе. Убѣдился я въ этомъ, прочитавъ вотъ ту самую восьмую часть Анны Карениной, о которой я заговорилъ въ началѣ этого іюль-августовскаго дневника моего. Левинъ, какъ фактъ, есть, конечно, не дѣйствительно существующее лицо, а лишь вымыселъ романиста. Тѣмъ не менѣе, этотъ романистъ—огромный талантъ, значительный умъ и весьма уважаемый интеллигентною Россією человекъ,—этотъ романистъ изображаетъ въ этомъ идеальномъ, т. е. придуманномъ лицѣ, частью и собственный взглядъ свой на современную нашу русскую дѣйствительность, что ясно каждому, прочитавшему его замѣчательное произведеніе. Такимъ образомъ, судя объ несуществующемъ Левинѣ, мы будемъ судить и о дѣйствительномъ уже взглядѣ одного изъ самыхъ значительныхъ современныхъ русскихъ людей на текущую русскую дѣятельность. А это уже предметъ для сужденія серьезный даже и въ наше столь гремучее время, столь полное огромныхъ, потрясающихъ и быстро смѣняющихся дѣйствительныхъ фактовъ. Взглядъ этотъ столь значительнаго русскаго писателя, и именно на столь интересное для всѣхъ русскихъ дѣло, какъ всеобщее національное движеніе всѣхъ русскихъ людей за послѣдніе два года по „восточному вопросу“, выразился точно и окончательно именно въ этой восьмой и послѣдней части его произведенія, отвергнутой редакціей *Русскаго Вѣстника* по несходству убѣжденій автора съ ея собственными и появившейся весьма недавно отдѣльной книжкой. Сущность этого взгляда, насколько я его понялъ, заключается главное въ томъ, что, во-первыхъ, все это такъ-называемое національное движеніе нашимъ народомъ отнюдь не раздѣляется, и народъ вовсе даже не понимаетъ его; во-вторыхъ, что все это нарочно поддѣлано, сперва извѣстными лицами, а потомъ поддержано журналистами изъ выгоды, чтобъ заставить болѣе читать ихъ изданія; въ-третьихъ, что всѣ добровольцы были или потерянные и пьяные люди или просто глупцы; въ-четвертыхъ, что весь этотъ такъ-называемый подъемъ русскаго національнаго духа за славянь, былъ не только поддѣланъ извѣстными лицами и поддержанъ продажными журналистами, но и

поддѣланъ вопреки, такъ сказать, самыхъ основъ... И, наконецъ, въ-пятыхъ, что всѣ варварства и неслыханныя истязанія, совершенныя надъ славянами, не могутъ возбуждать въ насъ, русскихъ, непосредственнаго чувства жалости и что „такого непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ быть“. Послѣднее выражено окончательно и категорически.

Такимъ образомъ, „чистый сердцемъ Левинъ“ ударился въ обособленіе и разошелся съ огромнымъ большинствомъ русскихъ людей. Взглядъ его, впрочемъ, вовсе не новъ и не оригиналенъ. Онъ слишкомъ бы пригодился и пришелся по вкусу многимъ, почти такъ же думавшимъ людямъ прошлою зимою у насъ въ Петербургѣ и людямъ далеко не послѣднимъ по общественному положенію, а потому и жаль, что книжка нѣсколько запоздала. Отчего произошло столь мрачное обособленіе Левина и столь угрюмое отъединеніе въ сторону — не могу опредѣлить. Правда, это человѣкъ горячій, „безпокойный“, всеанализирующий, и, если строго судить, ни въ чемъ себѣ не вѣрующій. Но все-таки человѣкъ этотъ „сердцемъ чистый“ и я стою на томъ, хотя трудно и представить себѣ какими таинственными, а подчасъ и смѣшными путями можетъ проникнуть иной разъ самое неестественное, самое выдѣланное, и самое безобразное чувство въ иное въ высшей степени искреннее и чистое сердце. Впрочемъ, замѣчу еще, что хотя и утверждаютъ многіе, и даже я самъ ясно вижу (какъ и сообщилъ выше), что въ лицѣ Левина авторъ во многомъ выражаетъ свои собственныя убѣжденія и взгляды, влагая ихъ въ уста Левина чуть не насильно и даже явно жертвуя иногда притомъ художественностью, но лицо самого Левина, такъ, какъ изобразилъ его авторъ, я все же съ лицомъ самого автора отнюдь не смѣшиваю. Говорю это, находясь въ нѣкоторомъ горькомъ недоумѣніи, потому что хотя очень многое изъ выраженаго авторомъ, въ лицѣ Левина, очевидно, касается собственно одного Левина, какъ художественно изображеннаго типа, но все же не того ожидалъ я отъ такого автора!

II.

Признанія славянофила.

Да, не того. Здѣсь я принужденъ выразить нѣкоторыя чувства мои, хотя и положилъ было, начиная прошлаго

года издавать мой „Дневникъ“, что литературной критики у меня не будетъ. Но чувства не критика, хотя бы и высказалъ я ихъ по поводу литературнаго произведенія. Въ самомъ дѣлѣ, я пишу мой „Дневникъ“, т.-е. записываю мои впечатлѣнія по поводу всего, что наиболѣе поражаетъ меня въ текущихъ событіяхъ,—и вотъ я, почему-то, намѣренно предписываю самъ себѣ придуманную обязанность непременно скрывать и, можетъ-быть, самыя сильнѣйшія изъ переживаемыхъ мною впечатлѣній, лишь потому только, что они касаются русской литературы. Конечно, въ основѣ этого рѣшенія была и вѣрная мысль, но буквенное исполненіе этого рѣшенія не вѣрно, я вижу это, уже потому только, что тутъ буква. Да и литературное-то произведеніе, о которомъ я умолчалъ до сихъ поръ, для меня уже не просто литературное произведеніе, а цѣлый *фактъ* уже иного значенія. Я, можетъ-быть, выражусь слишкомъ наивно, но однакоже рѣшаюсь сказать вотъ что: этотъ *фактъ* впечатлѣнія отъ романа, отъ выдумки, отъ поэмы совпалъ въ душѣ моей, нынѣшней весною, съ огромнымъ фактомъ объявленія теперь идущей войны, и оба факта, оба впечатлѣнія, нашли въ умѣ моемъ дѣйствительную связь между собою и поразительную для меня точку обоюднаго соприкосновенія. вмѣсто того, чтобъ смѣяться надо мною, выслушайте меня лучше.

Я во многомъ убѣжденій чисто славянофильскихъ, хотя, можетъ-быть, и не вполне славянофиль. Славянофилы до сихъ поръ понимаются различно. Для иныхъ, даже и теперь, славянофильство, какъ въ старину, напримѣръ, для Вѣлинскаго, означаетъ лишь квасъ и рѣдку. Вѣлинскій *дѣйствительно* дальше не заходилъ въ пониманіи славянофильства. Для другихъ (и, замѣтимъ, для весьма многихъ, чуть не для большинства даже самихъ славянофиловъ) славянофильство означаетъ стремленіе къ освобожденію и объединенію всѣхъ славянъ подъ верховнымъ началомъ Россіи — началомъ, которое можетъ быть даже и не строго-политическимъ. И, наконецъ, для третьихъ, славянофильство, кромѣ этого объединенія славянъ подъ началомъ Россіи, означаетъ и заключаетъ въ себѣ духовный союзъ всѣхъ вѣрующихъ въ то, что великая наша Россія, во главѣ объединенныхъ славянъ, скажетъ всему міру, всему европейскому человѣчеству и цивилизаціи его свое новое здоровое и еще неслыханное міромъ слово. Слово это будетъ сказано во благо и воистину уже въ

соединеніе всего человѣчества новымъ, братскимъ, всемірнымъ союзомъ, начала котораго лежатъ въ гени славянъ, а преимущественно въ духѣ великаго народа русскаго, столь долго страдавшаго, столь много вѣковъ обреченнаго на молчаніе, но всегда заключавшаго въ себѣ великія силы для будущаго разъясненія и разрѣшенія многихъ горькихъ и самыхъ роковыхъ недоразумѣній западно-европейской цивилизаціи. Вотъ къ этому-то отдѣлу убѣжденныхъ и вѣрующихъ принадлежу и я.

Тутъ трунить и смѣяться опять-таки нечего: слова эти старыя, вѣра эта давнишняя, и уже одно то, что не умираетъ эта вѣра и не умолкаютъ эти слова, а, напротивъ, все больше и больше крѣпнуть, расширяютъ кругъ свой и приобрѣтаютъ себѣ новыхъ адептовъ, новыхъ убѣжденныхъ дѣятелей—ужь одно это могло бы заставить, наконецъ, противниковъ и пересмѣшниковъ этого *ученія* взглянуть на него хоть немного серьезнѣе, и выйти изъ пустой, закаменѣвшей въ себѣ, враждебности къ нему. Но объ этомъ пока довольно. Дѣло въ томъ, что весною поднялась наша великая война для великаго подвига, который, рано ли, поздно ли, несмотря на всѣ временныя неудачи, отдаляющія разрѣшеніе дѣла, а будетъ-таки доведенъ до конца, хотя бы даже и не удалось его довести до полного и вождедѣннаго конца именно въ теперешнюю войну. Подвигъ этотъ столь великъ, цѣль войны столь невѣроятна для Европы, что Европа, конечно, должна быть возмущена противъ нашего *коварства*, должна не вѣрить тому, о чемъ объявили мы ей начиная войну, и всячески, всѣми силами должна вредить намъ, и, соединившись съ врагомъ нашимъ, хотя и не явнымъ, не формальнымъ политическимъ союзомъ,—враждовать съ нами и воевать съ нами, хотя бы тайно, въ ожиданіи явной войны. И все, конечно, отъ объявленныхъ намѣреній и цѣлей нашихъ! „Великій восточный орелъ взлетѣлъ надъ міромъ, сверкая двумя крылами на вершинахъ христіанства“; не покорять, не приобрѣтать, не расширять границы онъ хочетъ, а освободить, возстановить угнетенныхъ и забытыхъ, дать имъ новую жизнь для блага ихъ и человѣчества. Вѣдь какъ ни считай, какимъ скептическимъ взглядомъ ни смотри на это дѣло, а въ сущности цѣль вѣдь эта, эта самая, и вотъ этому-то и не хочетъ повѣрить Европа! И повѣрьте, что не столько пугаетъ ее предполагаемое усиленіе Россіи, какъ именно то, что

Россія способна предпринимать такія задачи и цѣли. За-мѣтите это особенно. Предпринимать что-нибудь не для прямой своей выгоды кажется Европѣ столь непривычнымъ, столь вышедшимъ изъ международныхъ обычаевъ, что поступокъ Россіи естественно принимается Европой не только какъ за варварство „отставшей, звѣрской и не просвѣщенной“ націи, способной *на низость и глупость* затѣять въ нашъ вѣкъ что-то въ родѣ прежде бывшихъ въ темные вѣка крестовыхъ походовъ, но даже и за безнравственный фактъ, опасный Европѣ и угрожающій будто бы ея великой цивилизаціи. Взгляните, кто насъ любить въ Европѣ теперь особенно? Даже *друзья* наши, отъявленные, форменные, такъ сказать, друзья, и тѣ откровенно объявляютъ, что *рады нашимъ неудачамъ*. Пораженіе русскихъ милѣе имъ собственныхъ ихнихъ побѣдъ, веселить ихъ, льстить имъ. Въ случаѣ же удачъ нашихъ эти друзья давно уже согласились между собою употребить всѣ силы, чтобъ изъ удачъ Россіи извлечь себѣ выгодъ еще больше, чѣмъ извлечетъ ихъ для себя сама Россія...

Но и объ этомъ послѣ. Заговорилъ я, главное, о впечатлѣніи, которое должны были ощутить въ себѣ всѣ вѣрующіе въ будущее великое, общечеловѣческое значеніе Россіи, нынѣшнею весною, послѣ объявленія этой войны. Эта неслыханная война, за слабыхъ и угнетенныхъ, для того чтобъ дать жизнь и свободу, а не отнять ихъ,—эта давно уже теперь неслыханная въ мірѣ цѣль войны, для всѣхъ нашихъ вѣрующихъ явилась вдругъ, какъ фактъ, торжественно и знаменательно подтверждавшій вѣру ихъ. Это была уже не мечта, не гаданіе, а дѣйствительность, *начавшая совершаться*. „Если уже начало совершаться, то дойдетъ и до конца, до того великаго новаго слова, которое Россія, во главѣ союза славянъ, скажетъ Европѣ. И даже самое слово это уже начало сказываться, хотя Европа еще далеко не понимаетъ его и долго будетъ не вѣрить ему“. Вотъ какъ думали „вѣрующіе“. Да, впечатлѣніе было торжественное и знаменательное и, разумѣется, вѣра вѣрующихъ должна была еще больше закалиться и окрѣпнуть. Но однакоже начиналось дѣло столь важное, что и для нихъ настали тревожные вопросы: „Россія и Европа! Россія обнажаетъ мечъ противъ турокъ, но кто знаетъ, можетъ-быть, столкнется и съ Европой—не рано ли это? Столкновеніе съ Европой—не

то что съ турками и должно совершиться не однимъ мечомъ, такъ всегда понимали вѣрующіе. Но готовы ли мы къ другому-то столкновенію? Правда, слово уже начало сказываться, но не то что Европа, а и у насъ-то понимаютъ ли всѣ его? Вотъ мы, вѣрующіе, пророчествуемъ, напримѣръ, что лишь Россія заключаетъ въ себѣ начала разрѣшить всеевропейскій роковой вопросъ низшей братии, безъ боя и безъ крови, безъ ненависти и зла, но что скажетъ она это слово, когда уже Европа будетъ залита своею кровью, такъ какъ раньше никто не услышалъ бы въ Европѣ наше слово, а и услышалъ бы, то не понялъ бы его вовсе. Да, мы вѣрующіе въ это вѣримъ, но однако что пока отвѣчаютъ намъ у насъ же, наши же русскіе? Намъ отвѣчаютъ они, что все это лишь изступленные гаданія, конвульсьонерство, бѣшенныя мечты, припадки, и спрашиваютъ отъ насъ доказательствъ, твердыхъ указаній и совершившихся уже фактовъ. Что же укажемъ мы имъ, пока, для подтвержденія нашихъ *пророчествъ*? Освобожденіе ли крестьянъ,—фактъ, который еще столь мало понять у насъ въ смыслѣ степени проявленія русской духовной силы? Прирожденность ли и естественность братства нашего, все яснѣе и яснѣе выходящаго въ наше время наружу изъ-подъ всего, что давило его вѣками и несмотря на соръ и грязь, которая встрѣчаетъ его теперь, грязнить и искажаетъ черты его до неузнаваемости? Но пусть мы укажемъ это; намъ опять отвѣтятъ, что всѣ эти факты опять-таки наше конвульсьонерство, бѣшенная мечта, а не факты; и что толкуются они многообразно и сбивчиво и доказательствомъ ничему, покаместъ, служить не въ силахъ. Вотъ что отвѣтятъ намъ чуть не всѣ, а между тѣмъ мы, столь непонимающіе самихъ себя и столь мало вѣрующіе въ себя, мы—сталкиваемся съ Европой! Европа—но вѣдь это страшная и святая вещь, Европа! О, знаете ли вы, господа, какъ дорога намъ, мечтателямъ-славянофиламъ, по вашему ненавистникамъ Европы—эта самая Европа, эта „страна святыхъ чудесъ!“ Знаете ли вы, какъ дороги намъ эти „чудеса“ и какъ любимъ и чтимъ, болѣе чѣмъ братски любимъ и чтимъ мы великія племена, населяющія ее и все великое и прекрасное совершенное ими. Знаете ли, до какихъ слезъ и сжатій сердца мучаютъ и волнуютъ насъ судьбы этой дорогой и *родной* намъ страны, какъ пугаютъ насъ эти мрачныя тучи, все болѣе и болѣе заволакивающія ее небосклонъ?

Никогда вы, господа, паши европейцы и западники, столь не любили Европу, сколько мы, мечтатели-славянофилы, по-вашему, исконные враги ея! Нѣтъ, намъ дорога эта страна—будущая мирная побѣда великаго христіанскаго духа, сохранившася на Востокѣ... И въ опасеніи столкнуться съ нею въ текущей войнѣ, мы всего болѣе боимся, что Европа не пойметъ насъ, и попрежнему, по-всегдашнему встрѣтитъ насъ высокоомѣриемъ, презрѣніемъ и мечомъ своимъ, все еще какъ дикихъ варваровъ, недостойныхъ говорить передъ нею. Да, спрашивали мы сами себя, что же мы скажемъ или покажемъ ей, чтобы она насъ поняла? У насъ, повидимому, еще такъ мало чего-нибудь, что могло бы быть ей *понятно* и за что бы она насъ уважала? Основной, главной идеи нашей, нашего зачинающася „новаго слова“ она долго, слишкомъ долго еще не пойметъ. Ей надо фактовъ *теперь* понятныхъ, понятныхъ на ея *теперешній* взглядъ. Она спроситъ насъ: „гдѣ ваша цивилизація? Усматривается ли строй экономическихъ силъ вашихъ въ томъ хаосѣ, который видимъ мы всѣ у васъ. Гдѣ *ваша* наука, *ваше* искусство, *ваша* литература?“

III.

Анна Каренина, какъ фактъ особаго значенія.

И вотъ тогда же, т.-е. нынѣшней же весною, разъ вечеромъ, мнѣ случилось встрѣтиться на улицѣ съ однимъ изъ любимѣйшихъ мною нашихъ писателей. Встрѣчаемся мы съ нимъ очень рѣдко, въ нѣсколько мѣсяцевъ разъ, и всегда случайно, все какъ-нибудь на улицѣ. Это одинъ изъ виднѣйшихъ членовъ тѣхъ пяти или шести нашихъ беллетристовъ, которыхъ принято, всѣхъ вмѣстѣ, называть, почему-то, „плеядою“. По крайней мѣрѣ, критика, вслѣдъ за публикой, отдѣлила ихъ особо, передъ всѣми остальными беллетристами, и такъ это пребываетъ уже довольно давно,—все тотъ же пятокъ, „плеяда“, не расширяется. Я люблю встрѣчаться съ этимъ милымъ и любимымъ моимъ романистомъ, и люблю ему доказывать, между прочимъ, что не вѣрю и не хочу ни за что повѣрить, что онъ устарѣлъ, какъ онъ говоритъ, и болѣе уже ничего не напишетъ. Изъ краткаго разговора съ нимъ я всегда уношу какое-нибудь тонкое и дальновидное его слово. Въ этотъ разъ было о чемъ говорить, война уже начиналась. Но онъ тотчасъ же и прямо заговорилъ объ Аннѣ Карени-

ной. Я тоже только что успѣлъ прочитать седьмую часть, которою закончился романъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Собесѣдникъ мой на видъ человѣкъ не восторженный. На этотъ разъ, однако, онъ поразилъ меня твердостью и горячею настойчивостью своего мнѣнія объ Аннѣ Карениной.

— Это вещь неслыханная, это вещь первая. Кто у насъ, изъ писателей, можетъ поравняться съ этимъ? А въ Европѣ—кто представить хоть что-нибудь подобное? Было ли у нихъ, во всѣхъ ихъ литературахъ, за всѣ послѣдніе годы, и далеко раньше того, произведеніе, которое бы могло стать рядомъ?

Меня поразило главное то въ этомъ приговорѣ, который я и самъ вполне раздѣлялъ, что это указаніе на Европу какъ разъ пришлось къ тѣмъ вопросамъ и недомнѣніямъ, которые столь многимъ представлялись тогда сами собой. Книга эта прямо приняла въ глазахъ моихъ размѣръ факта, который бы могъ отвѣчать за насъ Европѣ, того искомаго факта, на который мы могли бы указать Европѣ. Разумѣется, возопятъ смѣясь, что это—всего лишь только литература, какой-то романъ, что смѣшно такъ преувеличивать и съ романомъ являться въ Европу. Я знаю, что возопятъ и засмѣются, но не безпокойтесь, я не преувеличиваю и трезво смотрю: я самъ знаю, что это пока всего лишь только романъ, что это одна только капля того, чего нужно, но главное тутъ дѣло для меня въ томъ, что эта капля уже есть, дана, дѣйствительно существуетъ, взаправду, а, стало-быть, если она уже есть, если геній русскій могъ родить этотъ фактъ, то, стало-быть, онъ не обреченъ на безсиліе, можетъ творить, можетъ давать *свое*, можетъ начать *свое* собственное слово и договорить его, когда придутъ времена и сроки. При томъ это далеко не капля только. О, я и тутъ не преувеличиваю: я очень знаю, что не только въ одномъ какомъ-нибудь членѣ этой плеяды, но и во всей-то плеядѣ не найдете того, строго говоря, что называется геніальною, творящею силою. Безспорныхъ геніевъ, съ безспорнымъ „новымъ словомъ“ во всей литературѣ нашей было всего только три: Ломоносовъ, Пушкинъ и частью Гоголь. Вся же плеяда эта (и авторъ Анны Карениной въ томъ числѣ) вышла прямо изъ Пушкина, одного изъ величайшихъ русскихъ людей, но далеко еще не понятого и не растолкованнаго. Въ Пушкинѣ двѣ главныя мысли—и объ

заклучаютъ въ себѣ прообразъ всего будущаго назначенія и всей будущей цѣли Россіи, а, стало-быть, и всей будущей судьбы нашей. Первая мысль—*всемірность* Россіи, ея отзывчивость и дѣйствительное, безспорное и глубочайшее родство ея генія съ геніями всѣхъ временъ и народовъ міра. Мысль эта выражена Пушкинымъ не какъ одно только указаніе, ученіе, или теорія, не какъ мечтаніе или пророчество, но исполнена *имъ на дѣлѣ*, заключена вѣковѣчно въ геніальныхъ созданіяхъ его и доказана ими. Онъ человѣкъ древняго міра, онъ и германецъ, онъ и англичанинъ глубоко сознающій геній свой, тоску своего стремленія (Пиръ во время чумы), онъ и поэтъ Востока. Всѣмъ этимъ народамъ онъ сказалъ и заявилъ, что русскій геній знаетъ ихъ, понялъ ихъ, соприкоснулся имъ какъ родной, что онъ можетъ *перевоплощаться* въ нихъ во всей полнотѣ, что лишь одному только русскому духу дана *всемірность*, дано назначеніе въ будущемъ постигнуть и объединить все многообразіе національностей и снять всѣ противорѣчія ихъ. Другая мысль Пушкина, это поворотъ его къ народу и упованіе, единственно, на силу его, завѣтъ того, что лишь въ народѣ и въ одномъ только народѣ обрѣтемъ мы всецѣло весь нашъ русскій геній и сознаніе назначенія его. И это, опять-таки, Пушкинъ не только указалъ, но и совершилъ первый, на дѣлѣ. Съ него только начался у насъ настоящій сознательный поворотъ къ народу, невысказанный еще до него съ самой реформы Петра. Вся теперешняя *плеяда* наша работала лишь по его указаніямъ, *новаго* послѣ Пушкина ничего не сказала. Всѣ зачатки ея были въ немъ, указаны имъ. Да къ тому же она разработала лишь самую малую часть имъ указаннаго. Но зато, то что они сдѣлали, разработано ими съ такимъ богатствомъ силъ, съ такою глубиною и отчетливостью, что Пушкинъ, конечно, призналъ бы ихъ. Анна Карелина — вещь, конечно, не новая по идеѣ своей, не неслыханная у насъ доселѣ. Въмѣсто нея мы, конечно, могли бы указать Европѣ прямо на источникъ, т.-е. на самого Пушкина, какъ на самое яркое, твердое и неоспоримое доказательство самостоятельности русскаго генія и права его на величайшее міровое, общечеловѣческое и всеединящее значеніе въ будущемъ (увы, сколько бы мы ни указывали, а нашихъ долго еще не будутъ читать въ Европѣ, а и станутъ читать, то долго еще не поймутъ и не оцѣнятъ. Да и оцѣнить

еще они совсѣмъ не въ силахъ, не по скудости способностей, а потому, что мы для нихъ совсѣмъ другой мѣръ, точно съ луны сошли, такъ что имъ даже самое существованіе наше допустить трудно. Все это я знаю, и объ „указаніи Европѣ“ говорю лишь въ смыслѣ нашего собственного убѣжденія въ нашемъ правѣ передъ Европой на самостоятельность нашу). Тѣмъ не менѣе, Анна Каренина есть совершенство какъ художественное произведеніе, подвернувшееся какъ разъ кстатѣ, и такое, съ которымъ ничто подобное изъ европейскихъ литературъ въ настоящую эпоху не можетъ сравниться, а во-вторыхъ и по идеѣ своей это уже нѣчто наше, наше *свое* родное, и именно то самое, что составляетъ нашу особенность передъ европейскимъ міромъ, что составляетъ уже наше національное „новое слово“ или, по крайней мѣрѣ, начало его,—такое слово, котораго именно не слышать въ Европѣ и которое, однако, столь необходимо ей, несмотря на всю ея гордость. Я не могу пуститься здѣсь въ литературную критику и скажу лишь небольшое слово. Въ Аннѣ Карениной проведенъ взглядъ на виновность и преступность человѣческую. Взятъ люди въ ненормальныхъ условіяхъ. Зло существуетъ прежде нихъ. Захваченные въ круговоротъ лжи, люди совершаютъ преступленіе и гибнутъ неотразимо: какъ видно, мысль на любимѣйшую и стариннѣйшую изъ европейскихъ темъ. Но какъ, однакоже, рѣшается такой вопросъ въ Европѣ? Рѣшается онъ тамъ повсемѣстно двоякимъ образомъ. Первое рѣшеніе: законъ данъ, написанъ, формулированъ, составлялся тысячелѣтіями. Зло и добро опредѣлено, взвѣшено, размѣры и степени опредѣлялись исторически мудрецами человѣчества, неустанной работой надъ душой человѣка и высшей научной разработкой надъ степенью единительной силы человѣчества въ обществѣ. Этому выработанному кодексу повелѣвается слѣдовать слѣпо. Кто не послѣдуетъ, кто преступитъ его, — тотъ платитъ свободой, имуществомъ, жизнью, платитъ буквально и безчеловѣчно. „Я знаю“, говоритъ сама ихъ цивилизація, „что это и слѣпо, и безчеловѣчно, и невозможно, такъ какъ нельзя выработать окончательную формулу человѣчества въ серединѣ пути его, но такъ какъ другого исхода нѣтъ, то и слѣдуетъ держаться того что написано, и держаться буквально и безчеловѣчно; не будь этого—будетъ хуже. Съ тѣмъ вмѣстѣ, несмотря на всю ненормальность и нелѣпость устройства

того, что называемъ мы нашей великой европейской цивилизаціей, тѣмъ не менѣ пусть силы человѣческаго духа пребываютъ здравы и невредимы, пусть общество не колеблется въ вѣрѣ, что оно идетъ, къ совершенству, пусть не смѣетъ думать, что затемнился идеаль прекраснаго и высокаго, что извращается и коверкается понятіе о добрѣ и злѣ, что нормальность непрерывно смѣняется условностью, что простота и естественность гибнуть, подавляемая непрерывно накопляющеюся ложью! Другое рѣшеніе обратное: такъ какъ общество устроено нормально, то и нельзя спрашивать отвѣта съ единицъ людскихъ за послѣдствія. Стало быть, преступникъ безответственъ, и преступления пока не существуетъ. Чтобы покончить съ преступлениями и людскою виновностью, надо покончить съ ненормальностью общества и склада его. Такъ какъ лѣчить существующій порядокъ вещей долго и безнадежно, да и лѣкарствъ не оказалось, то слѣдуетъ разрушить все общество и смести старый порядокъ какъ бы метлой. Затѣмъ начать все новое, на иныхъ началахъ, еще неизвѣстныхъ, но которыя все же не могутъ быть хуже теперешняго порядка, напротивъ, заключаютъ въ себѣ много шансовъ успѣха. Главная надежда на науку". И такъ вотъ это второе рѣшеніе: ждуть будущаго муравейника, а пока зальютъ міръ кровью. Другихъ рѣшеній о виновности и преступности людской западно-европейскій міръ не представляетъ.

Во взглядѣ же русскаго автора на виновность и преступность людей ясно усматривается, что никакой муравейникъ, никакое торжество „четвертаго сословія“, никакое уничтоженіе бѣдности, никакая организація труда не спасутъ человѣчество отъ ненормальности, а слѣдственно и отъ виновности и преступности. Выражено это въ огромной психологической разработкѣ души человѣческой, съ страшной глубиной и силою, съ небывалымъ доселѣ у насъ реализмомъ художественнаго изображенія. Ясно и понятно до очевидности, что зло таится въ человѣчествѣ глубже, чѣмъ предполагаютъ лѣкаря-соціалисты, что ни въ какомъ устройствѣ общества не избѣгнете зла, что душа человѣческая останется та же, что ненормальность и грѣхъ исходятъ изъ нея самой, и что, наконецъ, законы духа человѣческаго столь еще неизвѣстны, столь невѣдомы наукѣ, столь неопредѣленны и столь таинственны, что нѣтъ и не можетъ быть еще ни лѣкарей,

ни даже судей *окончательныхъ*, а есть Тотъ, который говоритъ: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“. Ему одному лишь извѣстна *вся* тайна міра сего и окончательная судьба человѣка. Человѣкъ же пока не можетъ браться рѣшать ничего съ гордостью своей непогрѣшимости, не пришли еще времена и сроки. Самъ судья человѣческій долженъ знать о себѣ, что онъ не судья окончательный, что онъ грѣшникъ самъ, что вѣсы и мѣра въ рукахъ его будутъ нелѣпностью, *если* самъ онъ, держа въ рукахъ мѣру и вѣсы, не преклонится передъ закономъ неразрѣшимой еще тайны и не прибѣгнетъ къ единственному выходу— къ милосердію и любви. А чтобъ не погибнуть въ отчаяніи отъ непониманія путей и судебъ своихъ, отъ убѣжденія въ таинственной и роковой неизбѣжности зла, человѣку именно указанъ исходъ. Онъ гениально намѣченъ поэтомъ въ гениальной сценѣ романа еще въ предпоследней части его, въ сценѣ смертельной болѣзни героини романа, когда преступники и враги вдругъ преобразуются въ существа высшія, въ братьевъ все простившихъ другъ другу, въ существа, которыя сами, взаимнымъ всепрощеніемъ сняли съ себя ложь, вину и преступность, и тѣмъ разомъ сами оправдали себя съ полнымъ сознаниемъ, что получили право на то. Но потомъ, въ концѣ романа, въ мрачной и страшной картинѣ паденія человѣческаго духа, прослѣженнаго шагъ за шагомъ, въ изображеніи того неотразимаго состоянія, когда зло, овладѣвъ существомъ человѣка, связываетъ каждое движеніе его, парализуетъ всякую силу сопротивленія, всякую мысль, всякую охоту борьбы съ мракомъ, падающимъ на душу и сознательно, излюбленно, со страстью отмщенія принимаемымъ душой вмѣсто свѣта,—въ этой картинѣ—столько назиданія для судьи человѣческаго, для держащаго мѣру и вѣсы, что, конечно; онъ воскликнетъ, въ страхѣ и недоумѣніи: „нѣтъ, не всегда мнѣ отмщеніе и не всегда азъ воздамъ“, и не поставитъ безчеловѣчно въ вину мрачно павшему преступнику того, что онъ пренебрегъ указаннымъ вѣковѣчно свѣтомъ исхода и уже *сознательно* отвергъ его. Къ буквѣ, по крайней мѣрѣ, не прибѣгнетъ...

Если у насъ есть литературныя произведенія такой силы мысли и исполненія, то почему у насъ не можетъ быть *впослѣдствіи* и *своей* науки, и своихъ рѣшеній экономическихъ, социальныхъ, почему намъ отказываетъ Европа въ самостоятельности, въ нашемъ *своемъ собствен-*

номъ словѣ, — вотъ вопросъ, который рождается самъ собою. Нельзя же предположить смѣшную мысль, что природа одарила насъ лишь однѣми литературными способностями. Все остальное есть вопросъ исторіи, обстоятельствъ, условій времени. Такъ могли бы разсудить наши, по крайней мѣрѣ, европейцы, въ ожиданіи пока разсудятъ европейскіе европейцы...

IV.

Помѣщикъ добывающій вѣру въ Бога отъ мужика.

Теперь, когда я выразилъ мои чувства, можетъ быть, поймутъ, какъ подѣйствовало на меня отпаденіе такого автора, отъединеніе его отъ русскаго всеобщаго и великаго дѣла, и парадоксальная неправда, возведенная имъ на народъ въ его несчастной восьмой части, изданной имъ отдѣльно. Онъ просто отнимаетъ у народа все его драгоцѣннѣйшее, лишаетъ его главнаго смысла его жизни. Ему бы несравненно пріятнѣе было, если бъ народъ нашъ не подымался повсемѣстно сердцемъ своимъ за терпящихъ за вѣру братій своихъ. Въ этомъ только смыслъ онъ и отрицаетъ явленіе, несмотря на очевидность его. Конечно, все это выражено лишь въ фиктивныхъ лицахъ героевъ романа, но, повторяю это, слишкомъ видно рядомъ съ ними и самого автора. Правда, книжка эта искренняя, говоритъ авторъ отъ души. Даже самыя щекотливыя вещи (а тамъ есть *щекотливыя* вещи) улеглись въ ней совсѣмъ какъ бы невзначай, такъ что, несмотря на всю ихъ щекотливость, вы ихъ принимаете лишь за прямое слово и не допускаете ни малѣйшей кривизны. Тѣмъ не менѣе книжку эту я все-таки считаю вовсе не столь невинною. Теперь она, разумѣется, не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого вліянія, кромѣ какъ развѣ поддакнетъ еще разъ нѣкоторой отмежеванной кучкѣ. Но такой фактъ, что такой авторъ такъ пишетъ, очень грустенъ. Это для будущаго грустно. А, впрочемъ, примусь лучше за дѣло: мнѣ хочется возразить, укажу на то, что меня особенно поразило.

Прежде, впрочемъ, расскажу про Левина, — очевидно, главнаго героя романа; въ немъ выражено положительное, какъ бы въ противоположность тѣхъ ненормальностей, отъ которыхъ погибли или пострадали другія лица романа, и онъ, видимо, къ тому и предназначался авторомъ, чтобы все это въ немъ выразить. И однакоже Левинъ все еще

не совершененъ, все еще чего-то недостаетъ ему и этимъ надо было заняться и разрѣшить, чтобъ ужъ никакихъ сомнѣній и вопросовъ Левинъ болѣе собою не представлялъ. Читатель впоследствии пойметъ причину, почему я на этомъ останавливаюсь, не переходя прямо къ главному дѣлу.

Левинъ счастливъ, романъ кончился къ пущей славѣ его, но ему недостаетъ еще внутренняго духовнаго мира. Онъ мучается вѣковѣчными вопросами человѣчества: о Богѣ, о вѣчной жизни, о добрѣ и злѣ и проч. Онъ мучается тѣмъ, что онъ не вѣрующій и что не можетъ успокоиться на томъ, на чемъ всѣ успокоиваются, т. е. на интересѣ, на обожаніи собственной личности или собственныхъ идоловъ, на самолюбіи и проч. Признакъ великодушія, не правда ли? Но отъ Левина и ожидать нельзя было меньше. Оказывается кстати, что Левинъ много прочиталъ. Ему знакомы и философы, и позитивисты, и просто естественники. Но ничто не удовлетворяетъ его, а, напротивъ, еще больше запутываетъ, такъ что онъ, въ свободное по хозяйству время, убѣгаетъ въ лѣса и рощи, сердится, даже не столь цѣнить свою Киту, сколько бы надо цѣнить. И вотъ вдругъ онъ встрѣчаетъ мужика, который, передавая ему о двухъ, различныхъ нравственною стороною своею мужикахъ, Митюхѣ и Ооканычѣ, выражается такъ:

«Митюхѣ какъ не выручить! Этотъ нажметъ да свое выберетъ. Онъ хрестьянина не пожалѣетъ, а дядя Ооканычъ развѣ станетъ драть шкуру съ человѣка? Гдѣ въ долгъ, гдѣ и спустить. Анъ и не доберетъ, тоже человѣкомъ.

— Да зачѣмъ же онъ будетъ спускать?

— Да такъ, значитъ — люди разные, одинъ человѣкъ только для нужды своей живетъ, хоть бы Митюха, только брюхо набиваетъ,— а Ооканычъ — правдивый старикъ. Онъ для души живетъ, Бога помнитъ.

— Какъ Бога помнитъ? Какъ для души живетъ? почти вскрикнулъ Левинъ.

— Извѣстно какъ, по правдѣ, по Божью. Вѣдь люди разные. Вотъ хоть васъ взять, тоже не обидите человѣка.

— Да, да, прощай! проговорилъ Левинъ, задыхаясь отъ волненія, и, повернувшись, взялъ свою палку и быстро пошелъ прочь къ дому.»

Онъ, впрочемъ, нобѣжалъ опять въ лѣсъ, легъ подъ осинами и началъ думать почти въ какомъ-то восторгѣ. Слово было найдено, всѣ вѣковѣчныя загадки разрѣшены и это однимъ простымъ словомъ мужика: „Жить для

души, Бога помнить". Мужикъ, разумѣтся, не сказалъ ему ничего новаго, все это онъ давно уже самъ зналъ; но мужикъ все же навелъ его на мысль и подсказалъ ему рѣшеніе въ самый щекотливый моментъ. Засимъ наступаетъ рядъ разсужденій Левина, весьма вѣрныхъ и мѣтко выраженныхъ. Мысль Левина та: къ чему искать умомъ того, что уже дано самою жизнью, съ чѣмъ родится каждый человѣкъ и чему (поневоля даже) долженъ слѣдовать и слѣдуетъ каждый человѣкъ. Съ совѣстью, съ понятіемъ о добрѣ и злѣ каждый человѣкъ рождается, стало-быть, рождается прямо и съ цѣлью жизни: жить для добра и не любить зла. Рождается съ этимъ и мужикъ и баринъ, и французъ и русскій и турокъ — всѣ чтутъ добро (NB. хоть многіе ужасно по-своему). Я же, говоритъ Левинъ, хотѣлъ это все познать математикой, наукой, разумомъ, или ждалъ чуда, между тѣмъ это дано мнѣ даромъ, рождено со мною. А что оно дано даромъ, то этому есть прямые доказательства: всѣ на свѣтѣ понимаютъ, или могутъ понять, что надо *любить ближняго какъ самого себя*. Въ этомъ знаніи въ сущности и заключается весь законъ человѣческой, какъ и объявлено намъ самимъ Христомъ. Между тѣмъ это знаніе прирожденно, стало-быть, послано даромъ, ибо разумъ ни за что не могъ бы дать такое знаніе, — почему? Да потому, что „любить ближняго“, если судить по разуму, выйдетъ неразумно.

— Откуда взялъ я это? (спрашиваетъ Левинъ). Разумомъ, что ли, дошелъ я до того, что надо любить ближняго и не душить его? Мнѣ сказали это въ дѣтствѣ, *и я радостно повѣрилъ*, потому что мнѣ сказали то, что было у меня въ душѣ. А кто открылъ это? Не разумъ. Разумъ открылъ борьбу за существованіе и законъ, требующій того, чтобы душить всѣхъ, мѣшающихъ удовлетворенію моихъ желаній. Это выводъ разума. А любить другого не могъ открыть разумъ, потому что это неразумно.

Далѣе представилась Левину недавняя сцена съ дѣтьми. Дѣти стали жарить малину въ чашкахъ на свѣчахъ и лить себѣ молоко фонтаномъ въ ротъ. Мать, заставъ ихъ на дѣлѣ, стала имъ внушать, что если они испортятъ посуду и разольютъ молоко, то не будетъ у нихъ ни посуды, ни молока. Но дѣти, очевидно, не повѣрили, потому что не могли себѣ и представить „всего объема того, чѣмъ они пользуются, а потому не могли представить себѣ, что то, что они разрушаютъ, есть то самое, чѣмъ они живутъ“.

«Это все само собой», думали они, «интереснаго и важнаго въ

этомъ ничего нѣтъ, потому что это всегда было и будетъ. И всегда все одно и то же. Объ этомъ намъ думать нечего, это готово; а намъ хочется выдумать что-нибудь свое и новенькое. Вотъ мы выдумали въ чашку положить малину и жарить ее на свѣчкѣ, а молоко лить фронтаномъ прямо въ ротъ другъ другу. Это весело и ново, и ничѣмъ не хуже, чѣмъ пить изъ чашекъ.»

«Развѣ не то же самое дѣлаемъ мы, дѣлалъ я, разумомъ отыскивая значеніе силъ природы и смыслъ жизни человѣка?» продолжалъ Левинъ.

«И развѣ не то же дѣлаютъ всѣ теоріи философскія, путемъ мысли страннымъ, несвойственнымъ человѣку, приводя его къ знанію того, что онъ давно знаетъ, и такъ вѣрно знаетъ, что безъ того и жить бы не могъ. Развѣ не видно ясно въ развитіи теоріи каждаго философа, что онъ впередъ знаетъ такъ же несомнѣнно, какъ и мужикъ Θεодоръ, и ничуть не яснѣе его, главный смыслъ жизни, и только сомнительнымъ умственнымъ путемъ хочетъ вернуться къ тому, что всѣмъ извѣстно.

«Ну-ка, пустить однихъ дѣтей, чтобъ они сами приобрѣли, сдѣлали посуду, подоили молоко и т. д. Стали бы они шалить? Они бы съ голоду померли. Ну-ка, пустите насъ съ нашими страстями, мыслями, безъ понятія о единомъ Богѣ и Творцѣ! Или безъ понятія того, что есть добро, безъ объясненія зла нравственнаго.

«Ну-ка, безъ этихъ понятій постройте что-нибудь!

«Мы только разрушаемъ, потому что духовно сыты. Именно дѣти!»

Однимъ словомъ, сомнѣнія кончились и Левинъ увѣровалъ,—во что? Онъ еще этого строго не опредѣлилъ, но онъ уже вѣруетъ. Но вѣра ли это? Онъ самъ себѣ радостно задаетъ этотъ вопросъ: „Неужели эта вѣра?“ Надобно полагать, что еще нѣтъ. Мало того: врядъ ли у такихъ, какъ Левинъ, и можетъ быть окончательная вѣра. Левинъ любитъ себя называть народомъ, но это баричъ, московскій баричъ средне-высшаго круга, историкомъ котораго и былъ по преимуществу графъ Л. Толстой. Хотя мужикъ и не сказалъ Левину ничего новаго, но все же онъ его натолкнулъ на идею, а съ этой идеи и началась вѣра. Ужъ въ этомъ-то одномъ Левинъ могъ бы увидать, что онъ не совсѣмъ народъ и что нельзя ему говорить про себя: я самъ народъ. Но объ этомъ послѣ. Я хочу только сказать, что вотъ эти, какъ Левинъ, сколько бы ни прожили съ народомъ или подлѣ народа, но народомъ вполне не сдѣлаются, мало того — во многихъ пунктахъ такъ и не поймутъ его никогда вовсе. Мало одного самомнѣнія, или акта воли, да еще столь причудливой, чтобъ захотѣть и стать народомъ. Пусть онъ помѣщикъ, и работающій помѣщикъ, и работы мужицкія знаетъ, и самъ косить и телѣгу запрячь умѣетъ, и знаетъ, что къ сотовому меду огурцы свѣжіе подаются. Все-таки въ душѣ

его, какъ онъ ни старайся, останется оттънокъ чего-то, что можно, я думаю, назвать *праздношатайствомъ*—тѣмъ самымъ праздношатайствомъ, физическимъ и духовнымъ, которое, какъ онъ ни крѣпись, а все же досталось ему по наслѣдству и которое ужъ, конечно, видить во всякомъ баринѣ народѣ, благо не нашими глазами смотреть. Но и объ этомъ потомъ. А вѣру свою онъ разрушить опять, разрушить самъ, долго не продержится: выйдетъ какой-нибудь новый сучокъ и разомъ все рухнетъ. Кити пошла и споткнулась, такъ вотъ зачѣмъ она споткнулась? Если споткнулась, значить и не могла не споткнуться; слишкомъ ясно видно, что она спотѣнулась потому-то и потому-то. Ясно, что все тутъ зависѣло отъ законовъ, которые могутъ быть строжайше опредѣлены. А если такъ, то значить всюду наука. Гдѣ же Промыселъ? Гдѣ же роль его? Гдѣ же отвѣтственность человѣческая? А если нѣтъ Промысла, то какъ же я могу вѣрить въ Бога и т. д., и т. д.“. Берите прямую линію и пустите въ безконечность. Однимъ словомъ, эта честная душа есть самая праздно-хаотическая душа, иначе онъ не былъ бы современнымъ русскимъ интеллигентнымъ бариномъ, да еще средне-высшаго дворянскаго круга.

Онъ доказываетъ это блистательно всего какой-нибудь часъ спустя по приобрѣтеніи вѣры; онъ доказываетъ, что русскій народъ вовсе не чувствуетъ того, что могутъ чувствовать вообще люди, онъ разрушаетъ душу народа самымъ всевластнымъ образомъ, мало того,—объявляетъ, что самъ не чувствуетъ никакой жалости къ человѣческому страданію. Онъ объявляетъ, что „непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ быть“ — т.-е. не только у него, но и у всѣхъ русскихъ не можетъ быть: я, дескать, самъ народъ. Слишкомъ уже они дешево цѣнятъ русскій народъ. Старые, впрочемъ, оцѣнщики. Не прошло и часу по приобрѣтеніи вѣры, какъ пошла опять жариться малина на свѣчкѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Раздражительность самолюбія.

Прибѣжали дѣти и объявляютъ Левину, что пріѣхали гости;—„одинъ вотъ такъ размахиваетъ руками“. Оказывается, что гости изъ Москвы. Левинъ сажаетъ ихъ подъ

деревьями, приносить имъ сотоваго меду съ свѣжими огурцами и гости тотчасъ же принимаются за медъ и за восточный вопросъ. Все происходитъ, видите ли, прошлаго года,—помните: Черняевъ, добровольцы, пожертвованія. Разговоръ быстро разгорается, потому что всѣ неудержимо стремятся къ главному. Собесѣдники, кромѣ дамъ, во-первыхъ одинъ изъ Москвы профессорчикъ, человѣкъ милый, но глуповатый. Затѣмъ слѣдуетъ человѣкъ (съ тѣмъ онъ и выставленъ) огромнаго ума и познаній, Сергѣй Ивановичъ Кознышевъ, единоутробный братъ Левина. Характеръ этотъ проведенъ въ романѣ искусно, и подъ конецъ понятенъ (сороковыхъ годовъ человѣкъ). Сергѣй Ивановичъ только что бросился, всецѣло и съ азартомъ, въ славянскую дѣятельность и комитетомъ на него много возложено, такъ что трудно и представить себѣ, вспоминая прошлое лѣто, какъ онъ могъ бросить дѣло и пріѣхать на цѣлыя двѣ недѣли въ деревню. Правда, въ такомъ случаѣ не было бы и разговора на пчельникѣ о народномъ движеніи, а, стало-быть, и всей восьмой части романа, которая для одного этого разговора и написана. Видите ли, этотъ Сергѣй Ивановичъ, мѣсяца два или три передъ тѣмъ, издалъ въ Москвѣ какую-то ученую книгу о Россіи, которую давно готовилъ и на которую возлагалъ большія надежды, но книга вдругъ лопнула, и лопнула со срамомъ, никто-то объ ней ничего не сказалъ, прошла не замѣченная. И вотъ тутъ-то Сергѣй Ивановичъ и бросился въ славянскую дѣятельность, и съ такимъ жаромъ, какого отъ него ожидать нельзя было. Выходить, стало-быть, что бросился не естественно; весь его жаръ къ славянамъ—ambition gentrée, не болѣе, и вы ясно предчувствуете, что Левинъ уже и не можетъ не остаться надъ такимъ побѣдителемъ. Сергѣй Ивановичъ и въ прежнихъ частяхъ проведенъ былъ въ комическомъ видѣ весьма искусно; въ восьмой же части становится уже окончательно яснымъ, что онъ и задуманъ-то былъ единственно для того, чтобы въ концѣ романа послужить пьедесталомъ для величія Левина. Но лицо очень удачное.

Зато изъ неудачнѣйшихъ лицъ — это старый князь. Онъ тутъ же сидитъ и толкуетъ о восточномъ вопросѣ. Неудачный и во всемъ романѣ, а не то что въ одномъ восточномъ вопросѣ. Это одно изъ положительныхъ лицъ романа, предназначенныхъ выразить собою положительную

красоту, — ну, разумеется, не грѣша противъ реализма: онъ и съ слабостями, и чуть ли не съ смѣшными сторонами, но зато почтенный, почтенный. Онъ и добросердъ романа, онъ и здравомысль, но не фонвизинскій какой-нибудь здравомысль, который какъ уже замалить, такъ точно осель ученый: одно здравомыслие и ничего болѣе. Нѣтъ, тутъ и юморъ, и вообще человѣческія стороны. Забавное же въ томъ, что этотъ старый человѣкъ предназначенъ выразать собою остроуміе. Пройдя школу жизни, отецъ многочисленныхъ, хотя уже и пристроенныхъ дѣтей, онъ, подъ старость, взираетъ на все кругомъ него съ тихою улыбкою мудреца, но съ улыбкою, далеко, однако, не столь кроткою и безобидною. Онъ дастъ совѣтъ, но берегитесь игры ума его: отбреетъ. И вотъ, вдругъ, тутъ случилось одно несчастье: предназначенный къ остроумію здравомысль Богъ знаетъ отчего вышелъ вовсе не остроумень, а напротивъ, даже и пошловатъ. Правда, онъ все порывается, равно какъ и во весь романъ, сказать что-нибудь остроумное, но такъ и остается при одномъ желаніи, ровнешенько ничего не выходитъ. Читатель изъ деликатности готовъ, наконецъ, зачестъ ему эти попытки и, такъ сказать, потуги остроумія за самое остроуміе, но гораздо хуже то, что это же самое лицо, въ восьмой, отдѣльно вышедшей, части романа, предназначено выразить вещи, положимъ, опять-таки неостроумныя (въ этомъ старый князь твердо выдерживаетъ свой характеръ), но зато вещи циническія и хульные на часть нашего общества и на народъ нашъ. Въмѣсто добросерда является какой-то клубный отрицатель какъ русскаго народа, такъ и всего, что въ немъ есть хорошаго. Слышится клубное раздраженіе, стариковская желчь. Впрочемъ, политическая теорія стараго князя нисколько не нова. Это стотысячное повтореніе того, что мы и безъ него поминутно слышимъ:

— Вотъ и я, сказалъ князь. Я жилъ за границей, читалъ газеты и, признаюсь, еще до болгарскихъ ужасовъ никакъ не понималъ, почему всѣ русскіе такъ вдругъ полюбили братьевъ славянъ, а я никакой къ нимъ любви не чувствую? Я очень огорчался, думалъ, что я уродъ (это, видите ли, онъ острить: вообразить только, что онъ думаетъ про себя, что онъ уродъ!), или что такъ Карлсбадъ на меня дѣйствуетъ (сугубая острога). Но, пріѣхавъ сюда, я успокоился (еще бы!), я вижу, что и кромѣ меня есть люди, интересующіеся только Россіей, а не братьями славянами...

Вотъ она гдѣ глубина-то! Надо интересоваться *только* Россіей. Такъ что вспоможеніе славянамъ прямо признается

не русскимъ дѣломъ; признавалъ бы онъ его русскимъ дѣломъ—не говорилъ бы онъ, что надо интересоваться *только* Россіей, такъ какъ интересоваться славянами само собою означало бы тогда интересоваться самой Россіей и назначеніемъ ея. Характеръ возрѣнія князя состоитъ, стало быть, въ узости пониманія русскихъ интересовъ. Этого какъ не слышать, это тысячу разъ услышишь, а въ иныхъ сферахъ такъ только это и слышишь. Но вотъ, однакоже, нѣчто, гораздо злокачественнѣе: это разговоръ, который былъ за нѣсколько минутъ прежде. Старый князь спрашиваетъ Сергѣя Ивановича:

... ради Христа, объясните мнѣ, Сергѣй Ивановичъ, куда ѣдутъ всё эти добровольцы, съ кѣмъ они воюютъ?..

— Съ турками, спокойно улыбаясь отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ...

— Да кто же объявилъ войну туркамъ? Иванъ Ивановичъ Рагозовъ и графиня Лидія Ивановна съ мадамъ Шталь?

Вотъ и проговорился. Вы понимаете, что онъ къ тому и велъ, и для этого, можетъ быть, и приѣхалъ поскорѣе изъ Карлсбада. Но это вопросъ уже другого сорта, и то, что князь объ этомъ говорилъ, какъ будто даже и не хорошо. Конечно, и это идея не новая, но зачѣмъ же она опять повторяется? Прошлой зимой и очень даже многіе, кому надо было, утверждали, что кѣ-то въ Россіи объявилъ войну туркамъ. Это выставляли; но идея походила, погуляла и назадъ воротилась къ изобрѣтателямъ. Потому что ровно никто въ Россіи прошлаго года не объявлялъ войны туркамъ и утверждать это — по меньшей мѣрѣ *преувеличеніе*. Правда, Сергѣй Ивановичъ далѣе отшучивается, но наивный и честный Левинъ, какъ настоящій *enfant terrible*, прямо высказываетъ то, что у князя на умѣ.

— Никто не объявлялъ войны, а люди сочувствуютъ страданіямъ ближнихъ и желаютъ помочь имъ, сказала Сергѣй Ивановичъ.

— Но князь говорить не о помощи, сказалъ Левинъ, заступаясь за тестя,—а объ войнѣ. Князь говорить, что частные люди не могутъ принимать участія въ войнѣ безъ разрѣшенія правительства.

Видите ли теперь, о чемъ заботится Левинъ? Дѣло становится уже совсѣмъ прямо, разъяснено сверхъ того глупой выходкой Катавасова. Вотъ что говорить Левинъ далѣе:

— Да моя теорія та: война, съ одной стороны, есть такое животное, жестокое и ужасное дѣло, что ни одинъ человекъ, не говоря уже христіанинъ, не можетъ лично взять на свою отвѣтственность начало войны, а можетъ только правительство, которое призвано къ этому и приводится къ войнѣ неизбежно. Съ другой стороны, и по наукѣ, и по здравому смыслу, въ государственныхъ дѣлахъ, въ осо-

бенности въ дѣлѣ войны, граждане отрекаются отъ своей личной воли.

Сергій Ивановичъ и Катавасовъ съ готовыми возраженіями заговорили въ одно время.

— Въ томъ-то и штука, батюшка, что могутъ быть случаи, когда правительство не исполняетъ воли гражданъ, и тогда общество заявляетъ свою волю, сказалъ Катавасовъ.

Но Сергій Ивановичъ, очевидно, не одобрялъ этого возраженія...

Однимъ словомъ, указывается и поддерживается, что дѣйствительно кѣмъ-то была въ Россіи объявлена война туркамъ прошлаго года, мимо правительства. Съ его умомъ Левинъ могъ бы догадаться, что Катавасовъ дурачокъ, что Катавасовыхъ вездѣ найдешь, что прошлогоднее движеніе было, именно, противоположно идеямъ Катавасовыхъ, потому что было русское, національное, настоящее наше, а не игра въ какую-то оппозицію. Но Левинъ стоитъ на своемъ, онъ ведетъ свое обвиненіе до конца; дорогѣ ему не истина, а то, что онъ придумалъ. Вотъ какими разсужденіями заканчиваетъ онъ свои мысли на этотъ счетъ:

...Онъ (Левинъ) говорилъ вмѣстѣ съ Михайлычемъ и народомъ, выразившимъ свою мысль въ преданіи о призваніи варяговъ: «Княжите и владѣйте нами. Мы радостно общаемъ полную покорность. Весь трудъ, всё униженіе, всё жертвы мы беремъ на себя; но не мы судимъ и рѣшаемъ». А теперь народъ, по словамъ Сергій Ивановичей, *отрекался отъ этого, купленного такой дорогой цѣной, права.*

Ему хотѣлось еще сказать, что если общественное мнѣніе есть непогрѣшимый судья, то почему революція, коммуна не такъ же законны, какъ и движеніе въ пользу славянъ?..

Слышите? И никакія соображенія не сбиваютъ этихъ господъ съ толку, никакіе самые очевидные факты. Я сказалъ уже, что лучше если бѣ князь и Левинъ такихъ обвиненій совсѣмъ не дѣлали; но кто же не видитъ, что одинъ—оскорбленное самолюбіе, а другой парадоксалистъ. Впрочемъ, можетъ-быть, и Левинъ оскорбленное самолюбіе, потому что неизвѣстно чѣмъ можетъ вдругъ оскорбляться самолюбіе людей! А между тѣмъ дѣло ясное, обвиненіе вздорное, да и не можетъ быть такого обвиненія, потому что оно вовсе не можетъ существовать. Не тѣ были вовсе факты.

II.

Tout ce qui n'est pas expressement permis est défendu!

Война была объявлена Турціи, въ прошломъ году, не Россіей, и не въ Россіи, а въ славянскихъ земляхъ, славянскими владѣтельными князьями, т.-е. государями, княземъ Миланомъ сербскимъ и княземъ Николаемъ черно-

горскимъ, ополчившимся на Турцію за неслыханныя притѣсненія, звѣрства, грабежи и избіенія подвластныхъ ей славянъ, въ томъ числѣ герцеговинцевъ, вынужденныхъ, наконецъ, этими самыми звѣрствами возстать противъ притѣснителей. Неслыханныя истязанія и избіенія, которымъ подверглись герцеговинцы, стали извѣстны всей Европѣ. Извѣстія объ этихъ ужасахъ проникли и къ намъ въ Россію, въ интеллигентную публику и, наконецъ, въ народъ. По неслыханности своей они проникли всюду. Получались свѣдѣнія, что сотни тысячъ людей, старики, беременныя женщины, оставенныя на произволь дѣти, бросили свои жилища и устремились вонъ изъ Турціи, въ сосѣднія земли, куда поцало, безъ хлѣба, безъ крова, безъ одежды, въ послѣднемъ животномъ страхѣ самосохраненія. Князя, Церковь, предстоятели Церкви, возвысили за несчастныхъ голосъ и стали собирать для нихъ подаваніе. Началь подавать имъ и нашъ народъ, жертвы стекались въ опредѣленныя мѣста, въ редакціи журналовъ, въ отдѣлы бывшихъ славянскихъ комитетовъ—и въ этомъ вовсе ничего не было незаконнаго, противъ-правительственнаго или безнравственнаго. Напротивъ, смѣло можно сказать, что было лишь одно хорошее. Что же до славянскихъ князей, затѣявшихъ войну съ Турціею, то ни Россія и никто въ Россіи въ этомъ не были виноваты. Правда, одинъ изъ этихъ владѣтелей, именно, князь Миланъ сербскій, былъ владѣтелемъ не вполне независимымъ; напротивъ, обязанъ былъ султану нѣкоторой вассальной подчиненностью, такъ что въ одной изъ русскихъ газетъ его горько упрекали за то, что онъ, такъ сказать, бунтовщикъ, и чтобъ ужъ совершенно сконфузить и пристыдить его, написали, что онъ возсталъ противъ своего „сюзерена“. Но все это опять-таки было собственнымъ дѣломъ князя Милана, за которое ему одному и слѣдуетъ отвѣчать. Россія же и никто въ Россіи войны прошлаго года не объявлялъ, а, стало быть, ровно ничѣмъ передъ султаномъ не согрѣшили. А пожертвованія между тѣмъ все стекались, да стекались, но это уже совсѣмъ другое. Но вотъ вдругъ одинъ изъ русскихъ генераловъ, на то время безъ занятій, человѣкъ еще не старый, всего только генераль-маіоръ, но уже нѣсколько извѣстный по прежнимъ, довольно успѣшнымъ дѣйствіямъ своимъ въ Средней Азій, отправился, по своей собственной охотѣ, въ Сербію и предложилъ князю Милану свои услуги. На службу онъ былъ

принять и зачисленъ, но вовсе не главнокомандующимъ сербскою арміею, какъ пронесся было у насъ о томъ слухъ въ Россіи, долго державшійся. Вотъ тутъ-то и начались русскіе добровольцы, которые, впрочемъ, несомнѣнно и прежде были, т. е. до Черниева; вмѣстѣ съ тѣмъ усилились сборы пожертвованій, на которыя поднялась вся Россія. Всѣхъ добровольцевъ за весь прошлый годъ было не Богъ знаетъ сколько, очень не много тысячъ, но проводжала ихъ въ Сербію рѣшительно вся Россія, и особенно народъ, настоящій народъ, а не стрюцкіе, какъ особенно настаиваетъ на томъ озлобленный Левинъ; стрюцкими онъ считаетъ и добровольцевъ. Но это было не такъ, дѣло это не въ углу происходило, дѣло это всѣмъ извѣстно, всѣ могли видѣть и убѣдиться и всѣ, т. е. вся Россія, рѣшили, что дѣло это—хорошее дѣло. Со стороны народа объявилось столько благороднаго, умилительнаго и сознательнаго, что все прошлогоднее движеніе это, русскаго народа въ пользу славянъ, несомнѣнно останется одною изъ лучшихъ страницъ въ его исторіи. Впрочемъ, защищать народъ противъ Левиныхъ, доказывать Левинымъ, что это были не стрюцкіе и не воздыхатели, а, напротивъ, сознающіе свое дѣло люди—доказывать все это, по-моему, совершенно лишнее и не нужное, мало того — даже для народа и унижительное. Главное же въ томъ, что все это происходило открыто, у всѣхъ на виду: объявлялись факты поражающіе, характерные, которые записались, запомнились и не забудутся, и оспорены быть уже не могутъ. Но о народѣ потомъ, что же до добровольцевъ, то какъ не случится въ ихъ числѣ, рядомъ съ высочайшимъ самоотверженіемъ въ пользу ближняго (НВ. Кирѣевъ), и просто удалству, прыти, гульбѣ и пр., и пр. Все произошло, какъ всегда и вездѣ происходитъ. Правда, не сочтено еще, сколько и изъ этихъ гулякъ-пьяницъ, заболтавшихся людей, если только такіе были въ числѣ добровольцевъ, положили тамъ далеко животъ свой за великодушное дѣло, а потому и на нихъ нечего бы было столь порицательно и даже ругательно возставать. Но утверждать, что прошлогодніе добровольцы были *сплошь* гуляки, пьяницы и люди потерянные—по меньшей мѣрѣ не имѣетъ смысла, ибо, опять-таки повторяю, дѣло это не въ углу происходило и всѣ могли видѣть. Но во всякомъ случаѣ объявленія войны, въ прошломъ году, сосѣдней державѣ, кѣмъ-нибудь изъ русскихъ, помимо правитель-

ства, положительно не было. Иванъ Ивановичъ Рагозовъ и графиня Лидія Ивановна и не могли бы объявить войну туркамъ, если бъ даже и хотѣли. Мало того, они даже добровольцевъ не подымали, никого не заманивали, не нанимали, а всякій шелъ добровольно *вполнѣ*, что рѣшительно всѣмъ извѣстно. Но что помогали они добровольцамъ и сверхъ того посылали въ славянскія земли деньги для помощи несчастнымъ, измученнымъ и изувѣченнымъ, и сверхъ того помогали деньгами же возставшимъ ихъ защищать,—это было, о, это было, и даже вмѣстѣ съ самымъ ревностнымъ пожеланіемъ, чтобъ кровопійцы турки сломали себѣ шею,—да, это въ высшей степени было! Но весь вопросъ въ томъ: объявленіе ли это войны? Если же нѣтъ, то запрещено все это или нѣтъ правительствомъ, т. е. запрещено ли помогать сражающимся за христіанъ деньгами и желать, чтобъ турки сломали себѣ шею? Опять-таки никакъ не думаю, чтобъ было запрещено, ибо дѣло это было открытое, всѣ видѣли, всѣ участвовали, а добровольцы получали свои заграничные паспорта отъ правительства же. Я не знаю, впрочемъ, можетъ быть, и есть такой законъ, „что частные люди не могутъ *принимать участія* въ войнѣ безъ разрѣшенія правительства“, т. е. не могутъ вступать безъ особаго разрѣшенія своего правительства въ службу къ иноземнымъ государямъ. Можетъ быть, дѣйствительно существуетъ какой-нибудь такой законъ, очень старый, но еще не отмѣненный; но правительство всегда могло бы и само воспользоваться этимъ закономъ, чего же тутъ Левину-то? Ему-то что во всемъ этомъ? Между тѣмъ онъ именно этимъ-то и волнуется...

— Pardon, monsieur, mais il me semble, que tout ce qui n'est pas expressément défendu est permis.

— Au contraire, m-r: tout ce qui n'est pas expressément permis est défendu.

То-есть по-русски:

— Да, но мнѣ кажется, что все, что не особенно настойчиво запрещено, то можно бы считать дозволеннымъ.

— Совсѣмъ напротивъ-съ: все то, что не особенно настойчиво дозволено, надо несомнѣнно считать уже запрещеннымъ.

Это краткій комическій разговоръ челоуѣка порядка съ челоуѣкомъ безпорядка, происходившій во Франціи. Но вѣдь этотъ толковникъ порядка и поставленъ у порядка, онъ объяснитель и защитникъ его, онъ уже такое лицо.

А Левину-то что? Что он-то за специалистъ въ этомъ родѣ? Онъ все боится, чтобъ не потерялось какое-то право. А между тѣмъ весь народъ, сочувствуя угнетеннымъ христіанамъ, совершенно зналъ, что онъ правъ, что онъ ничего не дѣлаетъ противъ воли Царя своего, и сердцемъ своимъ былъ заодно съ Царемъ своимъ. Да, онъ зналъ это. Такъ точно думали и тѣ, которые снаряжали добровольцевъ. Ни одинъ не утѣшалъ себя, хотя бы втайнѣ, смѣшною мыслью, что онъ ведетъ дѣло противъ воли правительства. Царскаго слова ждали съ нетерпѣніемъ и съ великою надеждою и всѣ предчувствовали его впередъ и въ немъ не ошиблись. Обвиненіе въ объявленіи войны есть, однимъ словомъ, обвиненіе фантастическое, которое пало само собою и которое нельзя поддерживать.

Но Левинъ и князь отъ этого обвиненія сами выгораживаютъ народъ. Они прямо отрицаютъ участіе народа въ прошлогоднемъ движеніи, но зато прямо утверждаютъ, что народъ не понималъ ничего, да и не могъ понимать, что все было искусственно возбуждено журналистами для пріобрѣтенія подписчиковъ и нарочно поддѣлано Рагозовыми и проч., и проч.

— Личныя мнѣнія тутъ ничего не значать, сказалъ Сергій Ивановичъ. — Нѣтъ дѣла до личныхъ мнѣній, когда вся Россія—народъ выразилъ свою волю.

— Да, извините меня. Я этого не вижу. Народъ *и знает не знаетъ*, сказалъ князь.

— Нѣтъ, папа... Какъ же нѣтъ? А въ воскресенье въ церкви? сказала Долли, прислушавшася къ разговору...

— Да что же въ воскресенье въ церкви? Священнику *вѣлми* прочесть. Онъ прочелъ. Они *ничего не поняли*, вздыхали, какъ при *всякой проповѣди*, продолжалъ князь.—Потомъ имъ сказали, что вотъ собираютъ на душеспасительное дѣло въ церкви, ну, они *вынули по копейкѣ* и дали. А на что, *они сами не знаютъ*.

Это мнѣніе нелѣбое, идущее прямо противъ факта и въ устахъ князя оно легко объясняется: оно исходитъ отъ одного изъ прежнихъ опекуновъ народа, отъ прежняго крѣпостника, который не могъ, какъ бы ни былъ онъ добръ, не презирать своихъ рабовъ и не считать себя безмѣрно выше ихъ пониманіемъ; „повздыхали, дескать, и ничего не поняли“. Но вотъ мнѣніе Левина, онъ, по крайней мѣрѣ, выставленъ не прежнимъ крѣпостникомъ.

— Мнѣ не нужно спрашивать, сказалъ Сергій Ивановичъ,—мы видѣли и видимъ сотни и сотни людей, которые бросаютъ все, чтобы послужить правому дѣлу, приходятъ со всѣхъ концовъ Россіи, и прямо и ясно выражаютъ свою мысль и цѣль. Они приносятъ свои

гроши, или сами идутъ, и прямо говорятъ зачѣмъ. Что же это значитъ?

— Значить, по-моему, сказалъ начинавшій горячиться Левинъ, — что въ восьмидесятимилліонномъ народѣ всегда найдутся не сотни, какъ теперь, а десятки тысячъ людей, *потерявшихъ общественное положеніе, безшабашныхъ людей, которые всегда готовы—въ шайку Пугачева, въ Хиву, въ Сербію...*

— Я тебѣ говорю, что не сотни и не люди безшабашные, а лучшіе представители народа! сказалъ Сергій Ивановичъ съ такимъ раздраженіемъ, какъ будто онъ защищалъ послѣднее свое достоинство. — А пожертванія? Тутъ ужъ прямо весь народъ выражаетъ свою волю.

— Это слово «народъ» такъ неопредѣленно, сказалъ Левинъ. — Писаря волостные, учителя, и изъ мужиковъ одинъ на тысячу, можетъ быть, знаютъ о чемъ идетъ дѣло. Остальные же 80 милліоновъ, какъ Михайлычъ, не только не выражаютъ своей воли, но не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о чемъ надо бы выражать свою волю. Какое же мы имѣемъ право говорить, что это воля народа?

Да и вообще надо бы здѣсь замѣтить, разъ навсегда, что слово: „воля народа“ въ прошлогоднемъ движеніи его, вовсе неумѣстно, да и ровно ни къ чему не служить, потому что ничего точно не обозначаетъ. Прошлаго года не воля народа обозначилась, а великое состраданіе его, во-первыхъ; во-вторыхъ, ревность о Христѣ, а въ-третьихъ, собственное какъ бы покаяніе его въ родѣ какъ бы говѣнія—право такъ можно бы выразиться. Я это поясню ниже, но теперь прибавлю, что весьма радъ, въ устахъ Левина, такимъ выраженіемъ про прошлогоднихъ добровольцевъ, какъ *пойти въ шайку Пугачева* и проч. По крайней мѣрѣ, эти мысли я уже никакъ теперь не могу приписать автору, чему и радъ ужасно, ибо ясно понимаю, что авторъ вступилъ въ свои права художника; онъ слишкомъ почувствовалъ, что разгорячившійся ипохондрикъ Левинъ, какъ имъ же созданное художественное лицо, и не могъ въ данный моментъ спора не выдержать свой характеръ, т. е. не закончить оскорбительнѣйшимъ ругательствомъ свой отзывъ какъ о добровольцахъ, такъ и объ русскомъ народѣ, ихъ провожавшемъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ обвиненіе народа, за прошлогоднее движеніе его, въ глупости и въ тупости дѣйствительно существовало и ходило, а намекъ насчетъ шаекъ Пугачева дѣйствительно тоже наклеивался, то я здѣсь, кстати, и рѣшаюсь, по возможности въ самыхъ краткихъ словахъ, попробовать разъяснить: какимъ образомъ надобно понимать загадку *сознательности* прошлогодняго всенароднаго движенія нашего на помощь

славянамъ? Ибо изъ этого дѣйствительно составили цѣлую загадку въ извѣстныхъ кружкахъ: „Какъ, дескать, народъ только вчера услыхалъ о славянахъ, ничего-то онъ не знаетъ, ни географіи, ни исторіи, и на-вотъ—вдругъ полѣзъ на стѣну за славянъ, полюбились они ему такъ вдругъ очень!“ За эту тему, кромѣ извѣстныхъ кружковъ, ухватились и сѣдые старички, какъ старый князь, въ клубахъ, и вотъ обрадовался ей, какъ видно, и Левинъ, такъ какъ ею очень можно поддержать и предлагаемое имъ объясненіе объ искусственной поддѣлкѣ движенія извѣстными людьми для извѣстныхъ цѣлей. Правда, выставляется Сергѣй Ивановичъ какъ бы защитникомъ противъ Левина сознательности народнаго движенія, но защищаетъ онъ дѣло свое плохо, тоже горячится, и вообще, какъ я уже и сказалъ, выставленъ въ комическомъ видѣ. Между тѣмъ, дѣло это о сознательности и толковости народнаго чувства въ пользу угнетенныхъ христіанъ до того ясно, до того точно можетъ быть опредѣлено, что я не могъ не соблазниться, чтобъ не выставить на видъ: какъ надо, по-моему, понимать это дѣло для избѣжанія путаницы и, въ особенности, *загадокъ?*

III.

О безошибочномъ знаніи необразованнымъ и безграмотнымъ русскимъ народомъ главнѣйшей сущности восточнаго вопроса.

Съ самаго начала народа русскаго и его государства, съ самаго крещенія земли русской, начали устремляться изъ нея паломники во святыя земли, ко Гробу Господню, на Аѳонъ и проч. Еще во время крестовыхъ походовъ ходилъ въ Іерусалимъ одинъ игумень русскій и былъ ласково принятъ королемъ Іерусалимскимъ „Балдвинъ“, что прекрасно описалъ въ хожденіи своемъ. Затѣмъ паломничество на Востокъ, ко святымъ мѣстамъ, не прекращалось и до нашихъ дней. Изъ русскихъ же монаховъ есть и теперь въ Россіи весьма многіе, живавшіе на Аѳонѣ. Такимъ образомъ, темный и совершенно необразованный русскій народъ, т.-е. самые даже простые деревенскіе мужики, совершенно не зная исторіи и географіи, знаютъ, однакоже, отлично, и уже очень давно, что святыми мѣстами и всѣми тамошними восточными христіанами овладѣли нечестивые агаряне, магометане, турки, и что жить христіанамъ по всему Востоку чрезвычайно трудно и тяжело. Знаетъ объ этомъ русскій на-

родъ съ сокрушеніемъ сердца; а такова уже русская народная черта, историческая, что покаянные подвиги хожденія ко святымъ мѣстамъ онъ издревле еще высоко цѣнилъ. Сердцемъ его всегда влекло туда,—черта историческая. Люди безъ гроша, старики, отставные солдаты, старыя бабы, совершенно не зная географіи, уходили изъ селеній своихъ съ нищенскими котомками своими за плечами, и дѣйствительно, иногда, послѣ безчисленныхъ бѣдствій, достигали святыхъ земель. Когда же возвращались на родину, то рассказы ихъ объ ихъ странствованіяхъ благоговѣно выслушивались. Да и вообще рассказы про „божественное“ очень любить русскій народъ. Мужики, дѣти ихъ, въ городахъ мѣщане, купцы даже, этихъ рассказовъ заслушиваются, съ умиленіемъ и воздыханіемъ. Напримѣръ, вопросъ: кто читалъ Четы-Минеи? Въ монастырѣ кто-нибудь, изъ свѣтскихъ профессоровъ какой-нибудь по обязанности, или какой-нибудь старикашка-чудакъ, который постится и ходить ко всенощной. Да и достать ихъ трудно: надо купить, а попробуйте, попросите почитать на время въ приходѣ—не дадутъ. И вотъ, вѣрите ли вы тому, что по всей землѣ русской чрезвычайно распространено знаніе Четы-Минеи—о, не всей, конечно, книги,—но распространенъ духъ ея, по крайней мѣрѣ,—почему же такъ? А потому, что есть чрезвычайно много рассказчиковъ и рассказчицъ о Житіяхъ Святыхъ. Рассказываютъ они изъ Четы-Миней прекрасно, точно, не вставляя ни единого лишняго слова отъ себя, и ихъ заслушиваются. Я самъ въ дѣтствѣ слышалъ такіе рассказы прежде еще, чѣмъ научился читать. Слышалъ я потомъ эти рассказы даже въ острогахъ у разбойниковъ, и разбойники слушали и воздыхали. Эти рассказы передаются не по книгамъ, а заучились изустно. Въ этихъ рассказахъ, и въ рассказахъ про святыхъ мѣста, заключается для русскаго народа, такъ сказать, нѣчто покаянное и очистительное. Даже худые, дрянные люди, барышники и притѣснители, получали нерѣдко странное и неудержимое желаніе идти странствовать, очиститься трудомъ, подвигомъ, исполнить давно данное обѣщаніе. Если не на Востокъ, не въ Іерусалимъ, то устремлялись ко святымъ мѣстамъ русскимъ, въ Кіевъ, къ Соловецкимъ чудотворцамъ. Некрасовъ, создавая своего великаго „Власа“, какъ великій художникъ, не могъ и вообразить его себѣ иначе, какъ въ веригахъ, въ покаянномъ скиталь-

чествѣ. Черта эта въ жизни народа нашего—историческая, на которую невозможно не обратить вниманія, даже и потому только, что ея нѣтъ болѣе ни въ одномъ европейскомъ народѣ. Чтò изъ нея выйдетъ—сказать трудно, тѣмъ болѣе, что и къ нашему народу надвигаются, черезъ школы и грамотность, просвѣщеніе и несомнѣнно новые вопросы, которые могутъ многое измѣнить. Но пока ею, и только ею одною, то-есть этою только чертою и возможно объяснить всю *загадку сознательности* прошлогодняго движенія народа нашего въ пользу „братевъ-славянъ“, какъ выражались прошлаго года официально, а теперь какъ выражаются почти въ насмѣшку. Про славянъ дѣйствительно народъ нашъ почти ничего не зналъ, и не только одинъ на тысячу, какъ выражается Левинъ, но на много тысячъ одинъ какой-нибудь, можетъ быть, слышалъ, какъ-нибудь мелькомъ, что есть тамъ какіе-то сербы, черногорцы, болгары, единовѣрцы наши. Но зато народъ нашъ, почти весь, или *въ чрезвычайномъ большинствѣ*, слышалъ и знаетъ, что есть православные христіане подъ игомъ Магометовымъ, страдают, мучаются, и что даже самыя святыя мѣста, Іерусалимъ, Аѳонъ, принадлежатъ иновѣрцамъ. Онъ даже двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ могъ слышать объ истязуемыхъ восточныхъ христіанахъ и о порабощенныхъ святыхъ мѣстахъ, когда покойный государь начиналъ свою войну съ Турціей, а потомъ съ Европой, кончившуюся Севастополемъ. Тогда тоже, въ началѣ войны, пронеслось сверху слово о святыхъ мѣстахъ, которое народъ могъ тоже съ тѣхъ поръ запомнить. Кромѣ того, еще задолго до прошлогодняго подъема нашего въ пользу славянъ, начались истязанія этихъ славянъ, и почти годъ какъ объ этомъ уже говорили и писали въ Россіи, и я самъ слышалъ, какъ въ народѣ уже спрашивали даже тогда еще: „правда ли, что турокъ опять подымается?“ Кромѣ того (хотя это и отдаленное соображеніе), но мнѣ кажется, что и время какъ бы всему этому способствовало, т.-е. прошлогоднему движенію. Довольно давно уже, относительно говоря, какъ послѣдовало у насъ освобожденіе крестьянъ, и вотъ прошли эти годы—и чтò же увидѣлъ въ средѣ своей народъ? Увидѣлъ онъ, между прочимъ, увеличившееся пьянство, умножившихся и усилившихся кулаковъ, кругомъ себя нищету, на себѣ нерѣдко звѣриный образъ,—многихъ, о, многихъ, можетъ быть, брала уже за сердце

какая-то скорбь, покаянная скорбь, скорбь самообвиненія, исканія лучшаго, святого... И вотъ вдругъ раздается голосъ объ угнетеніи христіанъ, объ мученіяхъ за Церковь, за вѣру, о христіанахъ, полагающихъ голову за Христа и идущихъ на крестъ—(такъ какъ если бы они согласились отречься отъ Креста и принять магометанство, то были бы всѣ пощажены и награждены,—это-то уже, конечно, народу было извѣстно). Поднялись воззванія къ пожертвованіямъ, затѣмъ пронесся слухъ про русскаго генерала, поѣхавшаго помогать христіанамъ, затѣмъ начались добровольцы,—все это потрясло народъ. Именно потрясло, какъ я выразился выше, какъ бы *призывомъ къ покаянію, къ говнью*. Кто не могъ идти самъ, принесъ свои гроши, но добровольцевъ всѣ провожали, всѣ, вся Россія. Старый князь, сидя въ Карлсбадѣ, не могъ понять этого движенія и воротился въ самый разгаръ его съ юморомъ на устахъ. Но вѣдь что же могъ понять въ Россіи и въ русскомъ человѣкѣ этотъ клубный старичокъ? Умный Левинъ могъ бы понять гораздо болѣе его, но его сбило съ толку соображеніе, что народъ не знаетъ исторіи и географіи, а главное досада на то, что какіе-то Рагозовы объявляютъ войну даже не спросясь его. Но объявленія войны не было, а со стороны народа было какъ бы всеобщее умиленное покаяніе, жажда принять участіе въ чемъ-то святомъ, въ дѣлѣ Христовомъ, за ревнующихъ о крестѣ его,—вотъ все, что было. Такъ что движеніе-то было и покаянное, и въ то же время историческое. Замѣтьте себѣ, что, говоря про эту историческую черту русскаго народа, т.-е. про ревность его къ „дѣлу Божію“, ко святымъ мѣстамъ, къ угнетенному христіанству и вообще ко всему *покаянному, божественному*, я вѣдь вовсе не думаю хвалить за это русскій народъ: я не хвалю и не хую, я только констатирую фактъ, *которымъ многое объяснить можно*. Что же дѣлать, что у насъ есть такая *историческая черта*? Я не знаю, что изъ нея выйдетъ, но очень можетъ быть что-нибудь и выйдетъ. Въ жизни народовъ все важнѣйшее слагается всегда сообразно съ ихъ важнѣйшими и характернѣйшими національными особенностями. Пока, на примѣръ, у насъ, изъ вышеуказанной исторической черты народа нашего, выходитъ, можетъ-быть, *каждый разъ*, въ войну Россіи съ султаномъ,—сознательно-національное отношеніе народа нашего ко всякой такой войнѣ,

такъ что нечего дивиться горячему участию народа къ такой войнѣ собственно потому только, что онъ не знаетъ исторіи и географіи. Что надо знать ему—онъ знаетъ. О, нашъ народъ безграмотный невѣжда, это безспорно, и ему даже въ нравственномъ отношеніи можно бы наказать множество превосходныхъ и просвѣщеннѣйшихъ вещей насчетъ столь застарѣлой въ немъ древней исторической черты его. Этимъ русскимъ людямъ можно бы было разъяснить, что всѣ ихъ странствованія, паломничества—суть только узкое пониманіе ихъ долга и обязанностей; что нечего ходить за хорошимъ такъ далеко, что лучше было бы, если бъ онъ бросилъ пьянство, обратилъ вниманіе на умноженіе своего благосостоянія, на приращеніе экономическихъ силъ, не билъ жену, обратилъ вниманіе на школы, на шоссеиныя дороги и проч., однимъ словомъ, хотъ чѣмъ бы нибудь способствовалъ, чтобъ Россія, его отечество, стала, наконецъ, походить на другія „просвѣщенные европейскія государства“. Можно бы внушить, наконецъ, паломнику, что хожденія его по святымъ мѣстамъ Богу вовсе ненадобны, потому главное, что ни ему самому, ни семейству его и никому пользы никакой не приносятъ, а что, напротивъ, приносятъ даже вредъ, ибо странствующій, уходя надолго, оставляетъ свой домъ, родину, въ сущности для цѣли эгоистической, для спасенія души своей, тогда какъ Богу несравненно было бы пріятнѣе, если бъ онъ употребилъ свой праздный досугъ на какую-нибудь пользу ближнему: посидѣлъ бы на огородѣ, присмотрѣлъ бы за телятами и проч., и проч. Однимъ словомъ, можно бы наговорить много прекраснаго; но что же, однако, дѣлать, если такъ именно сложилась эта историческая черта и исканіе добраго приняло въ народѣ нашемъ *почти что одну эту форму*, то-есть форму *покаянную* въ паломническомъ или жертвенномъ видѣ? По крайней мѣрѣ, въ ожиданіи „просвѣщенія“, умный Левинъ могъ бы зачесть народу эту *историческую черту его*. Онъ могъ бы понять, по крайней мѣрѣ, что многіе добровольцы и народъ, провожавшій ихъ, дѣйствовали изъ побужденія хорошаго, думали дѣло сдѣлать доброе (въ этомъ нельзя же не согласиться!), а, стало-быть, во всякомъ случаѣ, это были хорошіе представители народа, конечно, не „блиставшіе просвѣщеніемъ“, но и не потерянные же люди, не безшабашные, не стрюцкіе, не заболтавшіеся, а, напротивъ, даже, можетъ-быть, лучшіе

люди изъ народа. Дѣло это было ведено прямо, какъ Христово дѣло, а у многихъ, у очень многихъ въ тайникахъ души ихъ — именно какъ очистительное и покаянное дѣло. И не одинъ-то изъ всего этого народа не чувствовалъ себя, за это дѣло, виноватымъ передъ Царемъ своимъ! Напротивъ, зналъ, что милосердымъ сердцемъ своимъ Царь-Освободитель заодно съ народомъ своимъ. Воли Царевой, слова его, всѣ ждали въ умилении и надеждѣ, а мы, мы, сидя по угламъ нашимъ, радовались еще про себя, что великій народъ русскій оправдалъ великую и вѣчную надежду нашу на него. А потому могло ли быть, хоть съ какой-нибудь стороны, примѣнено къ нему и къ его благородному и кроткому движенію — сравненіе съ шайкой Пугачева, съ коммуной и проч.! Именно только раздраженный до сотрясенія ипохондрикъ Левинъ могъ провозгласить это. Вотъ что значитъ обидчивость!

IV.

Сотрясеніе Левина. Вопросъ: Имѣеть ли разстояніе вліяніе на челоуѣколюбіе? Можно ли согласиться съ мнѣніемъ одного плѣннаго турка о гуманности нѣкоторыхъ нашихъ дамъ? Чему же, наконецъ, насъ учать наши учителя?

Но сотрясеніе идетъ еще далѣе: Левинъ прямо и назойливо провозглашаетъ, что состраданія къ мученіямъ славянъ, что *„непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ, и не можетъ быть“*. Сергѣй Ивановичъ говорить:

...Тутъ нѣтъ объявленія войны, а просто выраженіе челоуѣческаго, христіанскаго чувства. Убиваютъ братьевъ, единокровныхъ и единовѣрцевъ. Ну, положимъ, даже не братьевъ, не единовѣрцевъ, а просто дѣтей, женщинъ, стариковъ: чувство возмущается и русскіе люди бѣгутъ, чтобъ помочь прекратить эти ужасы. Представь себѣ, что ты бы шелъ по улицѣ и увидѣлъ бы, что пьяные бьютъ женщину или ребенка: я думаю, ты не сталъ бы спрашивать, объявлена или не объявлена война этому челоуѣку, а ты бы бросился на него и защитилъ бы обижаемаго.

— Но не убилъ бы, сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, ты бы убилъ.

— Я не знаю. Если бы я увидалъ это, я бы отдался своему чувству непосредственному; *но впередъ сказать я не могу*. И такого непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ, и не можетъ быть.

— Можетъ-быть, для тебя нѣтъ. Но для другихъ оно есть, недовольно хмурясь, сказалъ Сергѣй Ивановичъ. — Въ народѣ живы преданія о православныхъ людяхъ, страдающихъ подъ игомъ «нечестивыхъ Агарянцъ». Народъ услышалъ о страданіяхъ своихъ братій и заговорилъ.

— Можетъ быть, уклончиво сказалъ Левинъ, — но я не вижу; я *самъ народъ*, и я не чувствую этого.

И опять: „я самъ народъ“. Повторяю еще разъ: всего только два часа тому, какъ этотъ Левинъ и вѣру-то свою получилъ отъ мужика, по крайней мѣрѣ, тотъ надоумилъ его какъ вѣрить. Я не восхваляю мужика и не унижаю Левина, да и судить не берусь теперь, кто изъ нихъ лучше вѣрилъ и чье состояніе души было выше и развитѣе, ну, и проч., и проч. Но вѣдь согласитесь сами, повторяю это, что ужъ изъ одного этого факта Левинъ могъ бы догадаться, что есть же нѣкоторая *существенная* разница между нимъ и народомъ. И вотъ онъ говоритъ: „Я самъ народъ“. А почему онъ такъ увѣренъ въ томъ, что онъ самъ народъ? А потому, что запрячь телѣгу умѣетъ и знаетъ, что огурцы съ медомъ ѣсть хорошо. Вотъ вѣдь люди! И какое самомиѣніе, какая гордость, какая заносчивость!

Но все же не въ томъ главное. Левинъ увѣряетъ, что непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ *нѣтъ и не можетъ быть*. Ему возражаютъ, что „народъ услышалъ о страданіяхъ своихъ братій и заговорилъ, а онъ отвѣчаетъ: Можетъ-быть, но я не вижу; я самъ народъ, *и я не чувствую этого*“!

То-есть состраданія? Замѣтите, что споръ Левина съ Сергѣемъ Ивановичемъ о состраданіи и о непосредственномъ чувствѣ къ угнетенію славянъ ведется уклончиво и какъ бы съ намѣреніемъ, чтобъ кончить побѣдою Левина. Сергѣй Ивановичъ спорить, напримѣръ, изо всѣхъ силъ, что если бъ Левинъ шелъ и увидѣлъ, что пьяные бьютъ женщину, то онъ бы бросился освободить ее! „Но не убилъ бы!“ возражаетъ Левинъ.—Нѣтъ, ты бы убилъ, настаиваетъ Сергѣй Ивановичъ, и ужъ, конечно, говоритъ вздоръ, потому что кто жъ, помогая женщинѣ, которую бьютъ пьяные, убьетъ пьяныхъ? Можно освободить и не убивая. А главное, дѣло вовсе идетъ не о дракѣ на улицѣ, сравненіе невѣрно и не однородно. Говорятъ о славянахъ, объ истязаніяхъ, пыткахъ и убійствахъ, которыми они подвергаются, и Левинъ слишкомъ знаетъ, что онъ говоритъ о славянахъ. Стало-быть, когда онъ говоритъ, что онъ не знаетъ, помогъ ли бы онъ, что онъ не видитъ и *ничего не чувствуетъ* и проч., и проч., то именно заявляетъ, что не чувствуетъ состраданія къ мученіямъ славянъ (а не къ мученіямъ прибитой пьяными женщины)

и настаиваетъ, что непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ быть, а не къ угнетенію пьяной женщины. Да такъ онъ буквально и выражается.

Здѣсь довольно любопытный психологическій фактъ. Книга вышла всего 2¹/₂ мѣсяца назадъ, а 2¹/₂ мѣсяца назадъ уже совершенно извѣстно было, что всѣ безчисленные рассказы о безчисленныхъ мученіяхъ и истязаніяхъ славянъ—совершенная истина,—истина, засвидѣтельствованная теперь тысячею свидѣтелей и очевидцевъ всѣхъ націй. То, что мы узнали въ эти полтора года объ истязаніяхъ славянъ, пересиливаетъ фантазію всякаго, самаго болѣзненнаго и изстуженнаго воображенія. Извѣстно, во-первыхъ, что убійства эти не случайныя, а систематическія, нарочно возбуждаемыя и всячески поощряемыя. Истребленія людей производятся тысячами и десятками тысячъ. Утонченности въ мученіяхъ таковы, что мы не читали и не слыхивали ни о чемъ еще подобномъ прежде. Съ живыхъ людей сдирается кожа въ глазахъ ихъ дѣтей; въ глазахъ матерей подбрасываютъ и ловятъ на штыкъ ихъ младенцевъ, производится насильничанье женщинъ и въ моментъ насилія онъ прокалываетъ ее кинжаломъ, а главное мучатъ въ пыткахъ младенцевъ и ругаются надъ ними. Левинъ говоритъ, что онъ не чувствуетъ *ничего* (!), и азартно утверждаетъ, что непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ быть. Но смѣю увѣрить г. Левина, что оно можетъ быть и что я самъ былъ тому уже неоднократно свидѣтелемъ. Я видѣлъ, напри- мѣръ, одного господина, который о своихъ чувствахъ говорить не любитъ, но который, услышавъ какъ одному двухлѣтнему мальчику, въ глазахъ его сестры, прокололи иглой глаза и потомъ посадили на колъ, такъ что ребенокъ все-таки не скоро умеръ и еще долго кричалъ,— услышавъ про это, этотъ господинъ чуть не сдѣлался боленъ, всю ту ночь не спалъ и два дня послѣ того находился въ тяжеломъ и разбитомъ состояніи духа, мѣшавшемъ его занятіямъ. Смѣю увѣрить при этомъ г. Левина, что господинъ этотъ человекъ честный и безспорно-порядочный, далеко не стрюцкій и ужъ отнюдь не членъ шайки Пугачева. Я хотѣлъ только заявить, что непосредственное чувство къ истязаніямъ славянъ существовать можетъ, и даже самое сильное, и даже во всѣхъ классахъ общества. Но Левинъ настаиваетъ, что его *не можетъ и быть* и что самъ онъ *ничего* не чувствуетъ. Это

для меня загадка. Конечно, есть просто безчувственные люди, грубые, съ развитіемъ извращеннымъ. Но вѣдь Левинъ, кажется, не таковъ, онъ выставленъ человѣкомъ вполне чувствительнымъ. Не дѣйствуетъ ли здѣсь просто разстояніе? Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли въ иныхъ натурахъ этой *психологической* особенности: „Самъ, дескать, не вижу, происходитъ далеко, ну, вотъ ничего и не чувствую“. Бромѣ шутокъ, представьте, что на планетѣ Марсъ есть люди, и что тамъ выкалываютъ глаза младенцамъ. Вѣдь, можетъ-быть, и не было бы намъ на землѣ жалко, по крайней мѣрѣ, такъ ужъ очень жалко? То же самое, пожалуй, можетъ быть и на землѣ при очень большихъ разстояніяхъ: „Э, дескать, въ другомъ полушаріи, не у насъ!“ То-есть, хоть онъ и не выговариваетъ это прямо, но такъ чувствуетъ, т.-е. *ничего* не чувствуетъ. Въ такомъ случаѣ, если разстояніе дѣйствительно такъ влияетъ на гуманность, то рождается самъ собою новый вопросъ: на какомъ разстояніи кончается человѣколюбіе? А Левинъ дѣйствительно представляетъ большую загадку въ человѣколюбіи. Онъ прямо утверждаетъ, что онъ *не знаетъ*, убилъ ли бы онъ.

— Если бы я увидалъ это, я бы отдался своему чувству непосредственному, но впередъ сказать я не могу.

Значитъ, не знаетъ чтó бы онъ сдѣлалъ. А между тѣмъ это человѣкъ чувствительный, и вотъ, какъ чувствительный-то человѣкъ, онъ и боится убить... турку. Представимъ себѣ такую сцену: стоитъ Левинъ уже на мѣстѣ, тамъ, съ ружьемъ и со штыкомъ, а въ двухъ шагахъ отъ него турокъ сладострастно готовится выколоть иглой глазки ребенку, который уже у него въ рукахъ. Семилѣтняя сестренка мальчика кричитъ и какъ безумная бросается вырвать его у турка. И вотъ, Левинъ стоитъ въ раздумьи и колеблется:

— Не знаю, чтó сдѣлать. Я ничего не чувствую. Я самъ народъ. Непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ, и не можетъ быть.

Нѣтъ серьезно, чтó бы онъ сдѣлалъ, послѣ всего того, чтó намъ высказалъ? Ну, какъ бы не освободить ребенка? Неужели дать замучить его, неужели не вырвать, сейчасъ же, изъ рукъ злодѣя турка?

— Да, вырвать, но, вѣдь, пожалуй, придется больно толкнуть турка?

— Ну и тольни!

— Толкни! А какъ онъ не захочетъ отдать ребенка и выхватить саблю? Вѣдь придется, можетъ-быть, убить турку?

— Ну и убей!

— Нѣтъ, какъ можно убить! Нѣтъ, нельзя убить турку. Нѣтъ, ужъ пусть онъ лучше выколетъ глазки ребенку и замучаетъ его, а я уйду къ Кити.

Вотъ какъ долженъ поступить Левинъ, это прямо выходитъ изъ его убѣждений и изъ всего того, что онъ говоритъ. Онъ прямо говоритъ, что *не знаетъ*, помогъ ли бы онъ женщицѣ или ребенку, если бы приходилось убить при этомъ турку. А турокъ ему жаль ужасно.

— Двадцать лѣтъ тому назадъ мы бы молчали (говорить Сергѣй Ивановичъ), а теперь слышенъ голосъ русскаго народа, который готовъ встать, какъ одинъ человѣкъ, и готовъ жертвовать собой для угнетенныхъ братьевъ; это великій шагъ и задатокъ силы.

— Но, вѣдь, не жертвовать только, а убивать турокъ, робко сказала Левинъ.— Народъ жертвуетъ и готовъ жертвовать для своей души, а не для убійства...

То — есть, другими словами: „возьми дѣвочка деньги, жертву для души нашей, а ужъ братишкѣ пусть выколютъ глазки. Нельзя же турку убивать...“

И потомъ дальше уже говоритъ самъ авторъ про Левина:

... Онъ не могъ согласиться съ тѣмъ, чтобы десятки людей, въ числѣ которыхъ и братъ его, имѣли право, на основаніи того, что имъ рассказали сотни приходившихъ изъ столицы краснобаевъ-добровольцевъ, говорить, что они съ газетами выражаютъ волю и мысль народа, и такую мысль, *которая выражается въ мнѣніи и убійствѣ*.

Это несправедливо: *мнѣнія* нѣтъ никакого. У насъ и теперь ведется война съ этими кровопійцами и мы слышимъ только о самыхъ гуманныхъ фактахъ со стороны русскихъ. Смѣло можно сказать, что немногія изъ европейскихъ армій поступили бы съ такимъ непріателемъ такъ, какъ поступаетъ теперь наша. Недавно только, въ двухъ или трехъ изъ нашихъ газетъ, была проведена мысль, что не полезнѣе ли бы было, и именно для уменьшенія звѣрствъ, ввести репрессаліи съ отъявленно-уличенными въ звѣрствахъ и мучительствахъ турками? Они убиваютъ плѣнныхъ и раненыхъ послѣ неслыханныхъ истязаній, въ родѣ отрѣзыванія носовъ и другихъ членовъ. У нихъ объявились спеціалисты истребленія грудныхъ младенцевъ, мастера, которые, схвативъ грудного ребенка за обѣ ножки, разрываютъ его сразу пополамъ, на потѣху и хохотъ своихъ товарищей башибузуковъ. Эта изолгавшаяся и изподлившаяся нація отпирается отъ

звѣрствъ, совершенныхъ ею. Министры султана увѣряютъ, что не можетъ быть умерщвленія плѣнныхъ, ибо „коранъ запрещаетъ это“. Еще недавно человѣколюбивый императоръ германскій съ негодованіемъ отвергъ официальную и лживую, повсемѣстную жалобу турокъ на русскія, будто бы, жестокости и объявилъ, что не вѣрить имъ. Съ этой подлой націей нельзя бы, кажется, поступать по-человѣчески, но мы поступаемъ по-человѣчески. Осмѣлюсь выразить даже мое личное мнѣніе, что къ репрессаліямъ противъ турокъ, уличенныхъ въ убійствѣ плѣнныхъ и раненныхъ, лучше бы не прибѣгать. Врядъ ли это уменьшило бы ихъ жестокости. Говорятъ, они и теперь, когда ихъ берутъ въ плѣнъ, смотрятъ испуганно и недовѣрчиво, *твердо убѣжденные*, что имъ сейчасъ станутъ отрѣзать головы. Пусть уже лучше великодушное и человѣколюбивое веденіе этой войны русскими не омрачится репрессаліями. Но выкалывать глаза младенцамъ нельзя допускать, а для того, чтобы пресѣчь навсегда злодѣйство, надо освободить угнетенныхъ накрѣпко, а у тирановъ вырвать оружіе разъ навсегда. Не безпокойтесь, когда ихъ обезоружать, они будутъ дѣлать и продавать халаты и мыло, какъ наши казанскіе татары, объ чемъ уже я и говорилъ, но чтобы вырвать изъ рукъ ихъ оружіе, надо вырвать его въ бою. Но бой не мщеніе, Левинъ можетъ быть за турка спокоенъ.

Левинъ могъ бы быть и прошлаго года за турку спокоенъ. Развѣ онъ не знаетъ русскаго человѣка, русскаго солдата? Вотъ пишутъ, что солдатъ хотъ и колетъ изверга турку въ бою, но что видѣли, какъ съ плѣннымъ туркой онъ уже не разъ дѣлился своимъ солдатскимъ раціономъ, кормилъ его, жалѣлъ его. И повѣрьте, что солдатикъ зналъ все про турка, зналъ, что попался бы онъ самъ къ нему въ плѣнъ, то этотъ же самый плѣнный турокъ отрѣзалъ бы ему голову и вмѣстѣ съ другими головами сложилъ бы изъ нихъ полумѣсяцъ, а въ срединѣ полумѣсяца сложилъ бы срамную звѣзду изъ другихъ частей тѣла. Все это знаетъ солдатикъ и все-таки кормить измученнаго въ бою и захваченнаго въ плѣнъ турку: „человѣкъ тоже, хотъ и не хрестьянинъ“. Корреспондентъ англійской газеты, видя подобные случаи, выразился: „это армія джентльменовъ“. И Левинъ лучше многихъ другихъ могъ бы знать, что это дѣйствительно армія джентльменовъ. Когда болгары въ иныхъ городахъ спрашивали Его Вы-

сочество главнокомандующаго, какъ имъ поступать съ имуществомъ бѣжавшихъ турокъ, то онъ отвѣчалъ имъ: „имущество собрать и сохранить до ихъ возвращенія, поля ихъ убрать и хлѣбъ сохранить, взявъ треть въ вознагражденіе за трудъ“. Это тоже слова джентльмена, и, повторяю, Левинъ могъ бы быть спокоенъ за турокъ: гдѣ тутъ мщеніе, гдѣ репрессалии? Сверхъ того, Левинъ, столь тонко знающій русское общество, могъ бы тоже сообразить, что турокъ спасеть еще нашъ ложный европеизмъ и наше нелѣпное, выдѣланное и прямолинейное сентиментальничанье, столь нерѣдкое въ нашемъ образованномъ обществѣ. Слыхалъ ли Левинъ про нашихъ дамъ, которыя провозимымъ въ вагонахъ плѣннымъ туркамъ бросаютъ цвѣты, выносятъ дорогого табаку и конфетъ? Писали, что одинъ турокъ, когда тронулся опять поѣздъ, громко харкнулъ и энергически плюнулъ въ самую группу гуманныхъ русскихъ дамъ, махавшихъ отходящему поѣзду вслѣдъ платочками. Конечно, трудно согласиться вполне съ мнѣніемъ этого безчувственного турка, и Левинъ можетъ разсудить, что тутъ со стороны ласкавшихъ турокъ дамъ нашихъ—лишь истерическое сентиментальничаніе и ложный либеральный европеизмъ: „вотъ, дескать, какъ мы гуманны и какъ мы европейски развиты, и какъ мы умѣемъ это выказать!“ Но, однако, самъ-то Левинъ: развѣ не та же прямолинейность, не то же сентиментальное европейничанье онъ самъ проповѣдуетъ и высказываетъ? Убиваютъ турокъ въ войнѣ, въ честномъ бою, не *мстя* имъ, а единственно *потому*, что иначе никакъ нельзя вырвать у нихъ изъ рукъ ихъ безчестное оружіе. Такъ было и прошлаго года. А если не вырвать у нихъ оружіе и—чтобъ не убивать ихъ—уйти, то они вѣдь тотчасъ же опять станутъ вырѣзывать груди у женщинъ и прокалывать младенцамъ глаза. Какъ же быть? Дать лучше прокалывать глаза, чтобъ только не убить какъ-нибудь турку? Но вѣдь это извращеніе понятій, это тупѣйшее и грубѣйшее сентиментальничаніе, это изступленная прямолинейность; это самое полное извращеніе природы. Къ тому же, принужденный убивать турку солдатъ, самъ несетъ жизнь свою въ жертву, да еще терпитъ мученія и истязанія. Для мщенія ли, для убійства ли одного только поднялся русскій народъ? И когда бывало это, чтобъ помощь убиваемымъ, истребляемымъ цѣлыми областями, насилуемымъ женщинамъ и дѣтямъ и за которыхъ уже въ

цѣломъ свѣтѣ совершенно некому заступиться—считалась бы дѣломъ грубымъ, смѣшнымъ, почти безнравственнымъ, жаждой мщенія и кровопійства! И что за безчувственность рядомъ съ сентиментальностью! Вѣдь у Левина у самого есть ребенокъ, мальчикъ, вѣдь онъ же любитъ его, вѣдь когда моютъ въ ваннѣ этого ребенка такъ вѣдь это въ домѣ въ родѣ событія; какъ же не искровенить ему сердце свое, слушая и читая объ избіеніяхъ массами, объ дѣтяхъ съ проломанными головами, ползающихъ около изнасилованныхъ своихъ матерей, убитыхъ, съ вырѣзанными грудями. Такъ было въ одной болгарской церкви, гдѣ нашли двѣсти такихъ труповъ, послѣ разграбленія города. Левинъ читаетъ все это, и стоитъ въ задумчивости:

— Кити весела и съ аппетитомъ сегодня кушала; мальчика вымыли въ ваннѣ и онъ сталъ меня узнавать: какое мнѣ дѣло, что тамъ въ другомъ полушаріи происходитъ; *непосредственнаго чувства къ уничтоженію славянъ нѣтъ и не можетъ быть*,—потому что я *ничего* не чувствую.

Этимъ ли закончилъ Левинъ свою эпопею? Его ли хочеть выставить намъ авторъ, какъ примѣръ правдиваго и честнаго человѣка? Такіе люди, какъ авторъ Анны Карениной—суть учителя общества, наши учителя, а мы лишь ученики ихъ. Чему жъ они насъ учать?

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

098280

Biblioteka WSP Kielce

0162431